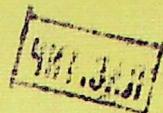
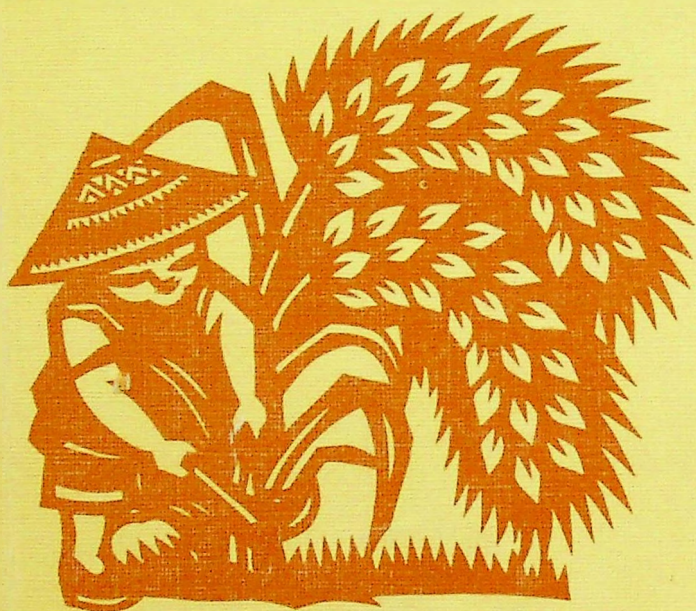

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

ISSN 0131—2812

3/91

К сотрудничеству
и добрососедству
на Дальнем Востоке

Инфляция
и администрация

Кан Шэн —
китайский Берия

Что думал Сталин
о монголах

Жизнеописание Конфуция

Самурай в России

Герои и мудрецы
Древнего Китая

8 000 213

ПРОБЛЕМЫ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

3/91

Научный и общественно-политический журнал
выходит шесть раз в год на русском
и английском языках

Издается с марта 1972 г.
Москва.
Издательство «Прогресс»

СОДЕРЖАНИЕ

БИЗНЕС-КЛУБ

- П. Я. Бакланов. Концепция развития советского Дальнего Востока 3
В. А. Савин. Формы экономического сотрудничества 7
Б. С. Гусев. Специальные экономические зоны сегодня 13
Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая 18

ШАГИ И УРОКИ РЕФОРМЫ

- М. Г. Солнцева. Когда с инфляцией борются административным путем 20
В. Е. Зотов. О «длинных волнах» в развитии экономики 30
А. С. Селищев. Китайская наука о проблемах собственности 40
Е. Г. Пащенко. Экономическая реформа и развитие гражданского права в КНР 47

ПУЛЬС РЕГИОНА

- Ю. Г. Жарких. Два посла Кореи 51
Л. Г. Арешидзе, М. И. Крупяно. Япония 90-х: пессимизм на фоне процветания 55

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

- С. Р. Белоусов. «Третья партия» и «третий путь» (Исторические ассоциации на китайском примере) 63
Б. Н. Славинский. Сан-Францисская мирная конференция 1951 г. 73
Т. Лхагва (МНР). Что же думал Сталин о монголах (послесловие В. В. Грайворонского) 83
А. А. Писарев. КПК и крестьянство в годы антияпонской войны 97
Цай Шаоцин (КНР). Тайные организации в современном Китае 107

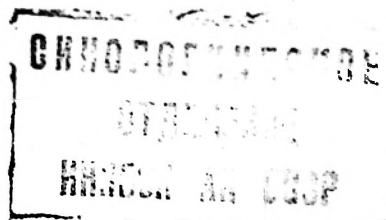
ПРОФИЛИ

- В. Н. Усов. Кан Шэн — китайский Берия 111

КЛУБ КОНФУЦИЯ

- Л. С. Переломов. Жизнеописание Конфуция 122

3 ссб
— 2025

ТАЙНОЕ СТАНОВИТСЯ ЯВНЫМ

Группа Зорге: штрихи к портретам руководителя и его соратников (II) 135
Е. Хияма. Планы покушения на Сталина (продолжение) 147
Ю. Мельников. Русские фашисты Маньчжурии (окончание) 156

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭСКИЗЫ

В. Г. Гузанов. Самурай в России 165
Н. А. Задорнов. Айгунский договор (глава из романа) 180

ВОСТОК ГЛАЗАМИ ЗАПАДА

В. Э. Молодяков. Далекий и тихий вздох с берегов Японского моря (Гонкуры об «укиё-э») 189

МЕМОРИАЛ

П. Е. Скачков. Записки по памяти (1938—1963 гг.) 193
Вечная память солдатам (японские захоронения в Подмосковье) 200

МУЗЕЙ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ

Л. С. Васильев. Герои и мудрецы Древнего Китая 203
Ю. Е. Бугаев. Школа каратэ (занятие шестое) 208

ПЕРЕД ЗАРУБЕЖНОЙ ПОЕЗДКОЙ

С. В. Неверов. Читая вывески и знаки (II) 211

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

Н. Н. Корнейчук. На стажировке в Китае 217

КНИЖНОЕ СБОЗРЕНИЕ

В. Ф. Сорокин. Ценителям прекрасного 223

СООБЩЕНИЯ И ПУБЛИКАЦИИ

В. Кистанов. Япония — США: новый этап отношений 225
А. Н. Желоховцев. Все на продажу 230
И. Р. Савельев. Японская диаспора в Америке 236

Точка зрения авторов статей, публикуемых в журнале, не обязательно соответствует позиции редакции

Адрес редакции: Москва,
117848, ул. Красикова, 27
тел. 124-09-04

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. Б. ВОРОНЦОВ (главный редактор), В. И. ГЛУНИН, А. М. ГРИГОРЬЕВ, А. П. ДЕРЕВЯНКО, В. Н. КАШИН, А. И. КРУШАНОВ, А. П. МОРОЗОВ, С. Н. МОРОЗОВ, В. С. МЯСНИКОВ, Д. В. ПЕТРОВ, В. Я. ПОРТЯКОВ, С. С. РАЗОВ, И. А. РОГАЧЕВ, Б. Л. РИФТИН, Г. С. САДВАКАСОВ, А. И. СЕНАТОРОВ, Б. Н. СЛАВИНСКИЙ (зам. главного редактора), В. Ф. СОРОКИН, Г. Д. СУХАРЧУК, М. Л. ТИТАРЕНКО, Н. С. ТИХОНОВ (ответственный секретарь)

© Издательство
«Прогресс»,
Проблемы Дальнего
Востока, 1991

П. БАКЛАНОВ

Определенная общность освоения и исторического развития, сходство географического положения и природно-ресурсного потенциала, наконец, общность основных отраслей народного хозяйства позволяют рассматривать советский Дальний Восток как единый крупный экономический район СССР.

Социально-экономическое развитие советского Дальнего Востока сегодня определяется двумя группами факторов: 1) инерционными процессами и тенденциями регионального развития; 2) радикальной экономической и политической перестройкой.

Большой природно-ресурсный потенциал региона, сформировавшийся на его основе региональный народнохозяйственный комплекс, состоящий уже из более чем 50 отраслей, а также еще продолжающая действовать централизованная ведомственная система управления экономикой обуславливают значительную инерционность регионального развития. Здесь сохраняются высокая доля (до 30 %) добывающей промышленности, диспропорции в развитии добывающих и перерабатывающих отраслей, отставание производственной и социальной инфраструктуры.

В регионе, как и в стране в целом, начинаются преобразования форм собственности и форм хозяйствования. Промышленные, строительные, транспортные и сельскохозяйственные предприятия начинают переходить на условия аренды средств производства трудовыми коллективами, преобразуются в концерны и акционерные предприятия. В экономической оборот в регионе включено уже около 100 млн. руб. акционерного капитала. Во многих сферах хозяйства развиваются кооперативы, которых в регионе уже более 6 тысяч. В целом, несмотря на некоторое противодействие центра, растет экономическая самостоятельность как отдельных предприятий, так и территорий. На всех этих уровнях начинают внедряться принципы экономического самоуправления и самофинансирования. Получают развитие новые формы внешнеэкономических связей. К настоящему времени в регионе создано более 40 совместных предприятий, включая более 10 — с компаниями Японии, по 3—4 — с капиталом США, КНР, КНДР. Первые предприятия создаются с фирмами Англии, Швеции, ФРГ, Новой Зеландии, Южной Кореи, Сингапура, Австралии.

В настоящее время объективно необходима новая концепция социально-экономического развития Дальнего Востока. В ее основе должны быть социальные приоритеты регионального развития, радикальные преобразования экономических отношений и структур, коренная научно-техническая модернизация существующего производства и инфраструктуры.

Основные цели развития Дальневосточного региона сегодня представляются следующими:

1. Рост уровня жизни населения и ускорение развития социальной сферы. Степень благосостояния каждого дальневосточника, возможности свободного развития его как личности должны стать главным мерилем эффективности развития региона.

2. Комплексная малоотходная и безотходная переработка осваиваемых в регионе природных ресурсов суши и океана с учетом конкурентоспособности сырья, полуфабрикатов и готовой продукции на региональном, союзном и мировом рынках.

3. Прогрессирующее снижение вредных техногенных воздействий на окружающую

среду, ее оздоровление и достижение рационального природопользования во всех сферах народного хозяйства, на всей территории и акватории региона.

Основные средства и ресурсы достижения этих целей. Во-первых, это — радикальные преобразования форм собственности и форм хозяйствования, разгосударствление производственной и непроизводственной сфер, децентрализация управления и демонополизация, разукрупнение предприятий, поддержка средних и малых предприятий. С учетом достигнутого уровня и тенденций развития производительных сил и разделения труда, а также с учетом конкретно-исторических условий нашей страны, в перспективе ведущими, видимо, должны стать коллективные, акционерные формы собственности и хозяйствования. Однако в условиях, когда обостряются кризисные явления, нарастают диспропорции и дефициты во многих отраслях хозяйства, эффективными могут стать и различные формы частного предпринимательства. Небольшие и малые предприятия, основанные на частной собственности на средства производства, могут оказаться достаточно эффективными в ряде отраслей производственной сферы, особенно в непроизводственной. Преимущества и недостатки различных форм собственности и хозяйствования должны проявиться в свободном и равноправном их развитии и соревновании. В сельском, лесном и охотничьем хозяйстве Дальнего Востока, в оленеводстве, звероводстве, рыболовстве, марикультуре, туризме, национальных народных промыслах эффективными будут небольшие индивидуальные и семейные фермерские хозяйства, различные формы предпринимательства.

Во-вторых, коренная реконструкция и модернизация существующих предприятий и инфраструктурных систем. При этом должны решаться три взаимосвязанные задачи: научно-техническая модернизация с переспециализацией производств в соответствии с рыночными условиями; резкое снижение загрязнения окружающей среды и рост социальной комфортности производства.

В-третьих, новым важным фактором регионального развития становится конверсия оборонной промышленности. В условиях Дальнего Востока, по нашему мнению, конверсия может иметь более высокие темпы, а гражданскую продукцию следует больше ориентировать не только на удовлетворение потребностей региона в целом, но и на экспорт, а также на освоение ресурсов океана, на производство экологически чистого оборудования для биотехнологий.

В-четвертых, развитие принципов самофинансирования на уровне предприятий и территорий, введение совершенных гибких систем налогообложения, платы за ресурсы, за загрязнение среды, привлечение акционерного капитала. Стимулирование механизмов саморазвития и самоуправления как на уровне предприятий, так и на уровне территорий и Дальневосточного региона в целом.

Сейчас налоговым законодательством установлен единый для страны норматив отчисления прибыли в союзный, республиканский и местный бюджеты. Он составляет 45 % прибыли предприятий. Из них 22 % — в союзный бюджет и 23 % — в республиканский и местный. Новое российское правительство предполагает снизить доли отчислений от прибыли предприятий до 35 %. Мы считаем, что для Дальнего Востока такая доля может быть снижена до 20—25 %.

Сегодня на Дальнем Востоке величина используемого валового национального продукта превышает величину производимого здесь валового национального продукта на 3—4 млрд. руб. Поэтому регион в настоящих условиях не может нормально развиваться на основе самофинансирования. Подобный дефицит связан с невысокой эффективностью производства в регионе, действием удорожающих факторов, деформациями в ценообразовании. Многие удорожающие факторы (суровый климат, горные территории, большие перевозки и другие) останутся, но их необходимо компенсировать ростом производительности труда, эффективности производства. В целом в перспективе мы обязаны выводить и Дальневосточный регион на режим самофинансирования.

В-пятых, на качественно новый уровень следует поднять развитие внешнеэкономических связей. Статус, режим свободной экономической зоны нужен большей части Дальнего Востока. При этом сюда необходимо привлекать не только иностранный капитал, но и инвестиции из других регионов страны. Ряд существующих предприятий в свободной зоне следует преобразовать в совместные с их коренной модернизацией и переспециализацией.

В-шестых, на основе новых экономических отношений необходимо перестроить систему территориального управления. Следует выделить группы задач, которые целесообразно

решать на уровне поселения, города, на уровне края, области, на уровне республики и страны. Ряд общерайонных задач — развития АПК, энергетики, транспорта, внешнеэкономических связей, освоения ресурсов океана — целесообразно решать на уровне Дальневосточной региональной ассоциации (ДВРА), которая сейчас создается. В основу ее создания закладываются следующие принципы, разработанные в нашем институте:

1. ДВРА создается краями и областями Дальнего Востока на добровольной основе с целью более эффективного решения общерегиональных задач социально-экономического развития, определяемых в договоре по созданию ассоциации. В решении всех других вопросов края и области региона сохраняют полную экономическую самостоятельность.

2. Рост хозяйственной самостоятельности предприятий и территорий в ходе экономической реформы делает более необходимым и целесообразным развитие их внутрорегиональных экономических связей. Первостепенное значение для всех будет иметь складывающийся на Дальнем Востоке общерегиональный рынок товаров производственного и потребительского назначения. С этим связана первая причина необходимости организации ассоциации. Вторая причина заключается в том, что большое сходство специализации областей и краев региона требует проведения общей внешней экономической политики — политики на общесоюзном и мировом рынках.

3. Таким образом, общерегиональными задачами и соответствующими функциями, которые могут более эффективно выполняться на уровне ДВРА, могут быть следующие:

а) Выработка общей стратегии, политики и вариантов освоения крупных месторождений, территориальных и акваториальных сочетаний природных ресурсов, особенно ресурсов океана.

б) Объединение средств и усилий для совместного развития топливно-энергетического, агропромышленного и транспортного комплексов региона, магистральных трубопроводов, средств связи, рыночной инфраструктуры, сети туризма и др.

в) Объединение средств и усилий для решения крупных природоохранных проблем, имеющих общерегиональное значение (организация рационального природопользования в бассейнах крупных рек Амура, Буреи, Уссури, в акваториальных зонах, в лесных массивах юга Дальнего Востока и т. п.).

г) Выработка общей политики в установлении цен на продукцию производств специализации региона: лесную, рыбную, цветные металлы, пушнину, лекарственные препараты и др.

д) Выработка общей политики, в том числе политики цен, во внешнеэкономических связях. Общая координация внешнеэкономических связей краев и областей.

е) Формирование на добровольной договорной основе общерегиональных фондов финансовых ресурсов для решения конкретных задач. Создание для этих целей Дальневосточного регионального акционерного банка с возможностью привлечения частного (от отдельных лиц) и иностранного капитала, вкладов от отдельных предприятий и организаций. Такой банк в свою очередь может финансировать крупные общерегиональные проекты, давать займы областям и краям, предприятиям со льготами в зависимости от их участия в акционерном капитале банка.

Возможно формирование специальных фондов: экологического фонда, научных исследований и научно-технического прогресса, фонда развития внешнеэкономической деятельности и т. п.

ж) Формирование на добровольной договорной основе общерегиональных фондов дефицитных материальных ресурсов для приобретения на союзном и мировом рынках продовольствия и основных потребительских товаров для удовлетворения нужд населения региона.

з) Создание общерегиональной информационной системы для обеспечения соответствующей информацией предприятий, территорий, что будет необходимо в условиях рыночной экономики. При этом общерегиональный информационный центр достаточно успешно мог бы работать на хозяйственной основе.

е) Разработка основных направлений научно-технической политики в регионе, установление приоритетов научных исследований и научных проектов.

к) Проведение прогнозно-аналитических расчетов и оценок различных стратегий и вариантов общерегионального развития. Подобный прогнозно-аналитический центр мог бы выполнять и разработку других комплексных территориальных проектов общерегионального значения.

Выполнение каких-либо функций политического характера в рамках ДВРА представля-

ется нецелесообразным: кроме всего прочего, это потребовало бы значительных ресурсов и средств, усложнило бы в конечном итоге взаимоотношения на союзном и мировом рынках. Поэтому лозунг создания Дальневосточной республики, по нашему мнению, состоятелен лишь в экономическом смысле, а не в политическом.

В рамках новой концепции нами выделяются следующие этапы социально-экономического развития Дальневосточного региона.

Первый — переходный этап (1990—1995). Основными задачами этапа являются: переход к новым формам собственности и хозяйствования, на этой основе — переход к регулируемым рыночным отношениям, переспециализация, реконструкция и модернизация действующих предприятий, наращивание строительной базы, углубление конверсии оборонного комплекса, сведение к минимуму нового промышленно-производственного строительства, приоритетное развитие социальной сферы, развитие свободных экономических зон, совместных предприятий.

На втором этапе (1996—2005) основные ресурсы и усилия целесообразно сосредоточить на опережающем развитии инфраструктурного потенциала региона: транспорта, телекоммуникаций, энергетики, индивидуального жилья с высоким комфортом, экологической инфраструктуры, науки. На этом этапе необходимо завершить коренную модернизацию действующих производств с внедрением на них новейших достижений НТП.

На третьем этапе (2006—2010) может начаться качественно новый цикл регионального развития с широким освоением разнообразных ресурсов океана, глубокой безотходной их переработкой на основе биотехнологий, создания океанического машиностроения, развития энергетики океана и т. д. На основе новейших технологий и инфраструктуры, высоких уровней автоматизации на этом этапе появится реальная возможность эффективного хозяйственного освоения северных, в том числе арктических, районов с экстремальными условиями.

Несмотря на нашу ориентацию на рыночные регуляторы экономики, важное значение должны сохранять и плановые, программные методы управления. Однако планы и программы должны быть не как прежде — одновариантными, директивными, а ориентирующими, многовариантными.

Детальные региональные программы в новых условиях социально-экономического развития следует разрабатывать лишь для областей и краев с учетом их внутренних источников развития и финансирования. Исходным в разработке таких программ должен стать анализ развития народонаселения и социальной сферы, и лишь затем — анализ развития производства предметов потребления, производства средств производства, инфраструктурного обеспечения — расчет ресурсного и финансового обеспечения, структурных пропорций, экологических последствий. Затем возможна коррекция программы. На таких программах должны основываться социально-экономическая политика развития региона и экономические методы регулирования.

Формы экономического сотрудничества

В. САВИН

На Дальнем Востоке возможно использование всего комплекса форм экономического сотрудничества. Многие из этих форм так или иначе включают такой элемент, как импорт строительных услуг, в том числе на условиях «под ключ». К сожалению, по вопросам оценки эффективности импорта строительных услуг высказываются самые противоречивые мнения. На наш взгляд, источником некоторых неверных суждений о значении импорта строительных услуг являются неточности в самой методике оценки различных вариантов строительства. Не рассматривая эту проблему во всем объеме, сделаем все же некоторые методические замечания.

1) При сравнении вариантов строительства (за счет отечественных ресурсов с импортом строительных услуг) важным, хотя и очень сложным, является учет качественных различий. При этом весьма распространена недооценка высокого качества. 10—20 %-ная надбавка, которая обычно дается в этих случаях, явно недостаточна. В условиях рыночной системы различия в качестве получают более объективную оценку.

2) Нельзя ограничиваться сравнением объектов строительства по проектным данным. Значительно более точные результаты дает сравнение не проектных, а возможных реальных данных строительства с учетом всех удорожающих факторов. Хорошо известно, что фактическая стоимость в 1,5—2 раза выше проектных данных.

3) При сравнении вариантов нельзя абстрагироваться от учета фактора времени. Разные варианты строительства, как правило, могут различаться прежде всего по продолжительности сооружения и ввода объектов в строй. И эти различия должны находить отражение в экономическом счете.

4) Для принятия решений важно не ограничиваться сравнениями по отдельно взятым объектам. Надо брать в расчет весь комплекс сооружений, от чего зависит нормальное функционирование производства в целом. Общая низкая эффективность нередко зависит от излишней экономии средств в подсобных и заготовительных цехах, в системе управления и т. п.

5) В сравниваемых вариантах строительства может по-разному решаться проблема охраны окружающей среды, включая проблему нанесения минимального ущерба природному ландшафту вокруг строящегося предприятия. Бережное отношение к природе не только гуманно само по себе, но и сопряжено с экономией немалых средств, особенно в будущем.

6) Для правильного выбора того или иного варианта строительства большое значение может иметь не только разница в капитальных вложениях, но и в текущих затратах, причем нередко это может оказаться решающим. Результатом международного сотрудничества обычно является как раз существенная экономия на текущих затратах.

7) В ходе международного сотрудничества к величине эффекта следует добавлять также и то, что наш персонал получает возможность знакомиться на практике с передовым производственным опытом, новыми приемами проектирования и строительства.

8) Совершенно необходим учет географического положения стройки, транспортных условий. Приграничное расположение стройки нередко выступает в качестве если не решающего, то очень существенного фактора эффективности сотрудничества.

Последовательный учет факторов, отмеченных выше, призван более точно определить

эффект международного сотрудничества. Возможно, что это позволит преодолеть представление об импорте строительных услуг как о якобы неэффективном и бесперспективном виде экономического сотрудничества. Конечно, все сказанное не отменяет целесообразности уторговывания стоимости импорта строительных услуг, но сам процесс уторговывания должен исходить из точных критериев общей эффективности сотрудничества.

Развитие экспортного потенциала на советском Дальнем Востоке предполагает использование всего арсенала форм внешнеэкономических связей. Нельзя при этом полагать, что какая-либо форма имеет какие-то заведомые преимущества. Таких абстрактных преимуществ ни у одной из форм нет, и все должно определяться в процессе конкретного экономического анализа. Успех сотрудничества зависит в конечном счете от учета интересов сторон. Если иностранный участник соглашается на тот или иной вариант сотрудничества, это означает, что он надеется получить большую прибыль, чем в другом месте, а это возможно только в одном случае: если производство продукции в СССР имеет какие-то преимущества перед аналогичным производством в других странах. К сожалению, это принципиальное положение не всегда правильно понимается советскими участниками сотрудничества. Вместо того чтобы действовать, исходя из предпосылки, что действительный эффект сотрудничества достигается на внешнем рынке только благодаря реализации выдающегося открытия, способа производства, «ноу-хау», уникального ресурса и т. д., некоторые участники сотрудничества с советской стороны добиваются фиктивного эффекта за счет занижения заработной платы отечественного персонала, импорта товаров народного потребления с высокой долей налога с оборота, невключения в калькуляцию всех элементов народнохозяйственных затрат (стоимости земли, природных ресурсов и т. д.).

На Дальнем Востоке, по нашему мнению, возможны следующие формы сотрудничества.

1. *Совместные предприятия.* Пока на Дальнем Востоке зарегистрировано небольшое количество совместных предприятий (СП). Местные организации в этом деле намного отстали от других районов. Возможно, что такое положение не случайно и отражает объективные трудности.

Как и в других районах страны, основные сложности при создании и функционировании СП на Дальнем Востоке возникают в результате нестыковки нашей и зарубежной систем хозяйствования, отсутствия у нас свободного рынка товаров, неконвертируемости рубля и т. п. Но на Дальнем Востоке есть и свои местные сложности на пути совместного предпринимательства. В связи с этим следует хотя бы указать, что здесь, как правило, не такая уж дешевая рабочая сила, как принято считать. А там, где она сравнительно дешевая, остро ощущается ее нехватка. Кроме того, надо иметь в виду, что во многих сферах ощущается недостаток именно квалифицированных кадров. Отсюда проблемы с производством опережающе новой и высококачественной продукции.

Конечно, определенные условия для функционирования СП на Дальнем Востоке имеются, и их надо использовать. Среди отраслей, где такие предприятия могли бы быть созданы, можно назвать прежде всего лесопереработку, лесохимию, производство готовых изделий на базе древесины, в том числе с использованием утонувшего леса, марикультурное хозяйство, машиностроение с использованием международного производственного кооперирования, включая сборочные производства, легкую и пищевую промышленность, сферу услуг. Наиболее вероятными партнерами по такого рода сотрудничеству могут быть фирмы США, Японии, Южной Кореи, КНР.

2. *Зоны совместного предпринимательства.* Под этим термином понимаются специальные зоны на территории нашей страны, где создаются благоприятные условия для деятельности зарубежных фирм. Об этой форме сотрудничества ныне много говорится и пишется. 24 октября 1990 г. Верховный Совет РСФСР принял постановление «О создании в Приморском крае в районе города Находка свободной экономической зоны» (под СЭЗ в данном случае понимается зона совместного предпринимательства). В соответствии с установленным Верховным Советом РСФСР порядком вступления в силу законодательных актов на территории России данное постановление начинает действовать с момента его опубликования в печати или через 10 дней после его принятия. Это постановление — первая практическая мера по реализации курса российского правительства на создание СЭЗ в республике.

По нашему мнению, в перспективе эта форма сотрудничества получит развитие, но сегодня это — поиск, эксперимент. Дело в том, что кроме обычных сложностей, стоящих на пути других форм международного сотрудничества, например СП, могут встретиться и дополнительные.

Иностранный капитал обычно привлекается в зоны свободной торговли тогда, когда уже подготовлена инфраструктура. А как известно, Дальний Восток такой инфраструктурой не располагает. Стоимость же инфраструктуры обычно составляет примерно 80 % стоимости основных фондов всей зоны. Такие капиталовложения из внутренних источников в ближайшие годы исключены. Мы же начинаем создавать зону в Находке не с того конца: пытаемся брать иностранные кредиты под инфраструктуру.

Положение усугубляется еще и тем, что зоны совместного предпринимательства окажутся экономически оправданными тогда, когда они будут крупномасштабными, требующими крупных единовременных затрат. Об этом свидетельствует, в частности, опыт КНР, где удалось мобилизовать не только крупные суммы внутренних капиталовложений, но и создать многотысячные строительные организации. Создание аналогичных по размерам строительных организаций на юге Дальнего Востока весьма проблематично.

В подавляющем большинстве стран зоны совместного предпринимательства представляют собой анклав свободной рыночной экономики внутри рыночной экономики. Отличая анклав и целого сводятся, по существу, к более льготному режиму хозяйствования. Иностранные же партнеры сталкиваются на нашей территории, к сожалению, с невозможностью хозяйствования вообще, с полным непониманием рыночных отношений, с такими явлениями, как спекуляция, договорные цены, собственность. У нас, например, такие исходные, элементарные понятия, как собственность на землю, остаются еще предметом дискуссий.

Нам думается, что без решения вышеназванных проблем все высокие постановления о зонах совместного предпринимательства останутся на бумаге и не принесут ожидаемых результатов.

Говоря о зонах совместного предпринимательства, нельзя забывать и о социальной стороне дела. Наше население так приучено заниматься проблемами распределения, а не производства, так глубоко верит в спасительность борьбы с привилегиями и высокими доходами соседа, что оно не потерпит никаких различий в доходах на территории зоны и за ее пределами. Когда же при этом ссылаются на пример КНР, то не учитывают, что в Китае, особенно в крупных городах Шанхае, Тяньцзине, Циндао, Сямыне и др., десятки лет существовали селтльменты, где рядом сожителемствовали разные образы жизни, разные доходы населения.

Учитывая вышеизложенное и некоторые другие соображения, мы высказываем в отношении зон совместного предпринимательства, особенно на Дальнем Востоке, осторожный оптимизм, далекий от эйфории. И еще одно соображение: реальные результаты функционирования таких зон могут проявиться спустя несколько пятилетий, а нам необходимо, особенно на Дальнем Востоке, иметь результаты в самое ближайшее время.

3. Сотрудничество на компенсационной основе. Эта форма сотрудничества была апробирована во многих районах и во многих отраслях нашей экономики, в том числе и на Дальнем Востоке. Речь идет о трех генеральных лесных соглашениях, о двух по технологической щепе, о соглашениях по освоению южноякутских месторождений угля, о сотрудничестве по освоению шельфа острова Сахалин.

Нельзя сказать, что в осуществлении этой формы сотрудничества не возникало проблем. Они были, и немалые. Но особенностью этих проблем было и остается то, что их появление зависело в основном от нас самих, от нашего неумения строить хорошо и вовремя, от плохой организации дела и т. д. Тем не менее положительные результаты были и могли бы быть преумножены. К сожалению, в последнее время отнюдь не по экономическим соображениям к этой форме сотрудничества распространилось прохладное отношение. Нам думается, что подход к той или иной форме сотрудничества должен быть полностью освобожден от каких-либо идеологических предубеждений.

При условии дальнейшего совершенствования этой формы сотрудничества, особенно в части улучшения дел в строительстве и освоения в установленные сроки производственных мощностей, она могла бы использоваться в лесной, деревообрабатывающей и горнодобывающей отраслях промышленности. Не исключается возможность организации этой формы и в обрабатывающих отраслях, в том числе в машиностроении.

При оценке целесообразности компенсационного сотрудничества необходимо скоррек-

тировать некоторые критерии, которые использовались ранее.

Во-первых, необходимо путем развертывания этой формы сотрудничества иметь в виду не только общегосударственные интересы, но и местные, региональные. Нельзя сказать, что раньше местные интересы полностью игнорировались, но все-таки должного обустройства территории, как правило, не было.

Сотрудничество на компенсационной основе в машиностроении не было организовано до сих пор, несмотря на многочисленные попытки. Одна из причин этого состоит в следующем. Обычное с нашей стороны требование стопроцентного балансирования стоимости импортного оборудования со стоимостью продукции компенсационного машиностроительного предприятия, несмотря на всю свою внешнюю привлекательность для нас, на деле только наносит ущерб. Западные партнеры неоднократно предлагали советской стороне покрывать стоимость их оборудования встречными поставками машиностроительной продукции компенсационных предприятий на 50—80 %, но эти предложения не встречали понимания. А между тем соотношение нашей торговли машинами и оборудованием с этой группой стран 1:20 не в нашу пользу. Совершенно очевидно, что в этой ситуации предложения западных партнеров означали бы для нас существенный шаг вперед в улучшении нашей структуры торговли машинами и оборудованием.

Сотрудничество на компенсационной основе часто критикуют за несуществующие недостатки. Например, утверждают, что это сотрудничество обязательно должно быть крупномасштабным, но ведь это совсем необязательно. Если оно и было где-то крупномасштабным, то это диктовалось технологическими особенностями производства. Компенсационное сотрудничество вполне может быть средних и малых размеров, если это дает соответствующий эффект.

Иногда утверждают почему-то, что сотрудничество на компенсационной основе предполагает только новое строительство. Вместе с тем хорошо известно, что это сотрудничество уже применялось (и успешно) при реконструкции и модернизации имеющихся мощностей.

Одной из существенных особенностей рассматриваемой формы сотрудничества является ее удачное сочетание со многими другими формами, и это может быть с успехом использовано на Дальнем Востоке.

4. В условиях нестабильности на мировых рынках да и внутри страны определенные преимущества имеет такая традиционная форма связей, как *бартер*, в том числе крупномасштабный. По нашему мнению, надо снять с этой формы все ограничения, которые применяются в настоящее время. Необходимо установить такой порядок, при котором предприятия отчисляли бы от объема бартерных сделок определенную плату в бюджет и тем самым будут сняты противоречия между предприятиями и центром.

5. *Сотрудничество на принципах разделения продукции («продакшн шерринг»)*. Эта форма давно и широко используется в международных экономических отношениях. Что касается Советского Союза, то, как нам известно, в послевоенный период эта форма в чистом виде у нас не использовалась. Между тем у нее есть ряд преимуществ, которые отвечают нашим интересам, в том числе и на Дальнем Востоке. К числу этих преимуществ относится быстрое получение отдачи при минимальных затратах капитальных вложений со стороны Советского Союза. Более того, такое сотрудничество позволяет иметь отдачу от тех отечественных капитальных вложений, которые были нами реализованы ранее (например, в ходе проведения геологоразведки).

В настоящее время прорабатывается вопрос об использовании этой формы сотрудничества для некоторых наших районов. Думается, что настало время заняться этой формой сотрудничества и применительно к Дальнему Востоку.

6. *Концессии*. Нам представляется, что в условиях Дальнего Востока эта форма может стать приемлемой и эффективной. Нередко в концессиях видели что-то идеологически неприемлемое. Ныне это, видимо, следует считать анахронизмом. Эта форма названа в ряду других в Основных направлениях перехода к рынку, предложенных Президентом страны. Хотя и раньше для каждого трезво мыслящего экономиста эта форма представлялась такой же допустимой, как и любая другая. Преимущества этой формы, как и «продакшн шерринг», заключаются в быстром получении результата при сравнительно небольших затратах отечественных капитальных вложений. Географическое положение Дальнего Востока благоприятствует использованию здесь рассматриваемой формы сотрудничества.

7. *Аренда земли (территории) и разработка месторождений полезных ископаемых*

на условиях аренды. Уже имеются удачные примеры такого рода сотрудничества. И задача сегодня состоит в том, чтобы шире использовать эту форму сотрудничества. Здесь возникает много непростых вопросов, но они, на наш взгляд, вполне решаемы, если понять, что особенности этой формы сотрудничества отвечают потребностям ускоренного развития экономики Дальневосточного края.

8. Развитие экспортных производств путем импорта строительства на условиях «под ключ». В условиях слабости строительной базы на Дальнем Востоке, отсутствия развитой инфраструктуры особое значение приобретает здесь импорт строительства на условиях «под ключ». Одна из особенностей этой формы сотрудничества состоит в повышенных затратах самого строительства и значительной экономии времени, достигаемой путем быстрого ввода строительных объектов в эксплуатацию. Поскольку фактор времени в нашей стране нередко не получает должной оценки, постольку и неудивительно, что в погоне за мелочной экономией мы упускаем эффект от своевременного ввода мощностей. Думается, что с переходом к рыночным отношениям этот недостаток экономического мышления будет изживаться и импорт строительства «под ключ» займет соответствующее место в общей системе форм экономического сотрудничества.

Особенно перспективной для многих районов Дальнего Востока представляется такая форма импорта строительных услуг (вместе с оборудованием), как импорт промышленных и иных предприятий, смонтированных на барже. Баржа представляет собой и транспортное средство буксировки предприятия от места его монтажа до промышленной площадки, и фундамент (плавучий или стационарный) будущего предприятия. Как правило, на барже монтируется основное производство, а подсобные и заготовительные цеха заранее сооружаются на берегу.

Такого рода импорт строительства «под ключ» дает большую экономию времени строительства (в два, три и более раз), не требует огромных строительно-монтажных мощностей, а также мощностей промышленности строительных материалов. При этом оборудование обходится для импортера дешевле, чем при импорте оборудования в разрозненном виде. Мировая практика показывает, что объектом такого сотрудничества могут быть не только промышленные предприятия самых разнообразных отраслей, но и объекты сферы услуг, инфраструктуры.

Такого рода предприятия экспортируют фирмы Японии (например, фирмы «Исикавадзима харима хэви индастри», «Мицубиси хэви индастри»), США, Швеции и других стран. Приоритетными отраслями для использования этой формы сотрудничества на Дальнем Востоке могли бы быть энергетика (электростанции), лесная, целлюлозно-бумажная промышленность, производство сжиженного газа и др.

9. Географическое положение Дальнего Востока диктует необходимость дальнейшего развития *прибрежной и приграничной торговли*. С этой целью следовало бы снять имеющиеся ограничения внутреннего характера и добиваться либерализации этой формы торговли и со стороны наших партнеров. Ныне, к сожалению, многие в нашей стране рассматривают эту форму как второстепенную, временную. Думается, что такое мнение ошибочно. Если субъектами этой формы сотрудничества с нашей стороны будут подлинники собственники средств производства, то она станет высокоэффективной, позволяющей мобилизовать такие местные ресурсы, которые нельзя было бы использовать при других формах сотрудничества.

10. Включение Дальнего Востока в международное разделение труда не может считаться достаточно развитым и целесообразным без активизации такой формы, как *производственное кооперирование машиностроения*. Конечно, от нашей стороны потребуются резкое повышение организационной, технической и качественной стороны дела.

К этой форме сотрудничества могли бы активно подключиться такие дальневосточные предприятия, как «Дальэнергомаш», Хабаровский станкостроительный, «Амурэлектроборбор», «Дальсельмаш», «Амурсельмаш», «Амурлитмаш», Уссурийский машиностроительный завод и др. Определенных результатов для разворачивания этой формы сотрудничества можно было бы ожидать от конверсии.

11. В связи с тем, что Дальний Восток имеет протяженную сухопутную границу, заслуживает особого внимания такая форма международного экономического сотрудничества, как *обработка давальческого сырья*. Правда, в последнее время широкое распространение получила эта форма сотрудничества между объектами, отстоящими друг от друга на многие тысячи километров (например, в обувной, швейной промышленности). Не отрицая целесообразности и такого сотрудничества, по нашему мнению, надо обратить

пристальное внимание и на обработку давальческого сырья в пограничной зоне. Это может иметь не только экономическое, но и политическое и социальное значение. Это позволило бы ослабить остроту проблемы обеспечения населения потребительскими товарами, нивелировало бы нехватку рабочей силы во многих наших дальневосточных районах.

12. *Привлечение зарубежной рабочей силы.* Эта форма успешно используется на Дальнем Востоке (имеется в виду, например, участие рабочих и специалистов КНР на лесоразработках, лесопосадках, сборе живицы, в строительстве, рабочих и специалистов КНР в сельском хозяйстве, на строительстве и др.).

При соответствующем совершенствовании принципов и механизма этой формы сотрудничества она могла бы получить еще большее развитие в интересах всех сторон. Думается, что эту форму сотрудничества надо освободить от всяких слухов и домыслов, особенно когда это касается вьетнамцев. Вместе с тем, по нашему мнению, это сотрудничество следует основывать не на наших внутренних нормативах, а на мировых. В этом случае была бы создана объективная основа сотрудничества и одновременно были бы исключены разночтения по отдельным деталям.

Представляется, что в основе сотрудничества должен быть ясный экономический смысл. Например, если привлекается иностранная рабочая сила, то партнер имеет право на какую-то долю в общем фонде заработной платы. В этом случае едва ли оправданно участие иностранного партнера в прибылях предприятия. Тем более трудно найти обоснование, если заранее, уже в контрактах, оговариваются жесткие пропорции распределения прибыли между сторонами.

Выше были рассмотрены не все возможные формы сотрудничества. Их значительно больше. Мы специально не останавливались на такой форме, как просто внешнеторговый обмен, не потому, что считаем эту форму неприемлемой. Наоборот, мы полагаем, что некоторые экономисты слишком преждевременно игнорируют и отбрасывают экспортно-импортные операции. И в условиях Дальнего Востока, где складываются самые разнообразные соотношения цен и затрат на внутреннем и внешнем рынках, внешняя торговля может служить важным рычагом повышения эффективности нашей экономики.

* * *

Дальний Восток — район пионерного освоения. Поэтому вполне закономерно, что первоначальные затраты здесь высоки. Если не учитывать этой особенности, то по сравнению со многими другими районами Дальний Восток окажется в невыгодном положении, ему трудно преодолеть экономический барьер на пути завоевания мировых товарных рынков. Поэтому за счет централизованных ресурсов целесообразно установить региону определенные льготы, рассчитанные на период достижения необходимой конкурентоспособности экспортной продукции. Хочется подчеркнуть, что льготы не должны носить бессрочного характера и должны преследовать строго определенную цель.

Льготы целесообразно предусматривать при кредитовании экспортного производства (стоимость кредита, объем кредита; льготный период, в течение которого не выплачиваются проценты и т. д.), при установлении порядка и размеров налогообложения, импортных и экспортных таможенных пошлин, при выдаче лицензий, при установлении нормативов отчислений в поощрительные фонды предприятий и т. д. и т. п.

Предлагаемые меры не следует разрабатывать как единые для всего ДВЭР. Они должны дифференцироваться по отраслям, производствам, проектам, отдельным районам и территориям. Только в этом случае удастся найти правильное сочетание общегосударственных и местных особенностей развития экспортной базы.

Специальные экономические зоны сегодня

Б. ГУСЕВ

Создание специальных экономических зон (СЭЗ) является важнейшей составной частью проводимой в КНР открытой внешнеэкономической политики. СЭЗ — это специально выделенные районы Китая, в которых развиваются разнообразные формы внешнеэкономического сотрудничества и обеспечивается особо льготный по сравнению с другими частями страны режим для привлечения зарубежных инвестиций. Создание в 1980 г. четырех специальных экономических зон (Шэньчжэнь, Шаньтоу и Чжухай в провинции Гуандун и Сямэнь в провинции Фуцзянь) стало первым шагом, свидетельствующим, что китайское руководство вместо того, чтобы придерживаться стратегии равномерного развития всей страны, избрало более смелый путь преодоления экономической отсталости, состоящий в преимущественном развитии отдельных областей. В дальнейшем эта система была распространена на 14 приморских городов КНР, причем в этих городах созданы свои «специальные зоны экономического и технологического развития», где для создания смешанных и чисто иностранных предприятий предоставлены возможности, зачастую даже более льготные, чем в СЭЗ. Кроме того, в 1985 г. решением правительства в объекты сотрудничества превращены районы в дельтах рек Янцзы и Чжуцзян, а в конце 1987 г. была выдвинута программа ускоренного развития всего приморского пояса КНР — огромного района с населением свыше 160 млн. человек. Программа предусматривала ослабление ограничений, сковывающих деятельность предприятий, создание экспорториентированной экономики и налаживание производства товаров легкой промышленности для поставок на внешний рынок. Наконец, в апреле 1988 г. пятой и самой большой специальной экономической зоной был объявлен преобразованный в провинцию остров Хайнань.

Все перечисленные типы территорий отличаются от остальных районов КНР значительно более льготным инвестиционным климатом, несмотря на то что открытая внешнеэкономическая политика осуществляется и там. Вместе с тем принципы «открытости» были наиболее полно и последовательно воплощены именно в специальных зонах, что обусловило их стремительное экономическое развитие, но одновременно привело к возникновению многочисленных противоречий и проблем.

Обобщая итоги реализации курса на создание и развитие СЭЗ, в Китае обычно говорят о четырех вышеупомянутых районах. Пятая зона, Хайнань, настолько разительно отличается от своих предшественниц и по природным, климатическим условиям, и по размеру территории, что это не могло не сказаться на ее статусе. В противоположность остальным СЭЗ на Хайнани будут развиваться сельское, лесное хозяйство, добывающая промышленность, а также отрасли по переработке их продукции (следует отметить, что первые четыре СЭЗ всегда определялись в Китае, с одной стороны, как зоны свободной торговли, а с другой — как зоны, в которых ориентированное на экспорт производство развивается на базе сырья и материалов, получаемых извне: из внутренних районов страны или по импорту). Огромная территория в сочетании с неразвитостью инфраструктуры также выявляет известную специфику, создавая определенные трудности на пути широкого привлечения иностранного капитала. Между тем решениями китайского правительства на Хайнани для иностранных вкладчиков создаются даже более благоприятные условия, чем в других зонах. Так, иностранцам позволяет делать вклады в недвижимость, осуществлять безо всяких ограничений вывоз прибылей, брать в аренду земли сроком на 50 лет с возможностью продления или передачи прав другому лицу; разрешена деятельность зарубежных страховых компаний. Ввиду того что она создана относительно

недавно, проблемы, накопившиеся в четырех «старых» СЭЗ за их десятилетнюю историю, еще не успели проявиться в ней со всей отчетливостью, поэтому в дальнейшем анализе, кроме особо оговоренных случаев, под «специальными экономическими зонами» будут пониматься Шэньчжэнь, Сямэнь, Шаньтоу и Чжухай.

При создании специальных экономических зон ставились следующие основные цели. Они должны были: во-первых, способствовать привлечению в страну иностранного капитала, передовой техники и технологии, управленческого опыта, а также создать базу для подготовки значительного числа квалифицированных кадров, во-вторых, привести к резкому увеличению валютных поступлений в казну и, в-третьих, предоставить ценный опыт для развития реформы экономической системы внутри страны. Говоря в общем, они были призваны сыграть роль своеобразных «окон во внешний мир», позволяющих не только привлекать инвестиции и технологии из-за границы, но и изучать «вблизи» процессы, происходящие на мировом рынке, получать достоверную информацию об имеющихся тенденциях изменения конъюнктуры, а также способных быть использованными в пропагандистских целях (последняя функция рассчитана прежде всего на зарубежных китайцев — хуацяо, в первую очередь из Гонконга и Макао).

Первая проблема, возникшая в ходе реализации этих задач, — площадь четырех созданных в 1980 г. зон была совершенно недостаточной (площадь Чжухая составляла 6,7 км², Сямэня — 2,5 км², Шаньтоу — всего 1,67 км²; только площадь Шэньчжэня была определена в 327,6 км²). Поэтому вскоре специальным решением Госсовета КНР площадь первых трех зон была увеличена соответственно до 15,6, 131 и 52,5 км².

Можно сказать, что в целом итоги десятилетнего развития СЭЗ подтверждают обоснованность взятого курса. По состоянию на 1 января 1990 г. в пяти специальных экономических зонах (включая и новую) пушено в строй или находится в процессе создания свыше 5700 объектов с участием иностранного капитала на общую сумму 9,4 млрд. долл.; объем промышленного производства в прошлом году приблизился к 30 млрд. юаней (из них на Хайнань приходится примерно треть, что в 4,4 раза больше, чем в 1988 г.). Экспорт продукции, выпускаемой предприятиями СЭЗ, достиг в 1989 г. 3,85 млрд. долл., что составляет 10 % всего китайского экспорта. Многие приемы, первоначально опробованные в СЭЗ, были впоследствии успешно применены при создании открытых приморских городов; большое число китайских специалистов познакомилось с современными управленческими методами и технологией. Однако результаты оказались намного ниже тех, на которые рассчитывало китайское руководство.

Так, если весьма скромный суммарный объем инвестиций еще может быть объяснен отсутствием у зарубежных деловых кругов достаточной информации о возможностях, предоставляемых иностранному капиталу в этих зонах, то их структура свидетельствует о предпочтении, отдаваемом краткосрочным инвестициям как менее рискованным, и об устойчивом нежелании предпринимателей идти на долговременное помещение капитала. Наиболее интенсивно осваивались отрасли, обещающие быструю прибыль, в первую очередь торговля, жилищное и гостиничное строительство, туризм. Созданные при участии иностранных вкладчиков промышленные предприятия большей частью занимаются простейшей переработкой; таким образом, не оправдались и надежды на привлечение в массовых масштабах высоких технологий.

Можно выделить две группы причин, сдерживающие активность иностранных инвесторов в специальных экономических зонах (многие из них действуют не только в СЭЗ, но характерны для инвестиционного климата в стране в целом). Первая группа причин весьма активно обсуждается в китайской печати, это в основном достаточно локальные, устранимые трудности, тем не менее многие из них не преодолены до сих пор. Это прежде всего сочетание извечного бюрократизма с неразвитостью действительно нужных управленческих и обслуживающих структур, таких, как информационные и консультационные службы, апелляционные суды, рыночная инспекция и др. Отсутствует четкое разграничение прав административных органов и предприятий, которые остаются скованными распоряжениями управленческого аппарата и не пользуются действительной свободой. Управление предприятиями по-прежнему осуществляется по отраслевому принципу, что порождает многополюсность и длинные циклы согласований в случае, если новое дело организуется на стыке отраслей; оно также затрудняет налаживание кооперационных связей между предприятиями. Все это замедляет процесс принятия решений и сильно затрудняет создание новых и управление действующими совместными предприятиями.

Серьезную настороженность иностранных вкладчиков капитала вызывает и неразработанность правового механизма регулирования и защиты инвестиций, а также то, что многие чиновники позволяют себе отступать от норм закона. Причем наряду с обычной коррупцией здесь имеют место также «идеологические» мотивы: воспитанные в духе прежних догм, чиновники видят в привлечении зарубежных инвестиций прежде всего уступку капитализму и потому, будучи не в состоянии воспрепятствовать этому процессу, находят утешение в выдвигании непомерных требований к инвесторам в качестве условия для приложения капиталов. Что самое печальное, такие действия находят отклик у значительной части населения. Если добавить к этому практически полную бесконтрольность системы управления, становится ясно, почему вкладчики капитала, несмотря на все заверения властей, не чувствуют себя в безопасности.

Помимо этого, предприниматели, осуществляющие инвестиции в СЭЗ, сталкиваются с неразвитостью транспортной системы и городского хозяйства, отсутствием отлаженной сети международных телекоммуникаций, нехваткой электроэнергии. При этом основная тяжесть расходов по созданию инфраструктуры ложится, как правило, на тех, кто приходит первым, что заставляет многих выжидать. На предприятиях, создаваемых в СЭЗ, имеет место неоправданно растянутый производственный цикл, низкая квалификация местной рабочей силы, что же касается широко разрекламированной ее дешевизны, то, как выяснилось, она в КНР не так уж дешева, к тому же время, когда этот фактор давал решающее преимущество, уже отошло в прошлое, а на первый план вышла проблема качества. Кроме того, в Китае отсутствует свободная миграция рабочей силы, причем в отношении СЭЗ ограничения еще ошутимее, так как вдоль границ специальных зон установлен контрольно-пропускной режим, а желание иностранных инвесторов осуществлять свободный наем рабочих и служащих входит в противоречие со стремлением властей держать этот процесс под своим контролем, направляя в зоны специально отобранных работников на ограниченный срок и осуществляя постоянную ротацию, с тем чтобы квалификация, приобретенная ими, была затем реализована в интересах развития экономики внутренних районов страны.

Наконец, привлекательность СЭЗ для зарубежных вкладчиков сильно снижается запутанностью системы налогообложения и таможенного контроля, отсутствием единых для всех зон критериев взимания налогов, чрезмерной ставкой индивидуального подоходного налога с зарплаты рабочих и служащих (она достигает 40 % и выше; естественно, такая высокая ставка подоходного налога основной своей тяжестью ложится на плечи нанимателя, вынуждая последнего включать ее в себестоимость продукции). В случае нехватки свободных денежных средств крайне затруднительно получить ссуду в местном банке. Велики транспортные тарифы и плата за использование современных средств связи, расходы на охрану труда, чрезмерно завышена плата за аренду производственных помещений, процветает система всевозможных легальных поборов. Все это также повышает издержки производства и, следовательно, цену готовой продукции, снижая ее конкурентоспособность на внешнем рынке. Возможности же внутренней реализации ограничены не всегда продуманной системой квот и неясностью путей репатриации прибыли.

Еще одним недостатком, возникшим вследствие непродуманности политики развития СЭЗ на начальном этапе, стало низкое качество услуг. Дело в том, что фирмы в сфере услуг, первоначально созданные в зонах городскими правительствами, сразу же стали монополистами, каждая в своей области, и продолжают безраздельно господствовать до сих пор.

Для экономики специальных зон вполне характерны и многие из проблем, присущих народному хозяйству страны в целом. Так, возможность покрывать растущие издержки за счет повышения цен ставит иностранные и совместные предприятия в ситуацию, когда становится обязательным стремиться к рационализации и техническому совершенству производства, к снижению себестоимости продукции.

Все перечисленные противоречия, заметно осложняя процесс развития специальных экономических зон, не носят вместе с тем антагонистического характера; они отражают скорее трудности начального этапа осуществления политики реформ и внешней открытости, нежели имманентно присущие ей изъяны. Их причинами, в частности, являются несоответствие структуры хозяйства, технического, управленческого уровня и степени подготовленности кадров требованиям, предъявляемым зарубежными бизнесменами, наличие в экономике двух уровней цен и т. п. Многие из них представляют собой сложности чисто технологического порядка и, вероятно, будут разрешены при достаточной

настойчивости и целеустремленности властей. Так, в программе всеобъемлющего совершенствования инвестиционного климата, выдвинутой новым председателем городского народного правительства Шаньчжэня Чжэн Ляньюем, предполагается активизировать строительство энергетических объектов, развитие инфраструктуры, включая современные системы связи, порты, железнодорожные и шоссеиные магистрали. Справедливо отмечено, что комплексный подход к совершенствованию инвестиционного климата представляется более правильным по сравнению с односторонней нацеленностью на разработку новых преференциальных мер для иностранных бизнесменов, имевшей место в прошлом, поскольку перспективность и выгодность капиталовложений зависят не только от налоговых льгот, но и от целого ряда других условий.

Значительно сложнее обстоят дела с группой проблем политического характера, старательно замалчиваемых китайской печатью. К ним относятся возникновение напряженности в отношениях между специальными экономическими зонами и внутренними районами страны, вызванное увеличивающейся разницей в уровнях развития, нежелание китайского руководства идти на идеологические уступки в качестве платы за экономический и технический прогресс (уступки, по логике вещей, неизбежные при столь массовом привлечении иностранного капитала), а также ухудшение внешнеполитического климата вокруг Китая после известных событий на площади Тяньаньмэнь.

Действительно, создавая широкие возможности для привлечения иностранных инвестиций, курс на преимущественное развитие отдельных регионов по сравнению с остальными частями страны одновременно порождает у последних опасения, что прогресс первых осуществляется за их счет, заявления же о большом вкладе, вносимом специальными экономическими зонами в дело развития внутренних районов Китая, звучат не вполне убедительно. Зоны, три из которых расположены в процветающем Гуандуне, обвиняются в обострении инфляции в стране, в том, что они оттягивают на себя слишком много дефицитных ресурсов. В 1988 г. ввоз риса в Гуандун из других провинций был запрещен, в результате цены на него подскочили в четыре раза. Как представляется, тот факт, что широкомасштабная программа ускоренного развития приморских районов была без особого шума отложена в долгий ящик еще в конце 1988 г., задолго до июньских событий и отстранения от власти ее автора, также не в последнюю очередь объясняется сопротивлением внутренних провинций, которые не видели в ней непосредственных выгод для себя, но боялись еще больше отстать от других.

Кроме того, разительный перепад в уровнях жизни чреват серьезными социальными конфликтами и идеологическими штатаниями. Высокий уровень жизни в СЭЗ ассоциируется в сознании многих людей с преимуществами капиталистического пути развития и западного образа жизни. В противовес этому на иностранных и совместных предприятиях усиливается роль парторганизаций, следящих за тем, чтобы зарубежный партнер не занимался «духовной деморализацией». Однако если пять лет назад специальные зоны назывались «передним краем соревнования между капитализмом и социализмом», «воплощением преимуществ социалистического строя», то теперь о подобном предпочитают не упоминать.

События июня 1989 г. свели на нет и еще одно преимущество, на которое в ходе выработки стратегии развития СЭЗ возлагались большие надежды. Речь идет о том, что уровень политической стабильности КНР к середине 80-х гг. оценивался на фоне остальных потенциальных объектов инвестиций азиатско-тихоокеанского региона достаточно высоко — выше, скажем, чем у любого государства Юго-Восточной Азии. В условиях, когда нестабильная обстановка вынуждала даже национальные финансовые центры в таких странах, как Филиппины или Таиланд, искать пути для перевода своих средств за границу, этот фактор давал Китаю немалые выгоды, позволяя выдерживать конкуренцию со стороны Южной Кореи, Сингапура и Тайваня — ведущих импортеров капитала в регионе. Теперь это преимущество полностью утеряно. Несмотря на заверения нового руководства Китая в том, что на СЭЗ не будет распространяться проводимый в настоящее время курс на ограничение элементов рыночного регулирования при усилении роли плановых рычагов, у иностранных инвесторов сохраняются опасения, что этот курс означает «начало конца» реформы и открытой политики, и ряд вкладов остается замороженным. В начале лета некоторые зарубежные вкладчики даже планировали перевод своих компаний и капиталов в Таиланд. В настоящее время ситуация несколько выровнялась, и наблюдается некоторый рост инвестиций, однако последствия тяньаньмэньских эксцессов еще долго будут давать о себе знать.

В целом опыт создания и развития специальных экономических зон в КНР, как позитивный, так и негативный, представляет для нас большую ценность. Знакомство с ним позволяет предвидеть трудности, которые могут возникнуть в ходе создания зон свободной торговли в нашей стране, своевременно подготовиться к их разрешению и даже предотвратить появление некоторых из них. Следует особо отметить, что, пока мы делаем лишь первые шаги в данной области, проблема политической стабильности имеет для нас решающее значение. Процесс привлечения зарубежных инвестиций в СЭЗ, по мнению автора, не прекратился, а лишь притормозился после июньских событий только благодаря тому, что за десятилетие реализации открытой политики иностранный капитал приобрел в специальных экономических зонах значительное влияние, которое нецелесообразно было бы терять по политическим мотивам. Очевидно, что, случись такое десять лет назад, весь этот процесс прекратился бы, едва начавшись. Справедливым будет, по всей видимости, и утверждение, что весомая отдача от деятельности в стране иностранного капитала была и остается одним из факторов, препятствующих потенциально возможному варианту полного свертывания политики открытости и возврата на путь изоляционизма, и, таким образом, оказывает стабилизирующее воздействие на внутреннюю политику КНР.

СИНОЛОГИЧЕСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
МИНЧОН АН СССР

Знакомьтесь: сельские предприниматели Китая

В 1987 г. газета «Поселково-волостные предприятия Китая», Центральная народная радиостанция и Центральное телевидение совместно провели кампанию по выдвижению «лучших китайских крестьян-предпринимателей нашего времени». В ходе кампании в этом звании было утверждено 100 человек. В этом номере мы познакомим читателей с двумя из них.

ОУ ЦЗЯНЬЦЮАНЬ

(Главный директор торгово-промышленной компании «Юйхуа», уезд Шуньдэ, провинция Гуандун)

Оу Цзяньцюань — уроженец Бэйцзяоского поселка уезда Шуньдэ, провинция Гуандун. Руководимая им Юйхуаская торгово-промышленная компания была создана на основе поселковой фабрики по производству сои и мастерской по производству пробок. Сегодня эта компания имеет в своем распоряжении завод вентиляторов, завод стальных баллонов и фабрику пластмассовых изделий. Основные фонды компании превышают 30 млн. юаней, а годовая продукция — 100 млн. юаней. Сяньхуаский совместный завод микроволновых печей с участием сянганских коммерсантов был сдан в эксплуатацию в 1988 г. По достижении проектной мощности он сможет выручать от экспорта своей продукции 19 млн. ам. долл. в год. У Оу Цзяньцюаня есть два «секрета», обеспечивших успех дела, а именно: умелое использование рыночной информации и выявление «блочного эффекта» компании.

В начале 70-х годов вентиляторы и другие бытовые электроприборы имели широкий сбыт. Пользуясь благоприятной конъюнктурой на рынке, Оу Цзяньцюань наладил производство бытовых вентиляторов. Сначала выпускали только небольшие вентиляторы, размером 9 дюймов, а потом постепенно, в соответствии с требованиями рынка, освоили производство целой серии — более 10 моделей. Завод стал одним из крупных производителей этого вида электрооборудования в стране. Его годовая производственная мощность достигла 1,2 млн. шт. Выпускаемая заводом с 1984 г. новая модель — вентиляторы марки «Хунъюнь» — пользуется большой популярностью на рынке. В период с конца 1985 г. по начало 1986 г. предложение на внутреннем рынке вентиляторов превысило спрос, что привело к ужесточению конкуренции между производителями. Это вынудило Оу Цзяньцюаня переориентировать производство на выпуск экспортных изделий. Этот период был временем перестройки в структуре мировой экономики. Юйхуаская компания, умело используя свое преимущество в отношении географического расположения по соседству с Сянганом и Аомэнем, преимущество, обусловленное наличием богатой информации и удобным сообщением, быстро освоила производство новой модели вентиляторов — «Победитель». Очень скоро были получены многочисленные заказы от иностранных фирм. Вентиляторы новой марки нашли сбыт в Сянгане, Южно-азиатском регионе, США и в странах Среднего Востока. Объем экспорта в 1987 г. составил 3 млн. ам. долл. В 1988 г. китайское правительство разработало стратегию развития экономики приморских районов, поощряя поселково-волостные предприятия принимать участие в международной конкуренции. Для Оу Цзяньцюаня представился, по его словам, «золотой случай». Он приступил к осуществлению нового плана экспорта продукции.

Еще до 1985 г. на основе Юйхуаского завода вентиляторов была образована торгово-промышленная компания. Так называемый блочный эффект проявился, во-первых, в том, что благодаря созданию блока стала возможной более многогранная стратегия хозяйствования, а это в свою очередь значительно повысило приспособляемость предприятия к непрерывно изменяющейся обстановке. В 1986 г., когда резко упал спрос на вентиля-

торы, компания перевела часть персонала на завод, производящий стальные баллоны, и фабрику пластмассовых изделий. В результате удалось не только сохранить сбалансированность и стабильность производства, но и выйти на новые рынки и расширить масштаб производства. Во-вторых, в условиях блока расширилось поле применения знаний и творческих способностей управленческих и технических работников во главе с Оу Цзяньцюанем. Руководствуясь решениями, разработанными правлением компании, эти люди, действующие оперативно и маневренно, способны обеспечить быстрее проведение этих решений в жизнь. В июле 1987 г. Юйхуаская торгово-промышленная компания начала деловые переговоры с сянганской компанией «Шелл электрик МФГ» по созданию совместного завода микроволновых печей. С начала переговоров до сдачи завода в эксплуатацию прошло всего девять месяцев. Чтобы обеспечить успешную реализацию договора, Оу Цзяньцюань назначил на объект наиболее сильных работников: 98 % продукции нового завода микроволновых печей, оснащенного современной импортной техникой, экспортируется за границу.

ЛУ ЧЖИМИНЬ

(Генеральный директор объединенной агропромышленно-торговой компании «Хунцзуй», город Сыпин, провинция Цзилинь)

В западном предместье города Сыпина, Северо-Восточный Китай, расположилась объединенная агропромышленно-торговая компания «Хунцзуй», которая была создана на основе обыкновенной сельской производственной бригады. Поначалу это была маленькая мастерская, созданная на «капитале» в 100 юаней. Но к концу 1987 г. основные фонды компании уже составили 31 млн. юаней, средний годовой доход на одного работающего пять лет подряд превышал 1 тыс. юаней. В стране заговорили о «хунцзуйском феномене». А для работников компании местных сельчан все происшедшие перемены неразрывно связаны с именем руководителя компании — Лу Чжиминя.

В 1968 г. после окончания неполной средней школы Лу Чжиминь вернулся в родную деревню. Пахал, сеял, словом, занимался трудом земледельца. В 1971 г. он стал бригадиром производственной бригады. Не раз задумывался молодой бригадир, что и как надо сделать, чтобы избавиться от бедности и отсталости. Он наладил в бригаде подсобное хозяйство, доходы людей стали расти. Но недолго продолжались хорошие времена. Лу Чжиминя стали упрекать в том, что, мол, он развивает подсобное хозяйство в ущерб земледелию, и скоро его сняли с должности бригадира. Однако в 1978 г. его восстановили в прежней должности, и вот тогда он взялся за организацию поселково-волостных предприятий. Один за другим были пущены кирпичный, сталепрокатный заводы, завод сталепрокатного оборудования, пивоварня, заводы по производству воздуходувок и цепей. Были открыты магазин, столовая, баня, парикмахерская, гостиницы и т. п.

«Хунцзуйский феномен» — это прежде всего высокая скорость и высокая продуктивность. Если в практике других крупных кирпичных заводов в первый год работы вкладывают капитал в строительство, во второй год эти затраты окупаются и лишь на третий год получают чистую прибыль, то в Хунцзуйе всего за 40 дней построили печь по обжигу и начали обжиг первой партии кирпича. Два месяца ушло на строительство сталепрокатного завода мощностью 3 тыс. т стандартной стали в год, тогда как обычно на это требуется два года. За восемь месяцев был пущен пивоваренный завод мощностью 20 тыс. т в год, на строительство которого государственные организации обычно тратят три года... В 1987 г. валовая продукция села Хунцзуй составила 23 млн. юаней, в 42 раза больше, чем в 1977 г. С 1984 г. темпы роста производства в стоимостном выражении и прибыли составляют в год чуть ли не 100 %. Теперь здесь производится 14 видов промышленной продукции. Выпускаемое здесь оборудование для формования кирпичей и комплектующие устройства получили одобрение потребителей. Хунцзуйское сталепрокатное оборудование уже установлено на крупном государственном предприятии. Красный кирпич, стальной прокат и другие строительные материалы благодаря высокому качеству и доступной цене прочно заняли свое место на рынке Сыпина. Дымососы, воздуходувки, гильотинные ножницы и другое промышленное оборудование нашли сбыт в более чем 20 провинциях. А свежее пиво с маркой Хунцзуйского пивоваренного завода известно в Северо-Восточном Китае как «продукт отличного качества».

М. СОЛНЦЕВА

Наша страна активно готовится к решению острейшей экономической, социальной и потому политической задачи — овладение инфляционной ситуацией: от этого в незначительной степени зависит дальнейшая судьба экономической реформы и политическая стабильность в обществе. Какими средствами решать эту задачу — административными или экономическими? Где мера их оптимального соотношения? И каковы возможные последствия нарушения этой меры? С такими вопросами мы обратились к научному сотруднику ИДВ АН СССР Солнцева Марине Георгиевне, которая исследует проблемы борьбы с инфляцией и ростом цен в Китае в последние годы.

С конца 1988 г. в КНР проводится курс на «оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике». Одной из основных причин, обусловивших необходимость изменения экономической политики, было резкое нарастание в 1986—1988 гг. инфляционных тенденций в народном хозяйстве Китая (в 1988 г. общий уровень розничных цен повысился на 18,5 %). Быстрый рост цен, отражая общий «перегрев» экономики, стал фактором социальной и политической нестабильности. Поэтому в качестве важнейшей задачи осуществления курса на «оздоровление экономической обстановки» выдвигалось сдерживание инфляционных процессов и замедление темпов роста цен. Новая экономическая политика, которая была заметным поворотом на пути экономических реформ в КНР, оказалась в состоянии за короткое время внести значительные изменения в экономическую ситуацию в стране. Представляется весьма интересным на основе имеющихся данных рассмотреть некоторые итоги развития рыночной обстановки в КНР в течение последних двух лет, выявить новые явления и противоречия, возникшие в ходе этого развития, проанализировать, в какой мере эти изменения в хозяйственной жизни общества связаны с мероприятиями проводимого курса (а также всегда ли новые противоречия возникают на основе «снятия» старых) и каковы могут быть перспективы одновременного оздоровления экономики и углубления экономической реформы.

Принимая во внимание, что основной характеристикой экономического развития в 1989 г. должна была стать стабильность, можно считать, что поставленная задача была выполнена: сняты видимые явления «перегрева» и взяты под контроль государства «факторы, дестабилизирующие экономический рост». Согласно официальным данным, в 1989 г. народное хозяйство КНР успешно развивалось и были достигнуты заметные результаты «оздоровления экономической обстановки»: совокупный общественный спрос поставлен под контроль, предложение неуклонно возрастало, наметилась тенденция к смягчению противоречий между предложением и спросом, ежемесячно снижался темп роста цен. Общественное производство развивалось умеренными темпами, обеспечив годовую прирост ВВП в 3,9 % (в сопоставимых ценах). При этом общий объем производства промышленной продукции увеличился на 8,3 % (по сравнению с 1988 г. темп прироста снизился на 12,5 процентных пункта). Удалось не только сдержать рост капиталовложений в основные фонды, но и сократить их объем относительно 1988 г. примерно на 50 млрд. юаней, а за вычетом фактора роста цен реальные объемы капитального строительства уменьшились более чем на 20 %¹. В результате предпринятых мер спал потребительский бум: розничный товароборот составил в 1989 г. 810,1 млрд. юаней, что на 8,9 % больше, чем в предшествующем году, однако с учетом повышения цен объем розничных продаж снизился на 7,6 %². Проведение правительством сдерживающей финансовой и кредитной политики позволило значительно сократить денежную эмис-

сию — в обращение было выпущено 21 млрд. юаней (по сравнению с 68 млрд. юаней в 1988 г.)³.

Особое внимание в статистических отчетах уделяется показателю индекса общего уровня розничных цен, динамика которого должна выявить, насколько успешно удастся сдерживать инфляционный процесс. Начиная с 1989 г. в публикациях китайской печати появились ежемесячные индексы цен, тогда как раньше приводились только среднегодовые. В рамках курса на «оздоровление экономической обстановки» постоянному контролю за сдерживанием инфляции придается такое важное значение, что в качестве одной из целей проведения курса даже установлена вполне конкретная целевая величина годового индекса цен — не более 10 % прироста. Некоторые исследователи справедливо полагают, что принимаемый в официальной статистике КНР показатель индекса общего уровня розничных цен не позволяет эффективно контролировать ценовую обстановку и оценивать меры, призванные на нее воздействовать, так как этот показатель отражает данные о суммарной динамике двух принципиально различных типов цен — плановых государственных и рыночных, которые могут изменяться под влиянием разных факторов и в разном направлении⁴. Не предоставляя дифференцированной информации для анализа состояния и изменения всех составляющих ценовой обстановки, индекс общего уровня розничных цен может дать лишь самое общее представление о состоянии рынка.

В целом в 1989 г. годовой индекс общего уровня розничных цен составил 17,8 %, что не намного ниже 1988 г. (18,5 %). При этом нужно отметить, что темпы прироста устойчиво снижались с каждым месяцем. Если в первом полугодии в расчете по месяцам эти темпы составляли около 25,0 %, то к августу — сентябрю они опустились до 13—15 %, а к ноябрю — до 5,1 %. Что касается годового показателя (17,8 %) , то, по мнению известного китайского экономиста Чжан Чжоуяня, только половину этого прироста дало повышение цен собственно в 1989 г., а вторая половина (так называемый хвостовой прирост) отражает быстрый рост цен в предшествующем году⁵. В 1990 г. продолжала действовать тенденция к замедлению темпов роста цен: за первые 6 месяцев индексы составили соответственно 4,1 %, 4,1 %, 3,3 %, 3,1 %, 2,6 % и 0,8 %⁶. Таким образом, общий уровень розничных цен в целом стабилизировался.

В многочисленных публикациях китайской печати на основании приведенных данных утверждается, что в результате проведения курса на «оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике» инфляцию в стране удалось преодолеть, и что в связи с этим на первый план выдвигаются новые проблемы и задачи. Действительно, во второй половине 1989 г. стало очевидно, что энергичные меры по борьбе с инфляцией и снятию «перегрева» экономики создают серьезную угрозу ее «переохлаждению». Резко замедлились темпы экономического роста, в сентябре он увеличился по сравнению с тем же периодом 1988 г. всего на 0,9 %, в октябре наблюдалось снижение промышленного производства⁷. Серьезное беспокойство вызывает также так называемый вялый рынок — другая крайность, сменившая «покупательскую горячку». В течение всего 1989 г. резко замедлились темпы роста розничного товарооборота (с 27 % прироста в январе до 6,4 % в декабре 1989 г.), а за первые 5 месяцев 1990 г. объем розничной торговли сократился на 2,6 % по сравнению с тем же периодом прошлого года⁸. С учетом параллельного повышения цен рынок сократился в большей степени, чем показывает динамика объемов товарооборота. На фоне общей стабилизации цен обрела остроту проблема затоваривания некоторыми видами промышленной продукции, что приводит порой к сокращению производства. Именно ускорение экономического роста и оживление рынка выдвигаются в настоящее время в качестве первоочередных задач.

На основе рассмотрения изменений рыночной ситуации возникает вопрос: означает ли стабилизация общего уровня розничных цен, что инфляция отступила, и можно ли считать возникновение на этом фоне явления «вялого рынка» новым противоречием, требующим последующего разрешения?

Опыт дореформенного развития китайской экономики и хозяйственного развития других стран с жестко централизованной экономической системой свидетельствует о том, что отсутствие явного роста цен нельзя считать показателем сбалансированного безинфляционного развития. В условиях планового ценообразования действующие инфляционные процессы находят иные формы проявления (например, «вымывание» дешевых товаров, всеобщий товарный дефицит и другие явления, свидетельствующие об обесценивании денежной единицы). Проявляется ли инфляция в своей явной форме — в виде роста цен — или при видимой стабильности цен существует в подавленной, скрытой

форме — это зависит от действующей в данный период системы ценообразования.

Прежде чем делать выводы о том, что снижение темпов роста общего уровня цен означает победу над инфляцией, представляется необходимым рассмотреть те изменения, которые претерпела система ценообразования в ходе осуществления курса на «оздоровление экономической обстановки».

К началу его проведения в результате реформ сложилась новая множественная система ценообразования. Государственные плановые цены утратили свое монопольное положение, и к середине 1988 г. лишь 24 % продукции сельского хозяйства реализовывались по твердым государственным ценам, 19 % продавалось по договорным ценам, а остальные 57 % продукции аграрного сектора поступали на свободный рынок. Для продукции тяжелой промышленности сфера действия планового ценообразования осталась более широкой (около 60 %). В розничной торговле по государственным плановым ценам реализовалось 29 % потребительских товаров, по плавающим (регулируемым) ценам — 22 %, а по свободным рыночным ценам — 49 % товаров⁹. Можно сказать, что были сделаны первые полшага по пути к свободному рыночному ценообразованию как необходимому элементу функционирования товарной экономики.

Будучи направленным на стабилизацию общего уровня цен, новый курс предусматривал в первую очередь воздействие на сами цены с целью приведения индексов их роста к целевому показателю в 10 % в год. Предпринятые в ценовой сфере меры можно, условно говоря, разделить на два блока. Первый включает в себя некоторые шаги по новому урегулированию цен, то есть пересмотр их уровней в направлении формирования более рациональных пропорций. Сюда относится очередное повышение летом 1989 г. контрактных закупочных цен на зерно (на 6 %), хлопок (на 34 %) и масличные (на 10 юаней за каждые 50 кг). С сентября 1984 г. возросли тарифы на перевозки основными видами транспорта — железнодорожным (на 120 %), воздушным и водным (на 70—80 %). В ноябре 1989 г. были повышены на 50 % цены на соль и содержащие соль продукты.

Второй блок условно объединяет ряд мер, направленных на ограничение колебаний цен административными методами. В первую очередь с целью создания основы стабильности были заморожены цены на основные потребительские товары и услуги. Цены на важнейшие товары находятся в ведении Госсовета КНР и не могут быть повышены (кроме как по специальному разрешению) никакими ведомствами, местными органами и предприятиями. Под особым контролем государственных органов обращаются такие виды продукции, как зерновые, хлопок, минеральные удобрения, пестициды и четыре вида стального проката. Введены единые государственные закупки некоторых важных видов сельскохозяйственной продукции: табачного листа, чайного листа, шелкового сырья и т. д. Для ранее свободных цен на реализуемые сверх плана средства производства установлены верхние пределы. Повышение цен на потребительские товары, раньше обращавшиеся на свободном рынке, возможно теперь лишь через систему заявок на повышение цен, которые предприятия-производители должны подавать в государственные органы управления ценами (и которые могут быть отклонены или удовлетворение их отсрочено). Насильственная стабилизация цен, естественно, требует увеличения государственных дотаций к ценам, которые возросли до 40 млрд. юаней в 1989 г. по сравнению с 31,7 млрд. юаней в 1988 г.¹⁰

Таким образом, предпринятые в рамках курса на «оздоровление экономической обстановки и наведения порядка в экономике» чрезвычайные меры привели к тому, что цены и тарифы на жизненно важные товары и услуги вновь оказались в исключительном ведении центральных государственных органов. Местным правительствам всех уровней (особенно в крупных и средних городах) предоставлены полномочия, необходимые для выполнения возложенных на них задач — обеспечения снабжения населения потребительскими товарами и поддержания на низком уровне темпов роста цен. Под лозунгом стабилизации цен заметно возросло прямое участие в процессе ценообразования государственных органов управления, как центральных, так и местных, и практически перекрыты каналы рыночного обращения товаров, что раньше, хотя бы в ограниченном виде, делало возможным балансирование предложения и спроса и формирование цены равновесия. Это позволяет сделать вывод о том, что несмотря на провозглашение необходимости дальнейшего углубления реформ, за последние два года в рамках нового курса наряду с некоторыми шагами по упорядочению иррациональных уровней цен и соотношений между ними объективно произошло определенное отступление от проводимого ранее, прогрессивного (с нашей точки зрения) направления перестройки

механизма ценообразования, откат от достигнутого уровня либерализации. Такое движение вспять формально лишь очень незначительно расширило сферу централизованного планового ценообразования, однако государственный контроль за ценообразованием настолько ужесточен, что представляется некорректным рассматривать общий индекс розничных цен как абсолютный и единственный показатель уровня инфляции и состояния рынка. Более конкретная расшифровка этого общего показателя позволяет увидеть, например, что уровень розничных цен в городах повышается медленнее, чем в сельских районах (в августе 1989 г. — 12,6 % прироста в городах и 16,6 % в сельских районах, в апреле 1990 г. — соответственно 1 и 4,2 %). Причем быстрее всего темпы роста цен падают именно в крупных и средних городах, где предприняты наиболее жесткие запретительные меры и усилены контрольные функции местных органов власти¹¹. Приведенные данные косвенно свидетельствуют о том, что быстрее всего стабилизация цен достигнута в тех секторах экономики, которые легче поддаются методам административного воздействия.

Кроме изменения механизмов ценообразования, прямое воздействие на общий уровень цен оказала и перестройка рыночной структуры, сокращение некоторых каналов обращения товаров, создание новых форм торговли. Одной из причин возникновения хаотических явлений на рынке в 1988 г. была объявлена излишняя диверсификация каналов товарного обращения, развитие нездоровой конкуренции, выход рыночной ситуации из-под контроля государства. Действительно, за годы реформы, направленной на развитие товарного хозяйства, значительно возросло количество разнообразных по формам собственности торговых единиц, реализующих продукцию, поступающую в оборот по разным каналам. За период 1980—1988 гг. только число индивидуальных торговых точек увеличилось в 15,6 раза (по численности занятых — в 17,8 раза). В общем объеме рыночной торговли в 1988 г. на долю государственной торговли приходилось 39,4 %, снабженческо-сбытовой кооперации — 16,1 % других коллективных форм торговли — 18,3 %, индивидуальной торговли — 17,8 % и т. д. В сфере оптового товарооборота государственная торговля и снабженческо-сбытовые кооперативы осуществили около 60 % закупок¹².

В рамках проводимого с конца 1988 г. курса было предусмотрено «наведение порядка на рынке», которое выразилось в ограничении развития одних форм рыночной деятельности и поощрении других. Круг субъектов оптовой торговли был резко ограничен и жестко определен. Для оптовых закупок продукции, произведенной в рамках плана, органами управления назначаются оптовые компании, помимо которых никакие другие организации не могут осуществлять торговые операции. Оптовым фирмам, открытым при производственных предприятиях, разрешается самостоятельно реализовывать собственную продукцию только после выполнения государственных поставок; им запрещены торговые операции с товарами, не являющимися собственной продукцией данного предприятия. Не разрешается осуществление оптовой торговли на дальние расстояния частным торговцам. Государственная торговля и снабженческо-сбытовая кооперация призваны теперь монополизировать оптовую торговлю и стать основным каналом розничного оборота товаров. Именно эти формы торговли, не ограничиваясь стремлением получить прибыль, могут обеспечить осуществление государственной политики в сфере обращения. Для реализации ведущей роли государственной и кооперативной торговли государство в плановом порядке обеспечивает финансовые и материальные ресурсы, складские помещения и транспортное обслуживание, необходимые для расширения объема торговых операций и стабилизации рынка.

В сфере торговли средствами производства, где противоречие между спросом и предложением продолжает оставаться весьма острым, вводятся новые формы — отраслевые модели «регулируемого планового рынка». Например, сбыт такого важнейшего для Китая средства производства, как сталь, постепенно переходит к специализированным рыночным структурам. Около 300 таких специализированных рынков открыто с санкции центральных властей в крупных промышленных центрах. Сверхплановая сталь реализуется на этих рынках по официальным расценкам, установленным Госсоветом КНР под строгим контролем государства. Новая торговая структура, строго говоря, рынком не является, поскольку основная ее задача — не получение торговой прибыли, а рациональное и бесперебойное распределение важнейшего вида сырья. Такого рода «регулируемый плановый рынок» рассматривается как альтернатива «двухколейной системе цен» и в действительности представляет собой возврат от этой системы к единым

государственным ценам на сталь.

Таким образом, в рамках «наведения порядка на рынке» происходит сокращение масштабов собственно рыночной деятельности, восстановление государственной монополии на установление цен на основные виды товаров и услуг и переход от торговли ими к распределению. При формальном сохранении множественной системы цен возможности свободного ценообразования заметно ограничены и основные товаропотоки направлены в жесткое русло государственной торговли и сходных с нею каналов. Эти меры могли быть осуществлены достаточно быстро, так как они не требуют серьезного изменения хозяйственного механизма, а идут по хорошо знакомому пути усиления административного воздействия. В результате осуществления этих мер в самой сфере обращения создается возможность искусственного установления и поддержания необходимого уровня цен вне зависимости от динамики спроса и предложения и от изменения общественно необходимых затрат на производство товаров. Поэтому для оценки реальной рыночной ситуации нельзя удовлетвориться анализом благоприятных перемен в индексах цен. Необходимо рассмотреть не только то воздействие, которое было оказано в рамках нового курса на уровень цен как таковой (как целевой показатель), но и оценить результативность макроэкономических мер, направленных на сбалансирование совокупного спроса и предложения, стабилизацию экономического роста.

Ограничения в инвестиционной, финансовой и кредитной сферах были призваны затормозить чрезмерно быстрое разрастание общественного спроса, как потребительского, так и производственного, за счет, с одной стороны, замедления темпов роста денежных доходов потребителей, а с другой — за счет стимулирования максимально возможного изъятия (в разной форме и по разным каналам) этих денег.

Сокращение в 1989 г. на 50 млрд. юаней государственных инвестиций в основные фонды в сочетании со строго избирательной политикой предоставления кредитов привело к тому, что по сравнению с 1988 г. общая численность строящихся и реконструируемых объектов общенародной собственности сократилась на 43 тыс., а количество начатых в 1989 г. новых строек уменьшилось на 41 тыс.¹³, что позволило снизить давление на рынок средств производства.

Денежные доходы городского и сельского населения росли в 1989 г. несколько медленнее, чем в предыдущем (18 % годового прироста против 22,6 %). Темпы роста заработной платы были еще ниже (14 %), но доходы городского населения помимо заработной платы, которые труднее поддаются контролю и, по некоторым оценкам, составляют до 40 % общего дохода, увеличивались гораздо быстрее заработной платы, хотя и медленнее, чем в 1988 г.¹⁴

Одновременно со сдерживанием роста денежных доходов потребителей правительство КНР предприняло меры для максимальной откачки денег из оборота.

Одним из важных шагов в этом направлении была работа по упорядочению взимания налогов с предпринимателей и населения. Ранее уклонение от уплаты налогов носило массовый характер. По некоторым подсчетам, треть чистого дохода индивидуальных предпринимателей была получена за счет неуплаты налогов. Усиление контроля за порядком взимания налогов, выявление и наказание неплательщиков способствовали изъятию значительных средств у потребителей и притоку их в государственный бюджет. Кроме того, с целью дополнительной централизации финансовых средств в местных и центральном бюджетах были сформированы «фонды регулирования», в которые государственные предприятия, организации и местные правительства должны отчислять 10 % всех внебюджетных средств, а коллективные, кооперативные, частные и индивидуальные предприятия — 10 % прибыли после уплаты налогов.

Помимо усиления финансовой дисциплины, были значительно активизированы методы кредитного изъятия денег из обращения. В течение 1989 г. министерством финансов КНР был выпущен особый государственный заем для предприятий и организаций всех форм собственности на 5 млрд. юаней (сроком на 5 лет из расчета 15 % годовых), а также государственные казначейские билеты для распространения среди населения на сумму 5,5 млрд. юаней и компенсационный заем на 12 млрд. юаней¹⁵. Среди населения ведется широкая пропагандистская работа в целях распространения облигаций государственных займов, и их приобретение в большой степени носит «добровольно-принудительный» характер.

С целью привлечения средств на сберегательные вклады за время проведения курса неоднократно повышались банковские проценты, дифференцированные в зависимости от

срочности и вида вклада. Достаточно высокий уровень процентных ставок и компенсация инфляционного обесценивания вкладов способствовали значительному усилению притока денежных средств населения на банковские счета. В результате общий объем сберегательных вкладов городского и сельского населения вырос в 1989 г. на 35 % по сравнению с предшествующим годом. Премьер Госсовета КНР Ли Пэн столь значительный рост оценивает как показатель доверия народа к экономической политике правительства и широкой поддержки курса на развитие национальной экономики. Однако, с нашей точки зрения, резкое увеличение сбережений населения может быть вызвано тем, что в условиях недостаточной экономической и политической стабильности люди предпочитают откладывать деньги в ожидании худших времен.

Активное применение кредитных методов изъятия денег из наличного оборота, по оценке В. Г. Гельбраса, позволило сократить совокупную покупательную способность населения примерно на 15 %¹⁶.

Благодаря ужесточению контроля со стороны финансовых органов удалось затормозить чрезмерно быстрый рост непроизводительных расходов предприятий и организаций (оформление офисов, проведение банкетов и пикников, дорогие подарки и т. п.), сократив темпы роста их розничных закупок до 4,2 % в 1989 г. против 20,2 % в 1988 г.¹⁷.

Общим итогом действия всего комплекса мер, направленных на сокращение совокупного спроса, стало замедление темпов разрастания фонда потребления, вызвавшееся в возникновении явления «вялого рынка».

Сам по себе «спад потребительской горячки» вовсе не означает сбалансированности рынка ни по объемам предложения и спроса, ни по их структуре. Совокупный потребительский спрос по-прежнему растет быстрее валового национального продукта. С учетом сберегательных вкладов он составил в 1989 г. более 700 млрд. юаней, что на 20 млрд. юаней превышает общую стоимость произведенных потребительских товаров¹⁸. Помимо того, что предложение недостаточно для насыщения потребительского спроса по объему, имеют место значительные структурные перекосы в рыночной конъюнктуре по различным товарным группам. По данным министерства торговли, в конце 1989 г. из 488 основных видов промышленных товаров 30 % поступали в торговую сеть в недостаточном количестве и 15,5 % — в избыточном; из 93 основных видов сельскохозяйственной продукции 47 % товаров дефицитны, а для 11 % товаров предложение превышало спрос¹⁹. В то время как постоянно ощущается нехватка некоторых видов продовольственных товаров, сырья, материалов и энергоносителей, склады готовой продукции переполнены изделиями обрабатывающей промышленности. Наиболее остро стоит проблема затоваривания потребительскими товарами длительного пользования. Серьезные затруднения в сбыте таких видов продукции, как холодильники, цветные телевизоры, фотоаппараты, стиральные машины и т. д. создают угрозу нарушения нормального ритма работы предприятий-производителей. Ситуация выглядит таким образом, будто бы спрос на эти товары удовлетворен и имеет место перепроизводство. Однако на самом деле спрос, например, на электротовары еще очень далек от насыщения. Сегодня на 100 китайских семей приходится всего 39 телевизоров, 6 холодильников, 19 стиральных машин, 34 магнитофона²⁰. Причем, судя по темпам роста денежных доходов населения за последние несколько лет, этот спрос является вполне платежеспособным.

Влияние политики «сдерживания» на совокупный спрос не выразилось, таким образом, ни в значительном сокращении темпов роста фонда потребления, ни в насыщении рынка, ни в структурных изменениях потребности в различных товарах. Оно проявилось как простое «сжатие» спроса, реализуемого в данный период времени на рынке, под давлением внешних сил, а именно примененных государством мер фискального и кредитного характера и усиления административных методов управления в ущерб экономическим. Огромная сумма накопленного спроса в 700 млрд. юаней, не будучи реально связанной ни массой потребительских товаров, ни распродажей жилья или иных материальных ценностей, «нависает» над рынком, как лавина, готовая сорваться от малейшего толчка. Структурная несбалансированность спроса и предложения углубляется, так как когда давление осуществляется на совокупный спрос в целом, его «сжатие» происходит неравномерно, прежде всего в тех товарных группах, где это сокращение наименее болезненно для потребителя. В то время как фонд потребления обгоняет по темпам роста валовой национальной продукт, совокупный спрос продолжает накапливаться. В такой ситуации представляется очевидным, что относительное сокращение реализованного спроса (под воздействием внешнеэкономического принуждения) не мо-

жет иметь устойчивого характера и чревато новым инфляционным всплеском. Возникновение явления «вялого рынка» можно считать не «побочным результатом стабилизации экономического роста», а прямым следствием осуществления курса на «оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике».

Оказав заметное сдерживающее воздействие на совокупный общественный спрос, мероприятия этого курса не могли не повлиять и на предложение. Результат этого влияния вызывает в Китае еще большее беспокойство, чем «вялость» спроса. Сокращение бюджетного финансирования, ужесточение условий банковского кредитования, перекрытие рыночных каналов обращения продукции, усиление административного вмешательства в деятельность предприятий в совокупности привели к значительному замедлению темпов роста промышленного производства (вплоть до сокращения его объемов в отдельных отраслях), массовому закрытию предприятий, снижению экономической эффективности, обострению проблемы безработицы, существенному уменьшению финансовых доходов государства, углублению структурных диспропорций. Все эти негативные явления стали реальностью уже во второй половине 1989 г. и рассматривались в китайской официальной печати как новые противоречия, возникавшие по мере преодоления старых («перегрева» экономики и нарастающей инфляции). Возникают, однако, сомнения в том, что эти проблемы являются действительно новыми. Скорее они представляют собой проявление сложных противоречий экономики (как традиционных, так и возникших за годы реформы) в новых условиях хозяйствования, привнесенных «курсом оздоровления».

Для решения новых задач не понадобилось принимать новой экономической политики, так как «оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике» по-прежнему необходимы, хотя речь идет уже о преодолении иных (по сравнению с осенью 1988 г.) отклонений от «здорового» процесса экономического роста. В рамках прежнего курса действие уже опробованных методов государственного регулирования экономики было направлено на достижение противоположного результата. Если раньше, в условиях «перегрева» народного хозяйства и инфляции, требовалось сдерживание темпов экономического роста и сокращение спроса, то теперь на первый план выдвигаются новые требования (в рамках прежнего механизма воздействия) — подталкивание развития общественного производства и оживление рынка.

Вместо жесткого ограничения денежной эмиссии правительству пришлось в определенной мере ослабить контроль за выпуском денег в обращение. Произошел переход от предпринятых ранее мер по сдерживанию банковского кредитования и стимулированию накоплений (за счет повышения ставок процента по кредитам и депозитам) к расширению кредита и оживлению потребительского спроса путем дифференцированного понижения процентных ставок. Если раньше потребление предприятий и организаций находилось под строгим административным контролем и их непроизводительные расходы были жестко ограничены, то в настоящее время учреждениям и организациям принудительно реализуются дорогостоящие потребительские товары длительного пользования (обновление парка служебных автомобилей, причем дорогих марок китайского производства). Для решения проблемы заотоваривания рынка некоторыми потребительскими товарами в централизованном порядке снижены цены на некоторые из них (например, на 25 % снижены цены на отечественные цветные телевизоры), сделана попытка переориентировать товаропотоки на обширный и пока не освоенный сельский потребительский рынок.

Важнейшей проблемой продолжает оставаться нерациональная структура народного хозяйства. Для ее совершенствования наряду с избирательным характером финансирования и дифференцированными условиями кредитования, в рамках курса «оздоровления и упорядочения» применяются также такие методы, как составление ведомствами и правительствами всех уровней каталогов товаров, производство которых должно быть прекращено, приостановлено, ограничено, или, напротив, расширено. В соответствии с этими списками разрабатываются различные условия предоставления фондов, снабжения энергией, сырьем и полуфабрикатами, обеспечения транспортом.

С целью повышения экономической эффективности и улучшения результатов хозяйственной деятельности предприятий как основного звена национальной экономики им предписано повышать качество производимой продукции и сокращать при этом материальные затраты. В качестве важного средства достижения этих целей предлагается совершенствование подрядной системы, применение более жестких методов управления,

укрепление производственной дисциплины и разработка новых правил и инструкций.

Таким образом, рассматривая процесс «оздоровления» экономики в его новом аспекте (с конца 1989 г. по настоящее время), можно сделать вывод о том, что для выполнения новых (противоположных по сути) задач были использованы прежние методы, а именно усиление регулирующих функций органов власти всех уровней, ограничение свободы хозяйственной деятельности производителей, ужесточение административного контроля по вертикали. Китайские экономисты утверждают, что применение этих методов позволило в достаточно короткие сроки (практически меньше, чем за 1 год), стабилизировать народное хозяйство страны и сдержать галопирующую инфляцию. Уже высказав иную точку зрения о содержании и цене такого рода стабилизации, можно согласиться с китайскими коллегами в оценке результативности использованных методов. Действительно, они в полной мере продемонстрировали свою эффективность в сдерживании экономического роста и ограничении рыночной активности, причем не только в рассматриваемый период «наведения» порядка в экономике» (1988—1989), но и в ходе дореформенного развития. Однако потому и потребовалась коренная перестройка дореформенной экономической системы, базировавшейся на этих методах, что способы административного регулирования оказались не в состоянии обеспечить поступательное сбалансированное и эффективное развитие. Внеэкономическое принуждение хорошо зарекомендовало себя как ограничитель, но его стимулирующая функция весьма узка.

Показатели динамики развития экономики КНР за первые 8 месяцев 1990 г. не дают оснований для высокой оценки. По сравнению с тем же периодом прошлого года объем производства готовой промышленной продукции увеличился на 4,6 % (в сопоставимых ценах). Следует при этом отметить, что для предприятий общенародной собственности этот прирост составил 1,2 %, коллективной собственности — 4,8 %, а в других секторах экономики было произведено больше готовой продукции на 49,8 %. В целом валовая продукция промышленности возросла за 8 месяцев 1990 г. всего на 2,6 %²¹. По оценке известного китайского экономиста Чжан Чжоюаня, темпы роста промышленного производства, не превышающие 5 % в год, недостаточны для Китая, они не могут обеспечить необходимого уровня финансовых доходов и ведут к обострению проблемы безработицы²².

Пока не просматривается тенденция к сглаживанию структурных диспропорций, остается серьезным положение с обеспечением народного хозяйства сырьем и энергией. В 1990 г. лишь производство электроэнергии увеличилось на 5 %, а угля было добыто на 2,8 % меньше, чем за тот же период прошлого года, добыча нефти и газа тоже сократилась. Темпы роста производства основных видов сырья и материалов снижаются с каждым месяцем²³.

Состояние рынка продолжает оставаться «вялым». С трудом удалось переломить тенденцию к сокращению объемов товарооборота розничной торговли: в 1990 г. за 8 месяцев он увеличился на 1,9 % (в том числе товарооборот городских рынков возрос на 7,7 %, объем закупок предприятий и организаций увеличился на 7,6 %, а на сельских рынках реализовано товаров на 2,8 % меньше, чем за тот же период прошлого года)²⁴. Продолжают увеличиваться товарные запасы промышленной продукции, к концу июля 1990 г. общий объем готовой промышленной продукции на складах достиг 109,7 млрд. юаней (на 45,9 % больше, чем в июле прошлого года), причем основная часть этого прироста (30,3 %) приходится на первую половину текущего года.

Наиболее обобщенным и самым тревожным диагнозом состояния китайской экономики является показатель эффективности производства, которая продолжает снижаться. Отчисления в бюджет от прибыли промышленных предприятий сократились за рассматриваемый период на 56,8 %, треть всех производственных единиц является убыточными, и по сравнению с прошлым годом сумма этих убытков возросла на 102,4 %²⁵.

Слабая результативность усилий, предпринятых для оживления «замороженной» стабилизационными мерами экономики, ставит вопрос о том, можно ли было в принципе в рамках курса «оздоровления и упорядочения» добиться нового роста на основе достигнутой стабилизации. Механизм действия курса основан на торможении и частичном сведении на «нет» элементов механизма рыночного регулирования, возникших за годы экономических реформ вплоть до 1988 г. Им на смену восстановлена модель централизованного управления экономикой, вновь расширена сфера директивного планирования и полномочий органов государственной власти. Однако воссоздание в полном объеме прежней экономической системы, базировавшейся исключительно на вертикальных

связях, уже невозможно, так как в процессе хозяйственной реформы произошла в определенной степени диверсификация производств по формам собственности и начала формироваться рыночная среда. Централизованное воздействие на экономические процессы уже не может быть всеохватывающим, а без него неосуществимо плановое установление и поддержание народнохозяйственных пропорций. В результате происшедших изменений в распоряжении правительства, проводящего курс «оздоровление и упорядочение», не остается никакого действенного механизма преодоления структурных диспропорций и обеспечения сбалансированного развития. Кроме того, как и в прошлом, административное управление экономикой продемонстрировало свою неспособность добиться повышения экономической эффективности производства. Пока собственные (коллективные и индивидуальные) интересы производителей принудительно подчинены «интересам общества», то есть фактически государственным интересам, основной целью их деятельности остается не производство максимума продукта с минимальными издержками, а выполнение нормативов и инструкций при минимальных затратах труда.

Таким образом, объективный ход развития экономической ситуации в КНР ставит перед необходимостью нового выбора. С одной стороны, в Китае признано, что итогом непродуманного проведения экономических реформ стал кризис осени 1988 г., обостривший социальную и политическую напряженность. С другой стороны, опыт показывает, что курс «на оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике» не в состоянии дать необходимый импульс к новому оживлению развития.

Китайские экономисты продолжают поиск приемлемых вариантов выхода из этой ситуации, хотя и в строго ограниченных рамках официальных установок, которые вновь выдвигают на первый план критерий социалистичности и призывают к борьбе с «буржуазной либерализацией». На симпозиуме в городе Ханьчжоу, организованном в июне 1990 г. Академией общественных наук КНР, большинство ученых-экономистов сошлись во мнении, что для обеспечения устойчивого и эффективного развития недостаточно усиления мер административного воздействия на производителей, необходимо их оптимальное сочетание с экономическими механизмами. Китайские ученые полагают, что в процессе оздоровления экономики были подготовлены условия для углубления хозяйственных реформ в КНР. В настоящее время вопрос состоит в том, какое содержание вкладывается на данном этапе в понятие «экономическая реформа» и к какой целевой модели направлены новые преобразования.

В официальных выступлениях китайского руководства всегда присутствует тезис о необходимости продолжения экономической реформы. До кризиса осени 1988 г. процесс перестройки включал в себя широкий теоретический и практический поиск вариантов перехода к новым экономическим отношениям и формам, способным дать импульс развитию производительных сил. В период проведения курса «оздоровление и упорядочение» рамки поиска были строго ограничены определением реформы как «самосовершенствования и саморазвития социалистической системы, призванного продемонстрировать ее преимущества»²⁶. Экономической опорой социалистической системы являются крупные и средние предприятия государственной (общенародной) собственности, которые предполагается «оживить» путем совершенствования системы подрядной ответственности, ужесточения методов директивного планирования и контроля и за счет преференциальной политики государства в области предоставления фондов, субсидий, кредитов, распределения дефицитных ресурсов и т. д. Значительно расширяются экономические функции центральных и местных органов власти, их права по регулированию деятельности субъектов хозяйственной деятельности, по осуществлению структурной политики и макроэкономического контроля. В рамках данной концепции реформы под продолжением реформы цен подразумевается централизованное повышение уровня цен для одних товарных групп и понижение — для других товарных групп в условиях, когда практически приостановлены процессы свободного рыночного ценообразования и произошел возврат к государственным ценам (хотя и «плавающим»).

Представляется, что при таком понимании экономической реформы трудно ожидать глубоких перемен в хозяйственной жизни Китая, поскольку предлагаемые мероприятия не вносят серьезных изменений в экономическую систему КНР и не приведут к формированию качественно новых отношений и форм. С нашей точки зрения, они не только не являются шагами вперед на пути реформы, но и закрепляют то отступление от курса на становление товарного хозяйства, которое, по нашему мнению, произошло в период «оздоровления и упорядочения». Сдерживание развития рыночных отношений и восста-

повлечение вертикальных связей основывалась на том выводе, что чрезмерно быстрое развитие рыночных отношений стало причиной «перегрева» экономики и резкого скачка инфляции, то есть кризиса 1988 г. На деле причиной кризиса была несогласованность мероприятий экономической реформы, в процессе которой были созданы условия для зарождения рыночной среды (за счет частичного введения свободных цен), но оставалось невозможным массовое формирование реальных товаропроизводителей. Вместо них основными субъектами рыночных отношений стали ведомства, местные правительства и предприятия государственной собственности, продолжающие оставаться на иждивении государства, не отвечающие собственным имуществом за результаты хозяйственной деятельности, заинтересованные не в максимизации прибыли на длительную перспективу, а в извлечении сиюминутной выгоды. Рыночная деятельность такого рода субъектов и породила кризисную ситуацию, продемонстрировав несоответствие новой хозяйственной среды уровню производственных отношений, сохраняющихся в государственном секторе экономики.

Основанный на сдерживании рыночных отношений и усилении централизованного регулирования курс «оздоровление экономической обстановки и наведение порядка в экономике», как комплекс чрезвычайных стабилизационных мер, способствовал некоторому снижению инфляционного давления и «заморозил» темпы экономического роста. Таким образом, была создана база для дальнейшего углубления реформ, их вторжения в отношения собственности, лежащие в основе экономической системы. На этом пути может быть найден выход из нынешней сложной ситуации, когда «подталкивание» сверху не способно оживить производство, находящееся в состоянии стагнации, и обеспечить повышение экономической эффективности. Сам объективный ход хозяйственного развития заставляет сделать важные выводы из опыта проведения курса «оздоровление и упорядочение» и показывает жизненную необходимость идти дальше по пути реформ.

¹ Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля.

² Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 21.— P. 27.

³ Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля.

⁴ Asian Survey.— 1989.— V. XXIX.— № 7.— P. 211.

⁵ Цзинцзи яньцзю.— 1989.— № 12.— С. 3; Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 8.— P. 26;

Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 февраля.

⁶ Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 27.— P. 6; Синьхуа.— 1990.— 23 октября.

⁷ Цзинцзи яньцзю.— 1989.— № 12.— С. 4.

⁸ Цзинцзи жибао.— 1990.— 21 июня; Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 15.— P. 20.

⁹ Чжан Чжоюань. Реформа цен и становление рынка в Китае. Доклад на первом советско-китайском симпозиуме по проблемам экономических реформ в СССР и КНР (Москва, 13–15 февраля 1990 г.).

¹⁰ Цзинцзи яньцзю.— 1989.— № 12.— С. 3.

¹¹ Цзягэ дилунь юй шицзянь.— 1989.— № 11.— С. 54–55; Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 25.— P. 7.

¹² Цюнь.— 1990.— № 1.— С. 15.

¹³ Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 20.— P. 17.

¹⁴ Ibid.— 1990.— V. 33.— № 21.— P. 27–28.

¹⁵ Цзинцзи жибао.— 1989.— 6 мая; Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 8.— P. 26.

¹⁶ Гельбрах В. Г. Экономическая реформа в КНР. Очерки, наблюдения, размышления.— М., 1990.— С. 237.

¹⁷ Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 21.— P. 27.

¹⁸ Ibid.— P. 28.

¹⁹ Цюнь.— 1990.— № 1.— С. 14.

²⁰ Цзинцзи жибао.— 1990.— 18 апреля.

²¹ Там же.— 21 сентября.

²² Цзинцзи яньцзю.— 1989.— № 12.— С. 4.

²³ Цзинцзи жибао.— 1990.— 9 сентября.

²⁴ Там же.— 1990.— 21 сентября.

²⁵ Там же.— 9, 21 сентября.

²⁶ Beijing Review.— 1990.— V. 33.— № 16.— P. 16–22.

О «длинных волнах» в развитии экономики

В. ЗОТОВ

В предыдущей статье* на примере СССР и КНР был рассмотрен характер дефицитных циклов социализма, средняя продолжительность которых, по нашим расчетам, составляет соответственно 6,4 и 5,5 года. Это лишь один из видов волнообразного движения, который, как представляется, наиболее ярко выражает сущностные черты обществ, которые принято называть социалистическими.

В последние годы в зарубежной и советской литературе стала обсуждаться гипотеза о существовании длинных волн в развитии социалистической экономики¹. Примененная нами методика выявления циклических колебаний интенсивности дефицита позволяет предложить одно из возможных толкований этой научной проблемы. В смене среднесрочных циклов послевоенного хозяйства СССР и Китая на фоне «нормальных» всплесков дефицитности и уравнительности возникают кризисные периоды, выделяющиеся своей продолжительностью и «пиковыми» значениями макроиндекса интенсивности дефицита. Так, в Советском Союзе с начала 60-х до середины 80-х годов эти показатели колебались в пределах 101—103 пунктов, тогда как в 1954—1959 гг. и в 1984—1990 гг. макроиндекс «зашкаливало» (предельные значения — от 105 до 110 пунктов), не говоря уже о необычно долгом — 6—7 лет — росте дефицитов. Сходная ситуация наблюдалась и в КНР: вслед за длительным дефицитным кризисом 1955—1960 гг., когда макроиндекс достиг рекордной отметки 114,2 пункта, последовало четыре цикла с более плавными колебаниями, а затем, в 1982—1988 гг., наступил новый этап чрезвычайно длительной и интенсивной дефицитности.

Такая особенность динамики рассчитанного нами макроиндекса интенсивности дефицита может указывать на наличие закономерностей, проявляющихся в более длительные промежутки времени, чем 5—6 лет. Иными словами, речь идет о «социалистических» длинных волнах, продолжительность которых, по нашим расчетам, составляет около 30 лет (в Советском Союзе одна из таких волн длилась с 1954 по 1985 г., в Китае — с 1953 по 1985 г.).

Во время прилива каждой такой волны общество переживает несколько среднесрочных циклов, последовательность которых представлена в таблице. Первые два цикла, «открывающие» длинную волну, отличаются наиболее резкими перепадами значений макроиндекса дефицитности. На рубеже 50—60-х годов их максимальный разнос в СССР превышал 6 пунктов (стандартное отклонение от «нормы» $\pm 3,67$), в КНР — 20 пунктов ($\pm 10,34$). Экономический рост в этот период оказывается сравнительно быстрым, но носит нездоровый характер, сопровождаясь сменой острых дефицитов и ужесточения нормированного распределения. Происходит нарастание структурных диспропорций («напряженный» цикл), которые венчает кризис. Затем наступает цикл «нормализации», в ходе которого дефицитная синусоида сглаживается, инвестиционный климат становится более прохладным, потребительский спрос — вялым. После этого отмечается самый спокойный период, когда колебания макроиндекса становятся минимальными (в СССР стандартное отклонение — чуть больше единицы, в КНР — между 3 и 4). Заканчивается длинная волна циклом нестабильности, характеризующимся новыми всплесками дефицитов, крупными структурными сдвигами, перепадами в темпах роста. В результате происходит прилив новой длинной волны, знаменующей усиление напряженности в народном хозяйстве. Так, во второй половине 80-х годов и в Советском Союзе, и в Китае разброс значений макроиндекса дефицитности подскочил до 10 с лишним пунктов (стандартное отклонение в 1986—1988 гг. — соответственно $\pm 6,2$ и $\pm 6,71$).

* Статья первая — «Дефицитные циклы и «длинные волны» развития» — опубликована в журнале «Проблемы Дальнего Востока», № 6 за 1990 г.

Дефицитные длинные волны отражают закономерности не только экономического, но и *политического характера*. Подобно тому как внутри каждого цикла детерминированы определенные изменения политической ситуации в обществе (кризис в «верхах» — попытки реформ — ужесточение режима), их чередование в рамках длинных волн также подчинено некоторой последовательности. «Напряженный» цикл отмечен интенсивными поисками методов ускорения развития страны, которые сопровождаются острой борьбой за власть (достаточно вспомнить жесточайшее противостояние лидеров ВКП(б) в 20-х годах, шумные «дела» середины 50-х годов, имевшие место как в Китае, так и в Советском Союзе, которым не уступают и совсем свежие события второй половины 80-х годов). «Кризисный» цикл — это реализация крупных политических и экономических начинаний, оборачивающихся тяжелейшими последствиями (голод после завершения коллективизации в СССР и «большого скачка» в КНР, срыв в сельском хозяйстве после реформ Н. С. Хрущева). Определение нами следующего цикла как «нормализации» выглядит, возможно, парадоксально, поскольку совпадает с такими событиями, как разгул репрессий 30-х годов, приход к власти Л. И. Брежнева в 1964 г. в Советском Союзе, начало «культурной революции» в Китае. Однако с точки зрения сохранения основ существующего общественного строя (мы здесь не ставим цель дать ему определение — «сталинская модель», «административная система» либо как-то иначе) такого рода периоды реакции играют стабилизирующую роль.

Чтобы избежать сильного разнобоя в терминологии, следующую за кризисом наиболее продолжительную часть длинной волны мы вынуждены назвать «застоем», поскольку это определение, имеющее скорее эмоциональную окраску, а не научное обоснование, стало общепринятым в нашей литературе. Этот этап (в СССР он состоит из одного, самого продолжительного цикла, в КНР — из двух), являющийся наименее конфликтным в экономической области, в политическом смысле представляет собой медленный переход от господства ортодоксального («левого») направления к элементам плюрализма. Последний цикл («нестабильность») отмечен самыми непредсказуемыми политическими ситуациями, крупными изменениями расстановки сил в «верхах», происходящими в форме «дворцовых переворотов».

Таблица

Длинные волны	СССР		Китай	
	Годы	S _i	Годы	S _i
Напряженность	1954-1957	3,08	1953-1958	8,75
Кризис	1958-1963	3,67	1959-1963	10,34
Нормализация	1964-1969	1,77	1964-1967	4,19
Застой	1970-1977	1,28	1968-1973	3,80
		(1,60)*	1974-1979	3,07
Нестабильность	1978-1985	1,85	1980-1985	6,26
Напряженность	1986-?	6,20**	1986-?	6,71**

Примечание. S_i — стандартное отклонение макроиндекса интенсивности дефицита от «нормального» для данного хозяйства уровня.

* Из-за нехватки статистических данных расчет макроиндекса интенсивности дефицита (1,28) в данном цикле произведен за период 1971-1977 гг. Для подстраховки приведено также стандартное отклонение индекса дефицитности по средним производства (1,60) за весь цикл «оживления» 1970-1977 гг.

** Данные за 1986-1988 гг.

Поскольку с помощью математических методов нам удалось провести сравнительный анализ лишь двух полных длинных волн², вероятность ошибки в выводах очень высока. Уменьшить ее позволит применение «органического» подхода, впервые предложенного представителем французской исторической школы «Анналов» Фернаном Бро-

делем. Согласно его концепции, каждая длинная волна представляет собой новое состояние общества, качественно отличающееся от предыдущего не только по технико-экономическим, но и по всем другим параметрам, включая социальные отношения, состояние общественного сознания, политическую систему.

На сегодняшний день можно выделить *три последовательно чередующиеся модели*, соответствующие длинноволновым колебаниям социалистического общества. Лучшее всего изучена первая из них, прилив которой наблюдался в Советском Союзе в 20—50-х годах, в Китае — в 50—80-х годах. Технологический способ производства в эти десятилетия, несмотря на ускоренную модернизацию, продолжал покоряться на живом труде, обеспечивающем более 50 % прироста ВВП. Организационные формы соединения факторов производства при такой материально-технической базе сравнительно просты: максимальная централизация, строгая иерархичность хозяйственной структуры, сосредоточение прав принятия решений у высшего органа власти.

Характер общественных отношений *первой длинной волны*, на наш взгляд, наиболее точно описан в работах тех авторов, которые отталкиваются от данной в ранних трудах К. Маркса характеристики «первой формы» коммунизма как всеобщей частной собственности, стремящейся уничтожить все то, что не может быть предметом непосредственного физического обладания каждым представителем человеческой массы³. На этой основе формируется система социальных связей, которую М. Г. Завельский определяет как «законодательно закрепленный «общественный договор», по которому каждый хозяйственный агент утрачивает отношение как к своей собственности не только к продуктам своего труда, но и к своим способностям, предоставляя отделенной от него строго регулирующей власти право постоянно распоряжаться ими, а потому «потреблять» самого себя в форме безоговорочной реализации декретированного ею поведения». Отношения людей принимают при этом форму отчужденных как от самих людей, так и от материальных средств существования, «идеальных отношений символов таких средств в плане предстоящих действий»⁴.

Отличительной особенностью общественного сознания в этой системе является установка на тотальное равенство — принципиальную социальную равноценность всех членов общества, достижимую лишь при полном отрицании суверенности личности, абстрагировании от индивидуальных способностей и талантов. Формируется, по выражению Б. И. Кочубея, «культ неличности», когда идеалом выступает «простой» человек с наиболее примитивными свойствами, связями и интересами⁵. Ориентация общества на «закрывающих» делает главной опорой власти люмпен-пауперские и маргинальные слои, которые по своему положению и численности занимают господствующее место. Для решения непосильной задачи всеобщего выравнивания требуется применение самых жестких форм административного принуждения и создание из представителей указанных слоев специального контрольно-репрессивного аппарата.

Социальный строй, соответствующий первой длинной волне социализма, наиболее близок к хорошо известным этнографам дуальной организации. Она представляет собой структуру, характеризующуюся делением всех социальных групп на две части, члены которых «поддерживают между собой отношения, выражающиеся как в тесном сотрудничестве, так и в скрытой вражде, причем обычно оба этих типа поведения объединяются»⁶.

В зависимости от характера цикла эпицентр общественных противоречий смещается. Наиболее распространены два типа конфликтов. В начале и конце длинной волны («напряженность», «кризис» и «нестабильность») на первом плане находятся противоречия между «людьми массы» и самой инициативной и предприимчивой частью общества, которые разрешаются в пользу первых. В наиболее спокойной средней части волны обостряются конфликты внутри самой массы, которые выражаются в противостоянии «неудачников» (не удовлетворяющих даже примитивным требованиям и иждивенчески настроенных работников) и «передовиков» (добившихся успеха, остановившихся в развитии и оберегающих свои привилегии работников).

Идентифицировать первую длинную волну в развитии социализма помогает ряд особенностей в характере циклических колебаний средней длительности. Сопоставляя советскую экономику 20—50-х годов и китайскую 50—80-х годов, можно заметить, что начало «прилива» этой волны знаменуется голодом в прямом смысле этого слова, что дает основание назвать ее «дефицитом жизни». Самая трагическая ситуация возникла в «кризисном» цикле (последствия коллективизации в СССР, «большого

скачка» в КНР). Закономерно поэтому, что в уравнительном распределении ведущую роль играла карточная система. Формы организации «белого» и «черного» рынков отличались простотой и сравнительно небольшими масштабами. Они покрывали ограниченный набор жизненно важных ресурсов и продуктов, оставляя место относительно независимому легальному рынку с равновесными ценами. Административное вмешательство государства в экономику осуществлялось самыми примитивными, полувоенными методами.

Прилив *второй волны* в развитии социализма (СССР в 50—80-е годы, КНР со второй половины 80-х годов) распознается с помощью системы наиболее характерных материально-технических и социокультурных признаков. В техносфере при формировании единых топливно-энергетических комплексов происходит интенсивный сдвиг в сторону потребления *невозобновляемых источников энергии*. Не случайно в обеих странах произошел скачок в нефтедобыче, пришедшийся в Советском Союзе на 60—70-е годы и наблюдающийся в Китае сейчас.

В соотношении факторов производства роль живого труда перестает быть ведущей. Это утверждение, очевидное для СССР, верно и для КНР, где к середине 80-х годов впервые за всю историю страны вклад этого фактора в увеличение производства уменьшился до 45 %, тогда как на капитал и технологию пришлось соответственно 45 и 10 %. К началу 90-х годов, по расчетам китайских специалистов, этот сдвиг углубился далее (соотношение труда, капитала и технологии — 40:40:20)⁷.

Хозяйственный механизм второй длинной волны развития социализма теряет прежнюю целостность, становится фрагментарным. С ростом масштабов производства система единого централизованного управления дробится, ее отдельные звенья все больше замыкаются каждая на себя. По утверждению А. Д. Смирнова, «подобное хозяйство можно представить как бы разделенным на «ниши», которые отведены каждому производителю и централизованно прикрепленным к нему потребителям. Подобное хозяйство — нечто вроде пчелиных сот, каждая «ячейка» которых, специфицируя определенную потребность, «заполняется» производителями, организационно и экономически обособленными друг от друга»⁸.

Принципиальное отличие хозяйственной организации второй волны от первой состоит в том, что при сохранении государственной монополии и иерархической структуры роль главного экономического субъекта, сосредоточивающего в своих руках права присвоения и распределения, переходит от Центра к ведомственным и региональным органам. Несмотря на то, что в каждой стране этот процесс протекает по-своему (так, для Советского Союза более характерна ведомственность, а для Китая — местничество), его социально-экономическое содержание может быть сведено к единому знаменателю: наличие сохранение внеэкономического принуждения под покровом квазистоймостных отношений. Множественность субъектов собственности разрушает «единое натуральное потребительское трудовое хозяйство»⁹ и заставляет перейти к некоему подобию возмездных форм обмена — рынку, на котором некоторую свободу выбора имеет не потребитель, а монополист-производитель. Для последнего «директивный» план становится предметом «торга», в котором выигрывает тот, кто имеет более крепкие неформальные связи в вышестоящих органах. Кроме того, благодаря ослаблению централизма (результат реформ) производитель получает возможность заменять одну продукцию на другую, более выгодную, под прикрытием плана по «валу», а также реализовывать внеплановый товар.

Важной особенностью менталитета второй длинной волны становится некоторое приглушение роли «человека массы», что проявляется в более внимательном отношении к трудовому коллективу (а не к государству в целом) и к личным способностям человека. На смену прежним идеальным образам типа Павки Корчагина или «железного человека Дацина» Ван Цзиньси приходят герои-«новаторы», которых отличает не столько готовность работать по приказу где угодно и при каких угодно условиях, сколько инициативность, проявляющаяся в заботе об интересах своего коллектива и стремлении к освоению новых форм хозяйствования, основанных на материальном стимулировании (наиболее характерные литературные персонажи — «бригадир Потапов», «директор Цяо» и т. п.).

Под воздействием квазистоймостных отношений происходит «меркантилизация» общественного сознания. Стремление, как говорят в Китае, «равняться во всем на звонкую монету», вызывая естественное недовольство старшего поколения, превращает-

ся тем не менее в один из устойчивых стереотипов поведения. Несмотря на внешнее сходство, он, по существу, не имеет ничего общего с наиболее распространенным в условиях капитализма «рыночным характером», обладатель которого, как писал Эрих Фромм, чувствует себя товаром на «рынке личностей». Такой человек осознает, что для достижения успеха надо не только обладать определенными способностями и навыками, но и пройти через жесткую конкурентную борьбу, победа в которой зависит от того, «насколько выгодно удастся людям преподнести себя как «личность», насколько красива их «упаковка»¹⁰. Носитель психологии социалистического меркантилизма, напротив, не приемлет конкуренции. Его характер выступает как обратная сторона установки на тотальное равенство и отличается ярко выраженными иждивенческими наклонностями, стремлением найти высокий заработок без больших личных затрат, острой завистью к чужому успеху, не стимулирующей производственную или предпринимательскую активность, а порождающей желание «выбить» для себя дополнительные льготы и привилегии.

Выявление циклических закономерностей развития советского и китайского обществ позволяет высказать некоторые предположения относительно будущих изменений в этих странах. Прогноз в отношении КНР может быть более надежным, поскольку она в настоящее время находится в состоянии, при котором лишь начинается прилив *второй длинной волны*. Это дает возможность пользоваться не только методом экстраполяции, но и сравнениями с Советским Союзом, уже пережившим аналогичную эволюцию в 50—80-е годы.

Социально-экономическая структура Китая со второй половины 80-х годов приобрела новые качественные черты, описанные выше. В соответствии с этим должно измениться и движение среднесрочных дефицитных циклов. Следует ожидать, что, как и в СССР, их продолжительность увеличится до 6 и более лет, а колебания постепенно станут более плавными.

Согласно нашим расчетам, нынешний цикл, начавшись в 1986 г., прошел фазу «пика», затем в 1989—1990 гг. пережил спад дефицитности и не позже, чем в 1991 или 1992 г., должен вступить во вторую свою часть (возможно, усеченную), состоящую из фаз нового подъема, который будет сопровождаться углублением народнохозяйственных диспропорций, расширением масштабов теневой экономики, нарастанием социальной напряженности. В экономической политике можно ожидать, что после слабой и кратковременной попытки активизировать реформы правительство вновь обратится к испытанным методам административного давления. По завершении этого цикла страна вступит в новый, начало которого (ориентировочно 1992—1993 гг.) удастся зафиксировать по «пиковым» значениям макроиндекса дефицитности. Примерно в этот же период наиболее высокой будет вероятность очередного политического кризиса.

Насколько такой сценарий соответствует политическим реалиям Китая? В 1991 г., согласно планам китайского руководства, завершается трехлетний период «наведения порядка в экономике», отличающийся усилением централизации, повышением роли директивного планирования в ущерб развитию рыночных отношений, применением необычно жестких для последнего десятилетия методов административного контроля. Эта политика способствовала некоторому охлаждению экономической среды: резко замедлился рост инвестиций, уменьшился потребительский спрос, снизились темпы инфляции. При первых же признаках нормализации специалисты заговорили о дальнейшем продвижении хозяйственных преобразований. Так, в 1990 г. в КНР вновь стала обсуждаться возможность широкомасштабной реформы цен, размораживания экспериментов по созданию фондового рынка и акционерной системы. На официальном уровне было объявлено о разработке новых мер, подразумевающих качественный скачок в процессе «открытия» экономики страны. В их числе — предоставление льгот для иностранного капитала на огромной приморской территории, и прежде всего в провинциях Цзянсу, Чжэцзян, городе Шанхае (промышленный район Пудун). Последний, как ожидается, по степени вовлеченности в международное разделение труда превзойдет нынешних лидеров «открытой» политики — провинции Гуандун и Фуцзянь, где расположены четыре свободные экономические зоны¹¹.

Дискуссии в прессе и научных кругах отразили в данном случае новые нюансы в расстановке политических сил. Анализ выступлений китайских руководителей, подкрепленный сведениями из гонконгской печати, показывает, что в течение 1990 г. прослеживалась тенденция (особенно заметная по контрасту с 1989 г.) к некоторой либерализации

экономического курса и политического режима. Поездка Дэн Сяопина в январе 1990 г. в Шанхай, где он высказался за ускорение развития экономики города за счет привлечения иностранного капитала, послужила своеобразным сигналом для некоторых лидеров КПК, позволивших себе откровенные заявления, осуждающие догматизм и «левацкий уклон». Эти акции были подкреплены конкретными шагами правительства, призванными продемонстрировать верность политике реформ. К ним прежде всего относится отмена репрессивных мер по отношению к частному бизнесу и мелким поселково-волостным предприятиям.

Указанные факты подтверждают возможность кратковременного оживления реформаторской деятельности. Вместе с тем такой поворот в политике не окажет существенного влияния на общую направленность развития страны, окончательно определившуюся после трагических событий на площади Тяньаньмэнь летом 1989 г. Нам уже приходилось обосновывать тезис о том, что китайское общество в основном исчерпало обновленческий потенциал на период прилива второй длинной волны и не имеет достаточных экономических, социальных, культурных и политических предпосылок для новых качественных изменений своего состояния¹². Этот вывод подтверждают материалы исследовательской группы, участвовавшей под эгидой АОН КНР в разработке 8-го пятилетнего плана (1991—1995) и концепции экономического и социального развития страны до 2000 г., в которых «центральной звеном» политики правительства на всем протяжении 90-х годов названо упорядочение структуры экономики, а не ее реформа. Признано также необходимым не ограничиваться, как это предусматривалось ранее, тремя годами «наведения порядка», а продолжить осуществление «оздоровительных» мер административно-нажимными методами в течение еще двух лет 8-й пятилетки или «более длительного периода»¹³.

Принем на вооружение стратегических установок, надолго ставящих заслон радикальным реформам, демонстрирует, что за внешней активностью противников ортодоксальной линии скрывается слабость их позиций в органах партийной и государственной власти КНР. По нашим наблюдениям, за последние два года в стране произошла «тихая революция», выразившаяся в крупных кадровых перестановках. Устранение с политической арены Чжао Цзыяна, Ху Цили и Жуй Синвэня привело в действие принцип «домино»: на более низких ступенях власти под разными предлогами освобождены от своих обязанностей многие деятели, которых причисляли к последовательным приверженцам реформ. Их места заняли лица, пользующиеся репутацией «консерваторов». Среди них выделяется группа «люэпай» (учившиеся или стажировавшиеся в 50-е годы в СССР и странах Восточной Европы), а также работники правоохранительных органов.

Оставшиеся в партийно-государственном руководстве политики, которых можно было бы причислить к сторонникам умеренных реформ (группировка «радикальных реформаторов» настолько утратила влияние, что уже не в состоянии серьезно влиять на принятие решений), сохраняют сейчас свои посты и способны действовать в основном благодаря авторитету и личной поддержке Дэн Сяопина. Его окончательный уход из политической жизни неизбежно повлечет за собой новое наступление консервативно настроенных сил. Укрепление ортодоксальной линии в курсе КПК, вероятнее всего, станет результатом очередного кризиса в «верхах», который ознаменует начало нового дефицитного цикла в развитии китайского общества. Поскольку и сам этот цикл, по нашей классификации, будет «кризисным», глубина социально-политических потрясений может оказаться значительной и иметь далеко идущие последствия. Не исключено формирование авторитарного режима, заинтересованного не только в «замораживании» развития стоимостных отношений, но и в частичном восстановлении прежних структур¹⁴.

По сравнению с Китаем прогноз развития Советского Союза, основанный на анализе циклических закономерностей, представляет собой более сложную задачу, поскольку наша страна вступила в *третью длинную волну*, основные характерные черты которой лишь намечаются. Трудности особого рода связаны с тем, что наше наблюдение ведется «изнутри» и не может быть полностью избавлено от «шума», создаваемого идеологической и политической борьбой. Велик, например, соблазн под влиянием охватившего все общество напряженного ожидания принять изменения, происшедшие в СССР после 1985 г., как долгожданный разрыв с «циклической традицией», имеющей многовековую историю, естественным продолжением которой являются и последние семь десятилетий. Однако анализ дефицитных циклов показывает, что, несмотря на некоторые отклонения от «нормы» (прежде всего необычная продолжительность «пико-

вой» фазы дефицита), социально-экономическое развитие СССР второй половины 80-х годов в целом укладывается в рамки устойчивых колебаний.

Если сопоставить уже изученные особенности цивилизаций восточного типа с ситуацией в нашей стране, то общественные изменения, сопровождающие политику перестройки, выглядят естественными для наблюдаемого сейчас прилива третьей длинной волны. Согласно закономерностям еще более общим, чем «длинноволновые» колебания¹³, восточные цивилизации каждые 100—150 лет проходят большой круг, последовательно чередуя три состояния:

- экономический рост, укрепление деспотии;
- стагнация, ослабление центральной власти, борьба за политическое влияние;
- упадок, разложение структур власти, массовые волнения.

Каждое из этих состояний соответствует приливам длинных волн. Так, в Советском Союзе период роста пришелся на волну 20—50-х годов, а стагнации — на 50—80-е годы. Пока трудно с высокой степенью достоверности определить, являются ли наблюдаемые сейчас экономический кризис, сильные центробежные тенденции в республиках и высокая социальная напряженность признаками перехода общества в состояние упадка (стагнация может продолжаться в течение нескольких длинных волн). Но то, что в стране вызрела идея реформ, по масштабам своим не уступающим, например, реформе 1861 г., уже очевидно. А согласно циклической традиции, такого рода преобразования осуществляются именно в стагнационный период и оборачиваются в конце концов возвратом к тоталитарной структуре.

Удастся ли стране нарушить последовательность движения по порочному кругу в период прилива третьей длинной волны, в значительной степени зависит от того, какие изменения произойдут в материально-технической области. Некоторые шансы на успех даст такое повышение удельного веса технологии, при которой живой труд и капитал играли бы подчиненную роль. Решающее значение будут иметь темпы формирования четвертичного (информационного) сектора экономики, удельный вес которого в развитых обществах достигает уже половины валового национального продукта.

Требованиям новой технологической революции слабо отвечают уже набравшие силу тенденции в хозяйственном механизме советской экономики. Его фрагментарность по сравнению с периодом второй длинной волны приобретет, видимо, качественно новые масштабы, функции главного экономического субъекта перейдут к предприятиям и их объединениям. Это будет означать фактическую ликвидацию существовавшей в 50—80-е годы организационной структуры, базировавшейся на ведомственных и местных органах управления.

Дробная хозяйственная организация приведет к распылению сложившихся корпоративных связей, которые не получат адекватной замены. В результате процесс дальнейшей индивидуализации сознания не будет уравновешиваться устойчивым ощущением принадлежности к той или иной социальной группе. Как и в период прилива первой длинной волны, поведение людей вновь начнет подчиняться главным образом закономерностям, характеризующим психологию толпы. Только теперь благодаря смягчению тоталитарного режима и расширению возможностей свободного волеизъявления это поведение уже не станет подчиняться указаниям «сильного центра», а окажется податливым к призывам многих новых вождей. Типичным станет состояние социальной фрустрации — массового недовольства как выражения несбывшихся желаний.

Социальная и политическая обстановка в этих условиях будет отличаться чрезвычайно высокой нестабильностью.

По охватившему сейчас страну карточно-распределительному синдрому видно, что по крайней мере на период очередного витка принципиально не изменится характер движения среднесрочных циклов, отражающих главные отличительные черты экономической системы социализма — дефицитность и затратность. При высоких показателях интенсивности дефицита по-прежнему будет ужесточаться нормированное распределение, а при появлении признаков нормализации — оживляться реформаторская деятельность. Для нынешнего цикла, начавшегося в 1986 г., переломным оказался 1990 г., когда в ответ на резко обострившийся товарный голод начался массовый переход на карточную систему. Так, по оценке экспертов еженедельника «Коммерсант», только в РСФСР доля пищевых продуктов, распределенных по талонам, выросла за год в стоимостном выражении на 30—35 %¹⁶. По нашим расчетам, в течение 1991 г.

должно произойти падение макроиндекса интенсивности дефицита, вслед за которым вновь начнется его увеличение. Новый «пик» дефицитности следует ожидать с 1993—1994 гг., когда общество вступит в новый, самый тяжелый на протяжении всей длинной волны цикл «кризиса».

С ростом нехватки ресурсов и потребительских товаров связано обострение политической борьбы. Закономерным выглядит усиление трений в «верхах», происшедшее во второй половине 1990 г. и вылившееся в правительственный кризис и кровавые столкновения в Прибалтике. Однако нынешние трудности являются еще не самыми тяжелыми. Если исходить из циклических закономерностей, то наиболее глубокие политические потрясения, вероятнее всего, следует ожидать в середине 90-х годов, то есть в начале кризисного цикла. Именно в этот момент, скорее всего, произойдет самое ожесточенное столкновение между представителями старых структур партийно-государственной власти и кренущей оппозицией.

Следует подчеркнуть, что при составлении прогноза мы стремились исходить не из соображений того, что было бы желательно или нежелательно для КНР или СССР, а из выявленных циклических закономерностей, приводимых в действие рядом факторов. В научной литературе главное внимание, как правило, уделяется материальным предпосылкам движения дефицитных циклов и длинных волн. В работах на эту тему, в том числе опубликованных в Китае, доказывается, например, что чередование деловых циклов определяется прежде всего изменениями в инвестиционной сфере¹⁷. При анализе длинноволновых колебаний внимание обращается прежде всего на импульсы, посылаемые нововведениями в промышленности. Так, нетрудно заметить, что продолжительность длинных волн в Советском Союзе и Китае совпадает со сроками замены машин и оборудования в базовых отраслях — металлургии, машиностроении, химической промышленности и др., где в среднем за год обновляется около 3 % производственного аппарата.

Однако действие материально-технических факторов имеет внецивилизационный и внеформационный характер¹⁸. Оно играет скорее роль постоянного фона, необходимого условия циклического движения, но не предопределяет его специфическую для каждого общества форму. Этот изъян в исследовании может быть восполнен при обращении к культурно-политическим факторам. Их рассмотрение позволяет сконцентрировать внимание не на уже готовых результатах человеческой деятельности — будь то материальные блага или общественные отношения, а на внутреннем состоянии социума, определяющем способ, каким достигнуты эти результаты. Тем самым облегчаются задачи прогнозирования: зная образ действий, легче предвидеть их направленность и последствия.

Благодаря культурологическим исследованиям по Китаю и другим странам Востока, с которыми перекликаются выводы некоторых наших этнографов и историков относительно специфики российского общества, известно, что главная отличительная черта этих цивилизаций — осознание человеком самого себя как частицы чего-то более общего — коллектива, нации, вселенского процесса и т. д. Высшей ценностью для него выступает не индивидуальный, а коммунальный образ жизни, целью существования — не обретение свободы, а растворение в мире и всеобщем порядке. Поэтому поведение индивидуума жестко детерминировано постоянным давлением, которое оказывает на него самое массовое человеческое образование — толпа. Без учета законов, по которым она действует, невозможно рассчитывать на сколько-нибудь реалистичную оценку перспектив «социалистического» развития как «движения, типичного для человека массы»¹⁹.

Среди закономерностей, характеризующих поведение толпы, выделим три наиболее важные для рассматриваемой темы.

1. Поведение масс имеет характер «эмоционального кружения» вокруг поставленной цели. Оно подвержено тем же циклическим изменениям, что и экономические процессы: пройдя в определенной последовательности несколько состояний, толпа возвращается в исходную точку. Таких состояний насчитывается четыре (столько же, сколько фаз в дефицитном цикле):

- тревожность, смутное недовольство, неудовлетворенность;
- гнетущее напряжение, жажда перемен;
- агрессивность, переход к активным действиям;
- усталость, апатия, уход от нерешенных проблем.

Тот факт, достигается цель или нет, существенного влияния на циклические изменения в поведении толпы не оказывает.

2. Массовое сознание «опрокинуто» в прошлое и полностью подчинено сложившимся стереотипам, которые заложены в «коллективном бессознательном». Реализация потребности в историческом творчестве сводится к соблюдению ритуала и бесплодным попыткам реконструкции ушедшего «золотого века». Всякий отход от шаблона не замечается либо встречает отпор, поскольку «новое» поведение появляется только там, где имеет место дефицит или «разрыв» в инстинктивном поведенческом приспособлении²⁰. Для того, чтобы нововведение было воспринято обществом, ему надо пройти путь от зарождения в умах единиц до овладения сознанием группы, слоя, класса, превратиться в действие и, наконец, осесть в структурах коллективного бессознательного. В толпе же этот путь обрывается всякий раз при передаче новых идей от индивидуального сознания к коллективному.

3. Толпа не способна рождать собственные и критически оценивать привносимые извне теории. Она не воспринимает логических доказательств и не обладает таким стабилизирующим качеством, как здравый смысл. Поэтому овладеть сознанием масс могут только эмоционально ярко окрашенные радикальные идеи, которые упрощаются толпой до абсурда.

«Законы коммунальности» (выражение А. А. Зиновьева) оказывают решающее влияние на положение в политической сфере. В любом обществе выбор конкретных решений зависит от господствующих установок обыденного сознания. Как заметила группа американских ученых, занимавшаяся выявлением связей деловых и политических циклов, в отличие от научной деятельности, являющейся привилегией профессионалов, владеющих «позитивистскими» методами, «принятие политических решений осуществляется в ограниченных временных рамках сравнительно не подготовленными в теоретическом отношении людьми, суждения которых определяются их субъективными впечатлениями, предубеждениями и мнениями»²¹. Это утверждение особенно актуально для социалистических стран с их особыми законами политического лидерства.

Поскольку толпа подавляет любое отклонение от шаблона, шансы на то, чтобы выбиться на роль вождя, попасть в политическое руководство, имеют в первую очередь не люди с яркой индивидуальностью, а «самые выдающиеся посредственности», одержимые теми же влечениями и идеями, что и толпа. Это означает, что при принятии решений они ориентируются только на опыт прошлого, отвергают нестандартные ходы, повторяют одни и те же ошибки.

В таком культурном и политическом контексте найти эффективное решение той или иной общественной проблемы, принять его и претворить в жизнь становится делом почти неосуществимым. Наиболее наглядно об этом свидетельствуют судьбы различных социально-экономических программ и концепций, разработанных учеными (реформа Либермана — Косыгина, программа «500 дней» Явлинского в СССР, проект радикальной экономической реформы «мозгового треста» Чжао Цзыяна в КНР). С неизменностью они либо просто отвергались, либо принимались с уничтожающими «поправками», либо начинали реализовываться, когда в них уже отпадала необходимость. В разрозненном виде те или иные рациональные предложения, конечно, просачивались, но массовое сознание воспринимало их лишь в крайних, гипертрофированных формах. Один из последних примеров такого рода — реакция в Китае на политику «наведения порядка». Как показали социологические наблюдения, несмотря на многочисленные официальные заявления китайского руководства о том, что изменение экономического курса не означает свертывания реформ, в массах его смысл понят однозначно: в сельских районах пытаются вернуться к принудительным формам коллективного труда, на промышленных предприятиях стихийно возвращаются к практике «большого котла» и «железной плоски»²².

Анализ «социалистической» специфики циклических закономерностей показывает, насколько сложным и болезненным является поиск выхода из многочисленных порочных кругов, по которым движутся советское и китайское общества без каких-либо гарантий, что этот выход вообще существует. Осознание этого факта не прибавляет оптимизма; какими бы глубокими ни выглядели на первый взгляд те или иные изменения (например, хозяйственные реформы 80-х годов в КНР или демократизация и гласность в СССР), они могут, как всегда, оказаться не более чем очередным колебанием вокруг одного и того же тренда. Однако познание этих закономерностей позволяет приблизиться

к пониманию социалистического общества таким, каково оно есть в действительности, не вдаваясь в соблазн представить его историю как случайную «деформацию» или «трагическую ошибку», а будущее — как быстрое избавление от всех существующих пороков.

¹ См., например: Шишков Ю. В. О некоторых концепциях экономического развития («Длинные волны»: поиски объяснения). // Рабочий класс и современный мир.— 1986.— № 1; The Long—Wave Debate. Ed. by T. Vasco.— Berlin, 1987.

² Из-за отсутствия необходимых статистических материалов мы можем пока лишь приблизительно оценить периодизацию первой длинной волны в Советском Союзе. «Напряженный» и «кризисный» циклы приходятся на 20-е — начало 30-х годов. «нормализация» — на 1934—1939 гг. Особое место занимает центральный цикл, который приходится на военные и первые послевоенные годы. Период «нестабильности» — 1949—1953 гг.

³ См. Маркс К. Из ранних произведений.— М., 1956.— С. 586—587.

⁴ Завельский М. Г. Экономичность этики и этичность социалистической экономики. // Экономика и математические методы.— 1989.— Т. XXV.— Вып. 5.— С. 890.

⁵ См. Кочубей Б. И. Психологические и социальные аспекты тотального равенства. // Психологический журнал.— 1989.— Т. 10.— № 6.— С. 118—119.

⁶ Леви-Строс К. Структурная антропология.— М., 1985.— С. 17.

⁷ Китайский экономический ежегодник — 1985 год.— Пекин, 1985.— С. V-245.

⁸ Смирнов А. Д. Реформа и рациональность экономики. // Экономика и математические методы.— 1988.— Т. XXIV.— Вып. 2.— С. 199.

⁹ Формулировка А. В. Чайнова. См. Чайнов А. В. Методы безденежного учета хозяйственных предприятий.— М., 1921.— С. 13.

¹⁰ Фромм Э. Иметь или быть?— М., 1986.— С. 169—170.

¹¹ См. Цзинцзи жибао.— 1990.— 6 июля; China Daily.— 1990.— July 11, 31.

¹² См.: Зотов В. Китай после политического кризиса: «большой скачок» назад? // Народы Азии и Африки.— 1990.— № 6.

¹³ См.: Реформой способствовать стабилизации, развиваться в состоянии стабильности. // Цзинцзи яньцзю.— 1990.— № 7.— С. 4—6; Лю Гогуан и др. Анализ макроэкономической ситуации в нашей стране и контрмеры // Цаймао цзинцзи.— 1990.— № 8.— С. 3—4.

¹⁴ О возможности такого развития событий свидетельствуют сведения, опубликованные гонконгской печатью. Согласно им, ряд влиятельных деятелей КПК в 1990 г. выдвинули предложения о существенном ограничении крестьянского индивидуального хозяйства, расширении сети госхозов и резком сокращении сферы действия возмездных отношений (условное деление «план — рынок» — 8:2). Реализация такого плана будет, по существу, означать возврат страны к состоянию, в котором она находилась в начале 80-х годов. (См.: Чжэнмин.— 1990.— № 6.— С. 20.)

¹⁵ К выводу о существовании «циклической традиции» независимо друг от друга пришли исследователи истории России, Китая, а также стран Юго-Восточной Азии. См. на эту тему: Криворотов В. Вехи, взлеты и падения особого пути России. Становление азиатчины // Знание — сила.— 1990.— № 9.— С. 35; Кульпин Э. С. «Яньтелунь» — исторический шанс перехода к динамичному развитию? // Новое в изучении Китая.— М., 1988.— С. 15—25; Фурсов А. И. Развитие азиатских обществ XVII — начала XX в.: современные западные теории.— М., 1990.— Вып. 1.— С. 34.

¹⁶ Коммерсантъ.— 1990.— № 42.— С. 21.

¹⁷ Ли Ицзянь, Фэн Вэньжун. Циклы рыночных колебаний в нашей стране // Цзинцзи яньцзю.— 1990.— № 7.— С. 52—53.

¹⁸ См.: Полетаев А., Савельева И. Длинные волны в развитии капитализма // Мировая экономика и международные отношения.— 1988.— № 5.— С. 79.

¹⁹ Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии.— 1989.— № 3.— С. 152.

²⁰ Дж. Марголис. Личность и сознание.— М., 1986.— С. 375.

²¹ Young P., Marcus A. A., Koot R. S., Meyorach B. Improved Business Planning through an Awareness of Political Cycles // Journal of Forecasting.— 1990.— V. 9.— № 1.— P. 38.

²² См., напр.: Цзинцзи цанькао.— 1990.— 30 июля.

Китайская наука о проблемах собственности

А. СЕЛИЩЕВ

Отношение КПК к проблеме собственности претерпело в своем историческом развитии существенные изменения. До революции 1949 г. главное внимание китайских коммунистов привлекала диалектическая пара категорий: общественная и частная собственность. Как известно, «Манифест коммунистической партии» К. Маркса и Ф. Энгельса задачу пролетариата трактовал следующим образом: «...уничтожение частной собственности»¹. Однако особенности исторического развития дореволюционного Китая придавали выполнению этой стратегической задачи определенное своеобразие (что впоследствии получило определение «китайской специфики»). Известно, что К. Маркс и Ф. Энгельс применительно к условиям высокоразвитых западноевропейских стран отмечали: «Производительные силы... не служат более развитию буржуазных отношений собственности; напротив, они стали непомерно велики для этих отношений, буржуазные отношения задерживают их развитие; и когда производительные силы начинают преодолевать эти преграды, они приводят в расстройство все буржуазное общество, ставят под угрозу существование буржуазной собственности»². Со своей стороны китайские коммунисты исходили из крайне низкого уровня развития производительных сил дореволюционного Китая. Именно поэтому уже в 1939 г. Мао Цзэдун говорил о том, что характер будущей китайской революции, со всей вероятностью, будет буржуазно-демократическим, а не пролетарско-социалистическим, и поэтому острая революция будет «направлено не против капитализма и капиталистической собственности вообще, а против империализма и феодализма», а также, что эта революция «предполагает сохранение частнокапиталистических предприятий вообще и отнюдь не ликвидацию кулацкого хозяйства»³. Мао Цзэдун отмечал также, что «после победы революции в Китае получит известное развитие капиталистическая экономика, так как революция устранил препятствия на пути развития капитализма. В экономически отсталом Китае известное развитие капитализма явится неизбежным результатом победы демократической революции»⁴.

Подобные мысли содержались также в докладе на VII съезде КПК (1945), в котором Мао Цзэдун говорил об ошибочности встречающихся суждений о том, будто бы китайские коммунисты не одобряют развития личности, частного капитализма и частной собственности. Мао Цзэдун заявлял, что задачей новой демократической системы является снятие оков с производительных сил и создание гарантий для свободного развития каждой личности, что обеспечивает отнюдь не «контроль над национальными жизненно важными отраслями», а создание условий для развития частнокапиталистической экономики национальных производств и всех честных частных предпринимателей⁵.

В докладе Лю Шаоци «О новом курсе экономического развития Китая», сделанном на том же съезде, отмечалось: «В рамках нового демократического курса государства представляется полезным допустить экономическое развитие капитализма»⁶.

В течение первых трех послереволюционных лет экономика Китая развивалась быстрыми темпами, и уже в 1952 г. был достигнут рекордный довоенный уровень 1936 г. Немало способствовал этому успеху и процветающий частный сектор. Однако с 1953 г. последний стал подвергаться нарастающему административному давлению. Первые успехи народной власти породили ложное представление о легкости перехода к социалистическим формам организации экономики. Постепенность и осторожность, к

* Селищев Александр Сергеевич, старший преподаватель кафедры марксизма-ленинизма Иркутского высшего военного авиационного инженерного училища, кандидат экономических наук

которым призывала партия, стали квалифицироваться как правоуклонистские, консервативные, вредные для социализма⁷. Китайское руководство, по всей видимости, посчитало, что капиталистический сектор себя исчерпал. К примеру, уже на октябрьском (1955) пленуме ЦК КПК отмечалось, что буржуазия и частная собственность обречены на исчезновение⁸. И этот тезис начал претворяться в жизнь очень энергично. Уже к концу 1956 г. 96,3 % из 120 млн. крестьянских хозяйств были преобразованы в кооперативы. В промышленности свыше 6 млн. ремесленников были объединены в 100 тыс. производственных кооперативов⁹.

В течение последующей четверти века китайская политэкономическая мысль пребывала в прокрустовом ложе так называемой трехчленной формулы производственных отношений И. В. Сталина. Так, если К. Маркс утверждал в свое время, что собственность является «совокупностью производственных отношений»¹⁰, что она формирует содержание общественного производства, обмена, распределения и потребления, то И. В. Сталин выделил собственность в качестве особого и самостоятельного вида производственных отношений. Он подчеркивал, что в любой формации производственные отношения включают в себя три элемента: «а) формы собственности на средства производства; б) вытекающее из этого положение различных социальных групп в производстве и их взаимоотношение... в) всецело зависящие от них формы распределения продуктов»¹¹.

Выделение собственности в качестве особого производственного отношения на практике привело к ее абсолютизации, а значит, и к волюнтаризму в области хозяйственной деятельности. Отныне декларировалось, что якобы с момента национализации капиталистической собственности народным государством автоматически воцаряется социалистический общественный строй. Китайские экономисты 50—70-х годов ошибочно считали, что страна тем ближе к социализму и коммунизму, чем выше удельный вес государственной собственности, чем выше уровень обобществления производства, чем «чище» социалистические производственные отношения. Именно с этих позиций осуществлялись нападки на мелкую предпринимательскую деятельность, частный сектор, товарно-денежные отношения и т. п.

Радикальный пересмотр этой догматической концепции наметился после исторического 3-го пленума ЦК КПК (1978) 11-го созыва. Уже в 1979 г. выдающийся экономист Сунь Ефан подверг сомнению «трехчленную формулу» И. В. Сталина, чем вызвал бурную дискуссию в научных кругах¹². Между тем поначалу лишь очень немногие ученые осмеливались обсуждать эту, вероятно, самую неприкасаемую догму, оставляя ее толкование высшим партийным и государственным руководителям.

Особое внимание китайских экономистов традиционно привлекала государственная собственность, которая в течение долгого времени фактически отождествлялась с общенародной. В первоначальном толковании государственная собственность наделялась следующим содержанием: полная монополия государства на основные средства производства; предприятие — организованное звено, производственная ячейка, отражающая государственные интересы и фактически лишенная собственности. Государство полностью распоряжается доходами предприятия, погашает убытки, административными методами мобилизует и распределяет ресурсы, то есть, по сути, персонифицирует всю экономическую активность общества¹³. В настоящее время подобное толкование признано ошибочным. По мнению большинства современных китайских экономистов, основной недостаток государственной собственности заключается в том, что она способна опираться лишь на прямое административное управление и при этом зачастую подавляет действие объективных экономических законов, функционирует несмотря на них, а порой и вопреки им¹⁴.

Китайские экономисты считают, что государственная собственность может быть безусловно доминирующей лишь на сравнительно коротких исторических отрезках: во время индустриализации, а также при чрезвычайных обстоятельствах (войны, политические и экономические кризисы, стихийные бедствия). В обычных же условиях государство не способно нести все бремя экономической деятельности. Социалистическое общество должно отыскать оптимальную систему собственности, основным критерием которой явилось бы эффективное развитие производительных сил и рост народного благосостояния. Как показала практика строительства социализма в КНР, традиционная государственная собственность такой способностью не обладала. Государство, как надстроечное образование, не сумело успешно координировать всю совокуп-

ность базисных отношений. Даже в самые удачные годы не менее 20 % государственных предприятий оставались убыточными¹⁵.

Арендная организация производства явилась первой мерой китайской экономической реформы, направленной на преодоление государственной монополии. Однако время показало, что аренда не сумела полностью оправдать возложенных на нее надежд. По мнению некоторых китайских экономистов, это произошло потому, что арендные предприятия всецело зависят от большого количества предписаний, ограничений, нормативных актов и управляются больше извне, чем имманентно, а потому мало склонны к саморегуляции и самосовершенствованию. В условиях товарной экономики арендные предприятия наглядно иллюстрируют склонность к получению максимальной прибыли за минимально короткий срок, не уделяя надлежащего внимания инвестиционной политике. Многие арендаторы ведут хозяйство поистине грабительскими методами, ставя во главу угла сиюминутные выгоды и не желая учитывать перспективные возможности. Все это позволяет сделать вывод о том, что арендная организация производства, несмотря на все свои преимущества, не способна стать главной опорой китайской экономической реформы¹⁶.

Тем не менее, по мнению ряда экономистов, арендную систему следует совершенствовать и широко применять. Так, Чжан Дуньшэн из Шаньдунского университета предлагает это осуществлять при помощи так называемой модели «разделения двух властей на трех уровнях»¹⁷.

Модель разделения двух властей на трех уровнях¹⁸

Общепризнанное
право собственности

юридическое право собственности государства (получение процента на капитал)

экономическое право собственности коллектива предприятия (созданная прибыль = процент + предпринимательский доход)

юридический представитель права собственности коллектива предприятия (директор)
право собственности рабочих и служащих

осуществление арендного права хозяйствования коллектива предприятия

право административного управления директора завода (форма осуществления ответственности директора)

право управления на демократических началах коллектива рабочих и служащих (форма осуществления ответственности собрания коллектива)

На первом уровне происходит разделение общепризнанного права собственности на юридическое право собственности государства и экономическое право собственности коллектива. Собственность предприятия юридически принадлежит государству. В свою очередь, сдавая фонды предприятия в аренду производственному коллективу, государство получает за это фиксированный процент, во всем остальном не вмешиваясь в непосредственное управление производством. Экономическое право собственности государство уступает коллективу предприятия. В результате этого предприятие получает производственную самостоятельность и способность к эффективной реализации своей активности. Государство получает возможность не беспокоиться о состоянии хозяйственной деятельности, высвобождая значительные силы по управлению народным хозяйством, предоставляя это рынку.

На втором уровне происходит разделение экономического права собственности предприятия на право собственности юридического представителя предприятия и право собственности коллектива рабочих и служащих. По мнению Чжан Дуньшэна, без этого разделения невозможно избежать «всеобщей собственности без персональной ответственности». Коллектив предприятия должен быть разделен на две составные части: с одной стороны — коллектив рабочих и служащих, а с другой — директор предприятия, и это должно быть сделано не формально. Не отрицая экономического права собственности всего коллектива, следует обособить экономическое право соб-

ственности директора. Очевидно, что социалистическое государственное предприятие не может быть частной собственностью его руководителя. Вместе с тем директор обязан стать подлинным юридическим представителем предприятия. А это может произойти лишь в том случае, считает Чжан Дуньшэн, если директор будет располагать персональным паем в собственности предприятия. Поэтому и доход директора должен складываться из двух частей: из необходимого продукта на принципах оплаты по труду и из прибавочного продукта (плата за риск).

На третьем уровне происходит разделение административного права хозяйствования коллектива предприятия на право административного управления директора и право управления коллектива рабочих и служащих на демократических началах.

Административное право хозяйствования является производной формой экономического права собственности. Поскольку коллектив предприятия обладает экономическим правом собственности, постольку он должен обладать полным правом административного хозяйствования. Директор является главным администратором. Он осуществляет общее руководство и координацию повседневной хозяйственной деятельности предприятия. В свою очередь коллектив должен обладать следующими административными полномочиями: избирать, нанимать и увольнять директора, а также определять его полноту власти и ответственности; обсуждать и утверждать выдвигаемые директором кандидатуры для работы в аппарате управления; обсуждать план развития предприятия, выдвигаемый директором, вопросы, связанные с распределением доходов предприятия; обсуждать устав предприятия. Все решения по вышеупомянутым направлениям должны приниматься после голосования коллектива.

По мнению сторонников данной модели, переход на арендную форму хозяйствования при всех ее недостатках имеет одно ощутимое преимущество по сравнению с организацией акционерных предприятий: он не несет в себе потенциальной возможности социальных потрясений.

Большинство китайских экономистов отрицает необходимость передачи государственной собственности в руки предприятий (как было сделано в Югославии). Это объясняется тем, что с точки зрения организации высокоэффективного и заинтересованного труда нет большой разницы между собственностью предприятия и собственностью государства. Собственность предприятия можно рассматривать как собственность государства в уменьшенном виде с воспроизведением всех недостатков последней. И в том и в другом случаях средства производства принадлежат коллективу рабочих и служащих лишь номинально и плохо стимулируют высокоэффективный труд¹⁹. Югославская модель реформы (во главе которой стоит собственность предприятия), по мнению другого китайского экономиста, Гоа Шушэна, зашла в тупик. И главная причина всех трудностей заключена именно в области собственности, ибо югославский вариант не обеспечивает подлинной заинтересованности трудящихся в управлении хозяйственной деятельностью²⁰.

Десятилетняя практика китайской реформы показала, что основная проблема формирования структуры собственности сводится к определению статуса хозяина предприятия. Именно по этому вопросу в китайской экономической науке ведется сейчас оживленная полемика. Некоторые ученые упрощают проблему, утверждая, что стоит лишь повысить сознательность рабочего коллектива, провести «политико-воспитательную работу», как коллективу якобы привьется «чувство хозяина» производства. Другая группа ученых полагает, что воспитанию у рабочих чувства хозяина якобы препятствует традиционно низкое качество китайской рабочей силы. Третья группа отождествляет статус хозяина с «демократическим управлением». По мнению Гао Шушэна, все эти суждения поверхностны. Они не способствуют конструктивному решению проблемы ликвидации бесхозных нежизнеспособных производственных единиц. На каждом предприятии должен быть подлинный хозяин, который имел бы возможность принимать на себя административный риск. Отсутствие у рабочего коллектива чувства хозяина порождает равнодушие и апатию. Рабочий ощущает себя «наемным» со всеми вытекающими последствиями. По мнению Гао Шушэна, только акционерная система способна выработать у рабочего подлинное чувство хозяина²¹. При внедрении этой системы следует выполнить два обязательных условия. Во-первых, отладить механизм организации акционерного самоуправления, а во-вторых, определить и неукоснительно придерживаться норм и порядка распределения доходов акционерного предприятия, исходя из четырех принципов: «уплата налогов, процента, определение фонда накопления и отделение остатка». Очень важно избегать нарушения договорен-

ностей в отношениях между предприятием и государством. Эти отношения должны быть простыми и равноправными.

В настоящее время китайские экономисты связывают с акционерной собственностью большие надежды, ей пророчат роль фундамента экономической реформы. Немалый интерес в связи с этим представляет исследование Ван Цзили, который утверждает, что именно акционерная собственность является прообразом коммунистической собственности, воплощением идей К. Маркса²². Для обоснования своего тезиса Ван Цзили отталкивается от следующего высказывания К. Маркса: «Капиталистический способ присвоения, вытекающий из капиталистического способа производства, а следовательно и капиталистическая частная собственность суть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство порождает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это — отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, а индивидуальную собственность на основе достижения капиталистической эры: на основе кооперации и общего владения землей и произведенными самим трудом средствами производства»²³. Совершенно очевидно, что вывод К. Маркса об отрицании отрицания подразумевает замену капиталистической собственности коммунистической. Но какова должна быть эта коммунистическая (социалистическая) собственность? Государственная? Но ведь К. Маркс рассуждает об «индивидуальной собственности на основе кооперации и общего владения землей». Другими словами, речь идет не об отождествлении частной и личной собственности, а, напротив, о взаимосвязи в диалектическом единстве общественной и личной собственности. По мнению вышеупомянутого китайского ученого, вся беда заключается именно в том, что до сих пор в практике социалистического строительства такого диалектического единства достигнуто не было, более того, подобная задача даже и не ставилась. Традиционно доминирующая государственная форма собственности, по сути, оторвала трудящихся от средств производства, превратив их не в хозяев, а, напротив, низведя до статуса наемных работников. Реальным хозяином стала прослойка государственных служащих-бюрократов. И тем не менее, утверждает Ван Цзили, в результате социалистической революции достигнуто главное: средства производства принадлежат государству, осталось лишь совершить следующий шаг на пути воссоздания марксовской диалектической пары. И таким шагом должна стать акционерная собственность: только она способна возродить у трудящихся чувство хозяина.

В последнее время в Китае, как и в некоторых других социалистических странах, на повестку дня поставлен вопрос о легализации частной собственности. Отношение к частному сектору в КНР исторически прошло сложный диалектический процесс: утверждение — отрицание — отрицание отрицания²⁴. На первом этапе, «утверждения», (до 1953 г.) руководство КПК если не поощряло, то и не препятствовало развитию частного сектора. На втором этапе, «отрицания», (1953—1978) частная собственность была практически сведена к нулю и не играла заметной роли в народнохозяйственной жизни. Третий этап, «отрицания отрицания», начался после 3-го пленума ЦК КПК (1978) и особенно после XIII съезда КПК (1987), на котором отмечалось, что «известное развитие частного хозяйства благоприятствует стимулированию производства, оживлению рынка, увеличению занятости. Оно позволяет еще лучше удовлетворять многосторонние жизненные потребности народа, является необходимым и полезным дополнением к экономике, основанной на общественной собственности»²⁵. В результате была принята соответствующая поправка к Конституции КНР, которая легализовала существование частного сектора. Легализацию частной экономики китайские ученые обосновывают, во-первых, неразвитостью производительных сил страны на начальной стадии социализма и многоукладностью экономики; а во-вторых, в научном мире появились суждения о том, что общественная и частная собственность должны сосуществовать и взаимодействовать друг с другом в любой общественно-экономической-формации как диалектическая пара категорий. В противном случае общественный прогресс будет заторможен²⁶.

При определении частной экономики китайские ученые выдвигают качественный и количественный критерии. С точки зрения качественной определенности частная экономика должна обладать тремя свойствами: обладание средствами производства; применение наемного труда; прибавочная стоимость как основной источник существования работодателя²⁷. Количественная определенность показывает, при каком числе

наемных рабочих работодатель становится капиталистом. В Китае к частному сектору принято относить предприятия с числом наемных рабочих свыше семи человек. Почему именно семи — ответить не просто. Иногда китайские экономисты ссылаются на девятое главу первого тома «Капитала» К. Маркса, в которой он рассматривает на конкретном примере, сколько наемных рабочих должен иметь предприниматель, чтобы превратиться в капиталиста. К. Маркс пишет, в частности, что при норме прибавочной стоимости, равной 50 %, хозяину необходимо иметь двух наемных рабочих, чтобы на ежедневно присваиваемую прибавочную стоимость жить, как живет рабочий. В данном случае целью производства было бы поддержание жизни хозяина, а не увеличение богатства, между тем при капиталистическом производстве предполагается последнее. Чтобы жить как минимум вдвое лучше обыкновенного рабочего и к тому же превращать в капитал половину производимой прибавочной стоимости, говорит К. Маркс, предпринимателю понадобится по меньшей мере восемь наемных рабочих²⁸. Но и в этом случае предприниматель будет чем-то средним между капиталистом и рабочим, неким «мелким хозяйчиком». «Известный уровень капиталистического производства требует, чтобы все время, в течение которого капиталист функционирует как капиталист, то есть как персонафицированный капитал, он мог употреблять на присвоение чужого труда, а потому и на контроль над ним и на продажу продуктов этого труда»²⁹. К. Маркс завершает эту мысль следующим образом: «Владелец денег или товаров только тогда действительно превращается в капиталиста, когда минимальная сумма, авансируемая на производство, далеко превышает средневековый максимум. Здесь, как и в естествознании, подтверждается правильность того закона, открытого Гегелем в его «Логике», что чисто количественные изменения на известной ступени переходят в качественные различия»³⁰.

Как известно, В. И. Ленин также исследовал данный вопрос в работе «Развитие капитализма в России». Он отмечал, ссылаясь на книгу экономиста А. А. Исаева «Промыслы Московской губернии»: «Два-три работника дают хозяину столь небольшую излишек, что он работает наряду с ними... Пять работников уже дают хозяину столько, что он до известной степени освобождает уже себя от ручного труда, несколько поленивается и исполняет главным образом две последние роли» (то есть покупку материалов и сбыт товаров). «Коль скоро число рабочих достигает 10 или превышает эту цифру, то хозяин не только оставляет ручной труд, но даже почти прекращает свой надзор за рабочими: он заводит главного мастера, наблюдающего над работниками... Здесь он становится уже маленьким капиталистом, «коренным хозяином»³¹.

Как показали исследования, проводимые китайскими экономистами в сельской местности, при количестве наемных рабочих до семи человек хозяин получает доход в 7,1 раза больше каждого из них. При количестве наемных работников свыше восьми человек доход хозяина превышает доход работников в 13,3 раза. По данным исследований в городе Тяньцзинь, при количестве наемных рабочих менее семи человек доходы работодателя превышают доходы своего рабочего в 5,5 раза, при количестве 8—20 человек — в 9,8 раза, 21—40 человек — в 27,3 раза, 41—60 человек — в 57,7 раза, свыше 60 человек — в 65,9 раза³².

Многие китайские экономисты выражают опасение, что курс на поощрение развития частного сектора может означать возврат к капитализму. Их оппоненты выдвигают в свою очередь следующие контраргументы. Во-первых, общественная собственность в КНР является основной и преобладающей, а частная — всего лишь дополнением (частные предприятия выпускают около 1 % промышленной продукции³³). Во-вторых, направление развития частной собственности определяет государство.

Многие китайские экономисты советуют подходить к вопросу о роли и месте частного сектора реалистически. Нельзя выдавать существование отдельных капиталистических явлений за сам капитализм, а явления социализма за социализм, как это делалось в годы «культурной революции» во время погромов буржуазии, зажиточных крестьян, личных подсобных хозяйств и т. п. Если при социализме существуют частный сектор, отношения наемного труда, то это вовсе не означает, что социализм превратился в капитализм³⁴. История Китая и других социалистических стран наглядно показала всю разрушительность курса «борьбы за чистоту социалистических производственных отношений», порочность позиции неспособности «поступаться принципами социализма».

- ¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 4.— С. 438.
- ² Там же.— С. 430.
- ³ Мао Цзэдун. Избранные произведения.— М., 1953.— Т. 3.— С. 173, 174.
- ⁴ Там же.— С. 178—179.
- ⁵ См.: Сунь Дайяо. Характер и роль частной собственности на современном этапе нашего развития // Цзинци кэсюэ.— 1989.— № 3.— С. 45.
- ⁶ Там же.
- ⁷ См.: Делюсин Л. Трудный путь к социализму // Азия и Африка сегодня.— 1989.— № 10.— С. 9—10.
- ⁸ См.: Сунь Дайяо. Указ. соч.— С. 45.
- ⁹ In: Xu Dixin. China's search for economic growth.— Beijing, 1982.— P. 7.
- ¹⁰ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 4.— С. 352.
- ¹¹ Сталин И. В. Экономические проблемы социализма в СССР.— М., 1952.— С. 172—173.
- ¹² См.: Сяо Лян. Итоги десятилетнего изучения собственности и ее реформа // Цюши.— 1988.— № 11.— С. 22—23.
- ¹³ См.: Чэнь Цилинь. Разделение двух властей и рыночные отношения // Чжунго цзинци вэньти.— 1989.— № 1.— С. 13.
- ¹⁴ См. там же.
- ¹⁵ См.: Чжан Чаоцунь, Линь Е. Реформа права собственности и становление акционерной собственности // Цзинци кэсюэ.— 1989.— № 2.— С. 1.
- ¹⁶ См. там же.— С. 1—2.
- ¹⁷ См.: Чжан Дуньшэн. Отделение управления от собственности на трех уровнях как одна из моделей реформы для крупных и мелких предприятий // Цзинци кэсюэ.— 1988.— № 5.— С. 28—32.
- ¹⁸ См. там же.— С. 29.
- ¹⁹ См.: Чжан Чаоцунь, Линь Е. Указ. соч.— С. 1—2.
- ²⁰ См.: Гао Шушэн. Самоуправляемая акционерная система собственности: новая идея внедрения акционерной системы собственности // Цзинци кэсюэ.— 1989.— № 4.— С. 35.
- ²¹ См. там же.
- ²² См.: Ван Цили. «Восстановление личной собственности» и социалистическая акционерная экономика // Цзинци кэсюэ.— 1988.— № 5.— С. 39—42.
- ²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 773.
- ²⁴ См.: Сунь Дайяо. Указ. соч.— С. 45.
- ²⁵ Документы XIII Всекитайского съезда Коммунистической партии Китая.— Пекин, 1988.— С. 41.
- ²⁶ См.: Юань Линь. Изучение генезиса системы собственности // Цзинци кэсюэ.— 1989.— № 2.— С. 55—56.
- ²⁷ См.: Сунь Дайяо. Указ. соч.— С. 44.
- ²⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч.— Т. 23.— С. 318.
- ²⁹ Там же.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч.— Т. 3.— С. 355—356.
- ³² См.: Сунь Дайяо. Указ. соч.— С. 46.
- ³³ См. там же.— С. 44.
- ³⁴ См.: Ли Сюйай. Введение в изучение проблемы частной экономики и эксплуатации // Чжунго цзинци вэньти.— 1988.— № 3.— С. 50—51.

Экономическая реформа и развитие гражданского права в КНР

Е. ПАЩЕНКО

Рассмотрение данного вопроса требует учета некоторых исторически сложившихся особенностей системы социального регулирования в китайском обществе, которые пусть не столь очевидно, но проявляются до настоящего времени.

Право в юридическом смысле (право как закон) не стало доминирующим элементом в этой системе. Традиционное отношение к праву в Китае характеризовалось тем, что оно в общественном сознании не обладало особой ценностью. Исторически понятие закона связывалось с репрессивными санкциями за нарушение общественного порядка, за выход из рамок поведения, устанавливаемых идеологически и религиозно освященными обычаями. В традиционном Китае не сформировалось гражданское общество, а это предопределило отсутствие системы частного права. Что касается правового наследия республиканского Китая, то за исторически недолгий период правления Гоминьдана не удалось придать праву значение главного регулятора социальных отношений. Хотя к концу правления гоминьдановского режима Китай располагал сравнительно развитой системой права, но законы и прочие нормативные акты существовали в основном на бумаге.

После победы народной революции в 1949 г. действие всего гоминьдановского законодательства было прекращено. Формирование правовой системы КНР началось с нуля. В ходе этого процесса развитие гражданского права носило не столь радикальный характер по сравнению с другими отраслями (конституционным, административным правом), что объяснялось сложностью процессов, характерных для перестройки имущественных отношений в переходный период (перевод частной промышленности, торговли, мелкоотварного сектора на путь социалистического развития, ликвидация помещичьего землевладения, создание кооперативов в городе и деревне). Сказывалось общее отсутствие опыта правового регулирования общественных отношений у китайского руководства. Последнее обстоятельство усугублялось нарастанием нигилистического отношения к праву со стороны ряда китайских лидеров.

Если в совокупности расценивать результаты развития гражданского права и его отражения в законодательстве за период до начала экономической реформы, то нельзя не признать, что его система сложилась далеко не полностью. Гражданский кодекс не удалось разработать, хотя попытки в этом направлении предпринимались. Некоторые группы отношений, входящие в предмет гражданского права, оставались законодательно не урегулированными (например, наследственное право). Другие группы (отношения собственности) регламентировались в самых общих чертах, а законодательство, посвященное отношениям экономического оборота, носило в основном ведомственный характер и поэтому отличалось невысоким юридико-техническим уровнем, непоследовательностью и бессистемностью. Фактически нельзя было назвать ни одного гражданско-правового института, который сформировался бы полностью и нашел адекватное отражение в законодательстве.

К началу экономической реформы (1978) в сфере гражданского права (и не только гражданского) сложилось положение, примерно сходное с тем, что существовало после

победы революции. К этому времени многие акты гражданского законодательства, принятые в период завершения буржуазно-демократических преобразований и начала социалистического строительства, а затем в последовавший за «большим скачком» (1958—1960) период так называемого урегулирования, устарели, еще большее число актов фактически перестало действовать в течение десятилетнего хаоса «культурной революции».

Ретроспективно о небольшом значении гражданского права в общей системе нормативного регулирования экономических отношений, сложившейся в КНР к середине 70-х годов, свидетельствует развернувшаяся одновременно с экономической реформой бурная дискуссия китайских юристов о хозяйственном праве. В ходе дискуссии очень многие не допускали возможности гражданско-правового регулирования в плановой социалистической экономике, приводившейся в действие командно-административными методами и развивавшейся без должного учета действия закона стоимости, требований товарного производства и товарного обмена. Сторонники хозяйственного права не успокоились и после того, как в 1986 г. законодательно был закреплен предмет гражданского права КНР — «имущественные и личные отношения между гражданами, юридическими лицами, гражданами и юридическими лицами как равными субъектами» (ст. 2 Общих положений гражданского права КНР).

Экономическая реформа, необходимость которой была признана 3-м пленумом ЦК КПК 11-го созыва в декабре 1978 г., с самого начала сопровождается активной кампанией укрепления законности, повышения роли права. Решительно осуждено прежнее положение, когда политическая практика ставилась выше права или, как пишет китайская печать, «господствовало правление человека, а не закона». Провозглашение программы «четырёх модернизаций» (промышленности, сельского хозяйства, науки и техники, обороны) сопровождается, как ныне очевидно, широкой правовой реформой. Весьма бурно идет законодательный процесс.

Что касается гражданского права, то с формальной точки зрения можно говорить о продолжении прерванного «культурной революцией» процесса его развития. Но, на наш взгляд, точнее характеризовать современный период даже не как этап совершенствования этой отрасли, а как этап ее бурного развития, радикального обновления, появления реформированной системы гражданского права, соответствующей коренным преобразованиям в системе имущественных отношений, порожденным перестройкой производственных отношений. Поскольку гражданское право непосредственно основывается на экономических отношениях собственности в ее различных формах, экономический подход и его механизм определяют тенденции развития этой отрасли.

Концепция экономической реформы в сравнительно завершённой форме была изложена в Решении ЦК КПК о реформе экономической системы, принятом 3-м пленумом ЦК 12-го созыва в октябре 1984 г. Его суть сводилась к необходимости строительства в КНР «плановой товарной экономики» на основе отказа от прежней административной системы хозяйствования, отказа от противопоставления плановой и товарной экономики, расширения прав предприятий, наделения их статусом юридических лиц, введения конкуренции, допускающей банкротство «нежизнеспособных» (по китайской терминологии) предприятий, перестройки системы планирования в направлении сочетания плана и рынка, возвращения к многоукладности национальной экономики, развития многообразных форм и способов хозяйствования, введения различных форм хозяйственной ответственности и т. д. В таких условиях принципиально менялись правовые позиции в регулировании всей системы экономических отношений, а гражданское право приобрело значение одной из фундаментальных отраслей.

О глубине изменений, происходящих в современном китайском гражданском праве, свидетельствует безрезультатная попытка его кодификации, предпринятая вскоре после начала реформы. В 1979 г. возобновилась разработка проекта Гражданского кодекса (ГК), который должен был придать отрасли законченную форму. Такое решение было по-своему логичным, ибо позволяло подвести черту под прошлым, то есть признать все прежнее гражданское законодательство устаревшим, недействующим, и одновременно добиться решительного прогресса в сфере гражданско-правового регулирования общественных отношений. К 1982 г. появилось четыре проекта ГК. Последний насчитывал 465 статей, сгруппированных в восемь разделов, и по своей системе был достаточно близок к нашему ГК. Однако в итоге законодатель отказался

от принятия ГК и с 1983 г. развернули подготовку такого закона, как Общие положения гражданского права КНР (ОПГП).

Причиной столь резкого изменения подхода к оформлению гражданского права, на наш взгляд, стало осознание несоответствия проекта ГК общему курсу экономической реформы. Не случайно разработка ОПГП началась незадолго до принятия ее общей концепции. Иначе говоря, законодатель, предвидя значительную перестройку имущественных отношений по ходу реформы, решил обеспечить себе «свободу маневра» в нормативном регулировании этих процессов. По сути дела, это решение представляло собой компромисс между осознаваемой необходимостью урегулирования отношений, охватываемых действием гражданского права, и невозможностью сделать это в завершённой форме в обстановке их постоянного изменения. Со временем подобная юридическая политика получила название «идти на двух ногах», то есть, не отказываясь от задачи кодификации гражданского права в перспективе, на данном этапе разрабатывать отдельные законы, «в которых возникает необходимость и для которых созревают условия» (Жэньминь жибао. — 1986. — 4 апреля).

Какова же в общих чертах «картина» гражданского права КНР спустя десять лет после реформы и какая прослеживается «тактика» развития этой отрасли?

Начнем с того, что все действующее гражданское законодательство, а также содержащиеся гражданско-правовые нормы комплексные акты можно разделить на две группы — акты постоянного и временного характера. Актами постоянного характера урегулированы те гражданско-правовые институты или те «детали» формирующегося нового хозяйственного механизма, которые не испытывают и не будут испытывать серьезных изменений в процессе реформы.

Нагляднее всего это подтверждается принятием ОПГП — закона, по содержанию напоминающего Общую часть ГК. В нем впервые закреплены институты право- и дееспособности граждан и юридических лиц, опеки, представительства, сделки, общая часть обязательного права и гражданской ответственности, исковой давности, а также правила применения гражданского законодательства к отношениям с иностранным элементом. Вместе с тем содержание ОПГП шире, чем Общая часть ГК, поскольку нормативный материал распределяется по ряду основных институтов, регулирующих конкретные разновидности гражданско-правовых отношений.

До ОПГП отдельным законом были урегулированы отношения по наследованию имущества. Хоздоговорные отношения с 1982 г. регламентируются общим Законом о хозяйственном договоре и серией разработанных на его основе положений и правил, посвященных отдельным видам хозяйственных договоров. Новые разновидности договорных отношений, складывающиеся в условиях курса на товаризацию результатов научно-технического творчества и формирования рынка технологий, регулируются Законом о техническом договоре 1987 г. В полном объеме, также на уровне законов, урегулированы отношения, складывающиеся в связи с играющими новую роль в формирующемся хозяйственном механизме такими объектами права интеллектуальной собственности, как товарные знаки и патенты (сам институт интеллектуальной собственности в общих чертах был закреплен позже в ОПГП).

То есть в настоящее время в гражданском праве КНР выделяются две значительные группы достаточно подробно разработанных нормативных установлений, действующих постоянно. Они образуют институты Общей части и систему обязательственного права. При этом системе обязательственного права присуща специфика в том смысле, что она оказалась рассчитанной на регулирование главным образом договорных обязательств, возникающих в хозяйственных отношениях между организациями. Иначе говоря, категории хозяйственного и технического договоров сложились самостоятельно, не путем выделения особых разновидностей договоров в сфере хозяйственной деятельности из основных видов договоров, регулируемых гражданским правом вообще. Примечательно, что охватившие всю китайскую деревню подрядные (арендные) отношения, как и традиционные гражданские договоры, остаются законодательно не урегулированными. В этих случаях, как представляется, используется потенциал обычного права (напомним, что аренда земли традиционно, в течение тысячелетий практиковалась в Китае).

Центральный гражданско-правовой институт — право собственности — остается раскрытым явно недостаточно. Хотя совершенствование отношений собственности приобретает важнейшее значение для достижения целей реформы, но, несмотря на принятие

ОПП, конституционные установления о государственной, коллективной, частной собственности остаются неразвитыми. Правда, в результате принятия ОПП сделан шаг в направлении закрепления механизма функционирования отношений собственности, отвечающего общей концепции реформы: установлена категория «имущественных прав, связанных с правом собственности». Она включает: а) право пользования землей, находящейся в государственной собственности, организацию общенародной и коллективной собственности; б) право на подрядное хозяйствование на земле, находящейся в собственности коллектива или собственности государства, но используемой коллективом; в) право хозяйствования госпредприятий в отношении имущества, выделенного им государством. В последние годы получила распространение новая форма использования государственной собственности — подряд и аренда на госпредприятиях. Оба способа, как подчеркивает китайская печать, реализуют одну из главных идей реформы — идею об «отделении права собственности государства от права хозяйствования». Именно в отношении новых форм использования госсобственности действует много временных актов. Постепенно расширяется и конкретизируется содержание права хозяйственного управления.

В сфере регулирования отношений собственности опять-таки проявляется специфика подхода. Она состоит в том, что основное внимание законодатель уделяет поиску путей повышения эффективности использования государственного имущества. Что касается коллективной собственности, то в этой сфере отношений с начала 80-х годов осуществляется курс на «восстановление ее характерных особенностей, развитие ее преимуществ». Категорией коллективной собственности охватывается собственность городских коллективных предприятий, различных кооперативов, поселковых, волостных и деревенских предприятий. Однако с юридической точки зрения эта форма социалистической собственности пока что фактически декларируется, ибо не регламентируется порядок образования имущественной базы коллективных предприятий, права их учредителей и т. п. Кооперативная собственность ни в Конституции КНР, ни в ОПП не рассматривается в качестве самостоятельной формы, а относится к коллективной собственности.

Интересные процессы, ведущие к образованию смешанных форм собственности, происходят в связи с возникновением различных хозяйственных объединений. Однако эти процессы законодательно не регулируются, делается ставка на эксперимент, на практику, и таким путем отрабатываются наиболее подходящие формы и способы образования объединений.

Наконец, еще одна характерная черта развития системы гражданского права КНР. В этой системе ощущается дисбаланс между объективным и субъективным правом. Действующие гражданско-правовые акты ориентированы на практическую сторону правовой действительности, в них закрепляются пределы юридически дозволенного, то есть правомерного поведения субъектов. Другими словами, эти акты, регулируя гражданско-правовые отношения, идут по пути регламентации главным образом субъективных прав и обязанностей без соответствующей их привязки к нормам объективного права как особому институциональному нормативному образованию, призванному выступать той юридической основой, на которой формируются юридические права и обязанности лиц. Подобный подход китайского законодателя объясняется общей неразработанностью системы права КНР, недостаточным отражением в гражданском праве основ социально-экономического устройства общества. Наиболее наглядно отсутствие должного соотношения между объективным и субъективным правом проявляется в сфере закрепленной Конституцией и другими актами коллективной собственности на землю в деревне (земля в КНР национализирована не полностью). Несмотря на соответствующие установления Конституции, не разработаны нормы, которыми четко и полно были бы определены права сельских трудовых коллективов как земельных собственников. Причиной, по которой юридические аспекты коллективной собственности в городе и деревне все еще остаются во многом неясными, являются непреодоленные последствия неоправданных экспериментов и правового нигилизма в годы «большого скачка» и «культурной революции», приведшие к фактическому огосударствлению этой формы собственности.

Сон Сен Пхир

Кон По Мён

В научной жизни Института Дальнего Востока АН СССР уже стали доброй традицией встречи и беседы с крупными зарубежными учеными, государственными деятелями, послами, аккредитованными в Москве. Февраль нынешнего года не являлся исключением. Однако февральские встречи несколько отличаются от подобных мероприятий, проводимых Дирекцией и сектором международных научных связей ИДВ, поскольку они вселяют надежды на позитивный диалог между двумя суверенными, но волей истории разделенными государствами: Корейской Народно-Демократической Республикой и Республикой Корея.

Наш оптимизм основывается в этом смысле на результатах встреч и бесед научных сотрудников ИДВ с Чрезвычайным и Полномочным Послом Корейской Народно-Демократической Республики товарищем Сон Сен Пхиром и Чрезвычайным и Полномочным Послом Республики Корея господином Кон По Мёном. Кто они, новые для советской общественности дипломаты, представляющие в Союзе два государства одной страны? В лице господина Кон По Мёна мы имеем классический пример очень успешной дипломатической карьеры: так сказать, он явь, плоть и кровь южнокорейской дипломатии. Выпускник престижного во всех отношениях Сеульского университета (1961 г.), слушатель еще более престижной Лондонской школы экономики и политики (1960—1961 гг.), а затем стажер МИД, третий секретарь, второй секретарь, консул, генеральный консул, советник, посол. Калейдоскоп стран, блистательных и экзотических столиц: США, Япония, Австралия, Бразилия, Египет; Вашингтон и Нью-Йорк, Каир и Канберра, Токио и Буэнос-Айрес. В промежутках между дипломатическими миссиями — ответственные и менее ответственные посты в МИД своей страны, которые в конечном итоге привели его к началу восхождения на дипломатический олимп. В 1980 г. Кон По Мён назначен помощником министра иностранных дел, ему присвоен ранг посла.

А дальше?.. Дальше опять служба и служба, которая забросила его в незнакомую, диковатую, величественную и внешне не очень богатую Советскую Россию, в прекрасную и очень озабоченную (политически и экономически) Москву.

Февраль — октябрь 1990 г. Как медленно течет время! Время огромных усилий и высочайшей ответственности, время больших надежд и концентрации политической воли и мудрости руководителей двух никогда не воевавших друг с другом в своей истории великих народов.

31 сентября 1990 г. Политический прорыв завершен. Между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Корея установлены полные дипломатические отношения. Кон Ро Мён назначен послом РОК в Москве.

Думается, что назначение Кон Ро Мёна Чрезвычайным и Полномочным Послом в Москву не случайность, а, скорее, политическая закономерность, отражение долгого пути к вершинам понимания общечеловеческих ценностей и утверждение сложившихся в мире политических реалий.

Равно как и не случайностью является направление в Москву в качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла КНДР известного в КНДР ученого, профессора, доктора исторических наук Сон Сен Пхира, на редкость обаятельного человека с умным, открытым лицом, внимательными глазами. На встрече он откровенно заявил, что не является профессиональным дипломатом и что ему по ирраву обстоятельные дискуссии, всестороннее изучение позиций собеседника, выработка концептуального подхода к решению проблемы. Высказанные впоследствии Сон Сен Пхиrom мысли, его логика мышления и в целом мягкая и дружелюбная манера ведения дискуссии, умение и терпение слушать собеседника свидетельствуют о том, что дипломатический непрофессионализм нынешнего посла КНДР заключается в его высочайшем профессионализме как ученого. «Бэкграунд» Сон Сен Пхира впечатляет: депутат Верховного Народного Собрания, член ЦК Трудовой партии Кореи, продолжительное время (1967—1970 гг., 1977—1983 гг.) возглавлял крупнейшее высшее учебное заведение страны — Институт народного хозяйства, с 1970 по 1977 г. был министром высшего образования. С апреля 1990 г. Чрезвычайный и Полномочный Посол КНДР в СССР. Входил в состав делегации КНДР на переговорах «Диалог Север — Юг».

Время перемен в международной жизни, время всеобщей политической разрядки и нового мышления выдвигает на передовые рубежи для решения благородных задач достойных людей. И представители двух корейских государств в Москве являются ярким тому примером.

Сон Сен Пхир изложил точку зрения КНДР на некоторые вопросы, касающиеся современного состояния дел на Корейском полуострове. Он отметил озабоченность по поводу проведения совместных американо-южнокорейских маневров «Тим спирит», создающих препятствие в диалоге Север — Юг, указал на беспокойство Пхеньяна в связи с намерением Южной Кореи усилить давление на страны — члены ООН с целью сепаратного вступления Южной Кореи в эту организацию без учета надежд всей нации и, в частности, предложений КНДР о вступлении Севера и Юга в ООН на одно место после воссоединения в рамках конфедерации (по мнению посла, это создает условия для политических спекуляций в рамках ООН и ведет к утверждению дальнейшего раскола нации).

Давайте послушаем и другую сторону. Например, господин Кон Ро Мён утверждает, что пример воссоединения двух Германий, а также Северного и Южного Йемена в одно государственное объединение примечателен и достоин подражания. Поэтому принятие Южной Кореи в ООН не только не будет препятствовать объединению корейской нации, но будет способствовать межкорейскому диалогу, главной целью которого является именно создание единого корейского государства. Не противостоит ли, аргументирует южнокорейский дипломат, что Республика Корея, страна с 40-миллионным населением, с высокоразвитой промышленностью и сельским хозяйством, занимающая по объему торговли 10-е место в мире, страна, которая не перестает удивлять мир своими достижениями в науке, образовании, культуре и спорте, страна, которая... и т. п., остается вне стен известного всему миру величественного здания в Нью-Йорке, вне организации, которая сделала так много для мирового сообщества в деле укрепления мира и стабильности в международных делах. Вроде бы тоже убедительно.

Специалисты, стремящиеся к объективному осмыслению запутанной ситуации на Корейском полуострове, полагают, что объединение двух Корей будет только корейским, и никаким иным. Другими словами, нужен диалог. Диалог постоянный, интенсивный, целеустремленный. Диалог, не подверженный влиянию различных внешних и внутренних факторов, будь то продолжение маневров «Тим спирит» или же судорожная перетряска

внутриполитического тряпья времен «холодной войны» и военных диктатур.

Хотя «холодная война» в Азии не ушла в небытие, политика разрядки все более закрепляется в АТР, о чем свидетельствуют нормализация советско-китайских отношений, определенные позитивные подвижки в деле улучшения отношений СССР и Японии и набирающий (не без сбоев) темп диалог Севера и Юга Кореи. Конечно, государствам одной нации, развивающимся своими социально-экономическими путями и придерживающимся различных политических ориентаций, не избежать осложнений в межгосударственном диалоге. Но этот диалог необходим во имя единственно верной цели, во имя национального воссоединения. И если каждая из сторон будет действовать в духе терпимости, сдержанности и компромиссов, наличие таких разногласий не будет рассматриваться как повод для конфронтации и отказа от сотрудничества.

Встречи и беседы с послами двух корейских государств свидетельствуют о том, что по обе стороны от 38-й параллели идет активный, порой мучительный поиск приемлемого компромисса. Здесь нередко проявляются и многолетняя взаимная идеологическая предубежденность, и синдром «опасности с Севера или с Юга», и влияние определенных сил с той и другой стороны, выступающих в качестве «единственных и правильных защитников национальных интересов».

Главное в другом: инициативы, постоянно выдвигаемые высшим политическим руководством КНДР и президентом Ким Ир Сенем, равно как поступательное движение курса так называемой «северной политики», выдвинутой президентом Республики Южная Корея Ро Дэ У, пробивают себе дорогу в жизнь. В этой связи точка зрения северокорейской стороны о Корейской конфедерации, которая проистекает из последнего выступления президента Ким Ир Сена (новогоднее выступление по случаю 1991 г.) и изложена в ходе беседы послом Сон Сен Пхиrom, представляется для политологов весьма любопытной и заслуживает самого внимательного изучения как в свете межкорейского диалога, так и международного научного сотрудничества.

В частности, посол Сон Сен Пхир видит Корейскую конфедерацию как национальное государственное образование с большими полномочиями региональных правительств Севера и Юга, которые в перспективе могли бы быть переданы конфедеративным органам власти. Этот вариант конфедерации предусматривает сохранение за региональными правительствами Севера и Юга полномочий законотворчества, региональной обороны и внешних сношений.

В области законотворчества региональные правительства могли бы принимать законы при условии их соответствия общей идее конфедерации. Конфедеративные органы могли бы разрабатывать законы, отвечающие интересам всей нации и содействующие воссоединению Кореи.

В области международных связей региональные правительства могли бы осуществлять международные контакты по каналам, налаженным до создания конфедерации. Представительство в международных организациях и на международных форумах будет осуществляться конфедеративными органами.

В области обороны региональные власти, по мнению Сон Сен Пхира, будут сохранять собственные вооруженные силы в рамках, необходимых для обеспечения региональной безопасности Севера и Юга. Конфедеративные власти получают в свое распоряжение национальные вооруженные силы, которые могут быть использованы для отражения агрессии извне.

В области экономики региональные власти Севера и Юга будут располагать большими возможностями для развития региональных структур. Конфедеративные органы будут осуществлять координационные функции и совместную разработку природных богатств.

Посол подчеркнул, что передача полномочий от региональных органов конфедеративной власти при создании объективных предпосылок обеспечит взаимное существование различных общественно-экономических систем и исключит поглощение одной системы другой.

По словам Сон Сен Пхира, руководство КНДР готово к диалогу с южнокорейской стороной по проблеме конфедеративного устройства, хотя в позиции сторон есть существенное различие. Пхеньян выдвигает принцип «одна нация, одна страна — два строя, два правительства», Сеул — «одна нация, два государства, два строя и два правительства».

Директор Института Дальнего Востока д. ф. н. Титаренко М. Л., который является убежденным и активным сторонником межкорейского диалога, подчеркнув приверженность ученых ИДВ установлению более тесных и регулярных контактов с учеными

КНДР и Республики Корея и отметив определенную новизну и гибкость руководства КНДР в отношении к проблеме объединения Кореи, выдвинул следующие предложения:

1. Провести свободный обмен мнениями по корейской проблематике ученых Советского Союза и Северной Кореи в рамках закрытого либо открытого семинара, «круглого стола».

2. Содействовать проведению встречи ученых Северной и Южной Кореи в любое удобное время и в любом удобном месте (Пхеньян, Сеул, Москва).

Процесс разрядки, рост доверия, переход от конфронтации к диалогу, от диалога к сотрудничеству необходимо распространять не только на взаимоотношения СССР, КНР и США на Корейском полуострове, но и на личные отношения одной нации двух независимых и суверенных государств и в первую очередь их Чрезвычайных и Полномочных Послов. И специалисты ИДВ, сознавая особую значимость такого сотрудничества, стремятся содействовать созданию благоприятных условий для мирного объединения Кореи.

Ученый секретарь по международным связям ИДВ АН СССР
Ю. Жарких

Япония 90-х: пессимизм на фоне процветания

*Л. АРЕШИДЗЕ,
М. КРУПЯНКО*

Советское общество находится в состоянии глубокого кризиса. Его истоки видятся в ошибках прошлого и настоящего. Понятно поэтому стремление советского руководства найти хорошо продуманную программу стабилизации, которая стала бы окончательной, безошибочной и по возможности наименее болезненной. Считается полезным «брать» и включать в программы на будущее то, что определяло успех в экономически развитых странах, и прежде всего в Японии, но чего не было и нет в советской экономике¹. Но не закрывает ли такая постановка вопроса путь к объективному пониманию сегодняшних и, что особенно важно, завтрашних проблем развития западного, в частности японского, общества; не заслоняют ли представления о преимуществах производственного механизма на Западе изъяны далеко не во всем и далеко не для всех столь же благополучного распределительного механизма как элемента рыночной системы; не способствуют ли ошибочные представления об этих преимуществах принятию нашими руководителями недальновидных и поспешных политических решений?

Речь в данной статье идет о нарастающем социальном и душевном нездоровье японской нации, о преобладающем в обществе чувстве неудовлетворенности результатами распределения произведенного общественного продукта, об особенностях восприятия японцами внутривнутриполитической нестабильности и неопределенного международного положения нации.

В начале 90-х годов японцы сталкивались в повседневной жизни с нарастающими противоречиями и трудностями при улучшении своих жилищных условий, с нехваткой средств семейного бюджета на оплату коммунальных услуг, транспорта, медицинского обслуживания, организации досуга, получения высшего образования детьми. Серьезной проблемой стала реабилитация здоровья в связи с переутомлением на работе. И хотя эти проблемы характерны в конце XX в. не только для японцев, вместе с тем именно японцы, пожалуй, более других народов, вправе были бы рассчитывать на их адекватное удовлетворение, принимая во внимание то, что Япония является второй в мире экономической сверхдержавой. Тем не менее сегодня у многих японцев развивается синдром неудовлетворенности из-за несправедливого распределения конечного общественного продукта, нарастает разочарование из-за несоответствия жизненных стандартов населения и внушительных макроэкономических показателей прогресса нации.

На первый взгляд советскому читателю «эпохи перестройки», изнывавшему под тяжестью тотального дефицита продуктов питания и товаров первой необходимости, ощутившему на практике резкое снижение и без того невысокого жизненного уровня, уставшему от бесконечных и малопродуктивных политических и экономических экспериментов, пессимизм японцев в отношении качества их жизни может показаться по меньшей мере капризом «сытого и обеспеченного человека». В самом деле, нелегко понять, о какой неудовлетворенности можно говорить в «обществе изобилия», ведь на Японию в 1990 г. приходилось 15 % мирового производства ВВП, японская экономика развивалась самыми быстрыми темпами среди всех промышленно развитых стран (в 1990 г. темпы роста ВВП Японии составляли 4,5 %, тогда как в США — 2,3 %, в ФРГ — 3,2, в Великобритании — 1,3 %); в Японии были самые низкие в мире темпы инфляции — всего 2,6 % в 1990 г. против 4,3 % в США, 3 % — в ФРГ, 6,5 % в Великобритании; в Японии достигнуты самые высокие показатели доходов на душу населения — 23,2 тыс. долл. и самый низкий уровень безработицы в мире — 2,5 % в 1990 г. против 8,4 % — в Великобритании, 8,7 % — в ФРГ, 12 % — в Италии².

И тем не менее реалии таковы, что даже в преуспевающей японской экономике могут развиваться тенденции, свидетельствующие о нарастающей социальной усталости, неудовлетворенности, общественном пессимизме. Об этом сегодня много говорят сами японцы, эти проблемы серьезно изучаются, это тревожит правительство и предпринимательские круги. Разумеется, речь идет не о том, что японцы недовольны количественными аспектами своего благополучия, как, например, числом автомобилей в семье, количеством холодильников в доме, наличием современной радио- и телеаппаратуры, нехваткой в диете деликатесов и т. п. Речь в первую очередь идет о качественных сторонах жизни японцев, о том, что составляет основу социальной стабильности и нормального, здорового психологического климата в обществе.

Япония, имея национальный продукт, равный доходам Великобритании, Франции и ФРГ вместе взятым, не может сегодня обеспечить своим гражданам жизненные стандарты, существующие в каждой из этих стран, взятых в отдельности. Японцы, живущие на фиксированные доходы, не могут сегодня рассчитывать на приобретение собственного жилья, ибо стоимость квартиры из 2—3 комнат составляет 10—15 годовых семейных доходов. Продолжительность рабочего дня японцев, несмотря на высокую производительность, оснащенность предприятий и учреждений современным оборудованием, не только не снизилась, но даже возросла и составляла на уровне 1990 г. самую большую величину по сравнению с другими промышленно развитыми странами — 2168 часов в году, против 1949 часов в США, 1947 в Великобритании, 1642 во Франции, 1645 в ФРГ. Заметно увеличился разрыв в оплате труда рядовых сотрудников фирм, производственных рабочих, с одной стороны, и класса управляющих всех рангов — с другой. Если в 50—60-е годы он не превышал двукратного разрыва, в начале 90-х годов разница в оплате труда увеличилась в 5—6 раз. Тяжелым бременем на семейный бюджет ложатся сегодня расходы на получение высшего образования — в 1965 г. на одного ребенка они составляли 3 % годового семейного бюджета, а в 1990 г. уже — 5—6 %. При наличии в семье двух-трех детей школьного возраста расходы на образование поглощали большую часть семейных сбережений.

Однако наибольшую тревогу в обществе вызывает ломка основ трудовой мотивации японцев всех послевоенных десятилетий, адаптированных психологически к принципу: за более производительный и добросовестный труд — большую оплату, более полное удовлетворение материальных и духовных потребностей. Дело в том, что в 50—60-е годы, то есть в период быстрых темпов экономического развития, государство активно вмешивалось в процессы регулирования производства и сферы распределения общественного продукта. В те годы японцы экономически и психологически привыкли к тому, что основным и единственным источником роста их благосостояния был производительный труд. Экономическая политика правительства была ориентирована на поддержание в обществе высокого уровня трудовой мотивации, главным рычагом которой являлась социально справедливая система распределения результатов труда. В сознании каждого японца было заложено правило, что лучше жить можно только больше и лучше работая.

Социально ориентированная экономическая политика государства периода высоких темпов роста в жизни доказала результативность такого подхода — в течение 60-х годов национальный доход Японии увеличился в 4 раза (с 13,2 трлн. иен в 1960 г. до 59 трлн. иен в 1970 г.), а доходы населения, выраженные в стоимости фонда заработной платы, возросли в 5 раз — с 5,6 трлн. до 26,4 трлн. иен⁴.

В 80-е годы жизненная философия японцев претерпевала изменения по мере того, как интенсивный и добросовестный труд перестал идентифицироваться с материально более обеспеченной и социально более стабильной жизнью. Новым притягательным источником благополучия стали доходы от спекуляции земельными участками, продаж недвижимости, сделок с ценными бумагами. Наиболее обеспеченными и преуспевающими в жизни слоями общества стали не высокооплачиваемые работники, управляющие, а прежде всего владельцы земельной собственности, недвижимости, фиктивного капитала. По данным на конец 1989 г., в банки Японии последними было внесено на счета 1,3 квадриллиона иен, тогда как сумма личных доходов лиц наемного труда, положенная в банки, составляла 580 трлн. иен. Характерно, что средняя величина вклада владельца земельной собственности возросла в 80-е годы с 30 до 100 млн. иен, тогда как вклады лиц наемного труда за тот же период возросли всего с 7 до 10 млн. иен⁴.

Государство предпочитало не вмешиваться в процессы быстрого обогащения ограниченного слоя земельных собственников, владельцев недвижимости и ценных бумаг. Цены

на землю под жилую и промышленную застройку росли на глазах. За 80-е годы цена 1 м² земли в Токио в среднем повысилась с 300 до 853,9 тыс. иен, в Осаке — с 140 до 349 тыс. иен., в Йокогаме — с 120 до 320 тыс. иен⁷. За одну ночь собственники земли могли проснуться миллионерами просто потому, что за эту ночь цены на землю неожиданно резко подскочивали вверх.

Государство, разумеется, имело в своем распоряжении рычаги сдерживания роста цен на землю и могло при желании упорядочить быстро набирающие силу процессы нетрудового обогащения части общества за счет сделок с собственностью. Этому в предшествующий период способствовала прогрессивная система налогообложения. Она в значительной части выравнивала доходы всех членов общества, препятствовала их маргинализации, тормозила имущественное расслоение и способствовала укреплению в массовом сознании эгалитарной психологии. В 50—60-е годы японцы гордились государственной системой налогообложения, считая ее «своей» — она работала на поддержание социальной справедливости, ставила барьеры на пути разделения общества на «богатых» и «бедных». Стартовые позиции с ее помощью были выравнены для подавляющего большинства населения страны.

Ныне действующая налоговая система, однако, уже не ставит целью поддержание эгалитарной психологии в обществе, так как создает благоприятные условия для имущественного расслоения. Это выражается в том, что большие налоги взимаются с лиц, живущих на фиксированные доходы, тогда как тем, кто существует на доходы от продажи земли, недвижимости и ценных бумаг, искусственно создаются более льготные условия налогообложения. В среднем в Японии налогами облагаются 70 % всей суммы реально получаемых доходов, а 30 % — укрываются от фискальной службы. Такое положение хорошо известно властям, которые сознательно закрывают на это глаза⁸. Делается это для получения дополнительного рычага влияния на электорат в политических целях. В 80-е годы правительство ориентируется на поддержку земельных собственников, владельцев недвижимости, взимаемая с них не более 40—60 % всей суммы доходов, подлежащей налогообложению. Лица же с фиксированными доходами платят налоги с 90 % получаемых доходов.

Основной смысл в новой фискальной политике правительства состоит в стремлении привлечь огромный капитал владельцев земельной собственности, недвижимости для нужд расширенного воспроизводства, увеличения инвестиционного потенциала японских корпораций, расширения вложений в социальную сферу. В прошлом, как известно, основным источником производственных инвестиций, капиталовложений в социальную сферу были личные сбережения граждан, аккумулировавшиеся в банках в виде депозитов, а также налоговые отчисления от прибыли промышленных предприятий. В 80-е годы новым, мощным источником накопления стали доходы от сделок с земельной собственностью, которые щедро поступали на банковские счета. Только в одном 1988 г. чистая прибыль 10 ведущих страховых компаний, осуществляющих операции с куплей-продажей земельных участков, недвижимостью, а также ценными бумагами, составила 4 трлн. иен, тогда как чистые доходы 1457 крупных промышленных корпораций страны не превысили 7 трлн. иен. Удельный вес в накоплениях доходов от операций с земельной собственностью быстро увеличился и становился важным новым элементом механизма по «производству денег» для нужд расширенного воспроизводства. «Делание денег из воздуха», только за счет разницы в ценах на землю, которые быстро росли, оказалось весьма привлекательным для государства, которое увидело в этом новый солидный источник укрепления экономического и научно-технического потенциала нации, социальной стабильности, обеспечения успеха японских корпораций в борьбе с американским и европейским капиталом на мировых рынках.

Весьма характерно в этой связи, что открытие в 80-е годы в Японии «нового Клондайка» вызвало резко негативную реакцию со стороны американских корпораций, усмотревших в этом немалую опасность своим интересам. Конгресс США попытался даже оказать давление на японское правительство, требуя неотложных мер по прекращению неконтролируемого роста цен на землю в крупных городах, ограничения доходов земельных собственников путем ужесточения налоговой политики правительства.

Правительство Японии тем не менее не было заинтересовано в том, чтобы «убивать своими руками курицу, несущую золотые яйца». Напротив, власти делали все возможное, чтобы новый механизм «по производству денег» набирал обороты. На это была направлена политика денационализации государственной собственности, искусственно сдерживалась реформа налоговой системы.

В обществе, однако, такая политика правительства не находила полного понимания. Лица, живущие на фиксированные доходы, с явным раздражением и внутренней неприязнью воспринимали появление в продаже товаров, рассчитанных на лиц с высокими нетрудовыми доходами. В свое время у японских потребителей вызвала шок цена велосипеда, который продавался за 750 тыс. иен (5,5 тыс. долл.), что значительно превышает месячную заработную плату высококвалифицированного рабочего⁸. Японские нувориши с удивительной легкостью скупали в США крупнейшие киностудии и другие объекты недвижимости: корпорацию «Колумбия пикчерс», Рокфеллеровский культурный центр, фешенебельные курорты на Гавайских островах; вкладывали деньги в продаваемые на аукционах баснословно дорогие произведения искусства.

Разрушение эгалитарной психологии, сформировавшейся в японском обществе в послевоенные десятилетия в условиях демократических преобразований, усиление имущественного расслоения и социального неравенства — все это вместе взятое усиливало внутренние противоречия в развитии общества, снижало уровень социального оптимизма. Возрастала общественная апатия, раздражительность, ослабевал дух традиционного японского патриотизма, выражавшийся в готовности каждого японца идти на жертвы во имя процветания японской нации. Правительству как никогда раньше становилось сложно мобилизовывать потенциал японского народа на цели реализации стратегии роста. Традиционная социально-экономическая парадигма Японии — добросовестный труд каждого ради интересов нации — более не работала. Японцы не видели прямой взаимосвязи между своим трудом и улучшением материального положения, не чувствовали, что огромный экономический и научно-технический потенциал Японии доходит до каждого члена общества в отдельности.

В восприятии японцами ухудшения своего материального положения не последнюю роль играла растущая внутривнутриполитическая нестабильность, сложность в выборе опоры на те или иные политические силы, защищающие жизненные интересы «среднего класса». Правящая консервативная партия теряла социальную опору среди своего основного электората — крестьянства, лиц наемного труда. Массовый избиратель сегодня не видит в ЛДП надежного защитника своих интересов. Политический рейтинг консерваторов неумолимо приближается к таким малопопулярным в обществе партиям, как КПЯ и Комэйто⁹.

Действительно, за долгие годы бессменного пребывания у власти у ЛДП притупилось чувство необходимости борьбы с оппозицией за политическое выживание, образовалась своего рода усталость от политических сражений за голоса избирателей. Внешними проявлениями этих процессов стали учащившиеся случаи коррупции в верхнем эшелоне власти, снижения морально-нравственных критериев в личном поведении.

Сегодня массовый японский избиратель в надежде на защиту своих социально-экономических интересов предпочитает обращаться к новой политической силе общества — реорганизованным японским профсоюзам, провозгласившим целью своей деятельности отстаивание интересов «среднего класса». Большие надежды в обществе связываются, в частности, с профсоюзным объединением работников частных предприятий Рэнго, которое быстро увеличивает число мест в парламенте. Предстоящее обострение борьбы за власть между тремя основными политическими силами японского общества — консерваторами в лице лидеров ЛДП, левой оппозицией и профсоюзами — не внушает оптимизма японскому избирателю, предпочитающему видеть на вершине японского истеблишмента прежде всего лидеров, готовых гарантировать стабильность материального положения и жизненных интересов подавляющего большинства населения.

Вместе с тем нарастание внутривнутриполитической борьбы не обещает скорой стабилизации. Лидеры ЛДП будут стремиться обеспечить себе большинство в нижней палате парламента, что сохранит их у власти в качестве правящей партии. Оппозиция намерена сохранить за собой лидерство в верхней палате, тем самым препятствуя ЛДП проводить подготовленные ею законопроекты. Такое противостояние только затруднит законодательскую деятельность парламента. Если оппозиционные партии, объединившись против СПЯ, захватят большинство в нижней палате, тогда консерваторы будут вынуждены передать власть коалиции оппозиционных сил. В этом случае работа парламента будет идти медленно и законопроекты будут обсуждаться годами.

Однако наиболее сложной ситуация станет в случае, когда руководство ЛДП в целях сохранения за собой лидерства в нижней палате прибегнет к поддержке КПЯ в борьбе против основного противника консерваторов в парламенте — социалистической партии.

Блокировка ЛДП и КПЯ против СПЯ в будущем не исключается японскими политологами, что привнесет в будущую политическую борьбу немало неопределенности¹⁰. Сегодняшний японский избиратель не в полной мере ориентируется в возможном исходе внутривнутриполитической борьбы в стране, в массовом сознании усугубляется чувство неуверенности и пессимизма. Вероятно и образование новой консервативной коалиции на основе правоцентристских политических сил, их курс будет более жестким, более административным и менее демократическим.

Не внушает японцам большого оптимизма и международное положение страны в 90-е годы. При этом особую тревогу вызывает состояние военно-политического союза с США, нежелание и неготовность последних защищать международные интересы Японии. Из партнера и союзника Соединенные Штаты в новой международной ситуации могут легко трансформироваться в соперника Японии.

Ослабив усилия в стратегии «сдерживания СССР» по мере завершения «холодной войны» в конце 80-х годов, США могут переключить свое внимание на «сдерживание» Японии, своего главного экономического и технологического соперника. Факты последних лет свидетельствуют об усилении давления со стороны США на японское правительство именно в этих областях. Токио согласился на сокращение своего экспорта на американский рынок, хотя это шло вразрез с интересами японских корпораций и явилось явной уступкой нажиму со стороны американской администрации и конгресса. Одновременно Японии пришлось увеличить импорт американских товаров, стоимость которого только в течение одного года увеличилась на 23,1 %¹¹.

В американских деловых и парламентских кругах быстрыми темпами развивается синдром «японофобии». В 1988 г. конгресс одобрил антияпонский законопроект о торговле, широко известный в Японии как «Закон 301-супер», разрешающий американской администрации вводить дополнительные ограничения на импорт японской продукции¹². Торговый представитель США в Токио Карла Хилз называет Японию в одном ряду с такими торговыми противниками Америки, как Бразилия и Индия, к которым США уже давно применяют явно дискриминационные меры¹³. В США в последнее время все громче раздаются голоса официальных представителей «натянуть вожжи» в торговле с Японией и приступить к стратегии «сдерживания»¹⁴. К этому призывают и американские японоведы. Так, в частности, известный в США специалист по Японии Джеймс Феллоус в аналитической статье, опубликованной в журнале «Атлантик» под названием «Сдерживание Японии», писал, что не верит в способность и желание японского правительства добровольно изменить экономическое поведение, перестроить промышленную структуру и внешнюю торговлю в выгодном для США направлении и потому следует разработать жесткую политику экономического сдерживания Японии, включающую как минимум три основных направления — политическое давление, экономические угрозы и таможенные репрессалии¹⁵.

В деловых кругах Японии, в правительстве всерьез обеспокоены решимостью американской администрации перейти от слов к делу. Токио разрабатывает ответные меры по дестабилизации американской экономики¹⁶. Готовясь к худшим временам в отношениях с США, японские корпорации уже в 80-е годы «готовили американскую промышленность в свои заложники». Японцы успели инвестировать в экономику США несколько миллиардов долларов, внедрившись в базисные отрасли. Кроме того, у японцев разработана амортизационная политика в отношении американских репрессалий, которую они опробировали в 70—80-е годы, когда США пытались дестабилизировать японскую экономику «двумя шоками Никсона», ревальвацией курса доллара к иене, сближением с Китаем и СССР за спиной Японии. Эти американские меры не оказали должного эффекта на развитие японской экономики, не затормозили ее роста, не уменьшили экспортной экспансии на американский рынок. Они лишь способствовали ускоренной структурной перестройке японской промышленности и ускорению темпов ее развития.

Однако на 90-е годы американская сторона приготовила для своего японского «партнера», как считают в Токио, новое, более разрушительное оружие. В Японии не исключают, что таким «оружием» станет долгосрочная оккупация Саудовской Аравии под предлогом необходимости «сдерживать» агрессивный Ирак и установление полного контроля за нефтяными месторождениями Ближнего Востока, откуда Япония в начале 90-х годов ввозила 70,5 % всего объема импортируемой сырой нефти¹⁷. Военные действия в районе Персидского залива в 1991 г. серьезно осложнили снабжение энергоносителями японской экономики. Сегодня нельзя исключить, что стратегия Соединенных Штатов

в этом регионе направлена помимо всего прочего на «сдерживание» главного стратегического противника США в экономической и технологической областях — Японии¹⁴.

Японцы всевозрастают озабочены признаками усиления и ужесточения конкурентной борьбы с США в технологической области. Американские корпорации военно-промышленного комплекса объявили Японии настоящую войну, считая японских конкурентов намного серьезнее и опаснее для своих интересов, чем в свое время был СССР, бросивший вызов в идеологической области. Соединенные Штаты намерены помешать японским корпорациям вырваться в аэрокосмической технологии и в разработке новых видов вооружений, то есть в тех областях научно-технического прогресса, где сами США пока удерживают лидерство.

В этой связи закономерной выглядит реакция американской администрации на попытки японских корпораций, выполняющих заказы Управления национальной обороны, разработать своими силами оружие нового поколения — истребитель-перехватчик FCX. Бывший глава японского отдела министерства торговли США Клайд Престовиц указывал, что США надлежит хорошенько проучить японские корпорации и не повторять ошибок, когда американцы «разрешили» японцам обогнать себя в производстве высококачественных текстильных изделий, стали, телевизоров, автомобилей, ЭВМ. Сегодня США не должны допустить, чтобы японцы опередили Америку в производстве военной техники нового поколения. Японцы уже способны самостоятельно собрать корпус и электронную начинку новых самолетов, но пока еще не могут сами разработать двигатель. Поэтому американцы должны быть всегда рядом с японскими конструкторами и осуществлять систематический контроль за продвижением технической мысли в передовых отраслях НТП в военной области, где сами США сохраняют лидерство¹⁹.

В ноябре 1988 г. американская сторона настаивала на своем участии в японском проекте разработки истребителя нового поколения для ВВС Японии, что было расценено в военных кругах страны как попытка США взять под свой контроль разработку не только технологий для производства гражданской продукции, но и мероприятий по укреплению национальной безопасности²⁰.

У японцев складывается впечатление, что сегодня многие в США опасаются укрепления японских экономических и технологических возможностей куда больше, чем ракетно-ядерного потенциала СССР. Руководители УНО и ведущих промышленных корпораций Японии убеждены, что уже в самом ближайшем будущем любые попытки японской стороны оторваться в разработке передовой технологии в военных областях будут встречать откровенное сопротивление со стороны конгресса США и американского ВПК²¹. Противоречия в этой области будут нарастать быстрыми темпами.

Одновременно усиливаются антияпонские настроения в конгрессе США, что вызывает тревогу в японских предпринимательских и военных кругах. В Японии ощущается потребность в переосмыслении японо-американского партнерства. Японцы не намерены терпеть от США давления ни в политической, ни в стратегической области, ограничений в экономическом и технологическом развитии. Растет разочарование тем, что хотя после войны две страны — Япония и США — лучше узнали друг друга и заметно сблизились в двустороннем партнерстве, их отношения не выдержали «проверку временем» и есть все основания предполагать, что в XXI в. эти отношения станут менее доверительными и прочными²².

Мировой исторический опыт доказывает, что никакие союзы между государствами не бывают вечными и рано или поздно приходит время их разрушения и распада, ибо национальные выгоды и интересы доминируют над обязательствами по двусторонним или многосторонним соглашениям. Многие специалисты в Японии уверены, что японо-американское партнерство доживает последние годы, интересы сторон в экономической и стратегической областях все более расходятся и каждая из сторон стремится успеть захватить лидерство с тем, чтобы укрепить собственные позиции. Противоречия растут, а способы их ослабления ограничены. Перспективы японо-американского союза выглядят весьма пессимистическими²³.

Японцы оказались не подготовленными к перестройке системы международных отношений Восток — Запад. В условиях смягчения идеологических и политических противоречий между СССР и США Токио опасается усиления противоречий в системе Север — Север и прежде всего между Соединенными Штатами и самой Японией. Японцы знали, как вести себя в послевоенном мире, разделенном на два противоборствующих лагеря: они твердо взяли сторону Соединенных Штатов, своих стратегических противников

во время второй мировой войны. Но Япония не определилась, как ей вести себя сегодня в сложной и весьма запутанной системе международных отношений, где поведение каждого государства будет все больше определяться не идеологическим противостоянием, а национальными интересами. В новейшей истории Японии были два союза, которые принесли ей большую практическую пользу — на первом этапе своей модернизации и перестройки политической и экономической системы в последней четверти XIX в. Япония заключила выгодный союз с самой сильной в тот период державой мира — Великобританией, после второй мировой войны — с самым сильным государством второй половины XX в. — Соединенными Штатами Америки.

В конце XX в. и на ближайшую перспективу XXI в. США останутся на положении ведущей державы мира, и Япония считала бы для себя выгодным сохранить прочный союз с ними. Однако объективные процессы, развивающиеся в экономике и в системе международных отношений, все очевиднее свидетельствуют о том, что японо-американские союзнические отношения будут подвергаться серьезным испытаниям на прочность. В перспективе японцев страшит неопределенность и реальная возможность остаться в системе международных отношений без надежного партнера, в изоляции. Такое развитие событий несомненно будет накладывать на японскую экономику и повседневную жизнь японцев большие нагрузки, так как потребуются резкое увеличение расходов на поддержание экономической и стратегической безопасности за счет расходов на социальные нужды²⁴.

Неопределенность будущего международного положения Японии — фактор беспокойства и для многочисленной армии мелких и средних предпринимателей, преуспевающих лишь при условии, что их товары и капиталы могут свободно перемещаться на рынки других стран. Эта неопределенность лишает их уверенности в планах на завтра, не гарантирует благоприятные внешние условия для продолжения хозяйственной деятельности.

Весьма неясны в этих условиях остаются проблемы формирования государственного бюджета. С одной стороны, правительство вынуждено предусмотреть увеличивающиеся расходы на обеспечение национальной безопасности — экономической и стратегической. С другой, возникнут объективные потребности увеличения ассигнований на социальные нужды, на повышение уровня социальной защищенности малоимущих слоев японского общества, пенсионеров. Возникнут трудности с расширением жилищного строительства на средства муниципалитетов, особенно если принять во внимание стремительный рост цен на городскую землю в последние годы.

Одновременно правительство должно будет предусмотреть увеличение расходов на стабилизацию международных отношений, на помощь развивающимся странам, включая сюда на этот раз и бывшие социалистические страны, экономика которых еще долгие годы будет выбираться из трясины структурного кризиса.

Международное положение Японии может ухудшиться в связи с ростом антияпонских настроений в промышленно развитых и развивающихся странах. Развитые страны будут все активнее требовать от Японии пересмотра ее экономической политики, открытия внутреннего рынка, либерализации импорта капиталов и услуг. Развивающиеся страны — настаивать на увеличении помощи развитию со стороны «богатой Японии», на списании прежних долгов. «Зависть» к преуспевающей нации в истории всегда являлась питательной средой для возникновения конфликтов и даже мировых войн²⁵.

Япония встречает XXI в. на далеко не оптимистической волне. С одной стороны, японское общество действительно достигло в своем социально-экономическом развитии поразительных результатов даже в сравнении с другими странами рыночной экономики. Обеспечены товарное изобилие, относительно высокий прожиточный минимум, японцы имеют практически неограниченные возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей, свободно путешествуют по всему миру. Вместе с тем на фоне экономического процветания растет чувство тревоги за будущее. На какие уступки готово пойти японское правительство под давлением США в части перестройки экономики, как это отразится на жизненном уровне, кто будет защищать интересы «среднего класса», найдет ли правительство источники финансирования одновременно и «пушек» и «масла» — не на все вопросы имеют ся ясные ответы.

Сегодня многим японцам очевидно, что перемены во внутренней жизни и в международном положении Японии объективно необходимы. Они продиктованы требованиями самой жизни — ломкой традиционной системы пожизненного найма, отказом от опре-

деляющей практику политических партий борьбы за места в парламенте, выравниванием жизненных стандартов японцев с американцами и западноевропейцами. Новые подходы необходимы и для обеспечения Японии прочных политических позиций в мировом сообществе, превращения страны в «первосортную» политическую державу мира путем повышения ее политического авторитета. Япония необходимо доверие со стороны других стран. Ведь в XXI в. на Японию будут смотреть не только как на государство с высокими макроэкономическими показателями, высоким уровнем развития научно-технического прогресса, как это имело место в 70—80-е годы. Внимание мировой общественности в отношении Японии будет все больше обращено на политическое поведение нации, на ее возможности стабилизировать перестраивающуюся и разбалансированную биполярную послевоенную систему международных отношений.

Мир ожидает от Японии повышения ее стабилизирующей роли как великой державы, увеличения вклада в разблокирование международных конфликтов, расширения экономической и технической помощи развивающимся странам.

¹ In: Clyeron Johnson. Soviets fix the gaze on Japan. Christian Science Monitor.— 1991.— 3 February.

² Nippon 1990. Business facts and figures.— Tokyo, 1990.— P. 142; Japanese working life profile.— Tokyo, 1990.— P. 15.

³ Тоё кайдзай.— 1976.— № 8.— С. 139—140.

⁴ Такахаши Нобуаки. Тайкоку Нихон-но утинару мадзусиса=Бедная великая Япония // Тюо корон.— 1989.— № 2.— С. 79—80, 83.

⁵ Nippon 1990. Business facts and figures.— P. 142.

⁶ In: Takeuchi Yasuo. Emerging economic inequities // Japan Echo.— 1989.— № 2.— P. 45—46.

⁷ См.: Ито Мицухара. Сёхидзэй то Рикурото=Потребительский налог и дело Рикруто // Сэкай.— 1989.— № 4.— С. 28—29.

⁸ Кусака Киминдо. Мотто ютака-ни, мотто сивасэ-ни=Еще зажиточней, еще счастливей // Voice.— 1989.— № 7.— С. 63.

⁹ In: Masuzoe Yoichi. End of a Political Era // Japan Echo.— 1989.— № 4.— P. 6—8.

¹⁰ См. об этом: Иноки Масамити. Дзиминто ва сайки дэкиру ка=Сможет ли оправиться ЛДП? // Сэйрон.— 1989.— № 10.— С. 50—60; Синохара Хадзимэ. Сисутэму но хэнкан ва кансэ ка=Возможен ли сдвиг системы? // Сэкай.— 1989.— № 9.— С. 10—21; Кохэй Синзаку. Сэйдзи гёкай-ни айсо-о цухасита фудохё-Падение престижа политико-экономических кругов // Тюо корон.— 1989.— № 9.— С. 102—113; Сато Сэйдзабуро. Санъинсэн-дэ сэнтаку саронакатта моно=Бесперспективность борьбы в нижней палате // Сэйрон.— 1989.— № 10.— С. 56—65; Ито Сигэру. Нихон сэкайто ва нани-о кангаэтэ иру ка=Что думает СПЯ? // Сёкун.— 1989.— № 10.— С. 86—96.

¹¹ Цусё хакусё. Какурон. 1990.— Токио, 1990.— С. 550—553.

¹² In: Rethinking Japan // Business week.— 1989.— 7 August.

¹³ In: Masuzoe Yoichi. The FSX Fighter Flap // Japan Echo.— 1989.— № 3.— P. 57—58.

¹⁴ In: James Fellows. Containing Japan // Atlantic.— 1989.— № 5.— P. 45—48.

¹⁵ Ibid.— P. 38.

¹⁶ In: Takeuchi Yasuo. Reactions to American Revisionism // Japan Echo.— 1989.— № 4.— P. 50.

¹⁷ Цусё хакусё. Какурон. 1990.— С. 193.

¹⁸ См. об этом: Катаока Тэцуя. Нихон-о фудзикома, нани-но нару=Что значит сдерживание Японии // Сёкун.— 1989.— № 8; Отаэ Кэнъити. Америка ё, Нихон-ни ва кайдзай ёкусирёку га ару=Америка, у Японии тоже есть рычаги давления // Тюо корон.— 1989.— № 8.— С. 47; Нахадзава Кадзуо. Фудзикома рарэру моно, раранай моно=Окажется ли Япония жертвой «сдерживания» или нет // Тюо корон.— 1989.— № 8.— С. 278—287.

¹⁹ In: Clyde Prestowitz. Trading places: how we allowed Japan to take the lead // Washington Post.— 1989.— 29 January.

²⁰ См.: Карацу Хадзимэ. FCX-о Нихон татаки-ни цукау на=Японии не нужен потребитель FCX // Voice.— 1989.— № 8; Огава Кадзухиса. Мата хитоми гоку-ни сарэта андзэн хосё=Проблема обеспечения безопасности вновь привлекает пристальное внимание // Сёкун.— 1989.— № 8.— С. 106—111.

²¹ In: Masuzoe Yoichi. Japan and the United States // Japan Echo.— 1989.— № 2.— P. 59.

²² См.: Хидака Ёсики. Нихон ва «намба ту» дэ ий ка=Хорошо ли Японии быть на втором месте после США.— Токио, 1988.— С. 4—5.

(Окончание на стр. 110)

С. БЕЛОУСОВ

«...Влияние мелкой и национальной буржуазии на идеологию части китайских революционеров несомненно»¹. «Крайне важно всесторонне изучать историю... Демократической лиги, Младокитайской партии и различных идеологических направлений, связанных с этими партиями», поскольку «проблемы, связанные с изучением политической истории китайской буржуазии, ее различных групп и слоев как до 1949 г., так и после учреждения КНР... представляют немалый интерес» и «для понимания процессов, происходящих в наши дни в КНР», и «для сравнительного изучения роли буржуазии в странах Азии, Африки и Латинской Америки»².

Вплоть до недавнего времени тенденция к фрагментарному изучению китайского либерального движения доминировала и в историографии КНР и восточноевропейских стран: за 30 лет ее существования (до 1980 г.) не было издано ни одной специальной и сколько-нибудь серьезной работы по институализации демократических партий в Китае. Ситуация начала меняться только с начала 80-х годов: наверстывая упущенное, обществоведение КНР обратилось непосредственно к истории зарождения и развития «малых» партий в общем контексте общественно-политической жизни страны в богатый катаклизмами новейший период ее истории³. Одними из главных причин повышения интереса к данной проблематике стали, в числе прочих, возрождение после 3-го пленума ЦК КПК 11-го созыва (декабрь 1978 г.) и заметная активизация нынешней плеяды демократических партий в КНР, образно именуемых сегодня «восемью друзьями КПК» (Чжунгун багэ пэнью), действующих в рамках новой ипостаси «патриотического единого фронта» (айго тунъи чжаньсянь) и под эгидой курса «многopартийное сотрудничество во главе с КПК» (Чжунгун линдао ся дэ додан хэцзо)⁴. Все это закономерно стимулировало интерес к генезису и эволюции предшественников «восьми друзей» в 20—40-е годы. Можно предположить, что более конкретной причиной официальной «реабилитации» большинства из этих партий и, главное, их общей идейно-политической платформы — самобытной национальной модели, «третьего пути» общественного развития — стала необходимость для властей предержавших как-то объяснить своему народу и мировому общественному мнению (а может быть, и самим себе), почему некоторые считавшиеся прежде неприемлемыми и даже «реакционными» концептуальные разработки «третьей силы» в социально-экономической и идейно-политической областях ныне находят вполне узнаваемое преломление в стратегическом курсе строительства «социализма с китайской спецификой». Кроме того, нельзя не учитывать и такой существенный фактор, как необходимость расширения взаимопонимания и сотрудничества с китайскими эмигрантами — а демократические партии, как правило, тесные связи с зарубежными соотечественниками, могут оказать властям в этом весьма существенную помощь.

Как бы то ни было, есть все основания констатировать, что сегодня китайские историки и политологи планомерно и целенаправленно исследуют вышеупомянутый так называемый «Третьей партии» Китая и взглядам ее основателя Дэнь Яньда (1895—1931)⁵.

Белусов Сергей Романович, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР.

Среди работ, посвященных «Третьей партии», несомненно выделяется небольшая по объему, но чрезвычайно насыщенная фактографическим материалом монография профессора Янь Ци «История Крестьянско-рабочей демократической партии Китая»⁶, выпущенная издательством Народного университета⁷. В авторском предисловии отмечается, что задача работы — на примере генезиса и эволюции одной из китайских демократических партий показать некоторые общие закономерности их политической истории и идейного развития, что в свою очередь позволит дать адекватную оценку феномену «третьей силы» Китая в целом, который, как постоянно подчеркивает китайская пресса, представлял и представляет собой отличительную черту и одно из преимуществ политического строя страны, характерную особенность концепции строительства «социализма с китайской спецификой».

Действительно, как историческая судьба, так и идейная эволюция «Третьей партии» во многом типичны для всех группировок «промежуточных» слоев китайского общества⁸, хотя, разумеется, и неповторимы, как и судьба каждой из них.

*
*

Впервые вопрос о необходимости создания в Китае третьей крупной политической партии (помимо Гоминьдана и КПК) был затронут Тань Пиншанем в докладе «О положении в Китае», с которым он выступил на VII Конгрессе Коминтерна, проходившем в Москве в ноябре—декабре 1926 г. Однако Тань Пиншань, будучи в то время еще членом компартии, говорил о новой партии как об организации, которая будет действовать «под руководством КПК»⁹. Вновь эта идея, уже более конкретно оформленная, возникла по инициативе одного из лидеров левых гоминьдановцев, Дэн Яньда, человека аскетического склада, популярного и в армии, и в народе, способного и решительного организатора, образованного и думающего, но не чуждого некоторому политическому авантюризму. Один из семи руководителей военной школы Хуанпу, активный участник Северного похода Национально-революционной армии (как начальник политуправления генштаба), с января 1926 г.— кандидат в члены ЦИК Гоминьдана (член политического и военного комитета), а с марта 1927 г.— член ЦИК (руководитель крестьянского отдела) — этот простой перечень занимаемых им в свое время должностей говорит сам за себя. Но не это оказалось главным. Дэн Яньда, как и многие другие политические фигуры (чей послужной список был, быть может, не менее, а более впечатляющим), мог стать «одним из», если бы не обладал известными качествами самобытного теоретика, заложившего концептуальные основы одного из вариантов «третьего пути» общественного развития Китая и создавшего самостоятельную партию для пропаганды своей идеи.

Главным мотивом всей теоретической и практической деятельности Дэн Яньда было неприятие стратегии и тактики общественного развития Китая, предлагаемых официальными идеологами Гоминьдана, в частности Ван Цзинвэем и Ху Ханьмином (а чуть позднее Дай Цзитао), и их реализации в политике Чан Кайши после переворота 12 апреля 1927 г. С другой стороны, Дэн вполне справедливо полагал, что такие объективные условия, как аморфная социальная структура китайского общества (его слабая классовая дифференциация) и, главное, отсутствие сознательного и достаточно дееспособного рабочего класса, не позволяют говорить о «пролетарской революции» в стране; речь может идти лишь о «революции простого народа» (пинминь гэмин), что подразумевало в первую очередь осуществление аграрной реформы (под лозунгом Сунь Ятсена «каждому пахарю — свое поле»), передачу власти «тем, кто сам зарабатывает на хлеб», и продолжение борьбы за национальное освобождение. Отвергалась категоричная постановка вопроса, отрицающая саму возможность рациональной мирной эволюции общества и настаивавшая на существовании «только двух путей: либо революция, либо реакция» (Цюй Цюбо). Иными словами, руководимая Дэн Яньда «Третья партия», претендовавшая на роль наследницы программы Гоминьдана времен первых двух съездов (то есть до разрыва с КПК), придерживалась идеологии «третьего пути» развития — отвергая политическую линию Чан Кайши (изменившего, с точки зрения Дэн Яньда, первоначальным идеалам революции), но и выражая принципиальное несогласие с «чересчур радикальной», квазисоциалистической и «основанной на ложных посылках» линией компартии, которая рассматривалась Дэн Яньда как послушная исполнительница воли Коминтерна. Предлагавшийся идеологами «Треть-

ей партии» вариант общественного развития предполагал путем свободных выборов установить в стране «власть простого народа на основе союза крестьян и рабочих» и в этих условиях добиваться мирного сосуществования труда и капитала на частных предприятиях (преимущественно мелкого и среднего бизнеса) при сохранении контроля государства над ключевыми отраслями экономики и поощрении государственного регулирования экономических процессов вообще — как руководящей и направляющей силы всего социально-экономического строительства. Главное отличие платформы «Третьей партии» от позиций других (возникших в 30—40-е годы) малых партий Китая заключалось в том, что она содержала вполне конкретную аграрную программу: национализация земли, передача ее равными наделами крестьянам — с обязательством отчислять 20 % урожая в пользу государства. Все это, по мнению идеологов партии, должно было стать главными средствами и гарантией достижения конечной цели — социализма, который трактовался как ликвидация социального неравенства и осуществление общественного благоденствия на основе идеи взаимовыгодного социального партнерства, классового сотрудничества в рамках нации¹¹.

Наметив основные контуры программы «Третьей партии», отметим, что она, естественно, во многом определяла и политическую эволюцию этой группировки. Первая, правда безуспешная, попытка создания «Третьей партии» была предпринята Дэн Яньда (вместе с Тань Пиншанем, Пэн Цзэминем и Чэн Гунбо) в мае—июне 1927 г.¹¹ В августе того же года Дэн приезжает в Москву, где 1 ноября совместно с Сун Цинлинь и Чэн Южэнем публикует декларацию, в которой наравне с резкой критикой политики Чан Кайши и Ван Цзинвэя (охарактеризованных как «подобие новых милитаристов») формулирует идею создания Временного комитета действия Гоминьтана (Чжунго гоминьдан линьши синдун вэйюаньхуэй), цель которого — «сплотить все революционные массы под знаменем великих принципов Сунь Ятсена». В декабре того же года Дэн Яньда уезжает в Германию.

В это время в самом Китае силами части левых гоминьдановцев и группы Тань Пиншаня (некоторых вышедших из состава КПК деятелей) была создана (в ноябре 1927 г.) Китайская революционная партия (КРП — Чжунхуа гэмидан), учредительный съезд которой проходил в Шанхае весной 1928 г., а в июне был принят «Проект декларации». В этом документе объектом китайской революции назывался «режим группировки Чан Кайши», а ее субъектом (или «руководящим классом» — линдао цзэцзи) — «класс трудящегося простого народа» (лаодун пинминь цзэцзи), который включал в себя «рабочих промышленных и ремесленных предприятий, батраков и крестьян-арендаторов, служащих торговых предприятий и мелких торговцев». Фактически имелась в виду мелкая буржуазия города и деревни, которая не только «очень многочисленна, но и которую объединяют общие враги, общие требования и общие цели». Что касается собственно рабочего класса, то, поскольку «его численность и возможности ограничены», он «не в состоянии действовать самостоятельно и в одиночку возглавить революционное движение». Идеология партии — «три принципа класса трудящегося простого народа», главная задача — «аграрная революция», а конечная цель — «направить Китай по пути социализма». Для «разработки теории китайской революции» КРП начала с лета 1928 г. издавать два еженедельника — «Туцзи» («Штурм») и «Дэнта» («Маяк») — и, установив связь с Дэн Яньда, создала в течение двух последующих лет сеть своих филиалов (в Чэнду, Пекине, Наньчане, Тайюане, провинциях Шаньдун, Гуадун и Гонконге). Забегая вперед, необходимо отметить, что «крестьянско-рабочая социальная база» партии была и в то время чрезвычайно слаба, работа велась преимущественно среди преподавателей высшей и средней школы и других слоев интеллигенции¹³.

В мае 1930 г. Дэн Яньда, вернувшись из Германии в Шанхай, переименовывает КРП во Временный комитет действия китайского гоминьдана (ВКДКГ). (Уязвленное честолюбие и амбиции Тань Пиншаня, протестовавшего против переименования, заставили его порвать с организацией.) 9 августа в Шанхае под председательством Дэн Яньда нелегально созывается I всекитайская конференция ВКДКГ из представителей 10 провинций, единогласно принявшая «Политическую платформу ВКДКГ» и «Декларацию ВКДКГ», опубликованные в первой половине сентября на страницах нового печатного органа партии — журнала «Гэмин синдун» («Революционное действие»). Председателем партии был избран Дэн Яньда, в руководство вошли Чжэн Тайпяо, Чжан Боцзюнь, Хуан Цисянь и Ли Шичжан (редактор органа ЦК — газеты «Гэмин синдун жибао»)¹⁴.

Центральной своей задачей в тот период ВКДКГ (который чаще называли «Третьей партией») считал отстранение Чан Кайши от власти. Для этого партия использовала все имевшиеся в ее распоряжении средства (в короткий срок в 13 регионах, провинциях и городах Китая создаются местные отделения); пытаясь сыграть на противоречиях между военачальниками, члены партии с благословения и по прямому указанию своих лидеров ведут подрывную работу в войсковых соединениях; весной 1931 г. руководство партии принимает решение о вооруженном мятеже против Чан Кайши, создает Военный совет и разрабатывает план выступления. В июле 1931 г. Дэн Яньда публикует статью «Что мы должны сделать перед завоеванием политической власти и после того», в которой откровенно говорит о необходимости «создать «третью силу», «третью власть», предварительно разрешив конфликт между Нанкином и Гуандунской силой оружия»¹⁵.

Однако довольно активная подготовка к вооруженному выступлению не проходит незамеченной: 17 августа 1931 г. Дэн Яньда арестовывают агенты тайной полиции Чан Кайши и 29 ноября того же года в Нанкине его расстреливают без суда и следствия на обочине проселочной дороги.

После ареста и смерти лидера в созданной им организации происходит раскол. Из нескольких возникших группировок ближайшей наследницей партии Дэн Яньда стала группировка, возглавленная Хуан Цисяном и Чжан Боцзюнем (а также Пэн Цзэминем, Ци Фаном и Чэнь Миншу) и принявшая наименование «Третьей партии». Члены группы, одно время поддерживавшие тесный контакт с 19-й армией генерала Цай Тинкая, защищавшей Шанхай, активно участвовали осенью 1933 г. в событиях в провинции Фуцзянь и создании Фуцзяньского народного революционного правительства. В ноябре 1935 г. на II съезде в Гонконге были произведены реорганизация и очередное переименование — на этот раз в Комитет действия по освобождению китайской нации (Чжунхуа миньцзу цзефан синдун вэйюаньхуэй). Избранным генеральным секретарем Хуан Цисян находился в Европе, и повседневной работой организации руководил Чжан Боцзюнь, ставший ее фактическим лидером. В принятом тогда же проекте программы («Временной программе действий») в целом одобрялась «Декларация от 1 августа» (1935) ЦК КПК, говорилось о необходимости сотрудничества с компартией и главным направлением деятельности называлось «сопротивление Японии». Признавалась необходимость установления «советской политической власти во главе с КПК», а военные силы последней рассматривались как «один из главных факторов расширения национальной революционной войны китайского народа»; подчеркивалась и актуальность «восстановления политики союза с Советской Россией, выступления единым фронтом против империализма». Наряду с этим «Третья партия» по-прежнему отрицала руководящую роль пролетариата и его партии, отдавая приоритет крестьянскому движению и «доведению до конца аграрной революции силами самих крестьянских масс». «Все, в чем нуждается крестьянство. — это поддержка рабочих города и всех масс трудящихся». Эти положения были зафиксированы в «Политической платформе», принятой на III съезде партии в Ханькоу в марте 1938 г.¹⁶ Тогда же были учреждены и печатные органы — газеты «Цзиньбу жибао» («Прогресс»), «Цяньцзинь бао» («Вперед») и журнал «Канчжань синдун» («Движение сопротивления»). На IV съезде, состоявшемся в феврале 1947 г. в Шанхае, партия приняла официальное, и последнее, свое наименование — Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая (Чжунго нунгун миньчжу дан), под которым она действует в КНР и сегодня в рамках «патриотического единого фронта, руководимого идеями Мао Цзэдуна»¹⁷.

С осени 1939 г. судьба «Третьей партии» была самым тесным образом связана с коалицией малых партий китайских либералов — Демократической лигой (Чжунго миньчжу тунмэн), — что было вполне закономерно, так как этот политический авангард китайского либерализма задумывался и создавался как «третья сила» общества («дисань шили»), стоящая между КПК и Гоминьданом в роли посредника и координатора, а ее идейной основой служила китайская версия «третьего пути» развития, единственно возможная, самобытная альтернатива и линии Гоминьдана, и линии КПК¹⁸. Все это во многом и главным совпадало с изначальными постулатами самой «Третьей партии».

Ведь ее родоначальник и первый (если не единственный) идеолог Дэн Яньда¹⁹ неизменно настаивал на неприменимости для Китая ни гоминьдановского (Чан Кайши), ни коммунистического вариантов общественного развития. Считая руководящей доктри-

ной своей группировки «три принципа» Сунь Ятсена (в их исконном, «не фальсифицированном» виде), способные предотвратить развитие Китая по пути капитализма, Дэн подчеркивал, что при условии передачи государственной власти в руки «простого народа» (куда, помимо крестьянства, наемных рабочих, включалась и мелкая торговая и промышленная буржуазия), ликвидации режима однопартийной диктатуры, отказа от «вредного и чреватого непредсказуемыми последствиями» постулата «Партия правит государством» (альтернативой чему должна стать власть Национального собрания), — при этих условиях эволюция общества предполагает путь государственного капитализма (первоначальный этап, характеризующийся контролем государства над экономическими процессами), а в перспективе — планомерную социализацию капитала и «достижение социализма»; то есть, солидаризируясь в данном случае с Дай Цзитао, Дэн Яньда предиагал мирное «врастание» в социализм, без насильственной революции. Главной гарантией от развития Китая по «классическому капиталистическому пути» назывались аграрные реформы, предполагавшие создание широкой сети кооперативных хозяйств, но без тотальной национализации земли, а на основе осуществления суньятсеновского принципа «Каждому пахоту — свое поле» (в качестве переходного этапа к полной национализации). Разумеется, программа «достижения социализма» исключала такие понятия, как «диктатура пролетариата», «классовая борьба» и т. п. Генеалогия этого решительного неприятия основополагающих постулатов марксистской теории прослеживается в тезисе Сунь Ятсена об особой структуре китайского общества, в котором, во-первых, социальное неравенство носит относительный характер («все китайцы бедны»), а во-вторых, над всем довлеет консолидирующая сила нации, сплывающая китайцев как членов одной семьи, поэтому в обществе отсутствуют предпосылки классовых конфликтов. Этот вывод и служил главной мотивировкой неприменимости в Китае марксизма как «философии без перчаток» с его акцентом на классовой борьбе и диктатуре пролетариата^{19а}. С точки зрения Дэн Яньда и других лидеров «Третьей партии», «переход к социализму» невозможен в короткие сроки — это, скорее, идеал, отдаленная конечная цель поступательного движения. «...Осуществление социализма у нас в Китае в конечном счете несомненно, но это — дело завтрашнего дня»²⁰. Эти установки с некоторыми модификациями присутствовали и в общей платформе «третьей силы» Китая.

Этот момент очень важен, и на нем надо остановиться подробнее. Генеалогия тенденции к подобной трактовке социализма прослеживается еще во взглядах революционных демократов: Чжу Чжисинь (1885—1920), декларируя наличие «демократических» и «социалистических» традиций в отечественной истории, писал о будущей революции в Китае как о революции «третьего типа» («предотвращение» развития капитализма, но без революционного насилия); Чжан Тайянь (1869—1936) трактовал социализм как некий усовершенствованный капитализм (ограничение монополистического капитала путем отчисления части прибыли казенного промышленного производства в «фонд благосостояния трудящихся»); Фэн Цзыю (1881—1958) считал возможным (и даже неизбежным) миновать капиталистическую стадию развития в специфических условиях Китая; Минь И ограничивал содержание социализма национализацией земли и превращением государства в собственника, монопольно ведающего крупным производством, но позволяющего частному бизнесу доминировать в сфере мелкого и среднего предпринимательства (и даже поощряющего эту деятельность); Ху Ханьминь (1879—1936) в своих настойчивых поисках рационального антипода классовой борьбы остановил свой выбор на принципе социальной гармонии: он говорил о конфуцианском «государственном социализме» как о предтече современных социалистических идей («благонамеренное вмешательство» государства во все сферы общественной жизни, в том числе контроль над частной собственностью и т. п.)^{19б}.

Наиболее отчетливо отношение к тому типу социализма, который считался революционными демократами адекватным условиям Китая, было сформулировано их лидером Сунь Ятсеном. Именно его вариант идеологии «Третьей партии» считали оптимальным. Фактически речь должна идти о концептуализированном Сунем принципе «народного благоденствия» или «благосостояния» (миньшэнчжуи). Несомненные преимущества этого принципа Сунь Ятсен, как уже говорилось, обосновывал тезисом об особой структуре китайского общества, в котором социальное неравенство относительно и классовые противоречия неантагонистичны. Отсюда принцип народного благоденствия, подразумевающий социальное партнерство на основе национальной идеи, консолидирую-

шей всех китайцев как членов одной семьи, представляет собой оптимальную профилактическую меру, способную «воспрепятствовать развитию крупного частного капитала и уберечь будущее общество от большой социальной болезни — неравенства бедных и богатых». «Таким образом,— заключал Сунь Ятсен,— принцип народного благосостояния — это, по сути дела, не что иное, как государственный социализм»^{19а}.

Националистические мотивы во взглядах Сунь Ятсена, стремление возродить сильное «государство-нацию» обусловили его достаточно откровенные симпатии к реформам О. Э. Л. Бисмарка. Решительная политика создания централизованного (прусского) буржуазно-юнкерского государства воспринималась в данном случае как образец быстрого достижения сплоченной национальной государственности (гоцзячжуи). Обращаясь к опыту Бисмарка, Сунь Ятсен писал: «Бисмарковский принцип противопоставления капитализму государственного социализма в последнее десятилетие получил одобрение во всем мире... Следовать ему — единственный путь для нас избежать социальной несправедливости в будущем». Симптоматично, что, познакомившись в общих чертах с новой экономической политикой в Советской России, Сунь Ятсен и ее расценил как «русифицированную» разновидность «государственного социализма», при которой командные высоты в экономике находятся в ведении «государства-нации»^{19г}. Таким образом, продолжительные поиски Сунь Ятсеном оптимальной перспективы для Китая завершились апологией «государственного социализма», который трактовался как обусловленная спецификой каждой данной страны «отечественная модель» создания централизованной государственности в рамках нации. «Национальная модель» Сунь Ятсена, его принцип «народного благоденствия» представляются далеко не тождественными социализму в марксистско-ленинской трактовке: это не что иное, как несколько модернизированная западным влиянием традиционная (густо окрашенная в «конфуцианско-казенные» тона) идея о «взаимной гармонии экономических интересов большей части общества» на государственно-капиталистической («государственно-социалистической») основе^{19д}.

В контексте этой работы важно отметить, что и лидер реформаторов Лян Цицао (1873—1929) готов был признать право социализма на существование в качестве «возвышенного и благородного принципа», некоего недостижимого в обозримом будущем идеала. Солидаризируясь в данном случае с Сунь Ятсеном (но задолго до него), Лян Цицао предлагал властям предержавшим ограничить господство капитала контролем со стороны государства — как профилактическую меру против возможной в будущем революции. Он полагал, что при учете позитивного опыта осуществления «государственного социализма» в Германии «можно устранить несчастье раньше, чем оно случится, и избежать пути ошибок». Под «государственным социализмом» лидер реформаторов понимал не только его австро-германскую форму, но и ту стратегию экономического развития, которую он имел возможным непосредственно наблюдать в Японии: национализация ключевых отраслей промышленности, сопровождающаяся правительственными мерами по регламентации предпринимательской деятельности в других, «не жизненно важных» отраслях. Кроме того, истинный социализм, с точки зрения Лян Цицао, не имеет ничего общего с «полностью бесконтрольным» и спонтанным процессом насильственной революции, подстрекающей массы на хаотичный и всеразрушающий бунт. «Крайний социализм неприемлем не только для Китая, но и для Европы и Америки; при его осуществлении пороки будут неисчислимы»^{19е}.

Нам кажется, что здесь заключен весьма примечательный феномен мышления, очевидно присущий всякому, кто вырос (как большинство идеологов «третьей силы» Китая) в конфуцианской традиции. А именно наполнение казенно-конфуцианским (государственным и в какой-то степени бюрократическим) содержанием западного понятия «социализм». И если это так, то социализм как «благородный идеал», «социализм в конечном счете» — общее место всех китайских мыслителей первой половины XX в. (по крайней мере от Сунь Ятсена, Ху Ханьминя и Лян Цицао через Дэн Яньда, Чжан Дунсуна и Чжан Цзюньмая до Мао Цзэдуна). «Народное благоденствие», «государственный социализм», «националистический этатизм», «народная демократия» или «китаизированный марксизм», наконец, «социализм с китайской спецификой» — названия могут быть разными, но суть в основном и главном одна — ассимиляция западных социалистических теорий на национальной почве (преимущественно их «конфуцианизация») и создание социализма «китайского типа». Подобный подход многое объясняет в трактовке социализма китайскими интеллектуалами в предыдущие десятилетия, прежде всего идеологами малых демократических партий. Характерен он и для сегодняшнего Китая, о чем гово-

рят материалы международных симпозиумов, прошедших в последние годы и посвященных роли конфуцианства в современном развитии КНР (а отчасти и некоторых других стран конфуцианского культурного ареала — «четырёх малых драконов»)²¹.

Кроме того, доктрина государственного регулирования экономической жизни, национализации ключевых отраслей промышленности (как предварительный шаг на пути перехода к социализму в программе «Третьей партии») при одновременном поощрении среднего и мелкого частного предпринимательства так или иначе присутствовала в платформе авангарда «третьей силы» — Демократической лиги, — равно как и других входивших в нее группировок. Иначе говоря, эта знакомая нам по европейской мысли доктрина «государственного капитализма» или «государственного социализма» (у К. И. Родбертус-Ягцеова, Ф. Лассалья, Л. Блана), «катедер-социализма» (Г. Шмоллер, А. Шеффле, А. Вагнер, А. Брентано, Г. Геркнер) всегда импонировала интеллектуалам (в том числе, надо сказать, и первым сторонникам марксизма в Китае, начиная с Чэнь Дусю, Ли Да и Ли Дачжао), поскольку издавна вынашивалась традиционной экономической мыслью Китая: *raison d'être* государства в конфуцианско-легистской трактовке всегда предполагал государственной контроль над ходом экономических процессов²². При желании ее исторический аналог мог быть найден еще в программе верхушечных реформ императора Ван Мана (8—23 г. н. э.)²³. Китайцы искали и находили эти аналогии, тем более что чрезвычайно глубоко интегрированные в сознание (и, как показало время, чрезвычайно трудно изживаемые) рудименты традиционных этноцентристских представлений заставляли их постоянно убеждать не только окружающих, но и самих себя в безусловном приоритете китайской мысли на протяжении всей истории человечества.

Наконец, здесь мы, помимо апологии идеи государственного вмешательства, встречаемся с широко распространенной (и отнюдь не только в Китае) иллюзией о том, что в экономически отсталых странах, не достигших уровня развитого капитализма, но создавших общества с высокими духовными стандартами, легче осуществить «поэтапный» и «заранее спланированный» переход к социализму (на, так сказать, «девственной» основе, минуя капитализм). «...В Китае... сделать это легче, чем в Европе и Америке» (Лян Цичао). То есть предполагалось достичь целей модернизации и социализации благодаря моральным усилиям людей, ибо радикализация духа оставляет далеко позади всяческие экономические пертурбации. (Влияние традиции и в этом случае налицо.) Как бы то ни было, можно предположить, что весьма широкая популярность идеи «предотвращения» капитализма и «избегания крайностей» революционного социализма в национальных специфических условиях, идеи «третьего пути», была мотивирована ее восприятием как превентивной меры обуздания всевластия чиновничье-бюрократической машины, диктатуры одной партии или класса, ничем не ограниченного доминирования крупного капитала и непомерных appetites разбогатевших купцов (от чего «издавна страдал или будет страдать китайский народ») через «благонамеренный» государственный контроль — путем расширения «экономических и политических прав народа» (что «издревле практиковалось» правителями китайской империи, начиная с того же Ван Мана). Необходимо подчеркнуть, что взгляд на государство как на попечителя всего общества предполагал обязательное социальное партнерство, надклассовый, общенациональный характер государственного образования, что отвечало вековым представлениям китайцев, традиционно считавших себя членами единой национальной семьи.

Националистические мотивы, причудливо переплетаясь с идеями социальной справедливости, привели либеральную часть пишущей интеллигенции к мысли о желательности для Китая избежать, с одной стороны, характерной для капитализма имущественной поляризации общества, а с другой — характерной для социализма (ассоциировавшегося тогда, естественно, с советской моделью) классовой борьбы и насильственной социальной революции. Таким образом, самобытная «национальная модель» развития подразумевала и «третий метод» своего осуществления: не откровенное подавление прогрессивных тенденций развития и не радикальное свержение существующего строя (по типу большевистской революции), а активный рациональный реформизм, представлявший собой более эластичную тактику постепенных и целенаправленных перемен. Иными словами, китайская интерпретация «третьего пути» развития отражала настроения той части общества, которая, отвергая диктатуру одной партии (в данном случае Гоминьдана) и расценивая политику Чан Кайши как движение вправо, опасалась и непредсказуемых последствий пролетарской революции по образцу Советской России.

Применительно к тогдашней внутривосточной ситуации в Китае концепция

«третьего пути», сформулированная в программе Демократической лиги (и присутствовавшая с теми или иными модификациями в программах входивших в лигу партий и группировок), воплотилась в практическую формулу «среднего политического курса» («чжунцзянь лусянь»), пролегавшего между линиями Гоминьдана (как олицетворения капитализма, но «без социальной справедливости») и КПК (как олицетворения социализма, но «без демократии»). Лидеры Демократической лиги подчеркивали: «Политический опыт деятелей «третьей силы» убеждает в том, что ни консервативный тоталитаризм, осуществлявшийся при гоминьдановском правлении... ни радикальный тоталитаризм... проводимый в жизнь коммунистическим режимом, никогда не смогут разрешить проблемы Китая»²⁴. Единственной возможной альтернативой назывался «третий путь» — создание надклассового «государства социальной демократии», «демократии китайского типа» (мирное сосуществование труда и капитала в государстве-нации, где каждый трудится на общее благо, вдохновленный общими для всех членов национального социума идеями).

Осуществляя «средний политический курс», предполагалось создать в Китае режим, который был охарактеризован как «демократизм в политике, социализм в экономике». Подобный симбиоз «должен был бы удовлетворить и США и СССР». «В политической области надо сравнительно широко осуществлять либерализм и демократию англо-американского образца и одновременно в области экономики сравнительно широко применять планирование и другие социалистические методы советского образца». Что касается негативных факторов, которые необходимо исключить из китайской национальной модели развития, то здесь предполагалось «осуществлять демократию, но без [монополистического] капитализма», «осуществлять социализм, но без революции пролетарской диктатуры» (учаньцзецзи чжуаньчжэн дэ гэмин). В целом в Китае должен быть создан режим, «средний между капитализмом и коммунизмом», а «третья сила» страны в соответствии с этой первой установкой должна добиться проведения политического курса, «среднего между линиями Гоминьдана и КПК»²⁵.

* * *

Итак, вариант «национальной модели» общественного развития в трактовке «Третьей партии» Китая в основных чертах совпадал с концепцией «третьего пути», разработанной усилиями других идеологов «промежуточных» слоев китайского общества. С помощью верхушечных реформ (в первую очередь в аграрной области) предполагалось добиться демократизации политического строя и разумного регулирования социально-экономических процессов. В формирующемся в результате реформистских усилий национальном государстве-маклере (способном примирить интересы всех социальных слоев и выполняющем не только властно-исполнительные, но и регулирующие, посредническо-миротворческие функции), «государстве всеобщего благоденствия» апологеты концепции видели логическую альтернативу и капитализму, и социализму, воплощающую в себе достоинства обоих и исключающую все их недостатки.

Тем не менее, несмотря на известную эмоциональную привлекательность и многие рациональные элементы, не утратившие актуальности и в наши дни, концепция «третьего пути» развития Китая была, по существу, обречена остаться тогда лишь умозрительной конструкцией, национальной либеральной утопией. Теоретики синтеза капитализма и социализма на национальной основе игнорировали объективную ситуацию в стране, обуславливавшую иллюзорность для того времени «некапиталистической» или «несоциалистической» перспективы: несбыточность «третьего пути» определялась, с одной стороны, его противоречием со стремлением сверхдержав добиться здесь приоритетных позиций, а с другой — наличием внутри самой страны двух крупных противостоящих друг другу сил (Гоминьдана и КПК), с которыми немногочисленные и, главное, не обладавшие реальной военно-политической властью «промежуточные» силы на том этапе всерьез конкурировать не могли.

Кроме того, не в их пользу говорил и тот фактор, что теоретические построения китайских либералов, будучи слишком «высоколобыми», не могли найти достаточного понимания в широких слоях общества. В этом контексте можно вспомнить слова А. И. Герцена, который замечал, что «надо быть на шаг впереди своего хора, но никогда не на два шага».

Что касается экономического аспекта концепции, то ее сторонники, ратовавшие за

государственное регулирование экономических процессов (сосуществование государственной и частной собственности в рамках регулируемой сверху рыночной экономики), игнорировали то обстоятельство, что в СССР, как мы теперь видим, тотальная государственная собственность при отсутствии свободного рынка оказалась неэффективной, а на Западе (как тоже стало теперь очевидным) регулирование со стороны государства понадобилось, чтобы избежать кризисов перепроизводства в условиях уже окончательно сформировавшегося рынка классического образца. Китайские же теоретики предлагали начинать с конца: с изобретения механизма регулирования того, чего не имели, — а именно вполне развитой рыночной экономики со всеми ее достоинствами и недостатками, но создавшей изобилие и даже переизбыток товаров и услуг.

И тем не менее усилия идеологов «третьего пути» не пропали, вернее, могут не пропасть даром. Развивавшиеся ими идеи, хотя и того нынешние руководители КНР или нет, получают определенный резонанс в сегодняшних реформах. Задача состоит в том, чтобы осуществлять экономические реформы параллельно с политическими, поскольку исторические прецеденты свидетельствуют, что одно невозможно без другого.

¹ Никифоров В. Н. Нерешенные проблемы новейшей истории Китая // Проблемы советского китаеведения: Сборник докладов Всесоюзной конференции китаеведов. — М., 1973. — С. 121, 124.

² Тихвинский С. Л., Делюсин Л. П. Некоторые проблемы изучения истории Китая // Там же. — С. 31—32.

³ В факте повышения интереса к данной проблематике в китайской историографии убеждает появление ряда солидных монографий обобщающего характера, нарративных источников, сборников соответствующих документов и материалов, многочисленных журнальных публикаций, авторских работ с узкой тематической направленностью (в том числе воспоминаний бывших лидеров демократических партий). — См.: Тунъи чжаньсянь цзибэнь=Основные сведения о едином фронте. — Пекин, 1981; Чжунго циньянь дан=Младокитайская партия. — Пекин, 1982; Хуан Яньпэй. Башиньянлай=80 прошедших лет. — Пекин, 1982; Ша Цяньли. Маньхуа Цзюгохуэй=Подробный рассказ об Ассоциации национального спасения. — Пекин, 1983; Чжунго миньчжу тунмэн лишн взньсянь, 1941—1949=Очерки по истории Демократической лиги Китая, 1941—1949. — Пекин, 1983—1984; Чжунго цзиньсяньдай чжэндан ши=История политических партий Китая в новую и новейшую эпоху. — Харбин, 1984; Цзян Канмэй. Цзэн Шинун. Шилунь ди эр цы гонэй гэмнн чжаньчжэн шици дэ чжунцзянь пай=Промежуточные группировки в период второй гражданской революционной войны // Чжунго сяньдай ши=Новейшая история Китая: Сб. статей. — Вып. 10. — Пекин, 1984; Ли Циминь. Чжунго миньчжу данпай шигао=Набросок истории демократических партий Китая — Чэнду, 1988; Цзян Пин. Чжунго миньчжу данпай ши=История демократических партий Китая. — Кайфэн, 1988.

⁴ Дан юй миньчжу данпай дэ гуанси=Отношения КПК с демократическими партиями // Сюеси цанькао цзыляо. — Справочные материалы для изучения. — Ухань, 1985; Чэн Цзыюнь. Гунчаньдан линдао ся дэ додан хэцзо=Многopартийное сотрудничество во главе с КПК. — Там же; Е Дуи. Миньмэн дэ лишн, синчжи хэ жэньу=История, характер и задачи Демократической лиги // Бэйцзин мэн сюнь. — Пекин, 1983. — № 8: Тунъи чжаньсянь жэнжэнь ши и да фабао=Единый фронт по-прежнему остается чудотворным средством // Жэньминь чжэнсе бао. — 1985. — 28 мая; Чжоу Чжансинь. Вэйху аньдин туаньцзе дэ чжэчжи цзюймянь миньчжу данпай ши чжунъяо икао дянян=Демократические партии — важный фактор сохранения политической обстановки стабильности и сплоченности // Жэньминь жибао. — 1987. — 9 февраля; Multi-Party Co-operation in China // Beijing Review. — 1987. — V. 30. — N 5, 6. — February 9; Non-Communist Parties Getting Bigger // Ibid. — 1986. — V. 29. — N 48. — December 1; Leaders of Democratic Parties On Multi-Party Co-operation // Ibid. — 1990. — V. 33. — N 9. — February-March; Lu Jun. Formation and Development of System of Multi-Party Co-operation // Ibid. — 1990. — V. 33. — N 12. — March.

⁵ Дэн Яньда взньци=Сочинения Дэн Яньда. — Пекин, 1981; Миньго жэньу сяочжуань=Краткие биографии деятелей Республики. — Т. 3. — Тайбэй, 1980; Чжунго гунчаньдан дэ циньми чжанью — Дэн Яньда — Близкий соратник КПК — Дэн Яньда // Жэньминь жибао. — 1981. — 26 ноября; Цю Тини. Дэн Яньда сысян шишэнь=Анализ мировоззрения Дэн Яньда // Чжунго сяньдай ши=Новейшая история Китая: Сб. статей. — Вып. 7. — Пекин, 1984; Чжоу Жунчэн. Хуаньянь Чжан Боцзюнь тунчжи=Воспоминания о тов. Чжан Боцзюне // Туаньцзе бао. — 1986. — 11 января; Дэн Яньда лишн цзыляо=Материалы о Дэн Яньда — Ухань, 1988. Справедливости ради надо отметить, что некоторые советские ученые в последнее время также заинтересовались историей «Третьей партии» и взглядами ее лидера (правда, работы их пока носят преимущественно ознакомительный характер). — См.: Делюсин Л. П. Дэн Яньда и его проект «третьего пути». — XVI научная конференция «Общество и государство в Китае». Ч. 3. — М., 1985; Ким В. С. Дэн Яньда и его роль на политической арене Китая в конце 20-х — начале

30-х годов. // Новое в изучении Китая. История и историография. — М., 1988; И в а н о в П. М. Почему казнили Дэн Яньда? // XXI научная конференция Общество и государство в Китае. — Ч. 3. — М., 1990.

⁶ Крестьянско-рабочая демократическая партия Китая (Чжунго нунгун миньчжу дан) — последнее во времени наименование «Третьей партии», под которым она действует и сейчас в рамках «многопартийного сотрудничества» в КНР.

⁷ Чжунго нунгун миньчжу дан иши яньцзю. Миньчжу гэмни шици. Янь Ци чжубянь= История Крестьянско-рабочей демократической партии Китая. Период демократической революции. / Под ред. Янь Ци. — Пекин, 1989.

⁸ Если давать социально-классовую дефиницию «промежуточных» сил Китая, то, оставляя за скобками неизбежные в данном случае частности, в целом можно сказать, что «третья сила» страны консолидировала под знаменами «среднего политического курса» (чжунцзянь лусянь) либеральную часть национальной буржуазии и буржуазно-помещичьи группировки, значительную часть радикального студенчества и интеллигентских кругов (прежде всего издателей и журналистов, профессорско-преподавательские кадры высшей и средней школы, а также ученых и технократов, деятелей литературы и искусства, медицинских работников), известное число оппозиционно настроенного чиновничества, удалившихся уже было от дел и по разным причинам недовольных гоминьдановским режимом политиков, отставных военных и часть мелкой буржуазии крупных городов.

⁹ Тянь Пиншань. Гуаньюй Чжунго цинкуан дэ баогао=О положении в Китае // Гунчань гоци югуань Чжунго гэмни дэ вэньсянь цзюляо=Материалы Коминтерна о китайской революции. — Ч. 1. — Пекин, 1981. — С. 174, 179—180.

¹⁰ См.: Шао Чжунън. Чжунго гэ данпай цюаньмао=Общий облик китайских партий и группировок. — Фучжоу, 1946. — С. 82—83.

¹¹ Ши Цуньтун. Дисаньдан вэньти=Проблема Третьей партии // Дисаньдан таолунь цзи=Сборник материалов о Третьей партии. — Шанхай, 1928. — С. 27, 28.

¹² В декларации ни слова не говорилось ни о роли Коминтерна, ни КПК. Чжан Боцзюнь вспоминал в 1951 г., что «советская сторона не могла этого простить» и именно потому в декабре того же 1927 г. Дэн Яньда пришлось тайно уехать в Германию // Чжунго нунгун миньчжу дан. — С. 5—6.

¹³ Чжунго нунгун миньчжу дан. — С. 7—19.

¹⁴ Там же. — С. 22—26.

¹⁵ Цю Тин. Дэн Яньда сысян шишэнь. — С. 34; Дэн Яньда вэньцзи. — С. 327—331.

¹⁶ Чжунго нунгун миньчжу дан. — С. 49—60, 65—66.

¹⁷ Надо сказать, что данное наименование сохраняется лишь по инерции и вовсе не соответствует реальному положению вещей: социальную базу партии составляют почти исключительно представители интеллигенции, прежде всего, как это ни странно, медицинские работники, научно-техническая интеллигенция. Нынешний председатель партии — Лу Цзяси.

¹⁸ Подробнее об истории создания и деятельности Демократической линии Китая см.: Белоусов С. Р. Буржуазный либерализм в Китае: политическая история и идеология «третьего пути» развития (30—40-е годы XX в.) // Проблемы Дальнего Востока. — 1985. — № 2. — С. 92—101.

¹⁹ Пришедших ему на смену лидеров партии можно назвать ее идеологами с большими оговорками. В сущности, это были эпигоны, зачастую толковавшие идеи Дэн Яньда в зависимости от политической конъюнктуры. Во многом это обуславливалось установившимися еще в середине 30-х годов и постепенно расширявшимися контактами руководства «Третьей партии» с КПК.

^{19a} См.: Сунь Ятсен. Избранные произведения. — М., 1985. — С. 577, 588.

^{19b} См.: Линь Дайчжао, Фэнь Гогуа. Максымчжун цзай Чжунго-Марксизм в Китае. — Ч. 1—2. — Пекин, 1983; Чэнь Ханьчу. Шэжуэйчжун цзай Чжунго дэ чуаньбо хэ шицзянь=Распространение и осуществление социализма в Китае. — Пекин, 1984; Русинова Р. Я. Ху Ханьминь и китайская традиционная мысль // Государство и общество в Китае. — М., 1978.

^{19c} Сунь Ятсен. Избранные произведения. — С. 149, 588.

^{19d} Гофу цюаньцзи=Полное собрание сочинений Отца государства. — Т. 3. — Тайбэй, 1961. — С. 24—25, 69—70, 295; Сунь Ятсен. Тичан гоци шэжуэйчжун=Выдвигаем государственный социализм // Цзунли цюаньшу=Полное собрание сочинений вождя. — Шанхай, б. г.; Ефимов Г. В. Сунь Ятсен. Поиск пути (1914—1922). — М., 1981.

^{19e} Сунь Ятсен. Избранные произведения. — С. 564, 587.

^{19f} Цит. по: Ху Шэи. О социалистических идеях Сунь Ятсена // Проблемы Дальнего Востока. — 1987. — № 2. — С. 112.

²⁰ См.: Цю Тин. Дэн Яньда сысян шишэнь; Чжунго нунгун миньчжу дан. — С. 23—27, 58—59; Дэн Яньда вэньцзи. — С. 339—371, 372—376.

(Окончание на стр. 110)

Сан-Францисская мирная конференция 1951 г.

Б. СЛАВИНСКИЙ

Среди важнейших мировых проблем, которые все еще остаются нерешенными спустя 45 лет после окончания второй мировой войны, находится заключение мирного договора между СССР и Японией. Многие годы этот вопрос хотя и обсуждался на различных уровнях, но взаимоприемлемого решения по нему так и не удалось найти. Однако в последнее время, когда новое политическое мышление утверждается в мировой политике, когда окончательно решена германская проблема, вопрос о мирном урегулировании между СССР и Японией со всей остротой поставлен на повестку дня.

Как известно, в сентябре 1951 г. на Сан-Францисской конференции союзные державы подписали мирный договор с Японией. Советский Союз отказался поставить свою подпись под этим документом. В результате советско-японские отношения до сих пор остаются неурегулированными, их уровень развития значительно уступает масштабу отношений Советского Союза со странами Западной Европы и США. Крайне остро дискусируется вопрос межгосударственного размежевания СССР и Японии.

Почему же глава советской делегации на Сан-Францисской конференции А. А. Громыко не подписал мирный договор с Японией? Ответить на этот вопрос однозначно очень трудно. С одной стороны, существуют многочисленные документы правительства СССР, которые обосновывают официальную позицию Советского Союза по японскому мирному урегулированию, с другой — имеются весомые аргументы, которые ставят под сомнение мотивы поведения советской дипломатии.

При этом нужно иметь в виду, что пока архивы МИД СССР остаются закрытыми для исследователей. Из-за цензурных ограничений советские читатели не знакомы с аргументацией, которая была положена в основу американско-английского проекта мирного договора с Японией. Ведь стенограмма Сан-Францисской конференции до сих пор находится в спецхране Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина.

В советской историографии нет ни одной монографии, специально посвященной исследованию процесса мирного урегулирования с Японией, в том числе Сан-Францисской конференции. Это, очевидно, связано с тем фактом, что СССР не стал участником мирного договора с Японией. В то же время имеется ряд работ, в которых этим темам посвящены отдельные главы и крупные разделы. Среди них прежде всего нужно отметить исследования Л. Н. Кутакова, Х. Т. Эйдуса, Д. В. Петрова, Б. И. Бухарова, В. Н. Березина. Однако в этих работах упор сделан на обосновании советской позиции и не раскрываются аргументы «архитекторов» Сан-Францисского мирного договора.

Для того, чтобы найти ответ на поставленный нами вопрос, нужно сопоставить позиции всех сторон, участвовавших в мирном урегулировании, в первую очередь Соединенных Штатов, а также Великобритании и ряда других государств.

Напомним, что США как главная оккупирующая держава взяли на себя инициативу по выработке текста мирного договора с Японией и организации его подписания в Сан-Франциско в начале сентября 1951 г. Выдвинутые ими предварительные условия почти не оставляли сомнений в отказе Москвы участвовать в работе предстоящей конференции. Тем не менее Советский Союз дал согласие направить в Сан-Франциско представительную делегацию, что вызвало в стане организаторов что-то похожее на панику и предопределило острую конфронтацию между участниками.

На конференцию в Сан-Франциско были приглашены 52 государства, то есть значительно больше, чем участвовало в работе Версальской мирной конференции 1919 г. и конференции по заключению мирного договора с Италией. Таким образом чисто внешне создавалась видимость всеобъемлющего международного представительства. Однако анализ состава стран, приглашенных по единоличному выбору Соединенных Штатов, показывает, что большинство из них даже не принимало участия в тихоокеанской войне. Так, среди участников Сан-Францисской конференции оказалась 21 латиноамериканская страна, 7 африканских и 7 европейских государств. Так называемый социалистический лагерь представляли только три страны — Советский Союз, Чехословакия и Польша. Были приглашены, но отказались участвовать в работе конференции из-за несогласия с основными положениями мирного договора такие крупные азиатские страны, как Индия и Бирма. Не были приглашены Китайская Народная Республика, более всего пострадавшая от войны и вынесшая на себе основную тяжесть японской агрессии, а также Корейская Народно-Демократическая Республика, Монголия, Демократическая Республика Вьетнам. В общей сложности в работе конференции не было представлено 850 млн. жителей региона, т. е. почти 80 % населения Азии¹.

К началу сентября вся подготовительная работа по открытию Сан-Францисской конференции в основном была закончена. Своего главного стратегического партнера — Великобритании — Соединенные Штаты пригласили выступить соавтором проекта мирного договора, что позволило Вашингтону за счет подыгрывания имперским амбициям Англии склонить Лондон на ряд серьезных уступок и дало основание надеяться на усиление поддержки американской политики в отношении Японии со стороны других стран Британского содружества. При этом с основными членами Содружества — Филиппинами, Австралией и Новой Зеландией — буквально накануне Соединенные Штаты подписали соответствующие договорные соглашения по вопросам безопасности. Приглашенные на конференцию для создания «фона» латиноамериканские страны (почти половина участников) в силу полной зависимости от США не высказывали каких-либо существенных возражений против подготовленного госдепартаментом мирного договора. Замечания же американских союзников просто отвергались.

Как писал Д. Ачесон, США приняли решение твердо следовать своим курсом, не взирая на замечания тех, кто с ними не был согласен (например, Бирма или Югославия), и не давая никаких обещаний. «Тем, кто требовал репарации, как условие для согласия с договором, мы давали ясно понять, что Япония не сможет обеспечить денежные платежи, и мы на это не пойдем»². Что же касалось предложений Советского Союза, то госсекретарь США признавал, что «коммунисты (т. е. СССР и другие соцстраны) создавали для нас меньше всего проблем. Их оппозиция любой разумной идее была предсказуемой и неприемлемой. Ее можно было только игнорировать»³.

Готовясь к проведению конференции, Даллес и ряд высокопоставленных представителей госдепартамента провели 24 августа инструктаж с послами и дипломатическими представителями латиноамериканских стран в Вашингтоне, где подробно изложили тактику и предполагаемый сценарий Сан-Францисской конференции в свете того, что Советский Союз выразил готовность принять в ней участие. При этом, в частности, подчеркивалось: «Мы должны спланировать проведение конференции с такой тщательностью, чтобы Совету не добились успеха в своих усилиях»⁴.

Накануне открытия конференции американская делегация развернула активные действия по обработке прибывших на нее делегатов. Так, 3 сентября Д. Ачесон встретился с премьер-министром Японии Есидой. На этой встрече госсекретарь особо подчеркнул необходимость сохранять в полной тайне подготовку к подписанию американско-японского договора безопасности, так как, мол, русские, узнав об этом, получили бы возможность переключить ход дискуссии на конференции с мирного договора на оборонный пакт, что перенесло бы серьезный ущерб позиции США и Японии. Обсуждался также вопрос о будущем отношений Японии с Китаем, где Вашингтон однозначно делал ставку на Гоминьдан.

Состоялись встречи Д. Ачесона с делегациями Бразилии, Чили, Кубы и Мексики, а также «со всеми добрыми соседями», с которыми были обсуждены «стратегия и тактика конференции, правила процедуры и моменты, когда их сотрудничество будет бесценным. То же самое мы предприняли с некоммунистическими членами Дальневосточной комиссии. Исполнив все это,— писал госсекретарь США,— я был доволен, подобно Оливеру Кромвелю, предоставив ход событий в руки божьи...»⁵.

Особое внимание госдепартамент уделил выработке правил процедуры, которые должны были гарантировать на конференции проведение линии США по мирному урегулированию и застраховать ее инициаторов от любых неожиданностей. Эти правила полностью исключали возможность серьезного и делового обсуждения проекта мирного договора, предусматривали формальное одобрение, проштамповку американо-английского проекта, что представляло собой беспрецедентный случай в практике международных конференций.

Проект правил процедуры был оглашен перед открытием конференции на специально созванном Соединенными Штатами совещании представителей 11 государств (США, Англия, Франция, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Филиппины, Пакистан, Цейлон, Нидерланды, Индонезия), на которое не были приглашены Советский Союз, Польша и Чехословакия. Как и ожидалось, подобранные американцами представители после двухчасового обсуждения без изменения одобрили эти правила.

В чем же заключались основные положения правил процедуры?⁶ 1-я же статья возлагала на Соединенные Штаты единоличное право определять и устанавливать правила проведения мирной конференции. В ней говорилось: «Конференция состоится и будет протекать согласно условиям приглашения, исходящего от правительства США...» В статье 17 формулировалась краткая программа работы конференции, которая включала в себя следующие пункты: 1) выборы должностных лиц, 2) доклад о полномочиях, 3) заявление правительств США и Великобритании, совместно предлагавших текст договора, 4) заявления участвующих делегаций, 5) доклад генерального секретаря о согласовании текстов на различных языках, 6) церемония подписания.

Правила процедуры устанавливали жесткие рамки для участвующих в работе конференции делегаций. Так, в статье 9 говорилось: «Прерогативы участников конференции ограничиваются нижеследующим»: право «присутствовать на всех заседаниях конференции, право устного заявления на них в пределах, предусмотренных правилами процедуры и решениями конференции, а также право голоса в рамках установленных здесь ограничений...»

В статье 18 уточнялось, что выступления делегатов в связи с предложенным проектом мирного договора с Японией не должны превышать одного часа. Более того: «после того как какая-либо делегация сделала такое заявление, этой делегации не предоставляется больше права слова по данному вопросу до тех пор, пока всем другим делегациям не будет предоставлена возможность сделать свои заявления».

Срок работы конференции устанавливался в пять дней (с 4 по 8 сентября 1951 г.). При этом первый день отводился на торжественную церемонию открытия, а последний — на церемонию подписания мирного договора. Таким образом для выступления делегаций предоставлялось всего лишь три дня. Легко подсчитать, что если бы все приглашенные на конференцию 52 делегации выступили с часовыми докладами, то потребовалось бы работать почти по 17 часов в сутки. Устроители такого марафона пытались оправдаться смехотворным доводом, который сводился к тому, что дирекция оперного театра, где проводилась конференция, якобы просила освободить его к 9 сентября, так как, мол, нужно подготовить зал к открытию нового театрального сезона.

По правилам процедуры нельзя было вносить поправки и предложения в проект договора. Их попросту не обсуждали, а тем более не ставили на голосование. Такая же участь была уготована и письменным заявлениям делегатов. Их можно было лишь включить в протокол, но только при условии одобрения председателем.

В соответствии со статьей 2 процедуры временным председателем конференции назначался глава американской делегации, то есть государственный секретарь США Дин Ачесон. Таким образом все бразды правления по выработке условий работы конференции, выборов ее руководящих органов оказывались в руках американцев. По статье 6 кандидатура на пост генерального секретаря конференции выдвигалась правительством США. Естественно им стал также американец.

Председатель конференции наделялся большими полномочиями. По статье 3 правил процедуры он «председательствовал на всех заседаниях и решал все связанные с порядком работы конференции вопросы, могущие возникнуть во время прений». Решение председателя обсуждению не подлежало и могло быть отменено только большинством голосующих делегаций (статья 20). Более того, председатель мог «резюмировать смысл высказываний, сделанных на заседании, не прибегая к голосованию» (статья 15). Ни один делегат не мог выступить без предварительного представления ему слова председательствующим,

а последний мог призвать говорящего к порядку и, в случае неподчинения, лишить его слова и пригласить следующего оратора (статья 19). В ходе конференции Д. Ачесон неоднократно прибегал к этой статье, грубо прерывая ораторов, особенно из социалистических стран, не давал им слова, отказывался ставить на голосование внесенные делегатами поправки и дополнения, полностью игнорировал задававшиеся ему вопросы.

Вот что писал Д. Ачесон в своих воспоминаниях в специально выделенном там разделе «Правила процедуры»: «Это были суровые правила. Канадцы и австралийцы рассматривали эти правила чуждыми как их собственной парламентской практике, так и процедуре, действующей на Генеральной Ассамблее ООН; они полагали, что будет трудно добиться одобрения этих правил общественностью. Я же оставался непоколебимым и настаивал на том, что только таким путем можно обойти русских и достичь желаемых нам результатов». «Критическим моментом, по моему плану, — продолжал он, — оставался начальный период работы конференции, до одобрения правил процедуры, когда путем ловкого манипулирования можно было завладеть трибуной, что привело бы к потере нашего контроля над ходом событий. Однако, когда правила процедуры будут одобрены, и я, опираясь на большинство делегаций, останусь в кресле председателя, тогда русские оказались бы под полным нашим контролем. Таким образом, первым практическим шагом должно было стать предложение одобрить правила процедуры. Для этого временному председателю требовалось, подобно Горацию, наличие решительных и надежных парней, один из которых выдвинул, а второй поддержал бы правила процедуры. В качестве первого мы выбрали сэра Карла Берендсена, посла Новой Зеландии в Вашингтоне, а вторым стал Оскар Ганс, государственный министр Кубы»⁷.

Как практически претворялся в жизнь этот план, наглядно видно из стенограммы начала работы конференции, которую мы приводим ниже с небольшими сокращениями:

Правила процедуры

«Первое пленарное заседание»⁸. Опера-хауз, 10 часов утра, 6 сентября 1951 г.

Временный председатель конференции — Дин Ачесон: Первое пленарное заседание конференции по заключению и подписанию мирного договора с Японией объявляю открытым.

Первым делом по организации работы конференции должно стать принятие правил процедуры и выборы руководящих органов. До того, как предоставить слово какому-либо делегату, я хотел бы сделать несколько пояснений по характеру этой конференции.

Правительственные делегации, представленные здесь, прибыли в соответствии с приглашением для заключения и подписания мирного договора с Японией совместно с прилагаемыми декларациями, на основе текста от 13 августа 1951 г., который в приглашении был представлен как «окончательный текст».

Это тот текст, который появился после 11 месяцев переговоров. Это тот текст, с целью подписать который делегация Японии, делегации — составители текста — Великобритания и Соединенных Штатов и делегации большинства других союзных держав прибыли сюда.

Тот факт, что подписание мирного договора с Японией осуществляется на конференции, отражает намерение ряда союзных держав, пожелавших иметь возможность до фактического его подписания сделать публичное официальное заявление относительно договора и относительно их стремления к миру, к чему направлен настоящий договор. Из-за того, что договор обсуждался по дипломатическим каналам, а не на конференции, представляется желательным предоставить возможность сделать такое историческое выступление до церемонии подписания. Это и составляет цель настоящей конференции.

Цель конференции была ясно изложена в приглашении и в сопровождающем его устном пояснении, которое было сделано во время передачи приглашения. И еще. Обстоятельства требуют сделать эти дипломатические напоминания для того, чтобы избежать в будущем возможного недопонимания.

Таким образом, исполняя обязанности вашего временного представителя, я буду вести дела таким путем, чтобы выполнить цель, для которой конференция созывалась, — то есть заключение и подписание мирного договора с Японией на условиях текста, который перед вами.

Я предоставляю слово делегату от Новой Зеландии.

Делегат от Новой Зеландии — сэр Карл Берендсен (посол Новой Зеландии в Соединенных Штатах):

Господин председатель, дамы и господа! Перед началом работы, которая нам предстоит, необходимо, конечно, одобрить правила процедуры, по которым эта конференция будет проводиться. Предложения по этому вопросу выработаны делегациями Соединенных Штатов и Великобритании и распространены среди других делегаций как документ конференции № 9. Я полагаю, что эти предложения полностью соответствуют особому характеру этой встречи и я официально предлагаю их одобрить.

Временный председатель конференции — Дин Ачесон: Слово предоставляется делегату Кубы.

Делегат Кубы — Оскар Ганс (Государственный министр): Господин председатель, Республика Куба поддерживает предложение, выдвинутое делегацией Новой Зеландии. Исходя из целей этой конференции — заключения и подписания мирного договора с Японией, первым делом должно стать обсуждение и одобрение правил процедуры. Благодарю вас.

Временный председатель конференции — Дин Ачесон:

Таким образом, выдвинуто и поддержано предложение одобрить правила процедуры, представленные совместно правительствами Соединенных Штатов и Великобритании. Есть ли еще желающие выступить? Слово предоставляется делегату от Советского Союза.

Делегат Союза Советских Социалистических Республик — А. А. Громыко (заместитель министра иностранных дел): Господин председатель, советская делегация хотела бы сделать несколько замечаний относительно вопросов, которые должны быть разрешены до того, как правила процедуры будут одобрены и до того, как такое решение будет принято на конференции. Советская делегация выражает пожелание, чтобы на конференцию было приглашено правительство Китайской Народной Республики. Выступая с этим предложением, советская делегация исходит из того очевидного факта, что КНР, которая является единственным законным представителем китайского народа, особо заинтересована в выработке мирного договора с Японией и в установлении длительного мира на Дальнем Востоке. (Далее А. А. Громыко обосновывает необходимость и право правительства КНР участвовать в работе конференции.)

...Господин председатель, в самом начале я упомянул, что этот вопрос, приглашение Китайской Народной Республики, следует решить первым, так как, по мнению советской делегации, это ключевой момент для конференции. Все те, кто будет участвовать в работе конференции, должны принимать участие в ней с самого начала, чтобы иметь возможность рассматривать правила процедуры, выбирать председателя, решать любые другие вопросы до начала работы конференции. Вот почему я прошу конференцию принять решение по этому вопросу сейчас же.

Временный председатель конференции — Дин Ачесон:

Делегат Советского Союза предложил, чтобы в настоящий момент рассмотреть вопрос о приглашении представителя Китайской Республики принять участие в работе этой конференции.

Вопрос, который сейчас стоит перед конференцией — одобрение правил процедуры. Он был выдвинут и поддержан, и дискуссия должна касаться именно этой проблемы. Следовательно, я заявляю, что предложение делегата Советского Союза — обсудить в настоящий момент другие вопросы неправомерно. Я должен попросить аудиторию высказывать свое мнение относительно одобрения или неодобрения хода ведения заседания. Есть ли желающие выступить по вопросу одобрения правил?

Слово представляется делегату от Чехословакии.

Делегат от Чехословакии — Гертруда Секанинова Сакртова (заместитель министра иностранных дел):

В настоящий момент я бы хотела только поддержать предложение делегата от СССР. Я думаю, что чрезвычайно важным является то, чтобы это решение было принято до того, как мы будем обсуждать или одобрять наши правила процедуры, так как только удовлетворительно укомплектованная конференция может принимать решения по порядку ведения. Я прошу, следовательно, обсудить вначале предложение СССР.

Д. Ачесон отклоняет предложение Чехословакии, так как оно, по его мнению, не относится к теме обсуждающегося вопроса — одобрения правил процедуры.

Слово вновь берет представитель СССР.

«Делегат Союза Советских Социалистических Республик — А. А. Громыко: Господин председатель, правила процедуры ведь еще не одобрены, и вы не можете заявить, что из-за того, что вы не согласны с советским предложением относительно приглашения Китайской Народной Республики, этот вопрос не может обсуждаться.

Советская делегация не согласна с вашим ведением конференции. Мы отвергаем такое ведение».

В этой связи Д. Ачесон заявляет, что он представляет делегату Польши 5 минут для обсуждения вопроса, как председатель ведет конференцию.

«Делегат Польши — Стефан Вербловский (заместитель государственного секретаря): Прежде всего я хотел бы выразить протест против методов, по которым эта встреча проводится, так как я трижды просил слово, но мне его не предоставили. Польская делегация является делегацией суверенной страны, и я полагаю, что предоставление мне только 5 минут является нарушением законных прав. Также я бы хотел, чтобы предпочтение было отдано таким правилам процедуры, по которым не ограничивалось бы время, в течение которого делегат мог бы говорить. Это что-то беспрецедентное». Далее Вербловский говорит о необходимости вначале пригласить правительство Китайской Народной Республики.

«Временный председатель конференции — Дин Ачесон:

Время делегата Польши истекло. Кто-нибудь из делегатов желает выступить в течение 5 минут в поддержку правил процедуры? Слово предоставляется делегату Великобритании.

Делегат Великобритании — К. Янгер (государственный министр): Господин председатель... (Польский делегат продолжает говорить).

Временный председатель конференции — Дин Ачесон:

Делегат, пожалуйста, займите свое место. Делегат, пожалуйста, займите свое место. Ваше время истекло. Не будете ли вы так любезны занять свое место».

После продолжительного препирательства польского делегата с Дином Ачесоном состоялось голосование по вопросу поддержки процедуры ведения председателем конференции. 35 делегаций поддержали ее, 3 делегации (СССР, Польша, Чехословакия) высказались против. После этого делегат Польши предложил создать комиссию для выработки правил процедуры. Однако эта и все последующие поправки и предложения Польши, Советского Союза и Чехословакии отвергались большинством участников конференции.

Наконец, на голосование был поставлен главный вопрос повестки дня — одобрение правил процедуры. За него проголосовало 48 делегаций, против вновь были только СССР, Польша и Чехословакия.

Когда правила процедуры были приняты, слово взял А. А. Громыко и предложил опять рассмотреть вопрос о приглашении на конференцию правительства КНР.

На это Д. Ачесон ответил, что в соответствии с правилами процедуры «если это предложение (советской делегации) имеет целью пригласить любую другую сторону на эту конференцию, это будет нарушение правил процедуры и, следовательно, незаконно».

А. А. Громыко вновь выразил протест против ведения председателем конференции. Однако он был отклонен большинством в 46 голосов⁹.

Собственно сама работа конференции, ее содержательная часть, началась накануне, 4 сентября 1951 г., выступлением президента США Г. Трумэна¹⁰.

Выступление Г. Трумэна

Мы встретились здесь, начал президент, чтобы восстановить нашего бывшего врага в обществе миролюбивых наций. Оккупация Японии была спланирована союзниками таким образом, чтобы предотвратить возможную агрессию с ее стороны в будущем, превратить ее в миролюбивое и демократическое государство, подготовить страну к возврату в семью наций. На Соединенные Штаты, утверждал Г. Трумэн, как главную оккупационную державу, была возложена особая ответственность за выполнение этих целей. Мы считаем, что они выполнены, заключил президент.

Отметив сотрудничество японского правительства с оккупационными войсками, Трумэн подчеркнул, что за период оккупации в японской истории произошел знаменательный и беспрецедентный прогресс. Япония сегодня совсем другая страна, чем она была 6 лет назад. Старый милитаризм искоренен. Секретная полиция бывшего режима упразднена. Новая японская конституция обеспечила билль о правах для всех граждан и установила правительство, справедливо представляющее народ. Действуют свободные и независимые профсоюзы. Монополии разрушены. Земельная и ряд других реформ дали возможность

создать в Японии стабильную экономику и демократическое общество. «Эти достижения позволяют сегодня восстановить полный суверенитет японского народа», — заявил президент. «Я думаю, что можно справедливо сказать, что это хороший договор». Он вобрал в себя основные положения и важнейшие интересы всех участников. Договор справедлив и для победителей, и для побежденных. Он не содержит в себе семян новой войны, утверждал Трумэн.

Однако прогресс не будет достигнут, продолжал президент, если японский народ и его соседи на Тихом океане не обезопасят себя от угрозы агрессии. В настоящее время тихоокеанский регион подвергнут агрессии. Поэтому «одной из наших основных забот при установлении мира с Японией является обеспечение ее безопасности против агрессии и обеспечение того, чтобы Япония, в свою очередь, вела себя так, чтобы она не угрожала безопасности других стран». Чтобы добиться этого, говорил Трумэн, важно распространить на Японию принципы Объединенных Наций и действовать в рамках защиты взаимных обязательств членом ООН. Но при этом необходимо сочетать миролюбивые принципы Устава ООН с региональной организацией всеобщей обороны против агрессии.

Крайне важно, заявил Трумэн, чтобы Япония включилась как можно скорее в соответствующее соглашение безопасности для поддержания мира на Тихом океане. Это необходимо для ее собственной защиты и защиты ее соседей. Мирный договор, следовательно, будет означать, что Япония, как суверенная страна, должна располагать правом на самооборону и иметь возможность объединяться на основе соглашения об обороне с другими странами в соответствии с Уставом ООН.

Американский президент утверждал, что в настоящее время Япония полностью разоружена. В связи с тем, что рядом с ней происходит открытая агрессия (подразумевалась война в Корее), японское правительство предложило США заключить двусторонний договор для обеспечения немедленной безопасности для Японии. В соответствии с таким соглашением США будут определенное время содержать на Японских островах вооруженные силы как вклад в международный мир и для защиты Японии от внешнего нападения.

На следующий день, после бурных дебатов, связанных с одобрением правил процедуры, выступили представители США и Великобритании, которые представили конференции совместно разработанный ими американско-английский проект мирного договора с Японией.

Первым выступил *Джон Фостер Даллес*, который, ссылаясь на выступление президента, подробно объяснил американский подход к основным положениям мирного договора с Японией¹¹.

Выступление Дж. Ф. Даллеса

Дж. Даллес утверждал, что к настоящему моменту условия безоговорочной капитуляции, выработанные в Потсдаме, выполнены. Настало время прекратить оккупацию и установить мир, который позволит восстановить Японию как суверенное и равноправное государство.

Говоря о роли США в тихоокеанской войне, Даллес напомнил, что в час победы союзные державы единодушно предоставили Соединенным Штатам исключительную власть через верховного главнокомандующего направлять оккупационную политику, которая подготовила бы Японию к миру. Он утверждал, что союзники предоставили Соединенным Штатам право судить, когда Япония будет готова к миру.

Коснувшись истории подготовки японского мирного урегулирования, Даллес упомянул, что в 1947 г. США предложили созвать подготовительную конференцию из представителей Дальневосточной комиссии для выработки мирного договора с Японией. Это предложение было блокировано якобы тем, что Москва настаивала на проведении этой работы в рамках Совета министров иностранных дел, где СССР имел право вето. «Советский Союз продолжал упрямо придерживаться такой позиции», — заявил он.

В январе 1951 г. США составили первый проект договора. В марте в процесс его обсуждения было вовлечено более 20 государств. Тем временем Англия разработала свой проект мирного договора. Затем в июне США и Великобритания объединили свои проекты. С первой половины июля до середины августа объединенный проект мирного договора с Японией обсуждался другими странами.

В течение этого периода, утверждал Даллес, Советский Союз «принимал (в обсуждении) активное участие, хотя и с неохотой». Состоялось несколько встреч с Я. Маликом, оба правительства обменялись десятком меморандумов и проектов.

Оценивая договор, Даллес охарактеризовал его как некарательный, недискриминационный, предоставляющий Японии достоинство, равенство и равные возможности в семье наций.

В первой главе проекта провозглашалось окончание состояния войны с Японией.

Глава вторая посвящалась территориальной проблеме, которая решалась в соответствии с Потсдамскими соглашениями. При этом пределы Японии ограничивались четырьмя основными островами Японского архипелага. В проекте содержалось указание об отказе Японии от прав на китайские территории — Тайвань, Пескадорские, Парасельские и другие острова. Точно так же в договоре говорилось об отказе Японии от прав, оснований и претензий на южную часть Сахалина и Курильские острова. «Возникли некоторые вопросы в отношении географического названия «Курильские острова», упоминавшегося в статье 2(с), — отметил Даллес, — включают ли они группу островов Хабомаи. По мнению Соединенных Штатов, не включают. Если, однако, возникает спор об этом, то следует обратиться в Международный суд в соответствии со статьей 22».

Статья 3 второй главы касается островов Рюкю и других островов к югу и юго-востоку от Японии. Они со времени начала оккупации находятся под единоличным управлением США. «Некоторые союзные державы считают, — отметил Даллес, — что эти острова следует передать Японии. Перед лицом такого различия во мнениях США пришли к заключению, что лучшей формулой было бы решение, по которому Япония сохранила бы в конечном счете суверенитет над ними, в то время как была бы установлена опека ООН над этими островами с Соединенными Штатами в качестве управляющей власти».

Глава 3 договора именовалась «Безопасность». Статья 5 в ней фиксирует, что Япония становится миролюбивым государством и будет руководствоваться принципами Устава ООН. «Мы надеемся, — заявил Даллес, — что Япония станет членом ООН. Если это случится, то в статье 5 не будет необходимости. Но в прошлом державы, обладающие правом вето, часто блокировали возможность для некоторых государств стать членом ООН». При этом американский представитель подчеркнул, что хотя договор и запрещает использование силы для разрешения каких-либо международных споров, однако Япония в соответствии со статьей 51 Устава ООН имеет «неотъемлемое право на индивидуальную или коллективную самооборону».

Статья 6 третьей главы допускает возможность для Японии не только вступать в соглашение о коллективной безопасности, но и, в частности, использовать размещенные в стране союзные соединения, когда договор вступит в силу. При таких обстоятельствах, разъяснял Даллес, эти части не следует физически выводить из Японии до того, как они станут служить в качестве силы коллективной безопасности. Это было бы обременительным, да и рискованным требованием, так как Япония в течение какого-то времени оставалась бы полностью незащищенной, находясь в непосредственной близости от явных агрессоров, обладающих огромной военной силой, утверждал он. «Чтобы избежать этой опасности, статья 6 устанавливает, что оккупационные части, которые сейчас находятся на японской территории, могут остаться для защиты Японии, если таково будет желание Японии».

Даллес напомнил, что вопрос о безопасности впервые обсуждался им с японским правительством в феврале 1951 г. Тогда он публично заявил, что Япония, если она пожелает, могла бы разделить коллективную защиту против прямой агрессии. Он заявил: «Это, однако, не тот выбор, который Соединенные Штаты намереваются навязать Японии. Это приглашение... Выбор должен быть сделан самой Японией».

Даллес утверждал, что отсутствие Китая на конференции вызывает у него глубокое сожаление. Он объяснил это гражданской войной в этой стране, а также тем, что, мол, не существует общего согласия среди союзных держав на единый китайский голос, который имел бы право и власть выступать от имени всего китайского народа по вопросам мира. Союзники «могли бы отложить установление мира в Японии до того, как они согласятся с тем, что в Китае находится такое правительство, которое располагает законной и авторитетной властью. Однако это было бы неправильно, стало бы грубым и глупым наказанием для Японии из-за того, что в Китае происходит гражданская война и существуют международные разногласия относительно Китая».

Остается выбор для союзных держав, продолжал Даллес, заключить мирный договор с Японией без китайского присутствия, оставив Китаю и Японии возможность заключить свой собственный мир на условиях, которые, однако, гарантировали бы полную защиту прав и интересов Китая. Такой выбор, утверждал американский представитель, отражен в на-

стоящем договоре. В соответствии со статьей 26 Китай получает право заключить мирный договор с Японией на тех же условиях, которые имеются в настоящем договоре. Также по статье 21 Япония отказывается от всех своих специальных прав и интересов в Китае в соответствии с формулой, предложенной Республикой Китай. Китай также получает автоматически, без необходимости подписания договора, выгоды от статьи 14(а)2, которая касается конфискации японской собственности. В целом, считает Даллес, договор предоставляет Китаю такие же права, как и другим победителям в этой войне.

Даллес признал, что договор «содержит, без сомнения, недостатки». Никто полностью не удовлетворен. Но это хороший договор. Он не содержит семян другой войны. Это справедливый мирный договор. Большинство союзных держав также признают, что «этот договор хорош в той мере, когда он не может быть лучше с тем, чтобы не стать хуже». «Пришло время, когда добиваться совершенного означает потерю хорошего».

США, которые с самого начала капитуляции направляли оккупационную политику от имени всех союзников, заявляют каждому из них: если вы сейчас не предоставите Японии мир и свободу на таких почетных условиях, на которых проходили переговоры, ситуация может быстро ухудшиться.

Даллес заключил свою речь такими словами: «Пришло время приветствовать Японию как равноправного и уважаемого члена семьи наций. На это направлен ожидаемый договор. Ни одна нация не обязана его подписывать. Это ведь не конференция, которая обладает юридическим принуждением. Единственным критерием является моральное принуждение великих обстоятельств. Они призывают заявить во весь голос: "Давайте сотворим мир"».

Затем с представлением проекта договора выступил *государственный министр Великобритании К. Янгер*¹².

Выступление К. Янгера

К. Янгер указал, что целью договора является установление справедливого и длительного мира с Японией на условиях, которые восстановят ее независимость и равенство, достоинство и самоуважение и которые предоставят ей возможности встать на миролюбивый, демократический путь развития.

Он подчеркнул особую роль, которую сыграли США в достижении разгрома Японии, и отметил их главный вклад в несении бремени оккупации, чем и объясняется, по его мнению, инициатива США по выработке мирного договора с Японией.

Участвуя в этой работе, утверждал английский дипломат, Великобритания непременно учитывала мнения других стран Содружества, которые вырабатывались на конференциях и путем двусторонних переговоров и консультаций. «Настоящий договор по своей сути является компромиссным документом, — заявил Янгер, — который был составлен на основе различных источников, в которых принимали участие практически все страны».

«Мы приветствовали одобренные правила процедуры, — заявил Янгер, — так как они обеспечивали более широкую основу для консультаций среди держав, участвовавших в войне с Японией, и это предохраняло японский мирный договор от неопределенных отсрочек, которые расстраивали все наши усилия достичь урегулирования по Австрии».

Янгер выразил сожаление, что Индия не участвует в работе конференции, отметив, что она не согласна с определенными статьями договора.

Хотя Китай, как никто другой, утверждал Янгер, должен участвовать в конференции, но, к сожалению, среди союзных держав нет согласия по вопросу, какое правительство обладает законной и практической властью представлять всю китайскую нацию для целей мирного урегулирования. Участие Китая, таким образом, будет отложено до того, как будет достигнуто общее согласие.

Янгер, однако, заявил, что интересы Китая в договоре учтены.

Янгер поддержал притязания США на острова Рюкю и Бонин. Он подчеркнул, что по договору японский суверенитет над ними сохраняется, договор обеспечивает продолжение административного контроля США над островами Рюкю южнее 29-й северной параллели. «Следует сказать, — продолжил министр, — что эти острова, ближайšie к территории собственно Японии, остаются не только под японским суверенитетом, но и под японской администрацией. Это находится в заметном контрасте с положением о полном отказе от японского суверенитета над Курильскими островами, другой важной группой островов, ко-

торая также расположена поблизости от главных островов Японии и которая в настоящее время оккупирована Советским Союзом».

Английский представитель не возражал против восстановления японских вооруженных сил. «Договор не содержит никаких ограничений для перевооружений Японии, — говорил он. — Опыт таких ограничений в предшествующих договорах показал, что они со временем становятся мертвой буквой... Проблемой сегодняшнего дня является не разоружение Японии, а ее оборона».

В заключение Янгер сказал: «В договоре, который лежит перед вами, союзные державы предоставляют Японии одно из самых великодушных мирных урегулирований, которые когда-либо предоставлялись пораженному противнику. Это поможет ей занять справедливое место среди свободных и миролюбивых государств мира. Наши наилучшие пожелания ей на этом пути».

На вечернем заседании 6 сентября 1951 г. с часовой речью выступил *глава советской делегации, первый заместитель министра иностранных дел СССР А. А. Громыко*¹³.

Окончание следует

¹ In: Conference for the Conclusion and Signature of the Treaty with Japan. San Francisco, California, September 4—8, 1951. Record of Proceedings. — Wash., U. S. GPO, 1951; Supplement to the Record of Proceedings. — Wash., U. S. GPO, 1952. — P. 97.

² Acheson, Dean. Present at the Creation. My Years in the State Department. — N. Y., 1969. — P. 540.

³Ibid. — P. 428.

⁴FRUS. — 1951. — V. VI. — Pt. I. — P. 1290.

⁵ Acheson, Dean. Op. cit. — P. 544—545.

⁶ Rules of Procedure //: Record of Proceedings of the Conference.

⁷ Acheson, Dean. Op. cit., — P. 542—544.

⁸ Record of Proceedings of the Conference. — P. 37—73.

⁹ Ibid. — P. 71.

¹⁰ Ibid. — P. 31—37.

¹¹ Ibid. — P. 74—88.

¹² Ibid. — P. 88—97.

¹³ Ibid.— P. 101—122. Supplement to the Record of Proceedings.— P. 100—154.

Что же думал Сталин о монголах..?

Т. ЛХАГВА

Монгольский народ считал, что Сталин относился к нему благосклонно, и, по всей вероятности, именно поэтому воздвиг ему величественный бронзовый памятник в своей столице. Однако правда истории и течение времени привели к тому, что памятник оказался поверженным и вместо него будет установлен иной памятный символ мира и согласия. Если до начала 50-х годов о Сталине рассказывали различные легенды и проявлялась нетерпимость в отношении любых высказываний негативного характера в его адрес, то сейчас даже упоминание о некоторых положительных сторонах его деятельности считается зазорным. Здесь, по-видимому, есть нечто общее с прошлым. Что же именно? Причина, вероятно, состоит в том, что еще не исчезла черная тень сталинизма, не терпевшего инакомыслия, что еще не ушло окончательно то время, когда не было возможности должным образом оценить любую историческую личность со всеми ее ошибками и достоинствами. Таким образом, различные поколения людей в зависимости от своего времени имели различные представления о Сталине, однако истина истории всего лишь одна.

Многообразие подходов различных общественных и политических сил к И. В. Сталину, важнейшие вопросы истории нашего народа, выяснение того, как он, будучи исторической личностью, главой КПСС и Советского государства, относился к монгольскому народу, к нашей революции, раскрытие сущности сталинских деформаций нового общественного строя, его несостоятельной модели и ее монгольского варианта — все это становится ныне предметом исследований.

Нет сомнения в том, что в мыслях у Сталина вплоть до его кончины постоянно роились различные размышления и представления о монголах. Не исключено, что в конце своей жизни он осмысливал то, что ему удалось довести до конца, а что нет. Как бы то ни было, есть доля истины в том, что его действия, направленные на то, чтобы обеспечить победу «мировой революции», разжечь огонь революции в Азии и на Дальнем Востоке, обеспечить безопасность СССР, найти общий язык с такой великой державой, как Китай, продемонстрировать щедрость «интернационализма» — приводили к тому, что, хотя и непостоянно, в острые моменты Сталин уделял особое внимание Монголии.

И. В. Сталин неоднократно встречался, обстоятельно беседовал и обменивался мнениями с руководящими деятелями МНРП и народного государства, в том числе с П. Гэндэном¹ (в 1932, 1934 и 1936 гг.), Х. Чойбалсаном² (в 1934, 1939, 1940, 1943, 1945, 1946 и 1947 гг.), А. Амаром³ (в 1936 г.) и Ю. Цеденбалом⁴ (в 1945, 1947, 1949 и 1952 гг.). Кроме того, он следил за ходом политических событий, развертывавшихся в Монголии, конкретно выражал свое отношение к ним в соответствующий момент. Противоречия в его концепции находили свое отражение в политике Советского государства и Коминтерна в отношении Монголии, постоянно оказывали на нее как позитивное, так и негативное влияние. Уточним это в связи с некоторыми вопросами.

По-видимому, в течение многих лет Сталина беспокоил вопрос, допустить ли существование МНР в качестве самостоятельного субъекта международного права или нет. Еще со времени революции 1921 г. китайские реакционные силы ставили перед Советским Союзом вопрос, связанный с Монголией, и стали чинить препятствия заключению соглашения между Монголией и Китаем. В то время, когда новое монгольское государство неуклонно подтверждало свою самостоятельность и неодно-

кратно обращалось к Советскому Союзу с просьбой о посредничестве при заключении соглашения с Китаем, Сталин решил этот вопрос, отвернувшись от нас, и тем самым начал свой особый путь в отношении Монголии. Ко времени подписания «Соглашения об основных принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой» в Пекине 31 мая 1924 г.⁵ Сталин уже был Генеральным секретарем Центрального Комитета Российской коммунистической партии (большевиков). Вопрос о достижении такой большой договоренности в принципе не мог быть решен вне поля его зрения как главы партии и Советского государства⁶. Положение о Монголии в статье 5 этого Соглашения по существу означало игнорирование суверенитета и чаяний нашего народа и фактически представляло собой серьезное отступление от положений Соглашения о дружбе от 1921 г., заключенного при активном участии В. И. Ленина и официально признавшего монгольское правительство⁷.

И хотя этот Договор⁸ и способствовал установлению дружбы между двумя великими державами и ослаблению напряженности на Дальнем Востоке, однако он также содержит горький урок, когда интересы малого и слабого народа были принесены в жертву. Вообще вопрос о достижении такой крупной договоренности не мог находиться вне сферы влияния Сталина как главы партии и Советского государства.

Следует отметить, что правительство МНР и ЦК МНРП никогда не признавали положение о Монголии, содержащееся в вышеупомянутом Советско-китайском договоре, они рассматривали его как вопрос, касающийся только этих двух сторон, и заявляли об этом. Так, в связи с протестом китайской стороны по случаю заключения Протокола о взаимопомощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. Председатель Малого хурала МНР А. Амар в своей ноте полномочному представителю СССР Таирову официально заявил: «Несмотря на то, что в договоре..., заключенном между Советским Союзом и Китаем в 1924 г., имеется статья, связанная с Монголией, этот договор касается договоренности, достигнутой только между Союзом и Китаем, и МНР никогда не сможет признать его... Поэтому, если в дальнейшем со стороны какого-либо государства возникнет какой-нибудь вопрос, связанный с данным договором, она оставляет за собой право не признавать его и информировать об этом»⁹.

Вообще, хотя до середины 40-х годов Сталин и уделял преимущественное внимание укреплению обороны МНР, однако в историческом отношении весьма сомнительно считать, что он признавал полную независимость нашей страны. При встрече с премьер-министром Совета народных министров МНР П. Гэндэном в 1934 г. он советовал: «Ваша страна действительно независимая, однако она признана только Советским Союзом, не больше, поэтому в дальнейшем необходимо получить международные гарантии. Официальная независимость вашей страны осуществится только лишь тогда, когда вы получите международные гарантии... Поэтому вам прежде всего необходимо укрепляться как государству. Только тогда, когда путем усиления армии, подъема народного хозяйства, уровня экономики и культуры вы добьетесь такого укрепления и сможете стать сильным государством, можно будет объявить о своей независимости от Китая. Только тогда Япония, Англия и другие империалистические государства будут сами, по своей необходимости стремиться вас гарантировать». В этих условиях монгольские руководители в большинстве своем, как и раньше, продолжали придерживаться полной достоинства политики, направленной на твердое сохранение своего самостоятельного, независимого национального очага, независимо от того, признан ли он кем-либо или нет. Если вдуматься в эту ситуацию, то получается, что, хотя Сталин и обращал внимание на то, что существует необходимость международно-правового признания Монголии другими странами, однако неясно, учитывал ли он право народов, в том числе и монгольского народа, самим распоряжаться своей судьбой на своей исконной территории без чьего бы то ни было разрешения.

Не приходится сомневаться в правильности положения о том, что Сталин является одним из тех, кто приложил большие усилия для того, чтобы добиться признания независимости МНР великими державами в условиях, когда международная обстановка была напряженной. На встрече глав трех союзных держав (СССР, США и Великобритании), которая состоялась в феврале 1945 г. в Ялте, он поставил признание независимости МНР в качестве одного из условий вступления Советского Союза в войну против милитаристских сил Японии и договорился о принятии Ф. Рузвельтом мер «по сохранению и признанию статус-кво Внешней Монголии»¹⁰. Судя по некоторым источникам,

содержание этой формулировки Сталин объяснял следующим образом: «Сегодняшняя Внешняя Монголия фактически является «народной республикой». Так называемый статус-кво означает, что в данном случае «речь идет о независимости». После этого, когда в центре советско-китайских переговоров, которые проходили в Москве с 30 июня по 14 августа 1945 г., вновь встал вопрос о независимости МНР, И. В. Сталин последовательно отстаивал свою прежнюю позицию. Более того, в ответ на жесткое требование центрального правительства Китая и главы его делегации Сун Цзывэна о включении Монголии в состав Китая, он сделал следующее заявление: «В случае, если не будет обсуждаться «декларация о независимости Внешней Монголии», то мы не будем обсуждать и другие вопросы. Тогда давайте прервем переговоры».

Учитывая многосторонние обстоятельства, в частности то, что в случае срыва этих переговоров расширится агрессивная деятельность милитаристских сил Японии и возникнет чрезвычайная опасность для национальной безопасности Китая, китайская сторона пошла на уступку и была вынуждена договариваться по вопросу о независимости МНР. Позднее, во время встречи с Х. Чойбалсаном 9 марта 1946 г., Сталин вспоминал об этом, провозгласив тост за независимость МНР, в частности сказал: «Внешняя Монголия, МНР не только добилась своей независимости в войне против Японии, но и заставила официально признать и гарантировать свою независимость. В то время, когда велись переговоры по договору о союзе и дружбе между СССР и Китаем (речь идет о переговорах, которые проходили в Москве летом 1945 г.— Т. Л.), китайцы не хотели признавать независимость Монголии... Однако мы поставили вопрос как условие нашего участия в войне против Японии. От нас было сказано китайцам: «Если Китай не признает независимость Монголии, мы не будем сражаться с Японией». Таким образом, китайцы оказались вынужденными признать независимость МНР».

Из этого следует, что СССР на деле считал МНР самостоятельным независимым государством и проводил политику дружбы безотносительно влияния какой-либо третьей стороны, однако И. В. Сталин, по-видимому, признал официально независимость нашей страны лишь через 25 лет после признания ее В. И. Лениным. Не проявилась ли эта его идея в речи, произнесенной на вышеупомянутой встрече в связи с преобразованием советско-монгольского протокола о взаимопомощи от 1936 г. в договор от 1946 г.¹¹ На обеде в честь Х. Чойбалсана и сопровождающих его лиц в 1946 г. Сталин, в частности, сказал: «Историческим событием является заключение договора о дружбе и взаимной помощи между СССР и МНР. До этого между двумя странами существовал протокол о взаимопомощи. Сейчас он преобразован в договор». При внимательном анализе данной конкретной ситуации очевидно, что, с одной стороны, у Китая была потребность покончить с захватнической политикой и дальнейшей агрессивной деятельностью огромной военной машины Японии, а с другой,— нет оснований считать, что у Сталина не было замысла помочь революционному правительству Китая. Как бы там ни было, ясно, что правительство Чан Кайши выразило свою готовность признать независимость МНР в случае, если ее народ сам подтвердит свое стремление к независимости. По результатам плебисцита, проведенного в соответствии с этой договоренностью, трудящиеся Монголии единодушно подтвердили свое стремление к независимости, и центральное правительство (гоминьдановское) Китая официально признало независимость МНР. Одним из многочисленных противоречивых замыслов, которые содержались в заинтересованности Сталина в превращении МНР в независимое государство, была идея о недопущении возможности объединения всех этнических монгольских племен («монгол овогтон нэгдэх боллоцоо».— В. Г.). Этот вопрос касался не только МНР, но и всех этнических монголов («монгол туургатан»¹².— В. Г.). То, что Сталин осудил стремление японских реакционных сил использовать против СССР и революционного движения прогрессивную идею объединения всех монгольских племен,— это правильно, но он извратил идею объединения этнических монголов, в частности, тем, что определенную группу людей с такими взглядами в МНРП он назвал реакционными «панмонголистами».

Почти все вопросы монгольской революции в той или иной степени связаны с именем Сталина. К ним прежде всего относятся социально-экономические задачи и узловые вопросы политики МНРП, решенные при участии Коминтерна. В результате пагубного воздействия черной тени амбициозных мечтаний Сталина об ускоренном обеспечении победы «мировой революции» был прерван определенный курс руко-

водителей МНРП на спокойное, мирное, осторожное решение социально-экономических проблем с учетом своеобразия своего государства и нации, в духе национального единства и в интересах класса аратов, что привело к поспешному, непродуманному решению многих социальных и классовых задач. С середины 20-х годов руководство Коминтерна и его представители, в том числе И. Амагаев¹³ и Б. Шмераль¹⁴, при активном участии Сталина, прилагали усилия для разгрома монгольских «правых» и добились своего. Мы знаем, что тем самым была сорвана попытка выбрать более реалистический путь развития, получил распространение и поднялся до уровня государственной политики авантюристический курс «ультралевых», что привело к «левацким» перегибам.

При разработке VIII съездом МНРП «левацкого» ошибочного курса главную роль сыграли сталинское руководство Коминтерна и его представители в МНР. В постановлении Исполкома Коминтерна, присланного в ЦК МНРП 3 декабря 1929 г., была предпринята попытка обосновать тезис о том, что в стране сложились условия для перехода монгольской революции к своему третьему этапу — этапу перехода на некапиталистический путь, на путь строительства социализма, были перечислены задачи, которые следовало осуществить на этом этапе. По вопросу о реализации этого постановления в руководстве МНРП не было единства, однако представитель Коминтерна В. Кучумов фактически навязал его. Эта «левацкая» сталинская авантюра поставила страну на грань катастрофы, что заставило Сталина изменить свои ошибочные представления о «коммунизме». Весной 1932 г. секретари ЦК МНРП П. Гэндэн и Д. Шижээ¹⁵ выступили в Коминтерне с докладами, на соответствующем уровне разъяснили ситуацию и добились принятия постановления. После этого в Монголию пришло постановление Исполкома Коминтерна и ЦК ВКП(б) (от 29 мая 1932 г.), подписанное И. В. Сталиным и Д. З. Мануйльским. На основе решений III чрезвычайного пленума ЦК и ЦКК МНРП, которые опирались на идеи, изложенные в этом письме, начался непродолжительный по времени период «нового курса», который дал неплохие результаты. Отметим, что это следует прямо отнести к весьма положительным аспектам деятельности Сталина в отношении Монголии.

В вышеупомянутом постановлении формулировка о том, что МНР существует как буржуазно-демократическая республика нового типа, трактовалась как «свободная от угнетения и эксплуатации». Эту идею Сталина нельзя считать неправильной. Наоборот, она в какой-то степени отражала объективную действительность. Однако с середины 30-х годов Сталин, по-видимому, опять запутался. История свидетельствует о том, что П. Гэндэн, который попытался разъяснить и реализовать вышеуказанную формулировку, был обвинен как «правый». В то время главным лицом, кто назвал Гэндэна «правым» и навесил на него ярлык «врага народа», был И. В. Сталин. Не было оснований для обвинения Гэндэна в том, что он выдвинул лозунг «Обогащайтесь!», призывал к обогащению и эксплуатации, отрицал роль партии, допустил ошибки по вопросу об отношениях с ламством и монастырями. Наоборот, главный смысл обвинений против некоторых руководителей Монголии состоял именно в том, что они выступали против действий и искаженных взглядов Сталина, направленных на вмешательство во внутренние дела Монголии, на навязывание своей точки зрения, в том, что они по-новому подходили к проблемам. В частности, осуждение Сталиным содержания лозунга «Обогащайтесь!» при встречах с П. Гэндэном и его коллегами связано с его нереалистической концепцией по вопросу о мелких собственных.

Подозрения И. В. Сталина о том, что в аратских хозяйствах, которые живут за счет ухода за небольшим количеством скота, находящегося в частной собственности, имеется основа для порождения капиталистической эксплуатации, привели к негативному воздействию на судьбу монгольских аратов-скотоводов во многих отношениях. При встречах с руководством МНР в большинстве случаев Сталин не относился благожелательно к замыслам увеличить поголовье скота в стране, повысить благосостояние народа. При встрече с Ю. Цеденбалом в 1952 г. Сталин доказывал, что аратские хозяйства — это те же самые мелкие собственники, что и крестьяне (в России. — В. Г.), и разъяснял смысл взимания с них по возможности большего налога. Неправильный вышеупомянутый подход Сталина, его ошибочные представления относительно классовой борьбы, догматическое восприятие их со стороны Чойбалсана и Цеденбала привели к бесконечным поискам классовых врагов.

Именно разгром по указанию Сталина с середины 30-х годов конкретной политики, направленной на решение задач социально-экономического развития, и особенно классовых, на основе учета реального положения в стране, привел к необходимости нового «поворота» в рамках политики «нового курса».

Сталинизм, в том числе и лично Сталин, в большой степени повлиял на искривление путей оптимального решения одной из крупнейших задач монгольской революции — борьбы против феодалов, которая продолжалась в течение 20—30-х годов. Тайные замыслы сталинистов, которые в конце 20-х годов осудили Председателя ЦК МНРП Ц. Дамбадоржа¹⁶ и его сторонников за то, что они остро не поставили вопрос о классовой борьбе, стали очевидны лишь в период «левого» перегиба. Представители Коминтерна В. Кучумов и Черномордик активно советовали установить конкретные сроки и применить насилие для ликвидации светских феодалов. Вышло даже постановление об этом. Всем известно, что эти грубые ошибки продолжались на протяжении 30-х и 40-х годов и привели к игнорированию революционной законности и искажению политики партии. Это прежде всего относится к решению вопроса о религии и монастырях в Монголии. Тот факт, что этот вопрос представлял наибольший интерес для Сталина, был связан с его деформированными, неправильными взглядами на классовую борьбу, с теорией насилия.

Здесь уместно рассмотреть позицию И. В. Сталина в отношении религии и монастырей. Его взгляды на этот вопрос были в большой степени противоречивыми, целиком основывались прежде всего на представлении, что ламство — это контрреволюционная сила, и были направлены на применение силы против него. Эти взгляды берут свое начало с искажения вопроса о ламстве и монастырях в период «левого» уклона, они были продолжены так называемым «делом Лхумбэ»¹⁷, репрессиями против почти 20 тыс. лам в конце 30-х годов, и хотя они в основном закончились жестокими акциями в отношении оставшейся части ламства в 40-х годах, однако их негативные последствия продолжают ощущаться вплоть до настоящего времени.

Бывший советский инструктор Министерства внутренних дел Чибисов при своем возвращении на родину (31 декабря 1934 г.) оставил следующий наказ начальнику Государственной внутренней охраны МНР Д. Намсраю: «...Сталин раньше говорил, что все ламы — это контра. Их необходимо только открыто наказать перед массами как предателей родины. Что касается высшего ламства, то положение сейчас спокойное. Поэтому нет необходимости по-прежнему оставлять его в покое. В отношении лам необходимо нанести удар». То, что эти «советы» полностью представляют собой изначальные идеи Сталина, подтверждается тем, что Сталин говорил во время встреч с премьер-министрами П. Гэндэном и А. Амаром в 1934-1936 гг. При встрече с П. Гэндэном, Р. Мэндом¹⁸ и О. Дашчиравом¹⁹ в Москве в 1934 г. Сталин в отношении ламства рекомендовал применить способ «окружения». В этой идее значительное место занимало применение силы против ламства, особенно против его верхушки. Если бы здесь не было идеи применения насилия, а было бы соответствие политике партии в период «нового курса», то у А. Амара и П. Гэндэна не было бы оснований выступать против. При встрече с П. Гэндэном и сопровождающими его лицами в 1934 г. И. В. Сталин сказал: «Что там у вас внутри государства возникло государство? Одна власть — власть Гэндэна, а другая — власть лам? Более того, власть лам, оказывается, более сильная». А в 1935 г. он говорил: «Власть лам сильнее вашего правительства, возглавляемого Гэндэном». Поэтому ликвидацию этой сильной «власти» ламства И. В. Сталин поставил в качестве главного условия, во-первых, существования народной власти, во-вторых, сохранения нашей страной своей независимости, укрепления ее безопасности и отражения ею японской агрессии, в-третьих, поддержания связей и дружбы с Советским Союзом, получения от него помощи и поддержки. Здесь необходимо кратко уточнить, что он непосредственно и искусственно противопоставил два вопроса — существование ламства и безопасность страны. На встрече в 1939 г. Сталин говорил: «Вообще ваша власть и ламство не смогут сосуществовать, кто-нибудь из них победит... Сегодня ламы, живущие в вашей стране, превратились во врагов независимости страны, они готовы помогать японским агрессорам. Между тем ваша власть не только не борется с этими ламами, но и еще больше поощряет их, и поэтому ламство растет, укрепляется и уже поедает вас... До тех пор, пока вы таким образом поощряете лам, даже то, что вы создали армию, бесполезно. Дело в том, что ламы в состоянии разрушить и хорошую армию, и ее тыл». Далее Сталин

говорил: «Вообще, что касается обороны страны, то две точки зрения, состоящие в том, чтобы не обижать лам — внутренних врагов революции, поощрять их и, наряду с этим, защищать свою национальную независимость, не могут идти вместе, не в состоянии укрепить независимость Монголии». Именно такая постановка вопроса означала попытку доказать невозможность иметь ламство при желании защиты независимости своей родины. Таким образом, И. В. Сталин явно извратил суть вопроса о религии и монастырях, навязал такую постановку вопроса, при которой якобы нет иной возможности, кроме ликвидации ламства.

Тактика И. В. Сталина в борьбе против монгольского ламства основывалась на проведении очень жесткой политики путем его «окружения», лишения его возможности для жизни и существования, осуществлении атакующих действий в случае возникновения любого сопротивления. При встрече с премьер-министром МНР П. Гэндэном и сопровождающими его лицами 30 декабря 1935 г. в доме у Молотова Сталин критиковал монгольских руководителей за то, что в борьбе с ламством они чрезмерно «безвольны», «боязливы», советовал проводить «очень жесткую политику». И. В. Сталин, в частности, говорил: «...В борьбе с этим ламством — врагом революции — у вас нет никакой смелости... Поэтому, наряду с созданием ударной армии для защиты своей страны, вам необходимо решительно бороться с контрреволюционным ламством. Ваша Государственная внутренняя охрана во главе с Намсраем ничего не сделала для защиты своей страны, для борьбы с внутренними контрреволюционерами». Более того, они (по-видимому, Сталин и Молотов.— В. Г.) почти вплотную подошли к требованию фабрикации контрреволюционных дел из числа лам. Участвовавший во встрече В. М. Молотов, в частности, спросил: «С другой стороны, сколько же лиц из числа контрреволюционеров, врагов и реакционных лам ваша Государственная внутренняя охрана привлекла к ответственности за истекший год?» Тем самым вопрос был поставлен таким образом, чтобы дать понять, что по делу о поджоге суконной фабрики на комбинате²⁰ необходимо привлечь к ответственности и лам. Более того, имели место открытые угрозы (по-видимому, со стороны Сталина и Молотова.— В. Г.), что в случае, если со стороны верхушки ламства будет совершено какое-нибудь политическое преступление, то необходимо считать их предателями родины, открыто разоблачать их в глазах широких масс, разъяснить народу, что они вступили в сговор с зарубежными врагами.

То, что Сталин, пытаясь навязать свою авантюристическую позицию, грубейшим образом вмешивался во внутренние дела МНР, наглядно видно из того, что он давал инструкции вплоть до того, как и в каком размере взимать налоги с лам.

Таким образом, концепция И. В. Сталина, который с конца 20-х годов считал ламство контрреволюционной силой, привела в период «левого» перегиба и в конце 30-х годов к серьезным деформациям курса МНРП, направленного на использование политических, идеологических и экономических методов при решении проблемы ламства и монастырей.

В то же время не следует также отрицать, что И. В. Сталин осторожно относился к вопросу о религии и ламстве, а в отдельные моменты и выступал против таких методов, как арест и заключение. И эта его линия в начальный период «нового курса» совпадала с курсом МНРП. Когда И. В. Сталин рекомендовал рассмотренный выше способ «окружения», он советовал не арестовывать и не направлять лам в заключение таким образом, как это имело место во времена «левых», подходить к ним осторожно, не привлекать всех поголовно к ответственности за контрреволюционные дела, использовать широкое разнообразие методов для ликвидации привилегий, зажиточности и влияния ламства. Кроме того, было верно утверждать, что у Сталина был замысел полностью ликвидировать религию в Монголии. Более того, он давал советы нашим руководителям переводить на монгольский язык большие религиозные книги и, в случае невозможности сделать это в ближайшее время, отложить это дело до будущих времен, когда вырастет молодое поколение, способное это сделать.

С середины 30-х годов во взглядах Сталина, который относил проблему ламства к сфабрикованным делам «японских шпионов и контрреволюционеров», произошли серьезные изменения. Со свойственной ему нетерпимостью к людям, которые выступали против деформированных концепций, против грубого вмешательства во внутренние дела Монголии, людям, которые имели свои собственные взгляды, он встал на путь подозрительности и даже массового уничтожения этих людей, а главные надежды

по реализации этого замысла он возложил на Х. Чойбалсана. Да и «маршал» тут не подкачал в осуществлении его надежд. В письме, направленном Ежову в мае 1937 г., Х. Чойбалсан, в частности, писал: «Мы рассмотрели и решили пять крупных дел, связанных с предательством родины, ведением разведки и подготовкой к вооруженному восстанию со стороны высших лам, и тем самым выполнили советы товарища Сталина». То, что Х. Чойбалсан и его подручные выполняли «рекомендации» И. В. Сталина, Ежова и Берии, подтверждается не только этим фактом, но также связано с ущербом, который был нанесен здоровью, имуществу и жизням около 30 тыс человек, подвергшихся репрессиям. На приеме, состоявшемся в Москве в марте 1946 г., Сталин и Чойбалсан рахваливали «огромную помощь», которую Берия оказал «в деле разгрома внешних и внутренних врагов независимости» Монголии, о чем имеется соответствующая запись академика Базарын Ширендыба, который также присутствовал на этом приеме.

Начиная с 1934 г., Х. Чойбалсан встречался со Сталиным как минимум 6 раз и, по-видимому, понравился ему с первого раза. Приехав в Москву в 1934 г. по «делу Лхумбэ», Чойбалсан вместе с П. Гэндэном встретился с И. В. Сталиным. На той встрече была достигнута договоренность о том, чтобы сделать Х. Чойбалсана заместителем премьер-министра, и с тех пор Сталин приложил значительные усилия для расширения его полномочий. Х. Чойбалсан был одним из тех, кто успокоил Сталина тем, что добился осуществления на практике его совета, высказанного им в 1934 г., о превращении Государственной внутренней охраны (ГВО) в Министерство внутренних дел как крупного мероприятия, способствующего борьбе с контрреволюционными силами. Гэндэн, который выступал против превращения ГВО в министерство, был признан неправым. Когда в феврале 1936 г. было создано это министерство, то Х. Чойбалсан стал его первым министром, более того, ему было присвоено высокое звание Маршала республики. С тех пор он стремился быть верным учеником Сталина и до конца дней своих по мере своих сил и умения старался осуществить на практике теорию своего учителя о том, что по мере роста успехов социализма «усиливается сопротивление классового врага и меняются его формы и методы», пробовал до предела разорить Монголию, пытаясь выполнить пожелание Сталина, скорее похожее на насмешку, о доведении поголовья скота в Монголии до 200 млн. голов.

Однако с течением времени между двумя «названными братьями» возникли противоречия, споры и взаимное непонимание. Одним из них был вопрос о присоединении Внутренней Монголии к МНР. Имеются смутные сведения о том, что этот вопрос затрагивался на их встречах в 1946 и 1947 гг., но Чойбалсан так и не услышал от Сталина позитивного ответа.

Ю. Цеденбал неоднократно встречался со Сталиным и тоже всячески пытался реализовать его «теорию и учение». Особенно отчетливо видно, что его теоретические представления о классовой борьбе и антипартийных группировках берут свое начало в сталинизме. И хотя правда то, что «великий учитель» не пошел навстречу заблуждениям Ю. Цеденбала и некоторых представителей монгольской интеллигенции, которые, исходя из интересов развития страны, предлагали пожертвовать ее независимостью и включить МНР в состав СССР, однако вся эта история имеет большой смысл. В настоящее время этот вопрос целесообразно не трогать до тех пор, пока не станут известны достоверные исторические факты. Кроме этого, исторической правдой является и то, что Сталин неоднократно отвергал политику сторонников присоединения, которые выступали за объединение МНР с Китаем. Так, на встрече в 1949 г., когда Мао Цзэдун затронул этот вопрос, Сталин сказал: «Руководители Советского Союза считают очевидным тот факт, что МНР не собирается отказываться от своей независимости и войти в состав Китая на правах автономии. В этом отношении решающее слово должна сказать сама МНР». Однако следует сказать, что в данной позиции Сталина скрывалась идея держать МНР в качестве буфера.

Было немало случаев, когда авантюристические действия Сталина, который беспардонно вмешивался во внутренние дела Монголии и навязывал свою волю, сталкивались с сопротивлением со стороны руководителей нашей партии и государства. Имеются сведения о том, что даже Ц. Дамбадорж и другие «правые» объективно выступали против сталинистской политики, что отдельные люди лично говорили и писали Сталину об ошибках и недостатках во времена «левых». В период активизации деятельности «учителя» в начале 30-х годов возросло и число неодобрительных высказываний в его адрес.

Существуют рассказы исторических свидетелей о спорах, которые имели место между Сталиным и Гэндэном на встречах в конце 1935 и начале 1936 г. Судя по тому, что на этих встречах Молотов и другие уговаривали членов нашей делегации, что «это — не судебное заседание, поймите правильно!», кто-то из наших, по всей видимости, сказал, что данная встреча похожа на суд. Оценивая сегодня общий характер тогдашних переговоров, есть основания говорить, что Сталин несколько переборщил в отношении инструктажа. Правда, что в отношении Гэндэна Сталин к месту и не к месту перечислил около 20 его ошибок и недостатков. Кроме этого, по-видимому, можно сказать, что и неучастие Х. Чойбалсана в праздновании 70-летия со дня рождения «великого учителя» также является одним из фактов выражения недовольства по отношению к И. В. Сталину.

Вероятно, никто не будет отрицать, что у Сталина была идея оказать соответствующую поддержку прогрессивному развитию Монголии. Однако на встречах с руководителями нашей партии и государства этот вопрос затрагивался слишком мало. Более того, как только наши руководители начинали говорить о развитии страны и продолжали ставить вопрос о получении помощи, Сталин тут же уходил в сторону, и даже были попытки разговора о том, что до тех пор, пока не будет решен вопрос о ламстве и монастырях, не может быть и речи о помощи. Так, накануне встречи, которая состоялась в Москве 30 декабря 1935 г., П. Гэндэн поставил 5 наиболее крупных вопросов, касающихся развития страны, и попросил помощи, однако, кроме вопросов об обороне и ламстве, остальным проблемам не было уделено необходимое внимание. В то же время Сталин неоднократно давал общие советы и рекомендации о необходимости наращивания мощи и развития страны, увеличения поголовья скота, расширения сети учреждений культуры и искусства, создания Академии наук, улучшения геологоразведочных работ, открытия и использования редких металлов. При этом его рекомендации о необходимости максимально думать о благе бедных аратов, проводить «подготовку для постепенного перехода к хозяйству общественно-совместного типа», укреплять партию содержали плодотворные идеи. При встрече с Ю. Цеденбалом в 1952 г. он дал следующие советы: «У вас на Алтае должны быть металлы, нефть и железная руда, поэтому их надо вывезти и использовать. Для того чтобы выращивать овощи и увеличивать поголовья скота, необходимо строить загоны для скота и колодцы, наращивать производство мяса и масла, повышать культуру своего народа, обучать его грамоте». Кроме этого, при непосредственном участии Сталина был решен вопрос о прокладке железной дороги в Монголии. С другой стороны, постоянно идут разговоры о том, что Сталин якобы собирал ликвидировать национальные монгольские обычаи и письменность. Однако подобные факты до сих пор не обнаружены. В то же время известно, что, когда на встрече Ю. Цеденбала и Сталина в 1952 г. был затронут вопрос о монгольской, русской и китайской письменности, именно Цеденбал хвастался тем, что он сделал «большое дело», заменив старую монгольскую письменность кириллицей.

Вообще не соответствует истине утверждение о том, что большая помощь и поддержка, которые КПСС и Советское государство оказали в развитии нашей страны, находились вне поля зрения И. В. Сталина. Одним из наиболее крупных примеров такой поддержки была помощь, которую Советский Союз оказал делу обороны нашей страны в середине 30-х годов, когда над безопасностью нашей страны нависла угроза со стороны японских милитаристов. Эта помощь связана с именем И. В. Сталина. При встречах с монгольскими руководителями в 1934, 1935 и 1936 гг. он, исходя из необходимости уделять большое внимание обороне страны, со своей стороны обещал оказывать возможную поддержку.

Интервью Сталина, которое он дал как глава Советского государства председателю одного газетного объединения США 1 марта 1935 г.²¹, явилось большой и ценной поддержкой монгольскому народу в условиях, когда МНР стояла перед лицом япономаньчжурской агрессии²². Он, в частности, сказал: «В случае, если Япония решится напасть на Монгольскую Народную Республику, покушаясь на ее независимость, нам придется помочь МНР... Мы поможем МНР так же, как мы помогли ей в 1921 г.». Далее, в ответ на вопрос: «Приведет ли, таким образом, японская попытка захватить Улан-Батор к позитивной акции СССР?» — Сталин заявил: «Да, приведет»²³. Это заявление стало надежной правовой основой для той большой помощи, которую советский народ

оказал в 1939 г., когда агрессивные силы Японии напали на МНР в районе реки Халхин-Гол.

Здесь уместно вспомнить, что И. В. Сталин высоко оценивал значение монголо-советской дружбы, постоянно подчеркивал ценность помощи, оказанной МНР советскому народу в период второй мировой войны. В телеграмме, присланной Сталиным на имя Х. Чойбалсана по случаю 25-й годовщины победы народной революции, в частности, говорилось: «От имени Советского правительства выражаю твердую уверенность в том, что дружба между нашими народами, доказавшая свою прочность на протяжении четверти века, и впредь будет служить делу укрепления и процветания наших стран и делу общего мира и безопасности на Востоке»²⁴.

В заключение, обобщая вышесказанное, следует сказать, что взгляды и действия И. В. Сталина в отношении Монголии были в большой степени противоречивы и их невозможно отождествлять в целом с чаяниями советского народа, с ленинской сущностью внешней политики Советского государства. С одной стороны, Сталин по отношению Монголии исполнял роль диктатора, который действительно беспроблемно вмешивался во внутренние дела страны и навязывал свои идеи и цели. Несерьезно делать вывод о том, что его концепции, особенно теория классовой борьбы, сами по себе, без всяких черных замыслов привели к реакции, репрессиям и деформациям. Поскольку эти теории и «учение» изначально были деформированными, поэтому и их последствия носили реакционный характер. С другой стороны, есть и его доля в тех содействии и поддержке, которые КПСС и Советское государство оказывали МНР. Однако исторические уроки, которые следует извлечь с любой стороны, ценны для будущего.

Взгляды И. В. Сталина по монгольскому вопросу, хотя и представляют собой реальное выражение сталинизма, оказавшего влияние на МНР, однако это только лишь небольшая его часть. Поэтому нельзя все самое плохое связывать со сталинизмом, однако, думается, что устранение этих ошибочных теорий, которые подорвали престиж и извратили сущность общества трудящихся, а также различных негативных явлений и методов, порожденных сталинизмом, послужит важной гарантией прогресса нашей страны и подлинного укрепления монголо-советского сотрудничества.

Изучение и анализ отношения Сталина к Монголии, воздействия сталинизма на монголо-советскую дружбу является важной задачей сотрудничества общественников наших двух стран.

НЕКОТОРЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ ПО ПОВОДУ СТАТЬИ МОНГОЛЬСКОГО ИСТОРИКА

Волна преобразований, прокатившаяся по СССР и ряду бывших и нынешних социалистических стран Европы и Азии в последние годы, не миновала и МНР. С конца 1989 г. в стране стали стремительно появляться и организационно оформляться новые политические движения и партии, часть из которых (Монгольский демократический союз и другие) с самого начала выступили в качестве открытой оппозиции правящей Монгольской народно-революционной партии (МНРП). В результате умелого использования этими силами широкого недовольства замедленными темпами перестройки, нерешительности и непоследовательности в действиях прежнего руководства партии и государства, использования таких новых, нетрадиционных для Монголии, острых форм и методов борьбы, как открытая конфронтация с высшими органами власти, ультиматумы, политические голодовки, массовые митинги и демонстрации, в стране и партии возник острейший политический кризис, какого не было на протяжении всех предыдущих 70 лет.

МНРП, которая 1 марта 1991 г. скромно отметила 70-летие своего образования, относится к числу тех немногих правящих партий в бывших и нынешних социалистических странах, которые в ходе процесса демократизации устояли перед первым бурным натиском новых оппозиционных политических сил. В самый последний, критический момент (март — апрель 1990 г.) партия нашла в себе силы не только открыто признать допущенные ошибки и преступления в прошлом, решительно ускорить перестройку своих рядов и пересмотр своих программных документов, но и найти общий язык с новыми оппозиционными силами во имя высших интересов национального единства и согласия.

За истекшие 70 лет МНРП прошла большой, сложный, противоречивый путь от небольшой организации, объединившей всего лишь несколько десятков членов двух подпольных революционных кружков, до самой крупной, массовой партии, насчитывающей в своих рядах свыше 100 тыс. членов. Характерно, что в ходе острой политической борьбы, развернувшейся в последние годы в Монголии, МНРП, несмотря на выход из ее рядов, в целом не только сохранила, но даже и увеличила число своих членов.

С историей МНРП неразрывно связаны как несомненные достижения, так и большие просчеты и ошибки в строительстве нового общества, минуя капитализм как общественно-экономическую формацию.

На становление и развитие МНРП как марксистско-ленинской партии огромное влияние оказали опыт КПСС и той общественно-политической системы, которая сложилась и в течение многих десятилетий функционировала в СССР и которая в настоящее время подвергается ожесточенной критике. Находясь в особо близких, тесных отношениях с КПСС, ориентируясь на нее как на единственный образец, МНРП, будучи совсем молодой, не обладающей достаточным опытом идейно-политической и организационной деятельности партией, естественно, заимствовала от своего более опытного, старшего и зрелого «наставника» как позитивные, так и негативные стороны его опыта.

К числу последних, по-видимому, следует отнести догматизированные представления о марксизме-ленинизме, социализме, коммунизме, некапиталистическом пути развития, сталинскую модель административно-командной системы государственного социализма, культ личности вождя, массовые необоснованные репрессии, некритическое заимствование, а во многих случаях прямое копирование форм и методов партийного и государственного строительства в СССР, нигилистическое отношение к культурному и духовному наследию своего народа и др.

Вне всякого сомнения, в течение десятилетий история МНРП и МНР была неразрывно связана с именем Сталина и сталинизмом. До середины 50-х годов в МНР, как и в СССР, в течение многих лет насаждался и «процветал» культ личности Сталина, который оказал глубокое негативное воздействие на все стороны жизни страны, способствовал формированию и длительному существованию в МНР сначала культа личности Х. Чойбалсана, а затем режима авторитарной власти Ю. Цеденбала. Президиум ЦК МНРП, в частности, отмечал, что «вредоносное влияние сталинизма причинило большой ущерб политической, идеологической и организационной деятельности МНРП, были свернуты возможности для развития демократии в стране, было сковано свободное мышление людей, более того, в обществе возникло кризисное положение».

Феномен Сталина и сталинизма — одна из величайших и трагичнейших загадок в истории не только СССР, но и мировой истории. Историкам будущего, которые прочитают горы литературы, написанной о Сталине и сталинизме в разные десятилетия XX в. с различных, более того, прямо противоположных позиций, будет нелегко разобраться в этом калейдоскопе противоречивых фактов, свидетельств, суждений и оценок, восстановить историческую истину в полном объеме и дать ей всестороннюю объективную научную оценку. Роль и место Сталина в истории отдельных народов — один из важных аспектов этой тематики, обширное поле для индивидуальных и коллективных исследований, для плодотворного сотрудничества ученых из разных стран.

В настоящее время, когда идет коренной пересмотр послеоктябрьской истории России и Советского Союза, в том числе места и роли в ней Сталина и сталинизма, для нас, советских людей, историков и неисториков, несомненный большой интерес представляет эволюция оценок Сталина в истории других народов, в том числе монгольского народа, с которым нас связывают 70 лет особо тесных отношений, братской дружбы и всестороннего сотрудничества.

В условиях развития и углубления перестройки всех сторон жизни монгольского общества, расширения гласности и демократии, обострения внутривнутриполитического, социального и экономического положения, развертывается объективно необходимый, неизбежный, сложный, противоречивый, болезненный процесс пересмотра всей истории страны после 1921 г., истории советско-монгольских отношений, роли различных исторических личностей, в том числе Сталина, Чойбалсана, Цеденбала и

многих других. В ходе этой переоценки новейшей истории страны со стороны некоторых политических сил и партий наблюдается односторонность, субъективизм, анти-историзм, стремление вычеркнуть из истории народа 70 послереволюционных лет²⁵.

В отличие от такого рода публикаций, статья кандидата исторических наук Т. Лхагвы «Что же думал Сталин о монголах...?», опубликованная в газете «Унэн», центральном органе МНРП, представляет собой одну из первых серьезных попыток в современной монгольской исторической науке дать новую оценку места и роли Сталина в истории МНР, проследить и проанализировать эволюцию его взглядов и политики по отношению к Монголии, к решению актуальных проблем ее развития в 30-е — начале 50-х годов.

В настоящее время достоянием широкой общественности стали многие ранее неизвестные или умышленно скрывавшиеся факты о роли Сталина в решении ряда ключевых вопросов в истории МНР. Поэтому пересмотр прежних оценок места и роли Сталина в истории МНР, безусловно, назрел и заслуживает всяческой поддержки. В то же время каждый берущийся за исследование данной темы должен отчетливо представлять себе всю ее сложность, многоплановость, противоречивость, в полной мере учитывать конкретно-историческую обстановку того времени, господствовавшие идеологические и политические установки, догмы и стереотипы.

Как известно, в Советском Союзе и других странах в последние годы развернулся мощный процесс разоблачения и критики культа личности Сталина и его трагических последствий. Поэтому неудивительно, что монгольский историк Т. Лхагва подошел к оценке роли Сталина в истории монгольского народа прежде всего с критических позиций, стремясь показать, какой вред Монголии нанесли Сталин и его политика. Вместе с тем, на наш взгляд, заслуживает одобрения попытка автора не поддаваться модному в настоящее время поветрию тотального, огульного критиканства, а подойти к оценке роли Сталина с научных, более взвешенных, реалистических позиций, показать не только негативные, но и некоторые позитивные стороны и результаты деятельности Сталина по отношению к Монголии. Однако при чтении статьи все-таки складывается впечатление, что автору не в полной мере удалось осуществить это намерение, чувствуется определенная «запрограммированность» на разоблачительный уклон, стремление иногда домыслить за Сталина и приписать ему те действия, которые не подтверждаются документально. Так, не приводя никаких конкретных фактов, Т. Лхагва обвиняет Сталина в отступлении от политики Ленина по отношению к Монголии при подписании Соглашения об основных принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской республикой от 31 мая 1924 г. Насколько нам известно, к настоящему времени не обнаружены какие-либо документы, свидетельствующие о позиции Сталина при разработке и подписании вышеуказанного Соглашения. Поэтому делать вывод о том, что Сталин сыграл решающую роль при формулировании статьи, касающейся статуса Монголии, основываясь только на том факте, что Сталин в то время уже был Генеральным секретарем ЦК РКП(б), не представляется достаточно убедительным. Также натянутым выглядит предположение Т. Лхагвы, что Сталин официально признал независимость Монголии лишь через 25 лет после признания ее В. И. Лениным. Из приведенных самим автором цитат из высказываний Сталина видно, что последний прежде всего имел в виду необходимость признания МНР другими странами, помимо СССР, что подразумевалось само собой. Короче говоря, не со всеми оценками и трактовками автора статьи отдельных высказываний и действий Сталина в отношении Монголии можно согласиться. Большинство материалов и документов по этому вопросу еще не собраны и не опубликованы. Основная заслуга Т. Лхагвы состоит как раз в том, что он попытался собрать имеющиеся отдельные разрозненные высказывания Сталина относительно Монголии и ее проблем и проанализировать их под определенным углом зрения. Одно из несомненных достоинств этой публикации состоит в том, что она основывается прежде всего не на общих публицистических рассуждениях автора, а на изучении им некоторых подлинных исторических документов. Статья оснащена большим количеством цитат из различных источников, которые, к сожалению, не указаны. Разумеется, рамки газетной статьи не позволяют делать многочисленные ссылки на источники, однако отсутствие их затрудняет проверку точности изложения, перевода и трактовки отдельных высказываний Сталина с учетом конкретной исторической обстановки.

В нынешних условиях, когда идет интенсивный процесс пересмотра всей новей-

шей истории Монголии, истории советско-монгольских отношений, когда некоторые новые политические силы в МНР настойчиво стремятся перечеркнуть светлые страницы в истории советско-монгольских отношений, представить все беды и трудности, которые выпали на долю монгольского народа, только лишь как результат навязывания Сталиным и иными руководителями Советского Союза своей воли и политики послушному руководству Монголии, закономерно встает большой и сложный вопрос о разделении доли вины и ответственности между руководителями двух стран. На наш взгляд, было бы необъективным и несправедливым всю ответственность за ошибки, недостатки и преступления, которые имели место в Монголии после 1921 г., возлагать только на Сталина и других руководителей Советского Союза. Нет сомнения в том, что Сталин и сталинизм нанесли огромный ущерб не только Советскому Союзу, но и Монголии. Известны случаи грубого вмешательства во внутренние дела МНР, навязывания ошибочных теоретических взглядов и политики, даже прямых репрессий против граждан МНР, включая ее высших руководителей. Эти и им подобные факты, безусловно, должны быть осуждены.

Вместе с тем, как нам представляется, определенную, и немалую, долю ответственности должны нести те монгольские руководители, которые принимали конкретные решения по реализации советов и рекомендаций Сталина. Сказанное можно проиллюстрировать на одном ярком примере, который нередко используется в спекулятивных целях для доказательства полной несостоятельности «советов», которые давал Сталин монгольским руководителям. Речь идет о рекомендации довести поголовье скота в Монголии до 200 млн. голов. По всей видимости, во время встречи с Чойбалсаном в 1939 г. Сталин высказал такую идею в качестве общего пожелания. Он никогда не был в Монголии, не знал достаточно хорошо ее природно-климатические условия, особенности ведения кочевого животноводства и поэтому не мог реалистически оценить возможности осуществления этой идеи. Между тем любой монгольский животновод, тем более премьер-министр, министр животноводства и земледелия сразу должны были понять всю абсурдность, несбыточность этой задачи. Однако в конкретных исторических условиях конца 30-х годов, в самый разгар культа личности Сталина, массовых репрессий против «врагов народа» этого не произошло. Более того, руководство МНР, и прежде всего Чойбалсан, восприняло высказывание Сталина как прямое указание, интерпретировало его таким образом, что оно вошло в решения X съезда МНРП, состоявшегося в 1940 г.²⁶ В данном случае надо еще посмотреть, чья вина больше — Сталина или Чойбалсана. Таким образом, речь идет не об оправдании или «обелении» Сталина и его действий, а о необходимости для каждого исследователя более внимательно изучать всю совокупность исторических фактов, обстоятельств, причин и следствий, более объективно оценивать деятельность «своих» и «чужих» руководителей. Между тем, на наш взгляд, в статье Т. Лхагвы весьма определенно проглядывает тенденция к ужесточению оценок в отношении Сталина и смягчению их в отношении монгольских руководителей, за исключением, пожалуй, Х. Чойбалсана и Ю. Цеденбала.

Весьма интересной и перспективной представляется высказанная, но недостаточно раскрытая Т. Лхагвой идея о необходимости различать роль Сталина как исторической личности и роль сталинизма как определенной системы взглядов, идей, политики и общественных институтов для судеб Монголии. Так, если сталинизм и Сталин как отец этой системы оказали существенное негативное воздействие на развитие страны в 30-е и последующие годы, то личный вклад Сталина в дело укрепления и защиты национальной независимости МНР от неоднократных посягательств со стороны различных реакционных и агрессивных сил, например со стороны милитаристской Японии в 30-е годы, создания необходимых условий для широкого международного признания МНР в качестве самостоятельного независимого государства после второй мировой войны (Ялтинская конференция глав трех держав и др.), развития народного хозяйства и культуры страны, по нашему мнению, должен быть по достоинству оценен при рассмотрении вопроса о роли и значении Сталина в истории монгольского народа.

Мы не ставим цель подробно анализировать все важные вопросы, затронутые в статье монгольского коллеги, вступать с ним в полемику по тем из них, по которым не согласны с его подходом и трактовкой. Наша цель состояла в том, чтобы поделиться некоторыми соображениями, возникшими по ходу чтения данной статьи с уче-

том той конкретной общественно-политической обстановки, которая в настоящее время сложилась в МНР, в том, чтобы подчеркнуть всю сложность, неоднозначность и противоречивость подходов к оценке роли и места Сталина в истории монгольского народа.

Статья монгольского ученого Т. Лхагвы интересна также тем, что она в определенной степени отражает состояние современной монгольской исторической науки, некоторые подходы и уровень понимания и осмысления рассматриваемых проблем теми политическими силами, которые выступают за полное восстановление исторической правды в советско-монгольских отношениях, какой бы горькой она ни была, за сохранение всего позитивного, что накоплено за 70 лет тесного общения и сотрудничества между советскими и монгольскими народами, за дальнейшее их развитие на основе подлинного равноправия, взаимной выгоды, обновления и повышения эффективности.

Такой подход соответствует духу времени, тем революционным преобразованиям, которые происходят в наших странах, отвечает коренным интересам советского и монгольского народов и поэтому в полной мере заслуживает поддержки и содействия. Такой подход открывает широкие возможности для дальнейшего развития сотрудничества советских и монгольских ученых-историков, особенно историков, в деле восстановления исторической правды, прояснения «белых», «черных» и «розовых» страниц в 70-летней истории дружбы и всестороннего сотрудничества народов СССР и МНР.

*Перевод и послесловие кандидата исторических наук
В. В. Грайворонского*

¹ П. Гэндэн (1895—1937) — известный государственный и общественный деятель МНР 20—30-х годов, в разные годы был председателем Президиума Малого хурала, премьер-министром МНР. Необоснованно репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1962 г.— Прим. пер.

² Х. Чойбалсан (1895—1952) — видный государственный, военный и общественный деятель МНР, один из основателей МНРП и народного государства, активный участник революции 1921 г. В течение многих лет возглавлял руководство страны. Под влиянием культа личности Сталина в МНР сложился и в течение многих лет существовал культ личности Чойбалсана, который привел к тяжелым последствиям (массовые необоснованные репрессии, нарушения законности и т. д.). Начало разоблачению культа Чойбалсана было положено на IV пленуме ЦК МНРП, состоявшемся в апреле 1956 г., вскоре после XX съезда КПСС.— Прим. пер.

³ А. Амар (1896—1941) — известный государственный и общественный деятель МНР 20—30-х годов. В разные годы был председателем Президиума Малого хурала, премьер-министром МНР. Необоснованно репрессирован в 1939 г., реабилитирован в 1962 г.— Прим. пер.

⁴ Ю. Цеденбал (1916—1991) — видный государственный и общественный деятель МНР 40-х—начала 80-х годов. В течение многих лет возглавлял руководство партии и страны, был Генеральным секретарем ЦК МНРП, Председателем Президиума Великого народного хурала МНР. При нем в МНР постепенно сложился и в течение многих лет существовал своеобразный режим авторитарной власти, который в последнее время получил характерное название «цеденбаллизм». От руководящих постов в партии и государстве освобожден в августе 1984 г. За грубые нарушения норм партийной жизни исключен из МНРП в 1990 г. За многочисленные злоупотребления служебным положением и грубые ошибки в руководстве страной против Ю. Цеденбала было возбуждено уголовное дело. В последние годы проживал в Москве.— Прим. пер.

⁵ Здесь речь идет о том, что, в соответствии со статьей 5 данного Соглашения, обе стороны согласились, что Монголия входит в состав Китая.— Прим. пер.

⁶ Н. В. Сталин не был главой Советского государства.— Прим. пер.

⁷ Речь идет о Соглашении между правительством РСФСР и народным правительством Монголии об установлении дружественных отношений между Россией и Монголией от 5 ноября 1921 г., в соответствии с которым правительство РСФСР признало народное правительство Монголии единственным законным правительством.— Прим. пер.

- ⁸ В данном случае речь идет о советско-китайском соглашении от 31 мая 1924 г.— Прим. пер.
- ⁹ В связи с невозможностью сверить идентичность перевода с оригиналом здесь и далее цитаты из разных источников даются в переводе с монгольского.— Прим. пер.
- ¹⁰ «Внешняя Монголия» — это старое, дореволюционное название, которое использовалось главным образом в странах, которые не признавали образование Монгольской Народной Республики.— Прим. пер.
- ¹¹ В данном случае речь идет о том, что на основе Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР от 12 марта 1936 г. и в его развитие 27 февраля 1946 г. был заключен Договор о дружбе и взаимопомощи между СССР и МНР.— Прим. пер.
- ¹² «Монгол туургатан» — труднопереводимое монгольское выражение, означающее дословно «жители монгольских курт», «обитатели монгольских стен». В данном случае мы предлагаем переводить этот термин как «этнические монголы».— Прим. пер.
- ¹³ И. Амагаев (1897-1937) — известный бурятский политический и государственный деятель, первый председатель ЦИК Бурят-Монгольской АССР (1923-1925), ученый-востоковед, работал в МНР в 1925-1929 гг. председателем экономического совета и одновременно представителем Коминтерна при ЦК МНРП. Подвергся необоснованным репрессиям в СССР. В настоящее время в МНР пересматривается деятельность Коминтерна и его представителей в отношении МНРП и МНР.— Прим. пер.
- ¹⁴ Б. Шмераль (1880-1941) — известный чехословацкий деятель международного коммунистического движения, в 1928 и 1934 гг. принимал участие в работе съездов МНРП в качестве представителя Коминтерна.— Прим. пер.
- ¹⁵ З. Шижээ (1901-1937) — партийный и государственный деятель МНР 20-30-х годов. Окончил КУТВ, работал секретарем ЦС монгольских профсоюзов, начальником Государственной внутренней охраны (ГВО), директором правления Госбанка, секретарем ЦК МНРП. Входил в состав «левого» руководства партии и страны. Репрессирован в 1937 г., реабилитирован в 1963 г.— Прим. пер.
- ¹⁶ Ц. Дамбадорж (1899-1934) — известный монгольский партийный и общественный деятель 20-х годов. В 1924-1928 гг. был председателем ЦК МНРП. Был обвинен в «правом» уклоне. В настоящее время прежние сугубо негативные оценки «правого» уклона в исторической науке МНР пересматриваются.— Прим. пер.
- ¹⁷ «Дело Лхумбэ» — как сейчас установлено, сфабрикованное дело, по которому секретарь ЦК МНРП Ж. Лхумбэ в 1933 г. был обвинен в контрреволюционной деятельности и репрессирован. Реабилитирован в 1962 г.— Прим. пер.
- ¹⁸ Р. Мэнд (1901-1937) — государственный и общественный деятель МНР конца 20-х — середины 30-х годов. Министр торговли и промышленности (1933-1937). Репрессирован. Реабилитирован в 1962 г.— Прим. пер.
- ¹⁹ О. Дашчирав (1898-1936) — военный деятель конца 20-х — середины 30-х годов. Погиб в авткатастрофе в 1936 г. В 1937 г. посмертно был привлечен к ответственности по сфабрикованному делу. Реабилитирован в 1965 г.— Прим. пер.
- ²⁰ Речь идет о большом пожаре, который возник летом 1935 г. на промкомбинате, первом крупном промышленном предприятии, построенном в Улан-Баторе при помощи Советского Союза в начале 30-х годов и ставшем первенцем национальной промышленности МНР.— Прим. пер.
- ²¹ Упомянутое интервью Р. Говарду Сталин дал 1 марта 1936 г.— Прим. пер.
- ²² Речь идет об агрессивных действиях против МНР со стороны марионетного государства Маньчжоу-го, созданного Японией на территории Северо-Восточного Китая в начале 30-х годов.— Прим. пер.
- ²³ В данном случае перевод дается по официальному источнику // Советско-монгольские отношения. 1921—1974.— Т. 1.— М., 1975.— С. 337.— Прим. пер.
- ²⁴ Перевод дан по сборнику: Советско-монгольские отношения. 1921—1974.— Т. 2.— Ч. 1.— С. 138.— Прим. пер.
- ²⁵ См. напр.: Баабар Б. Буу март. Улаанбаатар, 1990, и др.
- ²⁶ Монгол Ардын Хувьсгалт Намын X их хурал. Дэлгэрэнгүй тайлан.— Улаанбаатар, 1970.— С. 37.

КПК и крестьянство в годы антияпонской войны

А. ПИСАРЕВ

Аграрная политика китайских коммунистов в годы войны с Японией остается одной из наименее освещенных тем в советской литературе. Историки затрагивали ее лишь в соответствующих разделах обобщающих работ или в монографиях, посвященных другим проблемам периода второй мировой войны. Оценки, сложившиеся в нашей историографии, представлены, как мне кажется, двумя точками зрения. Сторонники первой отмечают переходный характер крестьянской политики КПК этого периода, которая была вынужденным этапом на пути полной ликвидации помещичьего землевладения. Причины расширения влияния коммунистов в эти годы они усматривают в том, что на территории антияпонских опорных баз, пусть в иных, чем во время гражданской войны, формах, осуществлялся передел земли в пользу деревенских низов. В других работах подчеркивается, что упрочению своих позиций среди сельского населения КПК была обязана прежде всего проведению аграрной политики единого фронта (отказ от перераспределения земли и ограничение регулированием арендных отношений). Периоды же решительного наступления против деревенских верхов оцениваются как левацкие перегибы, оказавшие отрицательное воздействие на прочность социальных и политических позиций партии в деревне.

В современной историографии КНР также отсутствуют специальные монографические исследования, посвященные аграрной политике партии во время антияпонской войны. В работах же обобщающего характера отмечается переходный облик курса, принятого КПК, и подчеркивается значение мер, которые вели к перераспределению земли в пользу неимущих.

В современной западной историографии сложились различные, в ряде случаев полярные концепции аграрной политики КПК в годы второй мировой войны. Для некоторых исследователей очевидно, что значение собственно социально-экономических мер было невелико и определяющую роль сыграли другие факторы. По мнению Ч. Джонсона, это глубокие национальные чувства, распространившиеся в среде крестьянства в связи с японской агрессией¹. С точки зрения Ф. Майкла, расширение за годы войны антияпонских военных баз, находившихся под контролем КПК, стало результатом умелого использования организационных структур, в основе которых лежали партия и армия². Некоторые исследователи, позиции которых близки концепции, принятой в историографии КНР, напротив, отмечают первостепенное значение социально-экономического направления в аграрной политике КПК. Приверженцами этого подхода являются В. Хинтон, М. Селден, Р. Токстон³. Причины такой разногласности в суждениях, на мой взгляд, связаны в первую очередь со слабой изученностью этой темы, в основе чего лежит ограниченный круг источников, что признавали и сами западные синологи, предпринимавшие попытки исследовать аграрную политику в антияпонских базах.

Впрочем, на протяжении последнего десятилетия ситуация серьезно изменилась. В КНР были опубликованы сборники документов по социально-экономической политике партии, в том числе в аграрном вопросе в 30—40-е годы. Достоянием исследователей стали также документы по истории отдельных антияпонских опорных баз, включая и материалы аграрного законодательства и практической политики в этой области⁴. Все это, думается, создает благоприятные условия для нового этапа в изучении действительно во многом загадочной для сиологов темы крестьянской политики КПК в конце 30-х —

Писарев Александр Андреевич, кандидат исторических наук, доцент Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова

начале 40-х годов XX в. В этом отношении особое внимание привлекает шаньдунский освобожденный район, история которого практически не освещена в советской и зарубежной литературе.

Свободные от японской оккупации территории в Шаньдуне стали создаваться коммунистами еще осенью 1937 г. В середине сентября того же года в условиях начавшегося японского вторжения в провинцию в ее столице Цзинани в глубоком подполье состоялось совещание провинциального комитета КПК. На нем была принята программа, состоявшая из десяти пунктов, заложившая основу вооруженного партизанского движения⁵. Уже в декабре 1937 г. в Центральном Шаньдуне действовал партизанский отряд, руководимый секретарем шаньдунского комитета КПК Ли Юем⁶. После вступления в провинцию японских войск гоминьдановский губернатор и подавляющее большинство чиновников, в том числе уездного уровня, бежали на Юг.

В мае 1938 г. по распоряжению КПК в провинцию были направлены опытные кадровые работники, которым было дано следующее указание: «Необходимо установить демократическую власть, с тем чтобы создать антияпонскую базу и превратить Шаньдун в опорный стратегический пункт 8-й армии»⁷. В ноябре 1938 г. по указанию ЦК партии в южную часть Шаньдуна вошли соединения 115-й дивизии 8-й армии, основавшие здесь новые освобожденные от японской оккупации районы. В результате настоячивых действий, предпринятых коммунистами, в начале 40-х годов в провинции существовало пять крупных освобожденных районов: Цзяодун (Северо-Восточный Шаньдун), Биньхай и Бохай (приморские районы провинции), Лучжун (центральная часть Шаньдуна), Лунань (юг провинции). В западной части Шаньдуна был образован освобожденный район, входивший в состав более обширной антияпонской опорной базы Шаньси — Хэбэй — Шаньдун — Хэнань.

Социально-экономические условия в сельских районах, в которых пришлось действовать КПК, были отмечены чертами, характерными для аграрных отношений Северного Китая.

Как было отмечено в докладе Сюе Муцяо, являвшегося в 40-е годы ответственным за проведение экономической политики демократического правительства Шаньдуна, «опорные базы в Шаньдуне расположены в отсталых горных районах... Если в более развитых регионах провинции встречалось крупное помещичье землевладение, то здесь господствовали владения мелких помещиков»⁸. Некоторые особенности аграрных отношений, характерные для антияпонских опорных баз провинции, можно представить на примере уезда Цзюйнань, расположенного в освобожденном районе Биньхай и перешедшего под контроль КПК в 1941 г., учитывая, конечно, что приведенные ниже данные не могут считаться моделью аграрной экономики всех освобожденных районов. Здесь по распоряжению отдела обследований бюро ЦК КПК провинции были проведены детальные земельные обследования, охватившие около 2,5 тыс. крестьянских дворов. Данные материалы выгодно отличаются полнотой от результатов земельных обследований, проводившихся КПК в других районах. Они позволяют представить характер земельных отношений в уезде до его перехода под контроль КПК, а также изменения, происшедшие здесь в ходе реформ, проводившихся под руководством коммунистов. Аграрный строй на обследованной территории выглядел следующим образом, %⁹:

	помещики	кулаки	средняки	бедняки	батраки
% в общем числе хозяйств	6,8	6,9	28,8	37,4	6,3
% от всей земли в собственности	31,6	17,2	31,9	15,9	0,5

Очевидно, что помещичье землевладение в обследованном районе охватывало лишь около $\frac{1}{3}$ обрабатываемой земли, при этом владения середняков и бедняков в совокупности приближались к 50 %. Отсюда следует, что характер аграрных отношений в уезде соответствовал представлениям о доле помещичьего землевладения, сложившимся в нашей литературе последнего времени, и общим социально-экономическим условиям, существовавшим в Шаньдуне. Данные, содержащиеся в источнике, позволяют представить

реальное экономическое положение различных групп сельского населения. Используя их, можно вычислить количество пахотной земли, приходившейся на одно хозяйство (собственной и арендованной). Этот показатель составлял всего лишь около 14 му, демонстрируя чрезвычайно сильное давление аграрного перенаселения¹⁰. Урожай на обследованной территории составлял лишь около 80 цзиней зерна (примерно 40 кг) с одного му¹¹. Причем это средняя урожайность для горных районов Шаньдуна, в которых по преимуществу и находились контролируемые КПК антияпонские опорные базы¹². Средняя численность семьи в районе обследования составляла около 5 человек; таким образом, на одного члена домохозяйства приходилось около 2,5 му земли или в лучшем случае около 100 кг зерна в год.

Этого количества было недостаточно даже для поддержания нормального физического существования человека, не говоря уже о ведении расширенного воспроизводства¹³. Разумеется, усредненная картина отличалась от действительного экономического положения различных социальных групп прежде всего потому, что в уезде были широко распространены арендные отношения. Использование арендованной земли позволяло части деревенских низов несколько улучшить свое экономическое положение, однако это, конечно, не могло решить проблему выживания сельского населения в целом.

Анализ системы арендных отношений в этом районе заставляет прийти к выводу об их особенностях. Обращает на себя внимание в первую очередь то, что основная часть земли, сдававшейся в аренду, находилась в руках кулаков и середняков. Они имели соответственно 30 и 49 % всей земли, сдававшейся в аренду. При этом кулаки в свою очередь сдавали в аренду лишь 5 % имевшейся у них земли¹⁴. Подобное положение противоречит широко распространенному в нашей литературе мнению о том, что кулаки вели хозяйство по преимуществу на собственной земле и, как правило, некоторую ее часть сдавали в аренду. Во многом именно за счет аренды кулакам и середнякам удавалось обеспечить себе лучшее экономическое положение по сравнению с деревенскими низами.

Количество земли в собственности и использовании на одно хозяйство в уезде Цзюйнань в 1937 г., му¹⁵:

	кулаки	середняки	бедняки	батраки
Кол-во земли в собственности на хозяйство (му)	35	15,5	5,9	1,1
Кол-во земли в использовании на хозяйство (му)	52,8	23,9	8,1	1,8

Как видно из последней таблицы, кулаки и середняки весьма существенно увеличивали фонд земли, находившейся у них в использовании, что позволяло этим социальным группам упрочить свое экономическое положение и обеспечить довольно значительный по условиям данной местности доход на одного члена семьи.

Зерновой душевой доход в уезде Цзюйнань в 1937 г., кг¹⁶

Зерновой душевой доход в уезде Цзюйнань в 1937 г.:
(в кг)

	помещики	кулаки	середняки	бедняки	батраки
Душевой доход от собственной земли	357	208	117	45	11
Душевой доход от используемой земли	—	262	149	53	14

Эти данные свидетельствуют о крайне сложном экономическом положении в уезде, при котором даже «помещики» имели доходы, лишь на $\frac{1}{3}$ превосходившие минимальный уровень, необходимый для обеспечения существования. В сущности, так называемые кулаки, только прибегая к аренде, могли обеспечить доход, необходимый для простого воспроизводства, а доходы середняков составляли менее 70 % необходимого для его обеспечения. В связи с этим неизбежен следующий вывод: даже с учетом доходов от арендуемой земли основные социальные категории в Цзюйнане были как бы сдвинуты на одну градацию вниз — доходы помещиков соответствовали положению крепких зажиточных крестьян, кулаки, в сущности, являлись середняками, а середняки — бедняками.

В существовавших условиях кулаки и середняки были кровно заинтересованы в том, чтобы сохранить за собой арендуемые участки. В связи с этим возможности осуществления земельной реформы объективно были крайне ограничены, так как наступление на помещиков и передел их земель в пользу бедняцкой части деревни должны были повлечь за собой передачу беднякам участков, уже находившихся в аренде, в том числе у середняков. Сколько-нибудь значительно улучшить положение бедноты можно было только за счет передела, максимально приближенного к уравнительному, а это непременно привело бы к сокращению собственных земель середняков и утрате ими арендуемых земель. Таким образом, объективно заинтересованные в ликвидации помещичьего землевладения кулаки и середняки должны были являться последовательными противниками всеобщего уравнительного передела земли. Напротив, именно в таком исходе были заинтересованы деревенские низы, в жизни которых собственно помещичье землевладение играло несравненно меньшую роль, чем в существовании, например, середняков. Понятно, что возможность проведения активной политики в деревне в такой ситуации была объективно ограничена: любой шаг, направленный на осуществление передела земли, был чреват вспышкой недовольства со стороны весьма многочисленных групп сельского населения.

Помимо сложной социально-экономической обстановки, связанной с характером аграрных отношений, коммунистам в Шаньдуне приходилось действовать в очень сложных социально-политических условиях. Уровень управления ниже уездного и традиционно не охватывавшийся «официальной» администрацией не представлял из себя некоего политического «вакуума». Здесь бурлили политические страсти, в основе которых лежало противостояние общин-кланов или их коалиций. Опираясь на них, действовали религиозные секты, тайные общества, в отдельные периоды перестававшие быть тайными и превращавшиеся в хорошо организованные армии, подчинявшие своему контролю десятки уездов. В южной части Шаньдуна на границе с провинцией Цзянсу в труднодоступных районах традиционно существовали «разбойничьи гнезда», появившиеся еще в период правления цинской династии. Однако наиболее распространенной формой вооруженной организации сельского населения являлись отряды «Красных пик», действовавшие на территориях нескольких соседних провинций, в том числе и в Шаньдуне. По мнению Э. Перри, специально исследовавшей их деятельность, эти отряды были связаны с зажиточными слоями населения, «могущественными кланами» и выполняли «охранительные» функции¹⁷. Иначе говоря, эта форма вооруженного ополчения была призвана оградить существовавший в деревне порядок от посягательств извне, будь то отряды местных разбойников, воинские части милитаристов, гоминьдановские сборщики налогов или вторжение японских войск.

Члены КПК, ушедшие в деревню по указанию партии после начала японской агрессии, были поставлены перед необходимостью установления связей, а в некоторых случаях и борьбы с политическими силами, контролировавшими положение в деревне. После того как японские войска захватили центр уезда Гуань, расположенного в южной части Шаньдуна, молодые члены КПК, в основном студенты, ушедшие в деревню, оказались перед необходимостью выбора. В этом районе действовали организации двух типов: «охранительные» общества, подобные «Красным пикам» и, по существу, разбойничьи формирования, носившие названия «местных дубинок». После некоторого колебания коммунисты решили примкнуть к «дубинкам», сначала на правах отдельного отряда. После трех месяцев усиленной агитации предводителей разбойничьей вольницы удалось убедить подчиниться командованию со стороны КПК. Любопытен мотив, который, по всей видимости, сыграл важнейшую роль в принятии вожаками разбойников этого решения. Коммунисты пообещали после успешного завершения войны с Японией предоставить им чиновничьи ранги и посты¹⁸. Впоследствии коммунистам удалось наладить эффективную связь

и взаимодействие с другими отрядами, в том числе «Красных пик», которых в Шаньдуне насчитывалось более десятка.

Создание антияпонских баз на территории Шаньдуна протекало в чрезвычайно сложной военно-политической обстановке. Коммунистам почти непрерывно приходилось вести бои с карательными экспедициями японских войск и вступать в столкновения с антияпонскими партизанскими силами, действовавшими под контролем Гоминьдана. Последние пытались расширить зону своего влияния в районах, находившихся вне непосредственного японского контроля, за счет КПК. На протяжении 1938 г. непрерывно вспыхивали столкновения с гоминьдановскими отрядами, а в 1939 г. коммунистам пришлось отражать первое крупное японское наступление на освобожденные районы. Следующий, 1940 год прошел в ожесточенной междоусобной борьбе между «соратниками» по единому фронту. Новое наступление Гоминьдана началось в марте 1940 г. и, по всей видимости, было удачно для него, поскольку территория, находившаяся под контролем КПК, сократилась, при этом гоминьдановцы безжалостно расправлялись с коммунистами.

Первым документом по аграрному вопросу, принятым правительственными органами шаньдунского освобожденного района, были «Временные правила снижения арендной платы и ростовщического процента в провинции Шаньдун» (11 января 1940 г.). Они были выдержаны в духе нового политического курса КПК, направленного на укрепление единого фронта, а их основные положения соответствовали статьям аграрного законодательства Гоминьдана. «Временные правила» предусматривали защиту интересов арендаторов: их права следовало оформлять составлением арендных договоров, которые не подлежали одностороннему разрыву со стороны помещиков; арендатору предоставлялось преимущество на получение земли в аренду после истечения срока действия арендного договора, а также на покупку обрабатываемой земли в случае ее продажи. Субаренда была запрещена, а арендная плата подлежала сокращению на 20 %¹⁹. Это были важные положения, однако, по свидетельству Сюе Муцзю, вплоть до весны 1942 г. никакие реальные шаги по осуществлению принятого постановления практически не предпринимались²⁰. Это было результатом как тяжелой военно-политической ситуации в Шаньдуне, так и сложной социально-экономической ситуации, при которой деревенские низы мало что получали в результате регулирования арендных отношений.

Активизация аграрной политики коммунистов в Шаньдуне относится к началу 1942 г., когда ЦК КПК принял ряд документов, посвященных этой теме. В «Решении ЦК КПК об аграрной политике на территории антияпонских опорных баз» (28 января 1942 г.) подтверждалась приверженность партии политике единого фронта, и местные партийные организации были ориентированы на более энергичное осуществление снижения арендной платы и ростовщического процента. «Указание ЦК КПК о проведении в жизнь решений об аграрной политике» (6 февраля 1942 г.) было выдержано в несколько ином духе. Хотя в нем и провозглашалась необходимость укрепления единого фронта, однако одновременно содержалось распоряжение выдвинуть борьбу против помещиков на первый план. «Стратегический курс партии — единение с помещиками на платформе борьбы с Японией. Однако в ходе его осуществления необходимо проводить следующую политику: сначала нанести удар, затем тянуть за собой; наносить удар и тянуть за собой; тянуть, нанося удар, и, ударяя, тянуть»²¹. При этом авторы «Указаний» призывали местные партийные кадры не бояться проявлений «левачества», возможных в этой борьбе²². Таким образом, последний документ как бы заранее оправдывал отступление от аграрной политики единого фронта.

В апреле 1942 г. по распоряжению ЦК КПК в Шаньдун был направлен Лю Шаоци для изучения ситуации, оказания помощи местному партийному руководству, исправления допущенных ошибок. Ознакомившись с ситуацией, он пришел к выводу, что ошибки заключались в отсутствии серьезных попыток опереться на массовое движение, что проявилось в пассивном проведении аграрной политики. В мае 1942 г. под руководством Лю Шаоци состоялось совещание шаньдунского регионального бюро ЦК КПК, проходившее на территории освобожденного района Биньхай. Выступая, Лю Шаоци подчеркнул: «В Шаньдунской опорной базе нет объективных факторов, препятствующих развитию массового движения. То, что работа находится на низком уровне, является результатом ошибок субъективного характера, которые состоят в недооценке значения движения масс». На совещании было принято решение о разнергивании массового движения, о необходимости снижения арендной платы и ростовщического процента, об изменении отношения к батракам, за которым последовало принятие ряда документов.

Мнения, существующие среди китайских историков о результатах осуществления преобразований на протяжении 1942 г., разноречивы. Так, Чжан Цзинчжун с уверенностью заключил: «К концу 1942 г. движение за снижение арендной платы и ростовщического процента на территории пяти стратегических районов опорной базы в провинции Шаньдун одержало полную победу»²³. Однако примеры осуществления преобразований, приведенные им, пожалуй, не подтверждают столь категоричного вывода. В действительности в 1942 г. движением за снижение арендной платы было охвачено лишь около $\frac{1}{4}$ всех деревень, находившихся под контролем КПК. Там, где были осуществлены какие-то практические меры, это свелось к изъятию зерна у деревенских верхов и его распределению среди неимущих, в среднем по 5 кг на человека²⁴. По мнению Сюе Муцяо, являвшегося очевидцем и участником описываемых событий, попытки развернуть широкое движение по снижению арендной платы, неоднократно предпринимавшиеся бюро ЦК КПК в Шаньдуне на протяжении 1942—1943 гг., не имели успеха. Одной из причин этого являлась недостаточная подготовка местных кадровых работников, которые «не могли отличить «просвещенных» шэньши от обычных помещиков, помещиков от кулаков, феодальную эксплуатацию от капиталистической, не обращали внимания на защиту интересов арендаторов». Часть из них настороженно относилась к массовой борьбе, опасаясь, что это может сказаться на прочности единого фронта, а многие «полагали, что наиболее неотложное требование крестьянства заключалось в справедливой раскладке налогов и повинностей»²⁵.

Нужно отметить, что колебания кадровых работников в проведении аграрной политики партии, с точки зрения современного исследователя, вполне понятны. Приведенные выше данные о характере аграрного строя в уезде Цзюйнань, например, ярко показывают всю сложность аграрных отношений. Последовательное проведение здесь снижения арендной платы в первую очередь отвечало интересам так называемых кулаков и середняков, а не бедняцкой части деревни. Это делает также понятным, почему массовое движение за снижение арендной платы в подобных районах вряд ли могло возникнуть спонтанно. Не вызывает удивления также растерянность кадровых работников при решении вопросов социальной принадлежности тех или иных групп сельского населения.

В 1944 г. военно-стратегическая ситуация в Китае существенно изменилась, что сказалось на положении освобожденных КПК районов, находившихся в японском тылу. После длительного периода затишья на японо-китайском фронте, продолжавшегося с осени 1938 г., в начале 1944 г. японское командование приняло решение, организовав стратегическое наступление, вывести Китай из войны. В этот драматический для страны период, когда гоминьдановское правительство было поставлено на грань капитуляции, положение в тылу японских войск было довольно благоприятно для патриотических сил. После попыток подавить партизанское движение, предпринимавшихся японским военным руководством в 1942—1943 гг. с целью очистить свои тылы накануне решающей схватки с Гоминьданом на основном театре военных действий, главные силы японских войск были прикованы к центральной линии фронта. По этой причине в 1944 г. японское командование не предпринимало сколько-нибудь серьезных операций против районов, находившихся под контролем КПК в Шаньдуне.

Эта обстановка была использована коммунистами для новой попытки активизировать антипомещичье движение. В конце лета 1944 г. накануне сбора осеннего урожая в шаньдунской антияпонской базе было принято «Указание исполнительного комитета провинции Шаньдун о проведении работы по проверке правильности снижения арендной платы и ростовщического процента» (10 августа 1944 г.). В нем были отмечены незначительные результаты проведения политики снижения арендной платы со времени ее провозглашения и сформулированы задачи, стоящие перед местными кадровыми работниками. Им предлагалось немедленно приступить к ее осуществлению, не останавливаясь даже перед насильственным изменением форм политической власти в деревне. «Необходимо отдавать себе отчет в том, что если не будет хорошей политической власти, то интересы масс не будут обеспечены. Поэтому те сельские правительства, которые решительно встали на путь доведения до конца политики снижения арендной платы и ростовщического процента, должны быть коренным образом реорганизованы на основе отказа от системы «трех третей» при их формировании. После того как крестьянство захватит власть и массовые организации получат всестороннее развитие, к участию в деятельности правительств могут быть допущены прогрессивные кулаки и помещики»²⁶. Таким образом, речь шла об отказе КПК от принципов единого фронта, правда, на некоторое время.

Наиболее активно курс по проверке правильности снижения арендной платы и ростовщического процента проводился с июля по ноябрь 1944 г. О его результатах можно судить на основе данных земельных обследований на территории уезда Цзюйнань. На протяжении второй половины 1944 г. характер аграрных отношений здесь претерпел серьезные изменения. Особенно ярко это проявилось в сокращении помещичьего землевладения. Если на протяжении 1940—1942 гг. оно уменьшилось примерно на 3 тыс. му, то за 1944 г. — почти на 15 тыс. му²⁷. Это сопровождалось также утратой земельных владений кулаками и расширением прослойки середняков²⁸.

Процент земли в собственности различных социальных групп в уезде Цзюйнань:

Годы	помещики	кулаки	средняки	бедняки	батраки	прочие
1937	31,5	17,2	31,9	15,9	0,5	—
1945	12,5	8,5	57,0	17,3	0,1	—

Перемены в аграрных отношениях, происшедшие на протяжении первой половины 40-х годов, проявились в изменении количества земли, находящейся в собственности и хозяйственном использовании в отдельном хозяйстве, му²⁹.

	1937		1945	
	кол-во земли в собств.	кол-во земли в использ.	кол-во земли в собств.	кол-во земли в использ.
помещики	65	4,1	30,3	1,8
кулаки	35	52,8	28,2	29,4
средняки	15,5	23,9	13,8	14,1
бедняки	5,9	8,1	6,3	8,3
батраки	1,1	1,8	1,7	4,8

Данные последней таблицы показывают, что в результате перераспределения земли обеспеченность ею одного хозяйства сократилась не только у помещиков и кулаков, но и у середняков, что особенно ярко проявилось в структуре землепользования. Количество используемой земли уменьшилось в середняцком хозяйстве больше чем на 9 му, что явилось для него значительной утратой. На мой взгляд, это свидетельствует о том, что измельчание середняцкого хозяйства было результатом утраты некоторой части земли «старыми» середняками, а также появлением прослойки «новых» середняков, чья земельная собственность и количество земли в хозяйственном использовании уступали владениям «старых» середняков.

Всего в ходе земельных преобразований на территории Цзюйнаня было перераспределено примерно около четверти всей земли³⁰. Подобная глубина реформы плохо увязывается с основным направлением в аграрной политике, которое было объявлено КПК в начале антияпонской войны (регулирование земельных отношений, а не перераспределение земли). Сюе Муцяо, например, объяснил это противоречие тем, что помещики и кулаки сами продавали землю и дробили участки в условиях наступления массового движения³¹. Надо полагать, однако, что наряду с созданием экономических и социальных условий, побуждавших представителей деревенских верхов избавляться от принадлежавшей им земли, имели место прямые захваты земли и имущества, подобные тем, которые осуществлялись весной 1942 г.

Если осуществленные на протяжении первой половины 40-х годов земельные преобразования должны были стать в социальном и политическом отношениях благоприятными для КПК (привлечение на свою сторону деревенских низов), то технико-экономическая сторона дела была менее успешной. Хотя в условиях острого земельного

голода и аграрного перенаселения она вряд ли могла быть иной. Передел привел к сокращению среднего количества земли у тех групп сельского населения, которые могли производить товарную продукцию и уменьшению среднего душевого дохода почти всех слоев сельского населения, исключая бедняков.

Изменения среднедушевого зернового дохода в Цзюйнане, кг³²

Изменения среднедушевого зернового дохода в Цзюйнане (в кг):

Годы	помещики	кулаки	средняки	бедняки
1937	714	262	148	54
1945	380	235	121	62

Как видно из таблицы, душевой доход сократился во всех социальных группах, исключая бедняков, доход которых несколько увеличился. Таким образом, сдвиг в реальном экономическом положении общественных групп по сравнению с его определением в категориях, принятых КПК, еще более усугубился.

К 1945 г. по сравнению с 1937 г. значительно сократилось поголовье крупного рогатого скота, используемого в качестве тягловой силы. Это свидетельствовало о прогрессирующем упадке в первую очередь наиболее крепких в экономическом отношении хозяйств³³.

(кол-во быков по категориям хозяйств)

Годы	помещики	кулаки	средняки	бедняки
1937	11	159	270	101
1945	1	31	266	75

Передел земли, осуществленный на территории антияпонских районов в Шаньдуне, не только способствовал более активной поддержке партии со стороны сельских низов, но и породил серьезные противоречия, угрожавшие стабильности патриотической власти. Это было связано с ущемлением интересов средней части деревни и ее сопротивлением вместе с деревенскими верхами проводимой политике. В «Решении исполнительного комитета провинции Шаньдун об осуществлении «Указания» от 11 августа» (11 декабря 1944 г.) прямо говорилось об этом. В документе содержалось следующее признание: «Руководящие кадровые работники не смогли организовать движение таким образом, чтобы оно соответствовало принципиальной политической линии, не смогли вовремя исправить ошибки левацкого характера. В результате был не только нанесен ущерб единому антияпонскому фронту, создалась угроза изоляции борьбы масс, но самому массовому движению был нанесен большой ущерб». Характерно, что вина за появление «левацких» ошибок была возложена в этом документе на «руководящих кадровых работников», хотя на самом деле возможность такого поворота событий была заложена в «Указании» от 10 августа, в котором был выдвинут призыв прекратить действие системы «трех третей».

Далее в «Решении» от 11 декабря отмечалось: «...не следует направлять удар против просвещенных шэньши, поддерживающих принципы снижения арендной платы и ростовщического процента, а также кулаков и отсталых в идейном отношении середняков и бедняков»³⁴, что фактически свидетельствует о насильственных действиях деревенских низов не только против помещиков и кулаков, но и против середняков и даже некоторой части бедняков. Все это не вызывает особого удивления в связи с той реальной социально-экономической обстановкой, которая существовала в шаньдунской деревне в период антияпонской войны. Несомненно, что причиной острого социально-политического кризиса, с которым пришлось столкнуться руководству освобожденных районов в Шаньдуне (в начале 1945 г. в некоторых районах опорных баз произошли выступления против власти КПК, принявшие широкий размах), были и другие необдуманные действия, в частности,

попытки организации производственных кооперативов, подобных колхозам в СССР¹⁵.

Более тонкий, дифференцированный подход к осуществлению аграрной политики, явившийся результатом сложного опыта преобразований осенью 1944 г., получил отражение в «Правилах арендных отношений в провинции Шаньдун» (15 февраля 1945 г.). В статье 3 этого документа подчеркивалось, что снижение арендной платы в некоторых случаях может осуществляться не на 25, а на 20, 15 и даже 10 %. Это возможно, когда арендодатель является бедняком, больным или слабосильным человеком или же речь идет о вдовах и несовершеннолетних. Для партизанских районов, а также территорий, находившихся под контролем противника, устанавливались пониженные уровни сокращения арендной платы — 20, 15, 10 % (статья 5). В документе были определены дифференцированные нормы арендной платы при различных типах аренды. Если арендатор брал только землю, обеспечивая производство собственным тяглом, сельскохозяйственными орудиями, семенами, удобрениями, то арендная плата не могла превышать 37,5 % урожая (статья 13). В случае, если арендатор вкладывал в производство только рабочую силу, величина арендной платы могла быть больше, но не выше 50 % урожая (статья 14). В статье 22 было предусмотрено, что в случае отсутствия землевладельца в районе, освобожденном от противника, арендная плата может передаваться его представителю или по соглашению местным органам власти, обязанным впоследствии вернуть ее владельцу¹⁶. Это означало принятие более взвешенного политического курса, направленного на восстановление гражданского мира в антияпонских районах Шаньдуна.

Опыт аграрной политики, осуществлявшейся КПК на территории антияпонских баз в Шаньдуне, свидетельствует, что, как и в период движения под лозунгами установления советской власти, единственно «правильный» путь для коммунистов в крестьянской политике отсутствовал. Он просто не был заложен в самой системе аграрных отношений Северного Китая, столь отличных от феодального (или «полуфеодального») строя России и Западной Европы. Стремление привлечь на свою сторону деревенские низы, столь естественное в обстановке, требовавшей мобилизации всех экономических и военных ресурсов, неизбежно выливалось в, пусть ограниченный по своим масштабам, передел земли и имущества. Это затрагивало интересы весьма многочисленной части населения, включая и ее трудовые слои, и неизбежно вызывало их сопротивление, что сказывалось на политической стабильности освобожденных районов. В этом проявилось одно из наиболее драматических противоречий, с которыми КПК пришлось столкнуться ранее и вновь уже в несколько иных обстоятельствах в период борьбы с Японией. Сказанное можно отнести не только к шаньдунскому освобожденному району, но и к другим антияпонским опорным базам Северного Китая, история которых с этой точки зрения пока почти не исследована. Именно по этой причине социально-экономическую политику коммунистов в Шаньдуне характеризовали, с одной стороны, пассивность (1938—1942, 1943), с другой — кратковременные периоды активности (весна 1942 г., осень 1944 г.), когда под видом снижения арендной платы и ростовщического процента осуществлялось наступление на «имущих», проявлявшееся, в частности, в проведении передела земли. Подобные резкие повороты вряд ли следует относить только на счет ошибок высшего или местного партийного руководства. Они происходили из труднодостижимого стремления обрести поддержку со стороны неимущих и одновременно избежать непоправимого ущерба гражданскому миру в деревне, необходимого для организации успешной борьбы против внешнего вторжения.

¹ Johnson Ch. Peasant nationalism and communist power.— Stanford, 1962.— P. 19.

² Michael F. Mao and peretual revolution.— N. Y., 1977.— P. 35.

³ Hinton W. Fanshan: a documentary of revolution in Chinese village.— N. Y., 1966;

Seiden M. The Yennan way in revolutionary China.— Cambridge, 1971; Thaxton R. China turned rightside up. Revolutionary legitimacy in a peasant world.— N. Haven, 1983.

⁴ См., напр.: Чжунго синьминьчжужун гэмин шици гэнъцзюйди фачжи ваньсянь сюаньбянь=Избранные материалы по законодательству опорных баз периода новодемократической революции в Китае.— Пекин, 1984.— Т. 1—4; Шэньганьнин гэмин гэнъцзюйди шиляо сюаньбянь=Избранные материалы по истории революционной опорной базы Шэньганьнин.— Ганьсу, 1983.— Т. 1—3; Цзиньцзилую канжи гэнъцзюйди цайцзин шиляо сюаньбянь=Избранные материалы по истории финансов и экономики антияпонской опорной базы Цзиньцзилую.— Пекин, 1985.— Т. 1—3; Тайхан гэмин гэнъцзюйди туди ваньти цыляо сюаньбянь=Избранные ма-

териалы по аграрному вопросу в революционной опорной базе Тайхан.— Шаньси, 1983; Канжи чжаньчжэн шици Цзиньчацзи бяньцзюй цайчжэн цзинци шилю сюаньбянь=Избранные исторические материалы по финансам и экономике пограничного района Цзиньчацзи в период антияпонской войны.— Тяньцзинь, 1984.— Т. 1—2. Хуачжун канжи гэнъцзюйди цайчжэн цзинци шилю сюаньбянь=Избранные исторические материалы по финансам и экономике антияпонских опорных баз Центрального Китая.— Пекин, 1987.— Т. 1—2.

⁵ Чжан Цзинчжун. Биньхай цзюньминь ба нянь канжи доучжэн цзюлюе=Краткая история восьмилетней антияпонской борьбы в Биньхае, Шаньдун шичжи цзюлюе=Материалы по истории Шаньдуна.— Цзинань, 1982.— Т. 2.— С. 71.

⁶ Юрьев М. Ф. Вооруженные силы КПК в освободительной борьбе китайского народа (20—40-е годы).— М., 1983.— С. 214.

⁷ Лю Да кэ. Шаньдун канжи гэнъцзюйди фачжань гайкуан=Условия развития антияпонских баз в Шаньдуне.— Шаньдун шичжи цзюлюе.— Цзинань, 1982.— Т. 2.— С. 103, 177.

⁸ Сюе Муцяо. Канжи шици хэ цзефан чжаньчжэн шици Шаньдун цзефаншюй ды цзинци гунцзо=Экономическая работа в освобожденных районах Шаньдуна в период антияпонской и освободительной войны.— Цзинань, 1984.— С. 77.

⁹ Шаньдун шэн. Хуадун гэ да чжун чэнши цзюлюй нунцзунь дяоча=Провинция Шаньдун. Материалы обследований городских и сельских районов Восточного Китая.— Б. м., 1952.— С. 33—35, 41.

¹⁰ По подсчетам Г. Чжао, в конце 30-х годов в Шаньдуне на одно хозяйство приходилось в среднем 19 му см.: Chaо K. Man and land in Chinese history.— Stanford, 1986.— P. 93). Более близкая к материалам данного источника оценка содержится в монографии Ф. Хуана, отметившего, что в Шаньдуне на одно крестьянское хозяйство приходилось менее 15 му (см.: Н u a g P h. The peasant and social change in North China.— Stanford, 1985.— P. 185).

¹¹ Шаньдун шэн.— С. 36.

¹² Чжунго синьминьчжучжун гэмин...— Т. 4.— С. 357.

¹³ По данным О. Е. Непомнина, средняя урожайность по Китаю в начале века составляла примерно 120 кг с му, то есть была примерно в 3 раза выше, чем в Цзюйнани (см.: Н е п о м н и н О. Е. Социально-экономическая история Китая.— М., 1980.— С. 38). Продукт, необходимый для воспроизводства, по подсчетам того же автора, составлял более 200 кг зерна в год на человека, в 2 раза превышая показатель, характерный для Цзюйнани (см. там же.— С. 32). По мнению Р. Эша, необходимый минимум составлял 350 кг (см.: A s h R. Land tenure in prerevolutionary China.— London, 1976.— P. 5).

¹⁴ Шаньдун шэн.— С. 35.

¹⁵ Там же. Таблица составлена на основе данных, приведенных на с. 41—44.

¹⁶ Там же. По данным, приведенным на с. 41, 43.

¹⁷ Perry E. Rebels and revolutionaries in North China, 1845—1945.— Stanford, 1980.

¹⁸ Perreг S. Civil war in China. The political struggle, 1945—1949.— London, 1978.— P. 226.

¹⁹ Чжунго синьминьчжучжун гэмин...— Т. 4.— С. 345—346.

²⁰ Сюе Муцяо. Указ. соч.— С. 75.

²¹ Цзиньцзюлюе бяньцзюй шилю сюаньбянь=Избранные материалы по истории пограничного района Цзиньцзюлюе.— Пекин, 1980.— Т. 2.— С. 9.

²² См. там же.— С. 10.

²³ Чжан Цзинчжун. Указ. соч.— С. 84, 82.

²⁴ Там же.— С. 82.

²⁵ Сюе Муцяо. Указ. соч.— С. 82.

²⁶ Чжунго синьминьчжучжун гэмин.— Т. 4.— С. 366.

²⁷ Шаньдун шэн.— С. 38.

²⁸ Там же. Данные вычислены на основе таблиц, приведенных на с. 40—42.

²⁹ Там же. На основе таблиц, приведенных на с. 41—44.

³⁰ Там же.— С. 41.

³¹ Сюе Муцяо. Указ. соч.— С. 82.

³² Шаньдун шэн. На основе данных, приведенных на с. 35—45.

³³ Там же.— С. 45.

³⁴ Чжунго синьминьчжучжун гэмин.— Т. 4.— С. 369, 372.

³⁵ Сюе Муцяо. Указ. соч.— С. 120.

³⁶ Чжунго синьминьчжучжун гэмин.— Т. 4.— С. 373—377.

Тайные организации в современном Китае

ЦАЙ ШАОЦИН

Профессор Нанкинского университета Цай Шаоцин — один из ведущих специалистов КНР по тайным обществам Китая нового и новейшего времени, председатель Всекитайской ассоциации изучения тайных обществ. По данной проблеме им опубликованы две монографии и несколько десятков статей. В последнее время Цай Шаоцин приступил к исследованию тайных организаций, которые стали появляться в нынешнем Китае.

Выступая с докладом в Институте Дальнего Востока в августе 1990 г., он рассказал об основных результатах проведенного исследования. Ниже мы приводим сокращенное изложение этого доклада.

* * *

В новой истории Китая, как известно, тайные общества являлись огромной социальной силой. После создания КНР в течение длительного времени каких-либо сведений об их деятельности не появилось. Однако в последние годы тайные организации вновь заявили о себе, как бы возродившись «из небытия». Противоправная деятельность этих организаций нарушает общественный порядок, угрожает жизни и имуществу граждан, что, естественно, вызывает озабоченность общества и правительства. Современные тайные мафиозные объединения стали серьезной социальной проблемой КНР.

Эти организации имеют ряд особенностей. Они появились на территории всей страны, причем не только в городах, но и в деревнях. В таких крупных центрах, как Шанхай, Нанкин, Пекин, Чунцин, Сиань, Шэньян, Цзинань, Гуйян, их деятельность уже нельзя игнорировать, а в особых районах (Шэньчжэнь, Чжухай) и в городах побережья, главным образом в Гуанчжоу и на острове Хайнань, они особенно агрессивны. В 1989 г. председатель Верховного суда КНР Жэнь Цзянсинь в своем докладе, посвященном вопросам правопорядка, подчеркивал: «Преступные элементы, занимающиеся грабежами и вымогательствами, часто совершают организованные преступления, некоторые из которых носят ярко выраженный мафиозный характер». По сообщению газеты «Наньфан жибао» от 15 октября 1989 г., в Шэньчжэне в ходе операции против мафии было арестовано 359 человек, которые являлись членами преступных объединений и братств (банхуэй). В специальной корреспонденции журнала «Фалюй юй шэнхо» («Закон и жизнь». — 1990. — № 5) сообщалось, что в уезде Аньюэ провинции Сычуань сейчас насчитывается не менее 50 братств, которые носят феодальный характер и действуют в деревнях и городских поселках всего уезда.

О распространенности тайных организаций по всему Китаю свидетельствует, в частности, тот факт, что в мае 1989 г. в окрестностях Циндао собралось свыше 300 молодых людей, чтобы заняться там тренировками по традиционной борьбе ушу. Согласно показаниям арестованного главаря «Шисинбан» («Братства десяти звезд»), эти люди являлись посланцами «банов» всего Китая, которых, по его данным, в стране насчитывается около 500. Причем некоторые из них имеют более 400 членов. Наиболее могущественными среди братств являются дунбэйский «Чжэнлунбан» («Братство истинного дракона»), шаньдунский «Хайцюаньбан», шанхайский «Чжэньчжунбан» («Братство, сотрясающее страну»), цзянсийский «Бохубан» («Братство спящего тигра»).

Эти факты, хотя официальные статистические данные и отсутствуют, говорят о существовании в стране значительного числа подобных организаций.

Как уже отмечалось, большинство современных тайных братств являются организациями мафиозного типа. Они занимаются разного рода противозаконной экономической деятельностью, в том числе посредничеством, спекуляцией, продажей наркотиков. Со многими происходит эволюция от мелких вымогательств и рэкета до организованных

грабежей. В особых районах Китая участились случаи, когда группы в 10 и более человек приходят в фешенебельные рестораны, заказывают ужин, а затем, отказываясь платить, устраивают драку и скрываются. Нередко члены тайных братств намеренно провоцируют различные конфликты, драки, нападают на полицейских.

Большинство мафиозных организаций Китая вооружены крайне примитивно. В их арсенале главным образом деревянные палки, самодельные ружья, даже камни. Правда, у некоторых имеется и современное оружие. Члены братств владеют искусством традиционной борьбы, привлекая для обучения мастеров по ушу.

Деятельность современных тайных организаций носит локальный характер, и каждая из них как бы привязана к месту своего возникновения, хотя уже и начинает просматриваться стремление постепенно расширить сферу своего влияния. Намечается тенденция и к сотрудничеству между отдельными организациями, о чем свидетельствуют упомянутые выше совместные тренировки членов братств, а также намерение руководящей верхушки создать всекитайскую организацию, председателем которой должен стать победитель соревнований по ушу.

Нынешняя локальность организаций, территориальная узость их деятельности на данном этапе в известной степени следствие относительной малочисленности каждого из братств. Самые крупные из них насчитывают несколько сот человек, а самые малочисленные — менее 10. Наиболее распространенная численность — 30—40 человек.

Современные тайные общества Китая объединяют главным образом молодых людей с низким уровнем культуры. Возраст их колеблется от 12 до 30 лет с преобладанием в 18—20 лет. Они принадлежат к различным социальным группам и категориям населения. Среди членов братств есть крестьяне, безработные, люди, ожидающие работу, учащиеся школ, преступники, отбывшие срок наказания в исправительных колониях, отдельные представители мафиозных организаций Сянгана, Аомыня. Социальный состав отдельных объединений отличается относительной однородностью. В одних преобладают крестьяне, в других — безработные. В более чем 10 братствах Шанхая преобладают учащиеся средних школ. Значителен процент учащихся и в объединениях Шэньчжэня, одно из которых насчитывает более 100 учеников средних школ. Существуют также и неоднородные по составу организации. Так, братство «Сянмабан» в Шэньчжэне наполовину состоит из учеников, а наполовину из работающей молодежи и лиц, ожидающих работу.

Среди членов братств высок процент лиц, которые после освобождения из трудовых колоний не оставили преступную деятельность, причем они играют весьма заметную роль в этих организациях. Бывшие преступники, обладая опытом, нередко сами создают братства из незрелой молодежи, передают им свои навыки, обучают своему ремеслу, выступают в роли наставников. В целом молодые члены братств отличаются недостатком воспитания и образования. Они агрессивны, не умеют сдерживать эмоций, легко раздражаются, приходят в ярость.

Существенной особенностью тайных организаций КНР является влияние на них мафии Сянгана и Аомыня. Проведение в КНР реформ, создание открытых зон стимулировало проникновение на континент мафиозных элементов, которые занимаются здесь преступным бизнесом и создают свои организации. В Шэньчжэне появились братства, имеющие тесный контакт с мафией Сянгана, Аомыня. В мае 1987 г. газета «Гуандуншэн гуаньбао» сообщала, что в провинции появилось немало преступных элементов из Сянгана и Аомыня, методы которых крайне жестоки и беспощадны. Количество арестованных из числа этих лиц по сравнению с 1986 г. возросло в 4 раза. Все это создало серьезную угрозу общественному порядку в провинции.

В последнее время полиция Чжухая приняла специальные меры, чтобы препятствовать проникновению в КНР мафиозных элементов. В 1989 г. была раскрыта тайная организация, состоявшая из 24 человек, прибывших из Сянгана. В октябре 1988 г. в Чжухае в ходе борьбы с организованной преступностью был схвачен главарь тайной организации. Этот 32-летний мужчина с 13 лет состоял в мафии Аомыня, неоднократно арестовывался местной полицией за участие в наркобизнесе. В 1986 г. он вместе с женой вернулся на родину в Чжухай и через полгода приступил к созданию организации, в которую ему удалось привлечь свыше 40 человек, главным образом учащихся.

Важной особенностью современных тайных обществ КНР является их определенная приверженность традициям. Они унаследовали отдельные черты и атрибуты тайных

обществ старого Китая. Это коснулось организационной структуры, правил поведения, ритуалов, тайного языка и паролей.

Современные братства построены по вертикальному принципу. Во главе каждого из них стоит лидер, именуемый «лаода» (главарь) или «банчжу» (хозяин братства), в подчинении которого находится ранг руководителей, отвечающих за различные конкретные аспекты деятельности организации, в том числе улаживание конфликтов между членами, контроль за выполнением правил поведения, прием новых членов и т. д. Руководящая верхушка является своеобразным «мозговым центром» и занимается разработкой преступных операций, то есть определяет объекты нападения, время, методы и т. д. По сути, братства являются феодално-патронимическими организациями, главари которых обладают неограниченной верховной властью. Относительно крупные организации делятся на отдельные отряды, имеющие свои собственные наименования. Каждый член братства в зависимости от возраста принадлежит либо к большому, либо к малому отряду и подчиняется распоряжениям и приказам своего командира.

Братства имеют свой кодекс поведения, который прежде всего предусматривает верность и подчинение руководителю, строгое соблюдение дисциплины, а также регулирует отношения между членами. Нарушители правил подвергаются различным методам воздействия и наказаниям, в том числе и телесным. Правилами предусматривается и исключение из организации за провинности. Главари братств строго следят за соблюдением кодекса, особенно за дисциплиной.

Ритуал вступления в братства во многом традиционен. Вступающий должен заручиться рекомендацией одного из членов общества. Во время церемонии он громко произносит текст клятвы, дает присягу на верность главарю, затем выпивает чашу вина, смешанного с кровью петуха, и после этого становится побратимом. Текст клятвы представляет собой набор определенных, во многом традиционных идей. Вступающий заявляет о том, что он стал кровным братом остальных членов организации, а потому готов делить с ними свое богатство и разделить трудности. Он обязуется не бояться холодного и огнестрельного оружия, тюрьмы и смерти. Каждая организация вносила свои нюансы в церемонию вступления. Так, члены «Юибана» («Братства дружбы») уезда Аньюэ провинции Сычуань после клятвы кровью петуха писали на белом холсте свои имена и в последовательности написания рассаживались для продолжения ритуала.

Тайные организации КНР имеют также и свои атрибуты принадлежности к братству, своеобразные членские билеты. Так, знаком принадлежности к шанхайскому «Братству священного сокола» является фарфоровая тарелочка, на которой изображен приготовившийся к бою сокол. У членов «Братства жизни и смерти» на предплечье имеется татуировка, изображающая сигарету, что символизирует единение в жизни и в смерти.

Почему в Китае подняли голову мафиозные силы, каковы причины возрождения исчезнувших в свое время братств? На это есть особые основания и социальные причины.

Прежде всего, развернувшаяся в стране реформа привела к одновременному существованию двух систем — старой и новой, стимулировала конфликт между старыми и новыми представлениями и стереотипами. Процесс перехода от старой структуры к новой сопровождается возникновением нестабильности в повседневной экономической жизни людей. Оживление мафиозных организаций явилось одним из проявлений этой нестабильности.

Существуют и более конкретные причины возрождения братств:

1. Рост производства, материального благосостояния за годы реформы соседствовал с относительным пренебрежением к культуре и духовности. У молодежи появился интерес к различным формам нездорового образа жизни (секс, наркотики), к праздному времяпровождению. Молодые люди собираются группами, придумывают себе сомнительные развлечения, что приводит их в конце концов на путь преступлений.

2. В последние годы в городах и деревнях значительно выросло число безработных, что также стимулировало рост братств. Молодые люди в городе, ожидающие работы, легко объединяются, создают организации, занимаются преступной деятельностью. С началом реформ в Китае выросло число приехавших людей в городах, осо-

бенно в Шанхае. Если в 50-е годы в Шанхае насчитывалось около 100 тыс. пришлых, то в 1988 г.— более 2 млн. В ходе проведенных полицией города операций было арестовано 7733 преступника из числа пришлых людей.

Кроме того, в Шанхае и других городах появилась целая армия нищих, насчитывавшая в 1986 г. около 1 млн человек. В основном это организованные нищие, профессионалы. Они создают свои объединения и занимаются попрошайничеством и вымогательством.

3. Проникновение на материк мафиозных элементов из Сянган, Аомыня и других районов диаспоры также содействует возрождению тайных обществ. В последние годы мафиозные организации Сянган, Аомыня, Тайваня развернули активную деятельность в КНР. Они занимаются наркобизнесом, создают собственные организации, налаживают контакты с братствами КНР, что подтверждается многочисленными фактами.

Перевод китайского языка Костяевой А. С.

(Окончание. См. 62 стр.)

²⁰ См.: Кусано Ацуси. Тайнити ацурёку дзюни нэнкай-то кодзай=Усиление давления США на Японию // Тюо корон.— 1989.— № 4.— С. 180—194; Исихара Синтаро. «Ноу»-ва но дэ ару=Надо говорить «нет» // Бунгэй сюндзю.— 1989.— № 9.— С. 94—111.

²¹ In: Takeuchi Yasuo. Japan and the World in the 1990 // Japan Echo.— 1990.— № 1. Р. 6.

²² См.: Сакая Таити. 90-нэндай сэкай ва ко кавару=Мир в 90-е годы будет меняться следующим образом // Voice.— 1990.— № 1.— С. 102—113; Синохара Миёси. Сэкай ханъёй-но модэру ва канэмоти Нихон га цукуру=Богатство Японии создаст процветающую модель мира // This is.— 1990.— № 1.— Р. 35—55.

(Окончание. См. 72 стр.)

²¹ Имеются в виду симпозиумы, состоявшиеся в Сан-Августине под Бонном (ФРГ, октябрь—ноябрь 1988 г.), Сингапуре (сентябрь 1988 г.), Пекине и Цюйфу (КНР, октябрь 1989 г.). См.: Белоусов С. Р. Конфуцианство и модернизация Китая // Проблемы Дальнего Востока.— 1989, № 5; The Summary of Academic Paper of the 2540-th Anniversary of the Birth of Confucius and the Academic Symposium.— V. 1—2.— Beijing, 1989.

²² См.: Меликсетов А. В. О традиционности государственного регулирования экономической жизни в Китае // Роль традиций в истории и культуре Китая.— М., 1972.

²³ В 10 г. н. э. Ван Ман установил государственную монополию на некоторые важнейшие промыслы и регламентировал рыночные цены, кредитно-ростовщические операции и т. п., что мотивировалось необходимостью ограничить концентрацию земли у крупных землевладельцев и рост капиталов у небольшого числа купцов и ростовщиков // Hu Shi. Wang Mang, The Socialist Emperor of Nineteen Centuries Ago // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society.— 1928.— V. 59.

²⁴ Chang C. The Third Force in China.— New York, 1952.— P. 14.

²⁵ Пипань чжунго цычаньчэцзи чжуцзянь лусянь цанькао цзыляо=Справочные материалы по критике среднего курса китайской буржуазии.— Т. 4.— Пекин, 1958.— С. 177, 179.

В. УСОВ

Судить о человеке надо, основываясь главным образом на его обыденных поступках, наблюдая его повседневное существование.

М. Монтень

В Пекине был пасмурный, морозный день. Дул резкий ветер. Кончался год Зайца по восточному календарю, оставалось 15 дней до нового, 1976 года. Шел девятый год «культурной революции», оставалось 9 месяцев до кончины Мао Цзэдуна.

В 8 часов вечера 16 декабря 1975 г. по центральному радио в обзоре новостей было сообщено, что в этот день в 6 часов 5 минут по пекинскому времени после продолжительной болезни в столице на 77-м году жизни скончался член ЦК КПК, советник Группы по делам культурной революции при ЦК, заместитель Председателя ЦК КПК и заместитель Председателя Постоянного комитета ВСНП Кан Шэн.

После этого сообщения, которое быстро разлетелось по стране, многие китайцы приглашали к себе домой своих друзей и знакомых, крепко закрывали двери и предлагали выпить «за упокой души владыки ада» и с удовольствием пили до дна без печали и горечи на лице, довольные и счастливые.

Однако официально Пекин и вся страна были в трауре. Прощание с телом покойного проходило во Дворце культуры трудящихся. 21 декабря в знак скорби были приспущены государственные флаги. Как и полагалось по церемониалу, в Доме народных собраний на площади Тяньаньмэнь был организован траурный митинг, который вел заместитель Председателя ЦК КПК Ван Хунвэнь. В зале, где проходила панихида, стояли урна с прахом покойного и его портрет в траурной рамке. С портрета смотрел человек с реденькими усиками, тонкими губами, высокими светлыми бровями, одетый в суньятсеновский френч, в тонких роговых очках. Стояли венки от Мао Цзэдуна, Чжу Дэ, Чжоу Эньлая, Ван Хунвэня, Е Цзяньина, Дэн Сяопина, Сун Цинлин и Чжан Чуньцяо, а также от ЦК партии, правительственных и военных органов и организаций.

В первых рядах скорбящих можно было увидеть активных проводников «культурной революции» — Цзян Цин, Яо Вэньюаня, Ван Дунсина, Ван Хунвэня, У Дэ, Чэнь Юнгуя, а также тех, кто был недавно реабилитирован или же смог удержаться у власти в волнах «культурной революции» — Е Цзяньина, Дэн Сяопина, Чэнь Юня, Ли Сяньняня, Хуа Гофэна, Тань Чжэньлиня, Уланьфу, Гу Му, Ван Чжэня, Не Жунчжэня, Сюй Сяняня. Были на церемонии и родные Кан Шэна — член ЦК КПК, «старый соратник и супруга» покойного Цао Йоу, сын Чжан Цыши и другие члены семьи покойного.

В траурной речи Кан Шэн был назван «преданным революционным борцом китайского народа, лучшим членом КПК», «партийным и государственным руководителем, пользовавшимся любовью всего китайского народа».

Через три года на III пленуме ЦК КПК 11-го созыва было принято решение о проведении расследования дела Кан Шэна. Комиссия по проверке дисциплины ЦК КПК, созданная по решению данного пленума и возглавляемая Чэнь Юнем, занялась этим делом и к сентябрю 1980 г. подготовила доклад для ЦК КПК по расследованию дела Кан Шэна. 16 октября 1980 г. ЦК КПК на основании этого доклада и «неопровержимых доказательств» принял решение: 1. предать гласности для всей партии и в соответствующее время народу всей страны контрреволюционные преступления,

совершенные Кан Шэном, аннулировать «траурную речь», произнесенную при его захоронении; 2. исключить Кан Шэна из партии»¹.

Таким образом, у читателя может возникнуть законный вопрос: кто же этот человек — «преданный революционер», «лучший член КПК» либо «контрреволюционный преступник»?

Краткое изложение биографии Кан Шэна поможет ответить на данный вопрос.

Кан Шэн (Чжан Цзункэ) родился зимой 1898 г. в год Собаки (собака, по китайским суевериям, кровавадна и вероломна) в уезде Цзяокань провинции Шаньдун в богатой помещичьей семье.

Чжан Ван, так звали маленького Кан Шэна, рос умным, смышленным и шаловливым. Он был гордостью родителей. В 8 лет ему наняли частного учителя, с которым он занялся изучением канонических книг. Первой из них стало «Троеслобие», обязательное для изучения в школе уже на первом году учебы. В книге, написанной в XIII в., кратко излагается сущность конфуцианской морали, прославляются древние мудрецы, описываются важнейшие исторические события. Далее он перешел к штудированию старинного трактата X в. — «Фамилии ста семей», — который представляет собой зарифмованный список часто встречающихся китайских фамилий. Следующей книгой был «Тысячесловник», написанный в VI в. и состоящий из тысячи ни разу не повторяющихся иероглифов. Затем последовали «Четверокнижие», или «Малый канон», появившийся в XII в. и включающий произведения, выражающие основы конфуцианства, и «Пятикнижие», куда входят «Книга обрядов», «Книга перемен», «Книга истории», «Книга песен» и летопись «Чуньюнь» («Весна и осень»). Этим премудростям мальчик учился до 13 лет, а затем был направлен отцом в Циндао, где находилась довольно известная в то время школа, основанная немецкими миссионерами в 1890 г. В ней изучались не только традиционные китайские учебники и книги типа «Четверокнижия» и «Пятикнижия», но и некоторые достижения общественной и научной мысли Запада².

После окончания школы, а затем и учительских курсов юноша попытался устроиться на службу либо в военное ведомство, либо в органы власти, но в конце концов стал работать учителем начальной школы в уезде Чжучэн родной провинции. Волны движения «4 мая» 1919 г. вскоре докатились и до здешних мест, и молодой Кан Шэн стал подумывать о необходимости перебраться в какой-нибудь крупный китайский город. В конце концов весной 1924 г. он уехал в Шанхай, где поступил в Шанхайский университет — первое учебное заведение в Китае по подготовке революционных кадров и руководимое коммунистами. Деканом факультета общественных наук здесь был Цюй Цюбо, заведующий хозяйственным отделом Дэн Чжунся, часто выступал в университете и Ли Дачжао.

В 1925 г. Кан Шэн, будучи студентом, вступает в ряды КПК. В феврале 1925 г. он участвует в знаменитой февральской забастовке в Шанхае, которую возглавляли Дэн Чжунся и Ли Лисань. Затем он работал в забастовочном комитете «движения 30 мая» 1925 г. в Шанхае, которым руководил Ли Лисань, Лю Шаоци и Лю Хуа. Кан Шэн был одним из руководителей трех вооруженных восстаний в Шанхае в 1926 — 1927 гг., работал в шанхайской федерации профсоюзов, которую возглавлял Ли Лисань, секретарем бюро специальной партийкеи Шанхайского университета, секретарем Хучжунского, Чжабэйского, Хусиского и Худунского райкомов партии в Шанхае. С 1928 г. был членом Цзянсуского провинциального комитета КПК, заведующим орготделом и начальником секретариата этого комитета³. В 1930 г. на III пленуме ЦК КПК 6-го созыва он был избран членом Центральной ревизионной комиссии⁴.

С конца 1929 г. Политбюро КП КПК фактически возглавил Ли Лисань, заведовавший отделом агитации и пропаганды. Под его влиянием ЦК КПК, игнорируя оценки и рекомендации Коминтерна, с начала 1930 г. стал оценивать положение в стране как непосредственную революционную ситуацию. Партийное руководство требовало «организовать политическую борьбу рабочих, восстания на местах и бунты в армиях», увязывать «солдатские бунты с планом восстания в общегосударственном масштабе»⁵. Оно считало полезным для китайской революции провоцирование войны между СССР и империалистическими державами, выступало за создание в советских районах колхозов. Таким образом, в 1930 г. в КПК оформилась авангардистская по форме, националистическая и авантюристическая по содержанию платформа. Попытки ее осуществления нанесли тяжелый ущерб силам партии, ее позициям, особен-

но в городах, и явились одной из причин дальнейшего ослабления связей КПК с рабочим движением⁶.

При помощи Коминтерна здравомыслящим силам в КПК удалось остановить осуществление этой пагубной линии и укрепить партию, Красную армию, Советы. Ли Лисань был отстранен от руководства ЦК. В то время Кан Шэн опасался, что его могут обвинить в проведении линии Ли Лисаня, учитывая, что вместе с ним он работал в Шанхае. Однако этого не случилось, и ему удалось не только удержаться, но и быстро продвигаться вверх по партийной лестнице: если в конце 1929 г. он был заведующим орготделом провинциального парткома, то уже в 1930 г. стал сначала начальником секретариата орготдела ЦК КПК, а затем, не без помощи Ван Мина, заведующим орготделом ЦК партии. На V пленуме ЦК КПК 6-го созыва в январе 1934 г. он был избран членом ЦК и членом Политбюро ЦК КПК⁷.

Рост антияпонского движения в Шанхае, имевшего в то же время и ярко выраженный антигоминьдановский характер, вызвал ответный террор со стороны правящих властей. Свирепствовала гоминьдановская охранка. Для кровавых расправ с патриотами в марте 1932 г. в Китае была создана фашистская террористическая организация «Возрождение» (так называемые синерубашечники). В конце августа 1932 г. синерубашечники разгромили помещение Антиимпериалистической лиги в Шанхае и обстреляли находящихся в нем членов лиги. Были арестованы некоторые передовые деятели китайской литературы и искусства. Компартия в Шанхае ушла в глубокое подполье. Кан Шэн в это время был ответственным за обеспечение безопасности центральных партийных органов в Шанхае. Однако созданная и возглавляемая им служба безопасности, по данным Отто Брауна, скандально провалилась: в Шанхае в 1934 г. произошли массовые аресты руководящих сотрудников партии и была захвачена радиостанция Коминтерна, из-за чего на долгое время прервалась связь ЦК с внешним миром. И об этом знали все в ЦК КПК⁸.

По мнению китайского биографа Кан Шэна, последний, опасаясь ареста и пытаясь замаять свою деятельность в Шанхае, решил, что лучшим и безопасным местом для существования будет Советский Союз. Вскоре ему удалось реализовать свои замыслы, и в один из июльских дней 1933 г. он вместе со своей женой Цао Йоу и младшей свояченицей выехал из Шанхая. Приехав в Москву, он с 1933 по 1935 г. был заместителем руководителя делегации КПК в Коминтерне (руководителем был Ван Мин). В Москве Кан Шэн жил в гостинице «Люкс» (ныне «Центральная») на одном этаже с Ван Мином, в хорошем номере с коврами, ванной, старинной мебелью, приемной, кухней. При входе в гостиницу стоял вооруженный охранник, во время передвижения по Москве Кан Шэна также сопровождал телохранитель. Весьма характерно в эти годы его отношение (хотя бы внешнее) к Ван Мину. «В Москве Кан Шэн буквально бежал по пятам за Ван Мином,— отмечал в своем дневнике связной Коминтерна в Яньани П. П. Владимиров,— и откровенно заискивал перед ним. Он всячески подчеркивал свое восхищение знаниями и культурой Ван Мина, восхвалял товарищей Димитрова и Мануильского». По рассказам самого Ван Мина, Кан Шэн, который официально подчинялся Ван Мину как главе делегации, на всех заседаниях и собраниях первый вскакивал, горячо аплодировал и кричал иступленно: «Ваньсуй!..» (Да здравствует!..)⁹. Кстати сказать, эту привычку Кан Шэн сохранил и в дальнейшем, но уже в отношении Мао Цзэдуна.

Летом 1935 г. Кан Шэн был делегатом VII конгресса Коминтерна, на котором Ван Мин был избран кандидатом в члены Секретариата Исполкома и членом Интернациональной контрольной комиссии Коминтерна¹⁰.

1 декабря 1934 г. в Смольном в 16 часов 37 минут двумя выстрелами в упор был убит С. М. Киров. В официальной «версии» убийства Кирова говорилось, что его убийца Л. Николаев является участником «антисоветской подпольной троцкистско-зиновьевской группы», по поручению которой он якобы и совершил убийство. Л. Николаев и его «группа», состоявшая из 13 человек, Военной коллегией Верховного суда СССР 28 и 29 декабря были признаны виновными и расстреляны в ночь с 29 на 30 декабря 1934 г. в Ленинграде. Как вспоминал Н. С. Хрущев, «Киров был убит, а затем началась массовая резня... Если поднять сейчас фамилии тех, кто был тогда арестован, то прежде всего это коснулось старых большевиков, людей ленинской школы, которые занимали ведущее положение в партии и были расставлены на решающих участках... Если кто-нибудь «под настроение» что-то ляпнул, то и этого

было достаточно, чтобы попасть в соответствующие списки и потом быть высланным или уничтоженным»¹¹. Массовые репрессии велись под лозунгом «борьбы и подавления троцкистской оппозиции».

Именно в этот период Кан Шэн зашел в канцелярию Ван Мина и заявил, что состав китайских кадровых работников и членов партии, находящихся на учебе в СССР, весьма неоднороден: кто-то приехал из белых районов, кто-то из революционных баз, кто-то из крупных городов, а кто-то из деревень, — что среди них встречаются и честные люди, и негодяи. Далее он предложил «провести кампанию по подавлению троцкистов» в их среде, «почистить ряды» с помощью «Ветра с Востока». Вскоре была создана «канцелярия по чисткам», власть в которой прибрал к своим рукам Кан Шэн. Он имел связи с НКВД и с их помощью начал производить аресты китайцев, находящихся в СССР, приклеивал им ярлыки «предателей, спецагентов, шпионов и троцкистов». «изменников Родины»¹². В общежития, номера гостиниц под покровом ночи врвались сотрудники НКВД и уводили неизвестно куда китайцев, которые часто исчезали бесследно.

Так случилось и с Сяо Шоухуаном, уроженцем Гуандуна, который в 1932 г. работал в органах ЦК и хорошо знал о деятельности Кан Шэна того времени, когда последний под именем Чжао Жуна погубил немало людей, приклеив им ярлык «предатель Родины». После ареста Кан Шэн сам продолжительное время его допрашивал, вынуждая к признаниям, в результате чего допрашиваемый скончался¹³. Аналогичный случай произошел и с У Хуцзином, уроженцем Дунбэя. С 1929 г. он работал в орготделе ЦК, затем в Дунбэе на должности секретаря парткома Северной Маньчжурии, в 1932 г. был вновь переведен в Шанхай в Военный комитет ЦК КПК, а летом 1933 г. стал ответственным сотрудником одного из учреждений ЦК партии. Когда У приехал в Москву на учебу, он был занесен Кан Шэном в «черный список» и объявлен «спецагентом и предателем», а затем передан органам НКВД, посажен в тюрьму и приговорен к смертной казни¹⁴. Такая же участь постигла и Ван Моу, который в 1932 г. работал вместе с Кан Шэном в Шанхае, а затем стал секретарем парткома Маньчжурии. В 1934 г. он приехал в Москву, затем работал в газете «Цюю шибяо». Глубокой ночью в один из весенних дней 1937 г. он был арестован в своей квартире. «Какие законы я нарушил?» — спросил Ван Моу при аресте. «Этот вопрос ты лучше адресуй своему руководству, — последовал ответ. — А мы только выполняем приказ». После этого Ван Моу был препровожден в тюрьму¹⁵.

Приложил руку Кан Шэн и к аресту в Москве Ли Лисаня. Перед своим возвращением на родину Кан Шэн сообщил в органы НКВД: «Ли Лисань — троцкист, это опасный человек»¹⁶. Ли Лисаня арестовали и посадили в тюрьму, где он просидел, по данным его жены Е. П. Кишкиной, 22 месяца¹⁷. Он был освобожден только после того, как приехавший в Москву на лечение Чжоу Эньлай, услышав новость об аресте Ли Лисаня, провел переговоры с заинтересованными ведомствами. Кстати, Чжоу Эньлаю прямо заявили, что Ли Лисань «арестован на основе предложения китайской делегации, находящейся в Советском Союзе»¹⁸.

Некоторые зарубежные историки высказывали предположение, что в эти годы Кан Шэн активно сотрудничал с органами НКВД, а другие прямо заявляли, что он просто является агентом НКВД. Следует сказать, что его действия в Москве в 1934—1937 гг. дают на это достаточно веские основания, однако определенно это можно будет утверждать лишь только тогда, когда архивные материалы КГБ подтвердят или опровергнут эту имеющую хождение версию.

В ноябре 1937 г. Кан Шэн вернулся в Китай, в Яньань. Однако в 1938 г. он, видимо, вновь появился в Москве, о чем, однако, умалчивают его официальные биографии, изданные в КНР и за рубежом. В воспоминаниях секретаря парткома уезда Мишань Чу Чжиюаня, который в 1936 г. был направлен на учебу в Москву в Коммунистический университет трудящихся Востока, утверждается, что в феврале 1938 г. в университете неожиданно появился Кан Шэн, где, собрав более ста китайцев-учащихся, заявил, что Чу Чжиюань во время подпольной работы в Дунбэе передавал информацию представителям советских пограничных войск, а приехав в Москву, посетил посольство Гоминьдана в СССР и не доложил об этом в организацию. И только в результате широкой поддержки тех, кто хорошо знал Чу, а также Ян Шанкуня, который присутствовал на собрании, удалось отстоять обвиняемого. В заключение Кан Шэн все же заявил: «Хорошо, мы продолжим более детальное расследование». По

словом автора воспоминаний, во второй половине 1938 г. Кан Шэн вернулся в Китай¹⁹.

По возвращении на родину Кан Шэн начал преподавать в Антияпонской военной академии. Сейчас трудно сказать, имел ли он отношение к раскрытию «заговора» сторонников Чжан Готао в военной академии в Яньани в 1937 г., якобы «готовивших антипартийный военный переворот», в результате чего многие участники этого «заговора» были приговорены к тюремному заключению, но совершенно очевидно, что, воспользовавшись этим, Кан Шэн занял одно из вакантных мест в академии. Следующая должность Кан Шэна — ректор партийной школы при ЦК КПК — пост, который ему весьма импонировал благодаря в первую очередь возможности воспитывать высшие партийные кадры. В частных беседах Кан Шэн часто сравнивал себя с Чан Кайши, который тоже, будучи начальником Военной академии Вампу, подготовил надежные силы, с помощью которых совершил затем переворот.

1 января 1938 г. Кан Шэн в № 29—30 журнала «Цзефан», издававшегося в Яньани, опубликовал свою статью «Искоренить троцкистских бандитов, которые являются общими врагами нации и шпионами японских захватчиков». Эта статья явилась началом массовой кампании «упорядочения» кадровых работников партии и административного аппарата Яньани, которая затем распространилась и на всех патриотических деятелей районов, занимаемых Гоминьданом. Учитывая, что к этому времени возникли острые разногласия между Мао Цзэдуном и Чжан Готао, Кан Шэн решил сделать ставку на первого и выступил против второго, назвав последнего «японским шпионом» и прилепив ему дело 1932—1933 гг., во время его пребывания в Шанхае²⁰.

К этому времени многие члены КПК поставили вопрос о необходимости созыва в конце 1938 г. VII съезда КПК. Руководством партии принимается решение о проведении подготовительной работы к съезду, для чего был создан специальный комитет, членом секретариата которого становится Кан Шэн. Съезд в то время, однако, проведен не был, а вместо него состоялся 6-й пленум ЦК КПК, сформировавший секретариат, в состав которого вошел Кан Шэн, назначивший руководителей отделов, комитетов и бюро.

В эти годы Кан Шэну удается сосредоточить в своих руках несколько постов: по решению ЦК он становится заведующим социальным отделом (созданным в октябре 1939 г.)²¹ и начальником отдела информационной службы, который затем образуется в управление информационной службы. «Кан Шэн занимает пост шефа Цинбаоцзюй — начальника управления информационной службы Освобожденных районов Китая, которое объединяет функции разведки, контрразведки, юстиции, суда, прокуратуры, информации. — писал в своем дневнике П. Владимиров. — К 1941 году Кан Шэн превратил управление в мощную службу, присовокупив к ней и многие функции Генерального штаба»²². Одновременно он продолжает оставаться ректором партийной школы.

Должности заведующего социальным отделом и отделом информационной службы были очень важны для Кан Шэна: он отлично понимал, что судьбы многих кадровых работников в партии, их жизнь или смерть находятся в его руках, что именно он определяет, кто из них является «чистым», у кого «все благополучно», а кто «спецагент», «троцкист» и «изменник Родины». Одновременно Кан Шэн установил связи с различными тайными обществами, которые имели сеть хорошо законспирированных организаций, не только внутри страны, но и за рубежом, среди китайских эмигрантов. «Кан Шэн пользуется этими организациями в террористических, диверсионных и шпионских целях, — пишет П. Владимиров. — В тайных обществах жестокая дисциплина, и отступников чаще всего умертвляют»²³.

Приближался 1941 год, год новой «охоты на ведьм» в партии под флагом «упорядочения стиля» — «чжэнфэна».

Начало кампании было положено публикацией ряда документов и выступлений, относящихся к 1941 г.: предисловие и послесловие Мао Цзэдуна к сборнику материалов об обследовании деревни, его же доклад «Перестроим нашу учебу», резолюция Политбюро ЦК КПК от 1 июля 1941 г. «Об усилении партийности», резолюция ЦК КПК от 1 августа 1941 г. «Об обследовании и изучении действительности». В этих документах критиковался «субъективизм и формализм», «догматизм», «заморские шаблоны». 2 сентября 1941 г. «Цзефан жибао» поместила редакционную статью «Против догматизма в учебе», в которой отмечалось, что еще в 1938 г. на 6-м пленуме ЦК КПК

«вождь нашей партии товарищ Мао Цзэдун» обратился с призывом изучать марксистско-ленинскую теорию, историю и конкретные условия Китая, покончить с «заморскими шаблонами и догматизмом», «китанизировать» марксизм. И хотя минуло уже три года после этих указаний Мао Цзэдуна, подчеркивалось в статье, для их реализации не было сделано ничего или сделано крайне мало. Как утверждалось в передовице, «догматизм» по-прежнему сохранялся в системе учебы кадровых работников и партийных ячейках²⁴. Такие утверждения явились идеологической базой «кампании упорядочения стиля». Осенью 1941 г. была образована Центральная комиссия по проверке кадров (партийных и беспартийных) при ЦК КПК во главе с Кан Шэном. 26 сентября 1941 г. ЦК КПК постановил создать учебные группы для кадровых работников высшего звена, а 4 октября был разослан циркуляр ЦК о содержании обучения в них. Руководителем такой группы в ЦК КПК стал Мао Цзэдун. В июне 1942 г. уже был сформирован Главный комитет по учебе при ЦК КПК, председателем которого стал Мао Цзэдун, его заместителем Кан Шэн, а также были сформированы комитеты по учебе в учреждениях, непосредственно подчиненных ЦК КПК, возглавили которые Кан Шэн и Ли Фучунь²⁵.

1 февраля 1942 г. Мао Цзэдун выступил в Центральной партшколе с речью «Упорядочим стиль партии», по существу провозгласив тем самым начало «кампании по упорядочению партийного, учебного и литературного стилей». Это же было подтверждено в его речи «Против шаблонных схем в партии» от 8 февраля 1942 г. на собрании руководящих работников Яньани.

Для реализации своих планов Мао Цзэдун создал так называемую Центральную комиссию по проведению «кампании по упорядочению стиля». Состав ее был подобран лично Мао Цзэдуном: Кан Шэн, Лю Шаоци, Чэнь Юнь, Пэн Чжэнь, Гао Ган и Ли Фучунь, до января 1943 г. председателем комиссии был Кан Шэн. Как замечал П. Владимиров, члены комиссии были целиком во власти и под влиянием Кан Шэна. А работа комиссии, слившись с «чжэнфэном», приняла уродливые формы²⁷.

В одной из обобщающих работ историков КНР, посвященных революционному движению в Китае, говорится, что «к концу 1942 г. упорядочение стиля и учеба в Яньани в основном были завершены, но в процессе углубления движения были выявлены троцкистская группа Ван Шивэя и другие контрреволюционные элементы. Поэтому весной 1943 г. движение перешло в этап проверки кадров. В Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся и на территориях антияпонских баз Северного и Центрального Китая упорядочение стиля и учебы были в основном завершены летом и осенью 1943 г. Позже в большинстве этих районов упорядочение стиля и учебы были продолжены вместе с проверкой кадров»²⁸.

В марте 1943 г. в Яньани началось «движение по выявлению шпионов», проводившееся «ударными методами».

Иллюстрацией к использованию подобных «методов» может послужить один из городских партийных активов с участием 2 тыс. кадровых работников, состоявшийся в Яньцзялине в середине июля, где побывал П. Владимиров, записавший ход совещания.

Открывший совещание Пэн Чжэнь информировал собравшихся о серьезности положения — разоблачено большое число «гоминьдановских шпионов». «Особые органы, — сказал, распаяясь, Пэн Чжэнь, — не в состоянии выловить всех имеющихся в Яньани агентов...» После чего он вывел на сцену раскаявшихся шпионов. «Они рассказывали о своих действиях, в большинстве своем до глупости нелепых и надуманных, — писал в своем дневнике очевидец, — просили помиловать и клялись честно служить в рядах 8-й НРА под руководством Мао Цзэдуна... Взял слово Кан Шэн... Оская зубы, он размахивал руками и выкрикивал: «...Вы прекрасно осведомлены, что немало из ваших друзей уже под стражей! Не успеете разойтись по местам, как не застанете еще и других. И не удивляйтесь, если завтра многие из сегодняшних здесь тоже попадут под замок!.. Вы все шпионите на Гоминьдан! — кричал шеф цинбаоцзюя. — ...Раскаивайтесь — простим, но помните: не всякое раскаяние искренно. Процесс воспитания будет длительным!..»

Среди участников собрания находились специальные люди, следившие за реакцией присутствующих. Многих по тем или иным субъективным признакам брали на заметку как подозрительных. Речь Кан Шэна оказала терроризирующее воздействие на

охраняющих. Это впечатление не сняло и выступление Чжу Дэ, для которого такая направленность собрания оказалась неожиданной (хотя он входил в состав Политбюро ЦК КПК). Чжу Дэ высказался против незаслуженного оскорбления коммунистов.

«Неужели после этого собрания я должен потерять веру в своих товарищей и соратников? — спокойно сказал Чжу Дэ. — Неужели я должен отныне смотреть и жить со опаской, ожидая ареста своего или товарищей? Как вы смаете подобным образом относиться к партийному активу, лучшим людям партии, ее опоре?» Кстати сказать, Чжу Дэ не терпел Кан Шэна, и последний, очевидно, об этом знал, не случайно он причислил Чжу Дэ к группе Ван Мина и практически отстранил его от дел²⁹.

Как выбивались нужные Кан Шэну показания и признания, описывали очевидцы событий — советские люди: «В следственной части каншэновского ведомства кандидату в «японского или чанкайшистского наймита» предъявляют обвинение в измене... И сначала, естественно, никто не сознается, обвинение повторяется снова и снова...

Ночь сменяет день, день опять ночь — чередуются следователи, а несчастному ни минуты покоя: окрики, угрозы, требования сознаться, побои. В конце концов обесшаренный человек признается во всех смертных грехах — лишь бы поспать или избавиться от пыток... Каншэновские сотрудники настолько жестоки и беспощадны, что даже не останавливались перед арестами беременных женщин³⁰. Доказательством неправдивости этих записей советских людей являются новые материалы и факты аналогичных действий Кан Шэна, появившиеся недавно в Китае³¹.

Ван Мин, участник «чжэньфэна», также подтверждает эти данные: «...Не брезговали никакими средствами — арестовывали, жестоко пытали, избивали, чтобы добиться «признания». Людей шантажировали, подкупали, шельмовали на «массовых митингах» и «обрабатывали» на небольших собраниях, моральным и физическим террором доводили до невменяемости. «Признания» добивались при помощи допросов методом «крутящегося колеса» (метод, когда несколько человек поочередно, непрерывно, днем и ночью, допрашивают одного. Таким образом доводили человека до потери сознания, приводили в чувство и продолжали допрос либо заставляли при помутненном сознании «признаваться» в совершенных «преступлениях»). Особенно жестоким пыткам подвергались кадровые работники провинциальных и уездных парткомов, прибывшие из районов, находившихся под господством гоминьдана. Их специально вызывали для проведения «упорядочения стиля»... Тех же, кто отвергал свою причастность к «преступлениям», избивали и истязали. ...Временами прибегали просто к диким приемам. Например, приводили на «массовый митинг» преследуемого человека, клали перед ним на стол штык, чашу с ядом и веревку. Затем требовали от присутствующих громко скандировать: «Или сейчас же признавай себя контрреволюционером, или немедленно покончи с собой!», «Вот три способа самоубийства, можешь выбирать любой!»³² Один из современных китайских биографов Кан Шэна приводит случай, когда 19-летней девушке, которую арестовали и обвинили в шпионаже и которая отказывалась признавать обвинения, в пещеру, где она находилась, Кан Шэн приказал подбросить для устрашения и получения необходимых материалов двух больших ядовитых змей³³.

1 июля 1943 г. Кан Шэн от имени Центральной комиссии по проведению «чжэньфэна» опубликовал в «Цзефан жибао» статью под названием «К экстремному спасению оступившихся». Целью кампании, писал автор, является «спасение тех, кто, оступившись, стал национальным предателем, вражеским шпионом, контрреволюционером»³⁴. После этого повсеместно были организованы митинги, на которых обосновывалась необходимость «экстремного спасения» и провозглашалось вступление кампании «чжэньфэн» в новый период.

15 августа 1943 г. ЦК КПК принял решение о развертывании «движения по проверке кадров», фактически ставшего продолжением начатых в марте того же года кампаний «по выявлению шпионов» и «экстремного спасения». Ли Иминь, бывший в то время проректором Северо-Западного института и непосредственным участником кампании, в 1981 г. приводил такой факт: один из студентов Института искусств им. Лу Синя показал, что его товарищ Чжан Кэцин, студент Северо-Западного института, прибывший на учебу из парторганизации провинции Ганьсу, — шпион. На допросе Чжан сообщил, что его отец врач и в числе его пациентов были гоминьдановские чиновники. Не выдержав длившегося двое суток непрерывного допроса, он оговорил себя, заявив, что прибыл в Яньань для сбора шпионских сведений. На вопрос, откуда у него документ о членстве КПК, Чжан Кэцин ответил: «Подпольные парт-

организации Ганьсу используют прием в партию для того, чтобы с помощью красного знамени бороться против красного знамени... на деле они являются шпионскими организациями гоминьдана»³⁵.

1 апреля 1943 г. в Яньани ждали делегацию крупных гоминьдановцев во главе с Ху Цзунанем, а может быть, и самого Чан Кайши. Узнав об этой новости, Кан Шэн практически перевел Яньань на военное положение, так как, по его логике, делегация гоминьдановцев ехала в Яньань для встреч и контактов с предателями и шпионами, укrywшимися в КПК в этой местности. Ночью по приказу шефа цинбаоцзюя было арестовано более 200 человек³⁶. «Со дня на день ждут Чан Кайши или группу крупных гоминьдановцев во главе с Ху Цзунанем,— пишет в своем дневнике П. Владимиров.— Трудно понять, какая в этом целесообразность, но Яньань переведена на военное положение. Это в свою очередь вызвало целую волну арестов.

Стал спрашивать об арестах Кан Шэна. Разговор пришелся ему явно не по вкусу. Однако он все же сказал, что распоряжение об изоляции гоминьдановских и японских прислужников отдано руководством КПК»³⁷. Таким образом, как пишет китайский биограф Кан Шэна, гоминьдан оказал дополнительную услугу и дал повод шефу цинбаоцзюя к новым массовым арестам.

На одном из выступлений перед молодежью в апреле 1943 г. Кан Шэн, призывая молодых людей «чистосердечно признаваться» в шпионаже в пользу гоминьдана, заявил, что за 3 месяца уже более 450 человек признались в своих «преступлениях» перед партией. В другом выступлении на собрании перед членами партии он заявил, что «70—80 % коммунистов ненадежны в политическом отношении, это — различные агенты, предатели и плохие элементы»³⁸.

К тому времени, по некоторым данным, Кан Шэн со своим аппаратом уничтожил несколько сот тысяч человек. Самоубийством покончили более 20 тысяч. Только в Пограничном районе Шэньси — Ганьсу — Нинся обвинения в шпионаже и предательстве были предъявлены нескольким тысячам человек, в том числе большинству работников аппарата ЦК. В аппарате самого Кан Шэна было «разоблачено» до 80 % сотрудников, в Центральном госпитале — 90, в некоторых учреждениях — до 100 %³⁹. В школе связи третьего управления Военного совета из 200 с лишним учащихся были схвачены как «спецагенты» 170 человек, в педагогическом институте Суйдэ было обнаружено 230 «спецагентов», что составляло 73 % от общего числа студентов. Из 88 человек педагогической школы Гуаньчжун, участвовавших в кампании «чжэнфэна», было выявлено 62 «спецагента». В Яньаньском полку охраны неожиданно было обнаружено от 80 до 90 % людей, являющихся «агентами Гоминьдана». Только в одном уезде Лундун за 2 недели была обнаружена «организация агентов» из 200 с лишним человек. Даже в Секретариате ЦК было «выявлено» более 10 «спецагентов». Кан Шэн призывал свою службу «сомневаться во всем», «бить всех», «вынуждать к признаниям и верить таким признаниям», «безжалостно наносить удары», вести «бескомпромиссную борьбу». В материалах, одобренных Кан Шэном 8 октября 1943 г., о массовом митинге осуждения преступлений агентов Гоминьдана уезда Суйдэ, который проходил 10 дней с участием 2600 человек, говорилось, что выступили с «признанием своих преступлений» 280 человек и около 190 участников были разоблачены как шпионы. «Цзефан жибао» 22 сентября, информируя об обстановке на данном митинге, писала, что среди всех учащихся половина — «спецагенты». Характерно, что впоследствии, в ходе реабилитации уцелевших, было признано, что свыше 90 % «разоблаченных» службой Кан Шэна являлись невиновными⁴⁰.

«Шпионов уже перестали арестовывать — нет мест в каталажках», — записывает П. Владимиров в своем дневнике 29 июля 1943 г.⁴¹ Репрессиям и шельмованию подвергались как рядовые коммунисты, так и многие лидеры КПК. Бесспорно, главными объектами чистки, критики и давления в ходе «чжэнфэна» были известные деятели КПК — Чэнь Шаоюй (Ван Мин), которого Кан Шэн пытался отравить⁴², Цинь Бансянь (Бо Гу), Чжан Вэньтянь (Ло Фу), Ван Цзясян, Чжоу Эньлай, Ян Шанкунь, Чжу Жуй⁴³, Гао Ган, который был арестован и подвергся пыткам⁴⁴. Большинство из них обвинялись в «левом оппортунизме и догматизме». Под видом критики этих течений некоторые деятели в руководстве КПК пытались перечеркнуть определенные заслуги многих видных руководителей партии, расчистить почву для культа личности Мао Цзэдуна как якобы единственного непогрешимого руководителя и теоретика партии. И особая роль в этих планах отводилась Кан Шэну и его службе. Не случай-

но и в ходе «культурной революции» почти все эти деятели подверглись репрессиям.

Часть этих фактов становилась известна руководству Коминтерна по сообщениям советских людей из Яньани. И видимо, Кан Шэн был достаточно хорошо информирован об этих сообщениях. «Все мы под наблюдением. Осведомители Кан Шэна — переводчики и завхоз. Слежка в доме и вне дома», — запись в дневнике П. Владимировой от 4 ноября 1942 г.⁴⁵

В мае 1943 г. Кан Шэн с радостью встретил известие о роспуске Коминтерна. Однако, несмотря на его роспуск, положение, сложившееся в КПК, вынудило Георгия Димитрова направить личное письмо Мао Цзэдуну, содержание которого сразу же стало известно и Кан Шэну. «Не могу не сказать Вам о той тревоге, которую вызывает у меня положение в китайской компартии, — писал Г. Димитров. — Я считаю политически неправильной проводимую кампанию против Чжоу Эньлая и Ван Мина, которым инкриминируется политика национального фронта, в итоге которой они якобы вели партию к расколу. Таких людей, как Чжоу Эньлай и Ван Мин, надо не отсекал от партии, а сохранять и всемерно использовать для дела партии. Меня тревожит и то обстоятельство, что среди части партийных кадров имеются нездоровые настроения в отношении Советского Союза. Сомнительной мне представляется также и роль Кан Шэна. Проведение такого правильного партийного мероприятия, как очистка партии от вражеских элементов и ее сплочение, осуществляется Кан Шэном и его аппаратом в таких уродливых формах, которые способны лишь посеять взаимную подозрительность, вызвать глубокое возмущение рядовой массы членов партии и помочь врагу в его усилиях по разложению партии. Еще в августе с. г. мы получили из Чунцина совершенно достоверную информацию о том, что гоминьдановцы решили послать своих провокаторов в Яньань с целью поссорить Вас с Ван Мином и другими партийными деятелями, а также создать враждебное настроение против всех тех, кто жил и учился в Москве. Об этом коварном намерении гоминьдановцев я Вас своевременно предупредил. Сокровенное желание гоминьдановцев — это разложить компартию изнутри, чтобы таким образом легче ее разгромить. Для меня не подлежат сомнению, что Кан Шэн своей деятельностью льет воду на мельницу этих провокаторов»⁴⁶. После получения послания от Димитрова Мао Цзэдун неожиданно 7 января 1944 г. пришел к П. Владимирову и, попросив несколько листов бумаги, набросал текст телеграммы для Димитрова. Затем он передал ее связанному Коминтерна с просьбой срочно направить в Москву. «Мао выглядел обеспокоенным, в движениях его сквозила напряженность и нервозность, — записал в своем дневнике 8 января П. Владимиров. — Вид у него был довольно утомленный. Похоже, что в эту ночь он так и не спал»⁴⁷.

В телеграмме Мао просил Димитрова не волноваться и благодарил последнего за помощь, за предупреждение о недопустимости раскола единого антияпонского фронта. Он сообщал также, что в Яньани проводятся энергичные меры по укреплению единства партии, а к Ван Мину относятся исходя из главных положений внутрипартийной политики — объединение и сплочение.

«Послать телеграмму по нашей радиостанции — недурной ход Мао, — констатировал П. Владимиров. — Кроме всего прочего, это будет свидетельствовать о том, что Председатель ЦК КПК и советская группа «живут душа в душу», что нет и не было нападков на Советский Союз, «догматиков», выучившихся в Советском Союзе, и всех, симпатизирующих моей Родине.

Телеграмма Председателя ЦК КПК преследовала и другую цель — любой ценой сохранить в руководстве КПК Кан Шэна, окончательно разоблачившего себя как врага партии и народа. Мао Цзэдун решил пойти на сделку: он сохранит в руководстве Кан Шэна — это, так сказать, для себя, но одновременно оставит в покое Ван Мина — это в качестве доказательства преданного отношения к СССР и ВКП(б)»⁴⁸.

21 мая 1945 г. открылся 7-й пленум ЦК КПК 6-го созыва, который работал в течение 11 месяцев и закрылся 20 апреля 1946 г.

В ходе обсуждения доклада Кан Шэна об итогах работы Центральной комиссии по проверке кадров проявилось широкое недовольство перегибами в «движении за упорядочение стиля», деятельностью Кан Шэна и его окружения. Кан Шэн пользуется дружной неприязнью на пленуме, но он не сдает своих позиций, «четок и деловит, за очками все те же надменные брови».

Мао Цзэдун планировал поставить доклад Кан Шэна об итогах работы его комис-

сии на VII съезде КПК, хотя первоначально он на съезде не предполагался, но «чжэнфэн» так больно задел всю партию, что «умолчать о нем невозможно»⁴.

«Доклад Кан Шэна позволит по-маоцзэдуновски изложить суть внутривнутрипартийной борьбы в 1942—1944 гг. В истории партии появится раз и навсегда отработанная версия.— запись в дневнике П. Владимировой от 25 марта 1944 г.— Этот же доклад выведет из-под удара и самого Мао Цзэдуна — возможно, какую-то часть вины примет на себя Кан. И для Мао это отличный выход: мол, всего лишь перегиб усердного исполнителя, не больше...

Доклад Кана суммирует итоги чжэнфэна, оправдывает их ради подавления любого «догматизма», возведет их в норму партийной жизни.

В то же время устами Кана Мао Цзэдун намерен заявить, что чжэнфэн — явление необходимое и не должен и не может быть осужден»⁵.

Однако большинство участников съезда возражали против того, чтобы Кан Шэн выступал с докладом на съезде, и давали понять, что подвергнут его резкой критике. «Мао Цзэдун не может допустить осуждения Кан Шэна. Косвенно это означало бы признание ошибочности своего курса,— пишет П. Владимиров 1 апреля 1944 г., анализируя ситуацию, сложившуюся в партии.— Поэтому доклад Кан Шэна изъят из программы съезда. Мао не без колебания решился на этот шаг, хотя такой доклад был бы кстати. Он подвел бы итоги чжэнфэна»⁶. Однако, несмотря на отсутствие в программе доклада Кан Шэна, волна критических выступлений против него неуклонно возрастала, что уже непосредственно угрожало и положению самого Мао Цзэдуна. Это вынуждает его принять ряд шагов, чтобы несколько разрядить ситуацию. 24 апреля 1945 г. он вкратце упомянул о негативных сторонах кампании: о «перегибах» в ходе проверки кадров, о преследовании интеллигенции, работников нелегальных парт-организаций⁷. Более того, Мао встает на путь выдачи Кан Шэна в качестве виновника «репрессий и перегибов». В выступлениях же Чжоу Эньлая и ряда других делегатов съезда Кан Шэн прямо называется «палачом» партии.

Тем не менее с помощью различных тактических уловок Мао Цзэдуну удается включить Кан Шэна в список Секретариата ЦК КПК, принятый 19 июля 1945 г. на I-м пленуме ЦК КПК 7-го созыва, и в список членов Политбюро ЦК КПК. Но удержать Кан Шэна в своем окружении долго Мао Цзэдуну не удалось, в 1948 г. он был выведен из состава Политбюро за «левацкие перегибы в работе», отстранен от должности начальника Особого отдела и направлен для работы в провинцию Шаньдун⁸.

¹ После 3-го пленума ЦК КПК. Сборник важнейших документов.— Пекин, 1982.— Кн. 2.— С. 551; Справочник материалов по истории КНР (1949—1985).— Пекин, 1986.— С. 128 (на кит. яз.).

² Линь Циншань. Неофициальная биография Кан Шэна.— Чанчунь, 1988.— С. 3 (на кит. яз.).

³ Словарь персоналий КПК.— Шэньян, 1988.— С. 132 (на кит. яз.); Владимиров П. П. Особый район Китая. 1942—1945.— М., 1973.— С. 106.

⁴ Китай.— 1976.— № 3.— С. 6.

⁵ Новейшая история Китая. 1917—1970.— М., 1972.— С. 135.

⁶ Подробнее об этом см.: Григорьев А. М. Коминтерн и революционное движение в Китае под лозунгом Советов (1928—1930) // Коминтерн и Восток.— М., 1969.— С. 313—349; Новейшая история Китая. 1917—1970.— С. 134—136

⁷ Китай.— 1976.— № 9.— С. 6.

⁸ См.: Отто Браун. Китайские записки. 1933—1939.— М., 1974.— С. 293.

⁹ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 144—179.

- ¹⁰ Коммунистический Интернационал. Краткий исторический очерк.— М., 1969.— С. 421—422.
- ¹¹ Мемуары Никиты Сергеевича Хрущева // Вопросы истории.— 1990.— № 3.— С. 78, 79.
- ¹² Линь Циншань. Указ. соч.— С. 41, 43.
- ¹³ Там же.— С. 44.
- ¹⁴ Там же.— С. 44, 45, 47.
- ¹⁵ Там же.— С. 47—48.
- ¹⁶ Там же.— С. 49—50.
- ¹⁷ Советская Россия.— 1989.— 7 мая.
- ¹⁸ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 49—50.
- ¹⁹ Данши цзунхэн.— Шэньян, 1989.— № 1.— С. 11.
- ²⁰ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 59, 66—67.
- ²¹ Китай в период войны против японской агрессии (1937—1945).— М., 1988.— С. 299, 91, 305.
- ²² Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 107.
- ²³ Там же.— С. 110.
- ²⁴ Цзефан жибао.— 1941.— 2 сентября.
- ²⁵ Китай в период войны против японской агрессии.— С. 244.
- ²⁶ См.: Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна.— М., 1975.— С. 57—58.
- ²⁷ См.: Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 107.
- ²⁸ Общая история новодемократической революции в Китае.— Пекин, 1961.— Т. 3.— С. 248 (на кит. яз.).
- ²⁹ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 174—175, 219.
- ³⁰ Там же.— С. 181—182.
- ³¹ См., напр.: Линь Циншань. Указ. соч.— С. 100—117.
- ³² Ван Мин. Полвека КПК и предательство Мао Цзэдуна.— С. 132.
- ³³ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 88.
- ³⁴ Цзефан жибао.— 1943.— 1 июля.
- ³⁵ Китай в период войны против японской агрессии.— С. 252.
- ³⁶ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 103.
- ³⁷ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 142.
- ³⁸ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 104.
- ³⁹ Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна.— М., 1975.— С. 56, 54.
- ⁴⁰ Линь Циншань. Указ. соч.— С. 107, 114, 115.
- ⁴¹ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 181.
- ⁴² Подробнее об этом: Ван Мин. Полвека КПК.— С. 145—147; Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 150—151, 158—159, 179, 180—195.
- ⁴³ Китай в период войны против японской агрессии.— С. 250.
- ⁴⁴ Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна.— С. 56.
- ⁴⁵ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 102.
- ⁴⁶ Коммунист.— 1982.— № 9.— С. 81—82.
- ⁴⁷ Владимиров П. П. Указ. соч.— С. 252.
- ⁴⁸ Там же.— С. 254.
- ⁴⁹ Там же.— С. 480, 482, 492, 496.
- ⁵⁰ Там же.— С. 480—481.
- ⁵¹ Там же.— С. 485.
- ⁵² Там же.— С. 522—523, 526.
- ⁵³ Владимиров О., Рязанцев В. Страницы политической биографии Мао Цзэдуна.— С. 57.

Л. ПЕРЕЛОМОВ

孔母顏微在教子圖 孔子圖

122

Мать Конфуция — первый учитель Учителя

Принято считать, что XXI век будет веком АТР, а его сердцевину составляют страны конфуцианского культурного региона: Япония и «четыре малых дракона» (Тайвань, Южная Корея, Сингапур и Гонконг). Ведущие политики и ученые региона неоднократно признавали, что своими экономическими успехами их страны обязаны конфуцианским ценностям, умело интегрированным как в сферу воспитания человека (личности), так и в его хозяйственную деятельность.

В настоящее время в КНР первая социальная утопия Конфуция — «сяо кан» (общество малого благоденствия) взята в качестве официального символа построения социализма с китайской спецификой.

Несколько лет назад в нашем журнале была открыта рубрика «Клуб Конфуция». Начинаясь она статьей Л. С. Переломова «Символ Китая», где были кратко изложены основные аспекты учения Конфуция. За прошедшее время редакция получила много писем, где читатели просят рассказать более подробно о жизни Учителя нации. Интерес к Конфуцию вполне закономерен, ибо именно его учение оказало огромное влияние на формирование национального характера и ценностных ориентиров китайцев. Невозможно понять душу (культуру) нашего великого соседа, не познав хотя бы в общих чертах, что же представляли собой Конфуций и его учение. Идеи основателей мировых религий, будь то Христос, Конфуций, Будда или Мохамед, тесно переплетены с их жизнью. Жизненный путь каждого великого Учителя — органичная часть его учения. Духовные последователи с подробнейшими комментариями передают своей пастве каждый шаг Учителя. Такова традиция функционирования великих заповедей. Поэтому вполне объяснимо, что лучшие представители русской духовной культуры А. С. Пушкин, Л. Н. Толстой, а в наше время А. И. Солженицын и отец Александр Мень — начинали свое приобщение к культуре Китая именно через Конфуция.

Напомним читателю, что более четверти человечества (Китай и страны конфуцианского культурного региона) почитают Конфуция, ориентируясь на его учение и модель личности.

Поэтому редакция считает целесообразным познакомить читателя с журнальным вариантом (подготовленным специально для ПДВ) полного жизнеописания Конфуция из готовящейся к изданию книги Л. С. Переломова «Конфуций — жизнь, учение, судьба» (Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»).

ДЕТСТВО И ЮНОСТЬ

Уже в древности, встречаясь с незнакомцем, китаец обычно спрашивал не «кто ты?», а «чей ты, откуда родом?». Все родственники четко делились на две категории: «нэй цзю» (родственники по внутренней линии) и «вай цзю» (родственники по внешней линии). Первым всегда отдавалось предпочтение, ибо это были родственники по линии отца, вторые — по материнской линии. В среде тогдашней знати происхождение играло решающую роль в судьбе человека, так как его социальный статус и положение в обществе определялись родовой ветвью. В VI—V вв. до н. э. все крупные административные посты, как правило, передавались по наследству. Поэтому каждый аристократ хорошо знал свое генеалогическое древо. Чем глубже были корни, тем знатнее потомок. Таблицы предков и ритуальное поклонение им также способствовали приобщению к истории рода.

В «Исторических записках» и «Истории династии Ранняя Хань» неоднократно упоминаются родословные записи на деревянных и бамбуковых дощечках, именуемые «пуде», «дели» или просто «пу». То были родословные не только домов императоров-ванов, но и гунов и чжу хоу (высшие ранги знатности)¹. Эти родословные широко использовал крупнейший китайский историк древности Сыма Цянь, особенно при написании раздела «Хронологические таблицы». Они хранились в дворцовых архивах, что же касается наследственной аристократии, особенно разорившейся или из угасшего рода, то подобные родословные записи хранились в домашнем архиве, зачастую вместе с таблицами предков². Если в роду были известные личности, то рассказы об их подвигах передавались из поколения в поколение — так воспитывалось уважение к истории.

Уже в период Чунью в китайской культуре сформировалось уважение к традициям, именуемым термином «гу» (древность). Нет ни одного этико-политического учения или философской школы того периода, адепты которой, несмотря на полярность воззрений, отрицали или оханвали бы «древность».

Конфуций сыграл особую роль в отношении к «древности», именно он возвел это понятие в ранг высшего мерила исторической ценности. Естественно, что он должен был хорошо знать свою родословную; среди его предков имелись личности, которые могли повлиять на становление характера и нравственных оценок. Поэтому биографию Конфуция необходимо начинать с краткого знакомства с генеалогическим древом, что поможет в определенной степени воссоздать его внутренний мир в период детства и юности.

Поскольку предки Конфуция принадлежали в далекие времена к разряду гунов и чжу хоу, то в семье должны были храниться родословные записи, а часть их могла быть и в дворцовых архивах, которыми впоследствии, как мы уже отмечали, воспользовался Сыма Цянь. Из предков Конфуция по внутренней линии, а о них мы знаем гораздо больше, нежели о предках матери, следует упомянуть четыре имени: Вэй-цзы, Фу Фухэ, Чжэн Каофу и Кун Фуцзя.

Вэй-цзы можно считать основателем рода и самым знатным его представителем. Как сообщает Сыма Цянь, Вэй-цзы служил у чжоуского правителя Чэн-вана (1024—1004 гг. до н. э.) и помог ему разгромить остатки войск пришедшей в упадок династии Инь, правившей в то время Китаем. Став правителем страны и основав династию Чжоу (XI—VIII вв. до н. э.), Чэн-ван пожаловал Вэй-цзы за участие в боях удел Сун. Помимо воинских успехов, отмечает Сыма Цянь, Вэй-цзы был известен своим «человеколюбием и мудростью»³. Говоря о «человеколюбии», Сыма Цянь использует введенное Конфуцием понятие «жэнь», что невольно настораживает исследователя. Вполне логично предположить, что прапредок Конфуция был мужественным и храбрым воином, иначе он не получил бы ни царства, ни полагающегося в таких случаях титула чжу хоу. Но обладал ли Вэй-цзы такой высокой добродетелью, как «жэнь», — этот вопрос остается

открытым. Не исключено, что Сыма Цянь, живший через триста лет после смерти Конфуция, когда его учение начинало становиться официальной идеологией правящего класса, мог поддаться влиянию авторитета Конфуция и слегка приукрасить основателя рода.

Фу Фухэ — предок Конфуция в десятом колене был старшим сыном сунского царя Минь-гуна. Умирая, Минь-гун завещал свой трон брату — Ди Сюну, который процарствовал, однако, недолго и был вскоре убит младшим сыном Минь-гуна — Фу Цзи. В сложившейся обстановке по традиции престол должен был перейти к старшему сыну, однако Фу Фухэ уступил трон Фу Цзи. О подлинных причинах подобного поступка можно лишь догадываться, однако не исключено, что Фу Фухэ опасался своего решительного брата, нарушившего завещание отца. Фу Цзи был провозглашен сунским Ли-гуном (859—831 гг. до н. э.), а Фу Фухэ за столь благородный поступок нарекли «человеком, чья слава подобна туго натянутой тетиве боевого лука». Одновременно ему был пожалован титул сунского дай фу⁴.

После Фу Фухэ предки Конфуция уже не имели прав на царский престол, однако все они в царстве Сун занимали высокое положение. Наиболее известным из них, отличившимся на административном поприще, был правнук Фу Фухэ, предок Конфуция в седьмом колене — Чжэн Каофу. «Он отличался чрезмерной скромностью, — пишет Куан Ямин, — и большим знанием древней литературы. В течение ряда лет он служил попеременно трем сунским правителям: Дай-гуну (799—766 гг. до н. э.), У-гуну (765—748 гг. до н. э.) и Сюань-гуну (747—729 гг. до н. э.)⁵. То есть его служебный стаж достигал не менее пятидесяти лет. Чтобы услужить трем разнохарактерным правителям, необходимо было обладать недюжинными чиновничьими способностями. В родовой кумирне Чжэн Каофу сохранился треножник на котором он повелел запечатлеть жизненное кредо: «Получив впервые царское повеление о назначении на должность — склонил голову; получив во второй раз царское повеление о повышении в должности — склонил спину; получив в третий раз царское повеление о повышении в должности — согнулся в поясице. Проходя по улице — двигаюсь осторожно, с почтением, держась вдоль стен домов. Поэтому никто не осмеливается презирать меня. В этом треножнике я варю и густую кашу, и рисовый отвар, дабы утолить лишь кое-как голод»⁶.

Чему же учил своих потомков человек, преуспевший в чиновничьей карьере?

Не предавайся гордыне, даже если судьба занесла тебя высоко по служебной лестнице. Более того, чем выше ты поднимаешься, тем более почтителен должен быть по отношению к правителю, ибо это укрепит твои позиции. Будь скромн и вежлив, не позволяй себе возгордиться — это обезопасит в какой-то степени от зависти и клеветы со стороны остальной чиновной братии. Ограничивай свои жизненные потребности, сведя их к минимуму.

Таков основной смысл духовного завещания Чжэн Каофу своим потомкам.

Ссылаясь на «Гюй» («Речи царств»), точнее на раздел «Речи царства Лу», Куан Ямин отмечает, что Чжэн Каофу хорошо разбирался в древнекитайских письменных памятниках. Сохранились свидетельства источников о том как Чжэн Каофу совместно с придворным историком чжоуского дома трудился над редактурой раздела «Гимны дома Шан» из «Шицзина» («Книга стихов»). Для того чтобы сановник одного из царств был допущен к работе над таким важным разделом и делил ответственность совместно с главным историографом правящей династии одного умения «гнуть поясицу» было явно недостаточно. По-видимому, Чжэн Каофу действительно обладал недюжинными литературными способностями.

Куан Ямин считает, что сын Чжэн Каофу — Кун Фуцзя ничем особенным не выделялся. Единственным достижением предка Конфуция в шестом колене является то, что именно начиная с него фамильным иероглифом рода стал знак Кун. Кун Фуцзя, по мнению биографа, не был столь учтив и почтителен, как его отец, поэтому во время одной из стычек во дворце он был убит неким Хуа Ду заодно с сунским правителем Шан-гуном (720—710 гг. до н. э.). Вот и все сведения о Кун Фуцзя, реконструированные Куан Ямином.

Если же внимательно перечитать «Исторические записки» Сыма Цяня, а именно 38-ю главу — «История сунского правящего дома Вэй-цзы», и раздел «Хронологические таблицы», то можно обнаружить кое-какие дополнительные штрихи к портрету Кун Фуцзя, которые не могли не быть известны юному Конфуцию.

Десять глав «Хронологических таблиц» занимают особое место в труде Сыма Цяня.

Ханьский историк просеял массу противоречивых источников, прежде всего родословных таблиц, чтобы составить погодную запись основных событий в жизни китайского народа и государства от легендарного первопрародителя Желтого императора (Хуан-ди) до правления династии Хань, осветив почти тысячелетний период. Критически оценивая все то, что было сделано до него на этом поприще, Сыма Цянь писал: «Ученые-конфуцианцы выхватывают свои суждения [из разрозненных частей текста], те же, кто торопливо рассуждает обо всем, дают волю своим словам, не обращая внимания на связь начал и концов явлений. Хронисты берут лишь даты — годы и месяцы событий; астрологи возвеличивают действие чудесных сил; составители родословных таблиц записывают только поколения родов и посмертные имена. Выражения их настолько скупы и кратки, что когда надумаешь одним взглядом охватить все самое важное, то это очень трудно сделать»⁷. Поэтому Сыма Цянь и вынужден был создать единые, унифицированные «Хронологические таблицы».

Фамилии сановников встречаются в этом разделе крайне редко, только тогда, когда они играли значительную роль в решении кардинальных судеб царств, а именно — при сменах правителей. Сыма Цянь считал целесообразным в графе истории царства Сун своих «Хронологических таблиц» дважды упомянуть об основателе фамилии Кун:

1) Под годом «синью» (720 г. до н. э.) — «Подданный князя Кун-фу поставил у власти Шан-гуна. Фэн бежал в Чжэн».

2) Под годом «синьвэй» (710 г. до н. э.) — «Хуа Ду, увидев красоту жены Кун-фу, обрадовался. Он убил Кун-фу, а затем Шан-гуна. Начальный год (правления) сунского гуна Фэна. Хуа Ду стал советником»⁸.

Попытаемся реконструировать события того времени. В 728 г. до н. э. на престол царства Сун был возведен младший брат Сюань-гуна Му-гун. Известно, что через восемь лет — в 720 г. до н. э. — он тяжело заболевает и перед смертью призывает ближайшего советника Кун-фу, занимавшего должность да сы ма, решить вопрос о наследнике⁹. Данные, приведенные в 38-й главе «Исторических записок», дополняют лаконичное сообщение «Хронологических таблиц»: Му-гун хотел оставить после себя на престоле старшего сына Сюань-гуна — Юй И, и опасаясь за его дальнейшую судьбу, он пытается у Кун-фу выяснить позицию высших сановников царства. У Сыма Цяня мы находим данные о том, что именно доложил Кун-фу Му-гуну: «...все сановники выступают за то, чтобы правителем стал Фэн — сын Му-гуна». Тогда Му-гун, по-видимому не без рекомендации того же Кун-фу, решившего пойти против «всех сановников», отсылает своего сына заложником к западному соседу в царство Чжэн. После кончины Му-гуна правителем Сун становится Юй И, принявший титул Шан-гуна¹⁰. В «Хронологических таблицах» сообщается, что Фэн сам бежал в Чжэн, но здесь нет больших расхождений, ибо Кун-фу, вероятно, с самого начала был на стороне старшего сына Сюань-гуна. Чжуан гу Ушэн (743—700 гг. до н. э.), правитель царства Чжэн получил благоприятную возможность для усиления своего влияния в царстве Сун.

Начинается период затяжных войн между государствами Чжэн и Сун: в 718 г. до н. э. чжэнская армия нападает на Сун; в 713 г. до н. э. сунцы совместно с войсками северного царства Вэй сами выступили в поход против Чжэн и т. д. Одновременно каждое из воюющих царств пытается взорвать лагерь противника изнутри, стремясь подкупить кого-либо из сановников. Древняя и средневековая история, а Китай здесь не был исключением, свидетельствует, что как только в среде знати затевалась политическая интрига, то противоборствующие стороны частенько прибегали к помощи придворных дам. Чжуан гу Ушэн повезло больше, нежели Шан-гуну — именно в этот период, как сообщает Сыма Цянь, сунский сановник Хуа Ду увлекся придворной красавицей — женой Кун Фуцзя и, по-видимому, небезуспешно¹¹. Он распускает слух, что в непрерывных войнах, которые ведет царство Сун на протяжении уже десяти лет с государством Чжэн и от которых «несладко страдает простой люд», виновен фаворит царя Кун Фуцзя. Хуа Ду со своими сторонниками удаются, наконец, расправиться с могущественным да сы ма: «Я убил Кун-фу, дабы успокоить народ»¹². Новый обладатель чужой «красавицы жены» в том же году уже без особых осложнений справляется и с главой государства Шан-гуну, видимо под тем же предлогом. После десятилетних ожиданий Фэн вернулся стараниями Хуа Ду на родину и благополучно процарствовал целых 19 лет (710—629 гг. до н. э.). Хуа Ду был назначен первым советником и, естественно, начал преследовать род Кунов. Сын Кун Фуцзя — Му Цзинфу вынужден был бежать из Сун на восток в соседнее государство — царство Лу¹³.

На этом печальном эпизоде закончилась более чем трехсотлетняя история рода Кунов в царстве Сун. На новом месте пришлось начинать все сначала. О былом величии напоминали лишь родословные таблицы, треножник Чжэн Каофу и ритуальная семейная утварь, привезенные Му Цзинфу в царство Лу. К этому следует добавить многочисленные рассказы и легенды о славных деяниях предков, которые расцвечивали родословные таблицы, лепя зримые образы. Таков был семейный архив Кунов в царстве Лу.

Му Цзинфу поселился в «и» Цзоу, так называлась небольшая административная единица на территории уезда Чанпин. О сыне, внуке и правнуке Му Цзинфу почти ничего не известно. Мы знаем лишь их имена: Цзе И, Фан Шу и Бо Ся.

О деяниях представителя четвертого поколения рода Кунов в царстве Лу — Шу Лянхэ в источниках сохранилось несколько записей, заслуживающих внимания. Не исключено, что своей сохранностью они обязаны тому, что Шу Лянхэ стал отцом Конфуция. Потомок Кун Фуцзя в пятом поколении Шу Лянхэ унаследовал от своего прапрадеда воинственность и смелость. В «Цзочжуани» сообщается, что когда на десятом году правления луского Сян-гуна (563 г. до н. э.) лусцы совместно с войсками царства Цзинь напали на небольшое государство Биян, то в отряде луского аристократа Мэн Сянцзы сражался у ши по имени Шу Лянхэ¹⁴. Термин «у ши» использовался для обозначения низшего командного чина аристократического происхождения. Шу Лянхэ управлял небольшой территорией, именуемой «и» — того самого «и» Цзоу, где поселился некогда его беглый прапрадед Му Цзинфу. В те времена управители «и» делились на две категории: одни могли передавать свою должность по наследству; другие имели лишь право взимания налогов с «и» без передачи по наследству. Шу Лянхэ принадлежал ко второй категории, но тем не менее по социальному статусу он относился к дай фу, то есть, как отмечает Куан Ямин, был все же аристократом, но самого низшего ранга и с весьма скромным достатком¹⁵.

Во время штурма столицы царства Биян оборонявшиеся, впусив в город небольшую часть луских войск, неожиданно стали опускать навесные городские ворота, намереваясь отсечь и истребить прорвавшийся авангард. Именно в этот напряженный момент боя вперед прорвался Шу Лянхэ, подскокил к воротам и напрягшись удерживал их до тех пор, пока все лусцы не покинули крепость.

Вторая запись о ратном подвиге Шу Лянхэ зафиксирована семью годами позже. В 556 г. до н. э. хорошо вооруженный отряд циских войск, ведомый полководцем Гао Хоу, вторгся на север царства Лу и в местечке Фани окружил и блокировал луских воинов. Шу Лянхэ находился среди луских окруженцев наряду с Цзан Хэ и его братьями. Цзан Хэ, по-видимому, принадлежал к весьма знатному роду, ибо луский царь, узнав о случившемся, тотчас же снарядил отряд для его спасения. Однако ему не удалось прорваться к окруженным, опытный Гао Хоу все уже сжимал кольцо, возникла критическая ситуация. И тогда Шу Лянхэ, возглавив отряд в триста отборных воинов, ночью внезапно напал на цисцев, прорвал оборону и благополучно доставил Цзан Хэ с братьями в лагерь луского отряда. После этого он вновь, но уже с усиленным отрядом, вернулся в Фани и повел активную оборону. Циские войска провели несколько атак, но все они были отбиты Шу Лянхэ. Убедившись в тщетности атак, Гао Хоу снял осаду и вернулся в Ци¹⁶.

Храбрость и большая физическая сила, проявленные Шу Лянхэ в описанных сражениях, не могли остаться незамеченными — в источниках говорится, что современники называли его «прославившийся смелостью и силой среди чжу хоу». Однако, как это ни странно, он, в отличие от основателя рода Вэй-цзы, не получил за свои воинские успехи ни наград, ни повышения в ранге. Социальное положение Шу Лянхэ не изменилось, на это, кстати, обращает внимание и Куан Ямин, но не дает никаких объяснений¹⁷.

Можно высказать два предположения: либо Шу Лянхэ был слишком самостоятелен и независим, а природные данные и происхождение могли способствовать формированию именно таких черт характера; либо он должен был совершить какой-то проступок, непростительный чиновнику низшего ранга. И проступок такой он совершил, а виновницей невольно оказалась мать будущего Учителя китайской нации.

Когда Шу Лянхэ вернулся после победных сражений на родину в Цзоу, ему уже было около 63 лет. По тогдашним представлениям о счастье, его семейная жизнь не удалась. Он мечтал о наследнике — продолжателе славного рода Кунов, а жена из клана

Ши рожала девочек. Храбрый воин и его мужественная жена надеялись на лучшее, но после девяти родов они поняли, что надежды напрасны. Небо отвернулось от этой семьи. Тогда Шу Лянхэ берет наложницу, и та рождает ему долгожданного сына, которого тут же нарекают Бо Ни. Термин «бо» использовался для обозначения старшего брата, по-видимому, Лянхэ надеялся, что и второй ребенок будет мальчиком. Но что-то его остановило — или то, что Бо Ни (второе имя Мэи Пи) родился болезненным хромоножкой, либо же надо было спешно выступить в поход. Вернувшись домой, Шу Лянхэ не расстался с мечтой о здоровом наследнике. Военная слава расширяет возможности потенциального жениха, однако Лянхэ не спешил. Наконец он останавливает свой взор на знатной семье Янь из города Цюйфу, где было три дочери. Источники сообщают, что старшая и вторая дочери Янь отвергли настоящие претенденты¹⁸. Младшая же сразу согласилась — поступила ли она так в пик своих сестрам? Не хотелось ли ей ждать своей очереди или ее прельстила военная слава Лянхэ? Ответить на эти вопросы, хотя они и важны для постижения характера юной Янь, весьма трудно. Для нас существенно мнение Сыма Цяня, который охарактеризовал бракосочетание Шу Лянхэ с Янь как «е хэ»: «[Шу Лян] хэ и девица из рода Янь вступили в «е хэ» и дали жизнь Кун-цзы»¹⁹.

Исследователи биографии Конфуция на протяжении многих сотен лет по-разному толковали это словосочетание, споры не утихают и по сей день. Дело в том, что как в древности, так и в наши дни термин этот весьма многозначен и, к сожалению, весьма неблагозвучен: «...варварский союз, дикарский союз, сожителство, внебрачная связь, совокупление и т. п.»

В современном китайском конфуциеведении среди специалистов бытует две точки зрения на этот термин, причем первая представлена в основном в устной форме.

В конце сентября 1986 г., на Всекитайской научной конференции, посвященной изучению взглядов Конфуция (она называлась «Культурное наследие и современная китайская культура»), мне посчастливилось побеседовать с известным специалистом по доиньской культуре профессором Ши Хуайшэном из Хуачжунского педагогического университета города Учана о «темных местах» из биографии Конфуция. По мнению Ши Хуайшэна, брак Шу Лянхэ с Янь Чжи не соответствовал всем нормам чжоуского ритуала. Более того, он полагает, что Конфуций был зачат в пещере глинистого холма, а не дома, что, по представлениям благочестивых ревнителей ритуала, было из ряда вон выходящим событием. Поэтому словосочетание «е хэ» следует трактовать как «союз в диком поле», «союз вне города, вне дома». Кстати, профессор Пекинского педагогического университета Чжао Гуансян придерживается того же мнения, что и Ши Хуайшэн. Высказывается предположение и о том, что этот «союз» начался еще до бракосочетания, однако сторонников такой точки зрения немного.

Как правило, отмечает Куан Ямин, конфуцианцы старого Китая уклонялись от толкования «е хэ», словно это могло нанести ущерб авторитету Конфуция и выставить его в качестве «внебрачного ребенка». «Если бы даже Конфуций и был внебрачным ребенком, — пишет Куан Ямин, — то это все равно не могло ни в какой степени поколебать его авторитет»²⁰.

В своем толковании «е хэ» я придерживаюсь объяснения, данного средневековым историком Сыма Чжэном, жившим в 713—742 гг. Эту точку зрения разделяет и Куан Ямин. Сыма Чжэн был одним из самых ранних комментаторов «Исторических записок», и, естественно, он не мог пройти мимо «е хэ». По мнению Сыма Чжэна, «данное понятие означало, что Лянхэ был стар, а Янь Чжи слишком юна... поэтому этот союз называли «е хэ» — союз, не соответствующий правилам»²¹. Куан Ямин полагает, что брак все же был официально заключен, но с нарушением тогдашних морально-этических норм. По древнекитайским традициям мужчине старше 64 лет незачем было заново вступать в брак, Шу Лянхэ же к тому времени было уже 66 лет. Мы так и не знаем до сих пор возраста Янь Чжи. Куан Ямин считает, что ей уже исполнилось 20 лет, но не приводит каких-либо веских доказательств²². Если сам Сыма Чжэн отмечает, что невеста была «слишком юна», то вряд ли речь шла о двадцатилетнем возрасте, ей должно было быть не больше семнадцати. Вполне логично предположить, что Янь Чжи знала о правилах, запрещавших мужчинам старше 64 лет вновь жениться²³. Однако она, в отличие от сестер, смело пошла на нарушение традиционной морали, что свидетельствует о ее мужественном и решительном характере.

Шу Лянхэ очень хотелось иметь здорового сына, ему надоело долготелее сочувствие

друзей и тайное злорадетво недругов, насмежавшихся над неполноценностью героя сражений. Поэтому, как только Янь Чжи почувствовала приближение родов, Лянхэ, как человек своего времени, отправился вместе с юной супругой совершить молебен в пещере глинистого холма, который, по верованиям лусцев, обладал магической силой. Холм находился километрах в тридцати к юго-востоку от Цюйфу, на территории, которой управлял Шу Лянхэ. Шли медленно, постоянно останавливаясь передохнуть. Вскоре после молебна в честь духа холма Янь Чжи родила в пещере мальчика. Случилось это на 22-м году правления луского Сян-гуна — в 551 г. до н. э., 27 августа по лунному календарю.

Мальчика назвали Цю и дали прозвище Чжун Ни. Цю в дословном переводе означает холм. По мнению Сыма Цяня, поскольку «при рождении темечко на голове мальчика было окружено бугорками, [ему] по этой причине и дали имя Цю — холм»²⁴. Логичнее предположить, что в выборе имени отразилась признательность радостного Шу Лянхэ священному холму, что подтверждает и данное мальчику прозвище — Чжун Ни — «второй с глинозема». Цю был вторым сыном Шу Лянхэ, иероглиф «чжун» означает в данном контексте «второй (из братьев)»; холм же был глинистый («ни»).

Итак, священный холм отныне и навеки стал присутствовать в имени и прозвище будущего просветителя китайской нации. Впоследствии слава Конфуция коснулась и глинистого холма — пещере дали два имени: «кун лин тун» — «пещера, где обитает дух холма» и «фу цзы тун» — «пещера наставника». Пещера эта сохранилась до наших дней²⁵.

В марте 1987 г. мне посчастливилось посетить то место, где родился Конфуций. Нишань никак нельзя назвать горой; в действительности это холм высотой 40—45 м с плоской вершиной, на которой находится ныне комплекс беседок и стел, поставленных в честь Конфуция различными императорами Китая, начиная с правителей минской династии. Лицам более низкого ранга не разрешалось воздвигать здесь стелы, исключение было сделано лишь для потомков Конфуция, поставивших стелу в честь своего предка. Весь этот комплекс окружен каменной стеной выше человеческого роста. С холма открывается вид на тихую каменистую долину, окруженную грядой разновеликих холмов, поросших невысокими соснами. Напротив Нишаня по ту сторону долины виден пологий холм высотой более 100 м.

Пещера расположена у подножия Нишаня и вход в нее обращен на восток. По существу, это не пещера, а грот. С помощью сопровождавшего меня молодого сотрудника Института Конфуция У Суньина я измерил его параметры. Высота у входа 1 м 80 см, далее свод грота постепенно понижается, сходя на нет. Длина грота — 4,5 м, ширина — 1 м 40 см. Стены образованы из сланцевых плит толщиной не более 20 см, скрепленных закаменевшей глиной, пол — глиняный. Большую часть грота занимает плоская, совершенно гладкая каменная плита из того же сланца. Начинается она в левой части в 1 м 20 см от входа в грот и тянется на три метра вглубь. Ширина плиты 1 м 15 см, высота 40 см. Потолок над ней в самом высоком месте 1 м 20 см, он постепенно понижается до 20-10 см. По сути, каменная плита являет собой естественное ложе. На нем и ожидали встревоженные матери появления своих первенцев. В 9 ч. 35 мин. утра 3 марта 1987 г. одна треть грота была залита солнцем, ранние утренние лучи, видимо, проникают глубже, обогревая природную постель.

Можно представить, что общий вид долины и ныне такой же, какой открылся взорам Шу Лянхэ и Янь Чжи — пересохла лишь протекавшая у склона холма речушка, да и на нем, кроме сосен, ничего не было, как не было, видимо, и деревушки, прилепившейся ныне к северной части Нишани. Что же касается самого грота и каменной плиты, на которой 2540 лет назад появился на свет Конфуций, то все осталось в перво-данном виде.

Мальчик унаследовал родовую фамилию Кун. В Китае и сопредельных странах с иероглифической письменностью Конфуций известен, как Кун Цю или Чжун Ни. Едва мальчику исполнилось два года и три месяца (китайцы считают возраст с момента зачатия), как скончался его отец. Для юной вдовы и ее сына наступили тяжкие времена. Действительно, трудно было рассчитывать матери здорового ребенка на какую-либо благотворительность со стороны первой жены и ее подросших девяти дочерей, да и вторая жена также имела основания быть недовольной Янь Чжи. Старшие жены могли еще как-то сдерживать себя при жизни мужественного воина,

опасаясь его гнева, но после кончины Шу Лянхэ все резко изменилось — на нарушившую моральные нормы юную женщину сыпались постоянные упреки. Дошло до того, что Янь Чжи не позволили даже сопровождать гроб с телом мужа, и она так до самой своей смерти не знала, где же погребен Шу Лянхэ. Обстановка, сложившаяся в семье, вряд ли способствовала нормальному воспитанию мальчика, потрясение, пережитое им в трехлетнем возрасте, наложило отпечаток на всю жизнь. Душевные терзания матери, страдавшей от несправедных упреков, не могли не ранить чувствительную душу ребенка. И Янь Чжи нашла единственно правильный выход. Вырвав сына из атмосферы все нарастающих дрызг и скандалов, она вернулась в Цюйфу, но вынуждена была жить отдельно от семьи родителей.

Исследователи биографии Конфуция скрупулезно на протяжении многих сотен лет изучали каждый шаг совершенномудрого, собирая сведения буквально по крохам. При этом каждый давал им свое толкование. Современный биограф Конфуция Куан Ямин, изучая ранний период его жизни, задает четыре вопроса:

- 1) Почему Янь Чжи переселилась в Цюйфу?
- 2) На каких условиях смогла она там обосноваться?
- 3) Как она смогла поддерживать существование свое и сына?
- 4) Как она воспитывала и чему обучала Кун Цю в детстве?

Ответ на первый вопрос не сложен — стремясь избежать ссор и противоречий в семье Шу Лянхэ, Янь Чжи постаралась поскорее расстаться с ней; я уже отмечал, что она, видимо, была не робкого десятка.

Что же касается социального статуса Янь Чжи, то Куан Ямин считает его вполне благополучным, ибо она была вдовой «дай фу» — «прославившегося храбростью и силой среди чжу хоу». К тому же ее собственная семья входила в число больших родов Цюйфу.

Материальное же обеспечение вдовы и сына оставляло желать лучшего. Конфуций сам говорил: «В детстве я был беден, поэтому приходилось заниматься многими презираемыми делами». По мнению Куан Ямина, только благодаря трудолюбию и скромности матери и сына они смогли кое-как обеспечить себе бедное существование²⁶. Он почему-то не задается вопросом о помощи со стороны родственников по линии матери. Можно предположить, что ее родители отнеслись в свое время сдержанно, а возможно, и неодобрительно к раннему замужеству Янь Чжи, но при жизни Шу Лянхэ они это скрывали. Поскольку младшая дочь нанесла ущерб семейному престижу, то отношение к ней в лучшем случае могло быть прохладным. Я уже упоминал, что род Янь был довольно многочислен — известны имена восьми Янь: Янь Гао, Янь Ю, Янь Ду и др., имевших свои семьи. Невнимание к юной вдове объяснялось также и ослаблением родственных связей в тогдашнем Китае. Рост частнособственнических отношений оказывал негативное воздействие на традиционные семейные связи и отношения.

Отвечая на четвертый, самый важный вопрос, Куан Ямин цитирует Сыма Цяня: «Будучи ребенком и играя, Кун Цзы часто расставлял [на столике] подносы и чаши для жертвоприношений, воссоздавая ритуальные обряды. Он приходит к заключению, что Конфуций уже с раннего возраста любил учиться, и здесь, несомненно, чувствуется влияние матери — материнская любовь и материнское воспитание²⁷».

Цитированные выше слова Сыма Цяня Куан Ямин относит к числу наиболее достоверных сведений о самом раннем этапе жизни Конфуция. И делает на основании этого правильный вывод о добродетельном поведении молодой вдовы и не осознанном ею методе воспитания, когда мать с юного возраста стала приучать ребенка к совершению ритуала. Этот метод воспитания напоминает поведение матери Вэнь-вана (1077—1064). Думается, что пристрастие Янь Чжи к ежедневным молитвам по усопшему мужу должно было как-то компенсировать чувство вины в его скорой кончине. Попреки и худая молва привели к тому, что бедная женщина замкнулась в своем горе. Состояние матери передавалось и ребенку. Жили они изолированно от родственников, мальчик был очень привязан к матери, сильно разделяя ее тревоги. Но несмотря на это, мальчик рос веселым и жизнерадостным, часто играл со сверстниками. И уже тогда он отличался знанием траурных церемоний, обостренным восприятием несправедливости, особенно со стороны родственников, и чувством особой любви к родителям. Зерна будущей концепции почитания родителей были заложены матерью. Именно Янь Чжи рассказывала сыну больше всех о ратных подвигах отца, так пора-

живших в свое время ее воображение. Впоследствии Конфуций сам смог убедиться в враще рассказов матери, ибо были еще живы очевидцы геронзма Шу Лянхэ.

Обращение к ритуальными сосудами не следует рассматривать как ничего не значащую игру — то были наглядные уроки истории семьи, рода. Янь Чжи от мужа знала семейные предания и истории, поклонялась таблицам предков и, по мере того как подрастал сын, во время совместных молитв повествовала ему и об основателе рода, и о других известных предках. Поэтому уже в самом юном возрасте Конфуций знал о деяниях Вэй-цзы, Фу Фухэ, Чжэн Каофу, Кун Фуцзя и других, менее известных нам представителей рода Шу Лянхэ. Не исключено, что мать рассказывала ему и о делах своих предков.

Каким могло быть воздействие этих предметных уроков истории и чему могли научиться рано повзрослевшего ребенка его далекие и близкие предки?

Пример Вэй-цзы показывал, что именно воинская доблесть может принести человеку многое, даже царский престол. В то же время судьба отца свидетельствовала об обратном. Следовательно, одной храбрости явно мало — человек должен обладать и иными достоинствами. Фу Фухэ учил благородству, Му Цзинфу — почтению к предкам, ведь именно он, убегая из Сун, сумел спасти и вывезти родословные таблицы. История с Кун Фуцзя показывала, сколь опасна и непредсказуема жизнь сановника при дворе. Но более всех его могла заинтересовать деятельность Чжэн Каофу, принципы жизни и нормы поведения которого, завещанные своим потомкам, оказали несомненное влияние на становление характера юного Конфуция. Он не только воспринял, но и впоследствии развил их, проповедуя своим ученикам основные положения духовного завещания Чжэн Каофу. Не исключено, что именно пример Чжэн Каофу, с успехом служившего трем разным правителям, вдохновил юношу на изучение памятников древнекитайской культуры. Обширные знания необходимы для успешной чиновной карьеры, учил жизненный опыт Чжэн Каофу.

Судьбе суждено было нанести еще один удар юному Цю — не исполнилось ему и семнадцати, как неожиданно скончалась мать. На первый взгляд непонятно, что послужило причиной смерти, ведь Янь Чжи было чуть больше тридцати лет. Но если попытаться воссоздать хотя бы в общих чертах ее недолгий вдовий век — обвинения, попреки, худая молва, и все от родственников, и не только по линии мужа — то диагноз ясен.

Цю тяжело переживал смерть матери, горе его усугублялось тем, что, в отличие от других лусцев, он не знал, где похоронить свою мать. По традиции траурных церемоний, а Конфуций к 15 годам уже прекрасно овладел ими, мать должна быть похоронена рядом с отцом. Но поскольку Янь Чжи в свое время не допустили к похоронам Шу Лянхэ, она так и не смогла рассказать Цю о месте захоронения отца. Поэтому Конфуций временно помещает гроб с телом матери в местечке, известном как «улица пяти старцев», нанимает человека следить за гробом, а сам направляется на поиски могилы отца. Путь его лежит в Цзоу — владение Шу Лянхэ, там мать некоего Маньфу, жившая по соседству — Янь Чжи и жалевшая юную вдову, рассказала Конфуцию о местонахождении могилы отца. Шу Лянхэ был похоронен на горе Фаншань, в десяти с лишним километрах от Цюйфу. Конфуций перелез гроб в Фаншань и торжественно, с соблюдением всех правил ритуала захоронил мать. Воссоединив наконец-то покойных родителей, он выполнил свой сыновний долг.

Оставшись один, без доброго и любящего наставника, Цю должен был пробиваться в жизни, уповая лишь на собственные способности, ум и опыт. А опыта общения в стратифицированном авторитарном обществе, каким был тогда Китай, Цю явно не хватало. Об этом свидетельствует следующий достоверный факт из тогдашней жизни Чжун Ни.

В царстве Лу реальная власть находилась в руках представителей трех крупных родов: Цзи Суньши, Мэн Суньши и Шу Суньши. Наибольшим могуществом обладал Цзи Суньши, а в пределах рода всеми делами фактически заправлял старший прислужник по имени Ян Ху. Однажды, вскоре после того, как Конфуций похоронил мать и еще носил на поясе траурную повязку, Цзи Суньши пригласил на банкет всех лусцев, имевших ранг ши. Крупные луские аристократы заигрывали с представителями этого низшего аристократического слоя и попеременно приглашали их на свои семейные торжества. Поскольку Шу Лянхэ имел ранг ши, то его сын счел возможным пойти на этот банкет. У ворот усадьбы гостей встречал влиятельный Ян Ху. Увидав Конфуция, Ян Ху

преградил путь юноше и надменно произнес: «Семья Цзи дает банкет в честь ши, тебя же никто не звал»²⁸.

Хотя Конфуций считал себя, и вполне обоснованно, обладавшим статусом ши, он резко отличался от остальных ши и их детей по своему имущественному состоянию. После переселения в Цюйфу у них с матерью никогда не было в доме слуг. Я уже приводил слова Конфуция, что в детстве он занимался многими презираемыми делами. В их число входили уборка жилища, выращивание овощей, переноска тяжестей на коромысле (по-видимому, Конфуцию самому приходилось носить бадьи с водой), перевозка на ручной тележке более тяжелых грузов и другие так называемые домашние дела. Цю не чурался заниматься трубачом в небольшие оркестры, игравшие на свадебных и похоронных церемониях, приходилось ему пасти чужих овец и коров²⁹. После смерти матери домашние хлопоты возросли — надо было еще ходить на рынок, готовить еду и стирать. Думается, что ранний брак Конфуция объясняется, отчасти, и стремлением немногого обходиться от домашних забот.

Позволю себе, однако, не согласиться с мнением Куан Ямина, считающего, будто Конфуций, преуспевший в разнообразной физической работе, все же презирал этот вид деятельности, достойный лишь «сяо жэнь» («маленьких людей») и считал его неприемлемым для «цзюнь цзы» («благородного мужа»). К сожалению, китайский биограф не приводит никаких доводов в пользу такого заключения, а оно крайне существенно для постижения нравственных ориентиров юного Конфуция.

Собственно говоря, китайскому читателю нет нужды упоминать о них, ибо он и так их знает. Речь идет о беседе Конфуция с учеником Фань Чи, которая традиционно считалась многими в Китае свидетельством негативного отношения Конфуция к физическому труду. В 1972-1976 гг., в период кампании «Критики Линь Бяо и Конфуция», эта беседа широко пропагандировалась органами массовой информации в качестве доказательства презрительного отношения Конфуция к сельскохозяйственному труду, а следовательно, и всему многомиллионному китайскому крестьянству. Поэтому целесообразно именно в данном разделе проанализировать текст беседы умудренного Конфуция с Фань Чи, давшей Куан Ямину повод для столь категоричного утверждения. Правомочность использования именно здесь более позднего суждения Конфуция оправдана и тем, что основные свои ценностные оценки, сложившиеся в юности, Конфуций не менял — на протяжении своей многолетней жизни он лишь корректировал и углублял их.

Текст интересующей нас беседы содержится в тринадцатой главе «Лунь юйя»: «Фань Чи обратился с просьбой обучить его выращиванию хлебов. Учитель ответил: «В этом я не могу сравниться со старым земледельцем». Тогда [Фань Чи] обратился с просьбой обучить его выращиванию овощей. Учитель ответил: «В этом я не могу сравниться со старым огородником». Фань Чи ушел. И тогда Учитель сказал: «Да! Действительно, какой же маленький человек [«сяо жэнь»] этот Фань Сюй³⁰! Если верхи любят правила, то в народе не сыщется ни одного, кто бы решился не проявить почтительности, если верхи любят справедливость, то в народе не сыщется ни одного, кто бы решился не подчиниться, если верхи любят честность, то в народе не сыщется ни одного, кто бы решился не быть искренним. Если все будет именно так, то тогда народ со всех четырех сторон, неся за спиной детей, устремится [к верхам], и зачем тогда им самим заниматься выращиванием хлебов?»³¹.

Термин «сяо жэнь» в учении Конфуция многофункционален и занимает одно из центральных положений. Чаще всего он противопоставляется термину «цзюнь цзы» («благородный муж») и носит негативный характер. Однако имеется целый ряд суждений Конфуция, где он приобретает и социальное звучание. Все зависит от характера текста и кардинальной мысли, заложенной в суждении. Следует учитывать, что, как правило, оно рассчитано на учеников, нацеливая их на соучастие в обсуждении затронутой темы. Таков один из педагогических методов Конфуция.

В анализируемой беседе Конфуций употребляет понятие «маленький человек» в двух значениях — этическом и социальном. В первом случае оно действительно имеет негативный оттенок, но это распространяется только на одного Фань Чи. Конфуций осуждает Фань Чи перед учениками за то, что он проявляет интерес к той сфере деятельности, в которой никто из них никогда не будет занят. В его школе обучают совсем иному — искусству управления людьми, правилам человеческих взаимоотношений. И тот из учеников, который еще не уразумел этого, достоин осуждения, поэтому-то

и называл он Фань Чи «маленьким человеком».

Однако Конфуций был бы плохим Учителем, если бы не использовал вопросы Фань Чи в качестве наглядного примера объяснения сути своего учения. Он показывает ученикам, что в обществе есть две сферы деятельности, в каждой из которых заняты определенные категории людей. «Верхи» занимаются управлением, а «народ» («миш»), под которым подразумеваются «маленькие люди», хотя прямо об этом не говорится, обязан возделывать землю. Но каждая категория людей должна стремиться к высокой профессионализации. Примером для народа должны служить «старый земледелец» и «старый огородник», то есть люди с большим личным профессиональным опытом. Хотя сам Конфуций в юности и выращивал овощи, о чем, несомненно, не мог не знать Фань Чи, он не считал себя специалистом в этой области. Его сфера деятельности — обучение тех, кто в будущем должен войти в категорию «верхов». И он показывает ученикам, какими должны быть настоящие «верхи», а именно, они должны не только говорить о соблюдении правил, почтительности, справедливости, честности, но и любить все это. Под термином «любовь», который Конфуций умышленно повторяет перед каждым из перечисленных четырех понятий, он имеет в виду естественное восприятие их сердцем и душой. «Верхи» только тогда могут стать истинными «верхами народа», когда в своем повседневном поведении они добьются воплощения четырех принципов на личном примере. Искусству овладения этими принципами, наряду с другими, и учит школа Конфуция. Это трудный путь, но только овладев им, можно стать истинным профессионалом в сфере управления народом, то есть в сфере деятельности «благородного мужа». Когда «верхи» достигнут такой стадии совершенства, то им не понадобится вынуждать в такие мелочи, как «обучение выращиванию хлебов или овощей», — народ не только сам с успехом займется своим делом, но и еще проникнется к «верхам» чувством искренней признательности: «устремится к верхам с четырех сторон, неся за спиной детей».

У «народа» есть свои учителя, и Конфуций не кривит душой, когда отказывает Фань Чи в конкретных уроках по технике обработки земли под злаки и овощи, хотя и знаком с ней. Он не стесняется признать, что любой старый земледелец или огородник гораздо опытнее его. Просто сам он занят в иной области: «Благородный муж, — скажет позднее Конфуций, — заботится лишь о соблюдении морали, маленький человек помышляет о земле»³².

Естественно, что рассмотренная нами беседа отражает мысли зрелого мужа, и в юности Конфуций еще не способен был логично изложить все перечисленные принципы, но истоки их формировались уже тогда. Я согласен с Куан Ямином лишь в том, что физический труд, по мнению юного Конфуция, представил собой сферу деятельности «сяо жэнь», но анализируемый текст, так же, как и иные суждения Конфуция, не дает оснований для утверждения о презрительном отношении юного Кун Цю к труду «маленьких людей». Профессор Чжао Гуансян, с которым я поделился сомнениями в правильности трактовки Куан Ямина, был согласен с моими доводами. «Конфуций, — добавил он, — был педагогом. В своем ответе Фань Чи он подчеркивал, что каждый должен заниматься своим делом, но заниматься действительно профессионально. Конфуций готовил учеников не для земледелия, а для государственной службы. В перспективе каждый из них (все зависело от личных способностей и усердия) мог стать цзюнь цзы. А когда в одном лице сочетаются чиновник и цзюнь цзы, то и земледельцы станут жить лучше, ибо он создает им те условия, о которых говорил Конфуций: „Используй труд земледельца согласно временам земледельческого года“».

После вынужденного отступления вернемся вновь к жизни семнадцатилетнего юноши. Нелегкий физический труд закалил Цю, приучил к невзгодам. Хотя судьба и нанесла ему ряд тяжелых ударов в детстве и юности, она как бы компенсировала причиненные страдания, наделив юношу природным умом, отменным здоровьем и силой. Сыма Цянь отмечает его высокий рост: «Кун цзы был ростом в девять чи и шесть цуней [примерно 1 м 91 см. — Л. П.], все звали его верзилкой, и он отличался от других»³³. Юноша увлеченно занимается самообразованием в надежде, что со временем знания смогут прокормить его и помогут в служебной карьере. Об этом периоде своей жизни сам Конфуций сообщает предельно лаконично, отмечая, что уже «в пятнадцать лет я сосредоточил все свои помыслы на учебе»³⁴.

В VI—V вв. до н. э. образованным считался тот, кто в совершенстве владел шестью видами умений, или шестью искусствами («лю и»): умением выполнять ритуалы, по-

нимать музыку, стрелять из лука, управлять колесницей, читать и, наконец, умением считать, то есть знанием математики.

Шесть искусств открывали путь наверх, давая путевку в среду средней и высшей аристократии. И юноша сумел хорошо овладеть ими. Если при этом учитывать его не такие уж плохие «анкетные» данные — сын храброго ши некогда известной фамилии и матери из большого знатного рода, живущего в столице, то станут понятны причины, почему представители высшей знати царства Лу стали привечать юношу. Об этом свидетельствуют следующие достоверные факты.

В 19 лет Конфуций берет в жены девушку из семьи Ци, проживавшей в царстве его предков — Суи. По мнению Куан Ямина, если бы луские аристократы, жившие в Цюйфу, не относились благосклонно к юноше, то брак с девушкой из другого государства, да еще из чиновной среды, вряд ли был бы возможен¹⁵.

Через год после женитьбы судьба преподнесла Конфуцию неожиданный подарок — жена родила сына. Почему «неожиданный»? Он был наслышан о страданиях отца и, видимо, очень волновался, что может пойти по его стопам. Вряд ли луский правитель волновался вместе с молодым отцом, но, вспоминая о переживаниях Шу Лянхэ и злорадных шутках за его спиной, Чжао Гун (541—510 гг. до н. э.) решил отметить это радостное событие в семье сына храброго ши и послал Конфуцию со слугой крупного живого карпа — символ благопожелания юной семье. Конфуций был безмерно рад такому проявлению внимания. Но как выразить лускому царю свою признательность? Он ведь беден — каков может быть его ответный дар? И он дарит Чжао Гуну самое ценное, нарекает сына именем Ли (камп), дабы запечатлеть на всю жизнь своего первенца этот счастливый акт в истории семьи. Этот акт отражен и в прозвище сына¹⁶ Бо Юй, «юй» — рыба, а «бо» — старший из братьев. Видимо, он надеялся, что за старшим мальчиком последуют другие сыновья, ведь его старшего сводного брата-хромоножку звали Бо Ни («старший с глинозема»). Однако судьба распорядилась по-иному, больше у Конфуция сыновей не было.

Проявленные власть имущими знаки внимания никак не отразились на благополучии семьи. Став отцом, Конфуций уже не мог довольствоваться случайными заработками. Необходим был постоянный источник доходов, а дать его могла лишь служба у царя либо могущественного аристократа, третьего пути дано не было.

(Продолжение следует)

¹ См.: Сы ма Цянь. Исторические записки // Перевод с китайского, предисловие и комментарий Р. В. Вяткина. — М., 1985. — Т. III. — С. 23, 791.

² Р. В. Вяткин отмечает, что в средневековой России были сходные перечни: родословные росписи, родословцы, поколенные росписи родов. См.: Сы ма Цянь. Исторические записки. — Т. III. — С. 23.

³ См.: Исторические записки с собранием комментариев, исследованием и подтверждениями. — Шанхай, 1955. — Гл. 38. — С. 22 (на кит. яз.).

⁴ Дай фу — почетный титул, который носили представители аристократии.

⁵ См.: Куан Ямин. Биография Конфуция. — Пекин, 1985. — С. 34 (на кит. яз.).

⁶ Цит. по: Куан Ямин. Указ. соч. — С. 35.

⁷ Сы ма Цянь. Исторические записки. — Т. III. — С. 10.

⁸ Там же. — С. 87, 93—94.

⁹ Да сы ма — один из высших чинов в табели о рангах тогдашнего Китая.

¹⁰ См.: Исторические записки с собранием... — Гл. 38. — С. 24.

¹¹ См.: там же. — С. 25.

¹² Там же.

¹³ См.: Куан Ямин. Указ. соч. — С. 35.

¹⁴ См.: Цзочжуань. 10-й год правления луского Сян гуна. Цит. по: Шисань цзин чжишу. — Т. 2. — С. 1946.

- ¹⁵ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 36.
¹⁶ См.: Шисань цзинь...— Т. 2.— С. 1963.
¹⁷ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 36.
¹⁸ См. там же.— С. 37.
¹⁹ Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 2849.
²⁰ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 37.
²¹ Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 2849.
²² См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 37.
²³ По сведениям профессора Чжао Гуансяна, разница в возрасте не должна была превышать 10 лет. В противном случае такой брак считали «бу хэ чжоу ли» (не соответствующим чжоуским правилам).
²⁴ Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 8.
²⁵ Местные жители называют эту пещеру «му цзы тун» (пещера матери и сына).
²⁶ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 38.
²⁷ См. там же.— С. 45.—46.
²⁸ См.: Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 10.
²⁹ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 44.
³⁰ Фань Сюй — второе имя Фань Чи.
³¹ См.: Ян Боцзюнь. Лунь юй и чжу (Беседы и суждения с переводом на современный язык и комментариями). Шанхай.— 1965.— С. 142.
³² Там же.— С. 40.
³³ Исторические записки с собранием...— Гл. 47.— С. 13.
³⁴ Ян Боцзюнь. Указ. соч.— С. 95.
³⁵ См.: Куан Ямин. Указ. соч.— С. 43.
³⁶ Древние китайцы при рождении ребенка вместе с именем сразу давали и прозвище.

Наиболее активным помощником Зорге в сборе информации был Ходзуми Одзак. Среди его знакомых были влиятельные в Японии лица, формировавшие политику страны. Это можно отметить по справке следователей, составленной по материалам допросов Одзак.

Ходзуми Одзак

Информация, переданная Одзак Зорге.

1. Июнь 1934 года. «На основе изучения тенденций в различных общественных организациях после инцидента 15 мая утверждаю, что в результате инцидента повышается роль группы «твердолобых» в армии и поднимают головы правые организации».

2. 1935 год. «В связи с событиями вокруг переговоров о продаже Северной железной дороги (КВЖД) усиливаются мнения о том, что, хотя и есть осложнения в вопросе о покупке железной дороги, японская сторона склонна в конечном счете к компромиссному завершению переговоров, т. к. считает нежелательным существование на территории Маньчжоу-Го железной дороги, принадлежащей вражескому государству».

3. Сентябрь 1935 года. «На основании изучения брошюры «О подлинном значении обороны государства в широком смысле слова» докладываю, что эта брошюра отражает стремление армии, настаивая на широкой обороне государства, играть большую роль в политической, экономической и социальной жизни страны».

4. Январь 1936 года. «С конца 1935 года до января 1936 года по указанию руководства газеты «Асахи» выезжал в Китай для изучения сложившегося там положения. Путешествуя по Северному Китаю, беседовал с известными деятелями Ин Жугэном (провинция Хэбэй), Цхун Чжэюанем (провинции Хэбэй и Чахар), Чжу Суйчуаном (Шаньси), Фу Цзюи (Суйюань) и Хань Фуцзем (Шаньдун). Они сообщили, что «соответствующие власти Китая недоверчиво смотрят на продвижение Японии в Северный Китай». Среди народа Северного Китая усиливаются антияпонские настроения, что создает препятствия для последующих политических шагов Японии».

5. Январь 1936 года. «Инцидент в связи с убийством генерал-лейтенанта Нагата подполковником Айсава обострил фракционную борьбу в армии. Нагата входил в руководство «группы контроля» (Тосэйха)».

6. Февраль-март 1936 года. «Я докладывал уже подробности «событий 26 февраля» с момента их начала до конца. Для событий характерно следующее: а) Воинские части, принявшие участие в мятеже, находились под сильным влиянием кризиса в сельском хозяйстве. б) Молодые офицеры, связанные с солдатами — выходцами из деревень, были настроены против помещиков и финансового капитала. в) Эти события, так же как и инцидент «15 мая», приведут к усилению правых сил. г) В результате этих событий внешняя политика, и в частности политика в отношении Советского Союза, приобретает антисоветский характер».

7. Осень 1936 года. «Необходимо следить за тем, как «японо-германский антикоминтерновский пакт приобретет характер военного союза, объектом которого будет Советский Союз».

Продолжение. Начало см.: Проблемы Дальнего Востока.— 1991.— № 2.

8. Осень 1936 года. «О ходе японо-китайских переговоров в Нанкине. Японское правительство продолжает переговоры, имея в виду осуществление так называемых «трех принципов Хирота». Вместе с тем к требованиям Японии неожиданно добавлено требование об совместных «антикоминтерновских действиях» и в переговоры включено положение об информации о создании в Северном Китае районов для борьбы с коммунистами. Хотя переговоры и продолжаются, однако сверх ожиданий противодействие китайского народа велико. Результатом этого является инцидент в Суйюань».

9. Май 1937 года. «О провале Угаки и формировании кабинета министров. Угаки выдвигали финансовые и помещичьи круги. В армии также были лица, поддерживающие Угаки. Однако другая часть армии резко выступила против Угаки, поэтому он и потерпел поражение. Причиной выступлений против Угаки было благосклонное отношение последнего к разоружению.»

10. Июнь 1937 года. «О создании кабинета Коноэ и его характере. Создание кабинета Коноэ было последним козырем высших кругов Японии. Создание кабинета было поддержано финансовыми и политическими кругами. Кроме этого свою поддержку кабинету высказала и армия. Гражданские власти надеются, что Коноэ сможет подчинить армию и создаст военно-гражданскую власть. Армия же стремилась использовать хорошую репутацию и реформистские взгляды Коноэ для достижения своих целей».

11. Июль 1937 года. «Инцидент у моста Лугоуцзяо» является продолжением политики, начатой с «маньчжурского инцидента». Считают, что эти события должны перерасти в большую войну между Японией и Китаем. Перспективы на будущее таковы, что сплетение интересов великих держав в Китае обязательно приведет к мировой войне. В японском правительстве в настоящее время существуют две точки зрения, одна из которых отражает мнение в пользу расширения инцидента, а другая — против расширения».

12. Июль 1937 года. «Содержание сообщения, сделанного советником Хидака, направленного в Нанкин для переговоров по принятию мер для улучшения положения, сложившегося после событий в Северном Китае».

13. Ноябрь 1937 года. Положение «О создании главной ставки» включает в себя планы правительства объединить военные действия и политику с тем, чтобы сдержать самовольные действия армии в подготовке к расширению военных действий.

14. Март 1938 года. С декабря 1937 года по март 1938 года совершил поездку по Среднему и Южному Китаю в качестве корреспондента «Тотёся». Прибыв в Китай, посетил Шанхай и Гонконг, а затем вернулся в Японию. В результате поездки могу сообщить следующее:

а) Американцы и англичане в Шанхае недовольны развитием событий и высказываются за достижение договоренности Японии с Чан Кайши.

б) Немецкие коммерсанты обеспокоены действиями Японии и хотят, чтобы инциденту был положен конец.

в) Китайские деловые люди также не доверяют японцам.

г) Среди китайцев сильны антияпонские настроения и усиливаются тенденции в пользу единых действий.

д) Гонконг является базой по оказанию помощи Китаю, поэтому обязательно должен осуществиться захват Кантона.

15. Апрель 1938 года. Информация относительно создания правительства Вэй Синя. Командование северной армии Китая выступило против создания в центре Китая реформированного правительства Вэй Синя, однако центральная армия горячо поддержала это и направила специального посланника самолетом в Токио.

16. Май 1938 года. Причины отставки министра иностранных дел Хирота и назначения Угаки состояли в следующем: а) Хирота вел себя пассивно в китайском инциденте. б) Выдвижение Угаки было вызвано стремлением добиться соглашения с США и Англией в деле решения китайского инцидента.

Хотя содержание беседы Угаки с Крейги осталось неизвестным, однако перспективы таковы, что переговоры потерпят крах. Это объясняется следующим: а) Внутри кабинета министров есть лица, которые выступают против намерений Угаки. б) Общественное мнение внутри страны выступает против соглашения с Англией.

17. Июнь 1938 года. Назначение на пост военного министра Итагаки означает отстранение представителей «группы контроля» (Тосэйха) Сугияма и Умэдзу, а также то, что Итагаки является «сторонником группы императорского пути» (Кодохо) и будет уделять больше внимания политике в отношении Китая.

18. Июль 1938 года. Инцидент у высоты Чанкуфын (высота Заозерная) является первым прямым столкновением Японии с Советским Союзом в период китайских событий. Правительство и армия намерены избежать войны и опасаются, как бы этот инцидент не перерос в войну между Японией и Советским Союзом.

19. Январь 1939 года. Причины отставки кабинета Коноэ: а) По-прежнему не были урегулированы связи между политикой и армией. б) Вопреки ожиданиям, китайский инцидент приобрел затяжной характер. в) Трудности дифференциации политической линии, занятой в отношении дружественных связей с Германией и связей с Англией и США. г) Трудности в осуществлении переориентации народа. Коноэ ушел в отставку, воспользовавшись неудачей политических шагов Ван Чжаомина.

20. Май 1939 года. В связи с событиями у Номон-Кан (Халхин-Гол) японская сторона не намерена начинать войну с Советским Союзом, японский народ также не хочет войны. Кроме того, по слухам, армия Японии в этих событиях проявила себя весьма плохо.

21. Июнь 1939 года. Поездка Ван Чжаомина в Японию была секретной и предпринята для достижения договоренности с японской стороной. В Японии Ван Чжаомина встретился с Коноэ, Хиракума и другими влиятельными людьми.

22. С весны по июнь 1939 года. Одзакэ докладывал о положении, «сложившемся в связи с военным союзом Японии, Германии и Италии». Японское правительство получило письмо от посла Японии в Германии Осима о военном союзе. Это письмо обсуждалось правительством Хиракума более 10 раз. В самом правительстве не было единства по этому вопросу, в частности представители военно-морского флота призывали к более осторожной позиции, а Аrita был настроен весьма скептически. Кроме этого складывается впечатление, что сам премьер-министр Хиракума находится под влиянием тех, кто выступает за улучшение отношений с США и Англией.

23. Сентябрь 1939 года. Кабинет Абэ, судя по тому, как был создан, значительно слабее предыдущего кабинета и должен выступать в интересах достижения договоренности с Англией и США. В ближайшее время правительство сделает заявление о невмешательстве в связи с войной в Европе, однако это будет всего лишь временным явлением, т. е. проявлением политики выжидания.

24. Январь 1940 года. Одзакэ сообщает о положении, сложившемся в конце пребывания на посту премьер-министра Абэ. Правительство Абэ прекратило существование из-за своей слабости, а также тревожной обстановки в Европе. Внутри страны активизировались группировки «Токэнрэнгоха», Кухара и «Гикай най сингунха». В результате этого правительство пало. В отстранении от власти Абэ отчетливо проявила себя армия, однако она еще открыто не вышла на политическую арену.

25. Январь 1940 года. Одзакэ сообщает о создании кабинета Ионай. После смещения армии правительство Абэ к власти пришло правительство Ионай. Однако по своему характеру это правительство также является слабым, т. к. оно создано как силами, которые выступали за сохранение старого правительства, так и выступающими за осуществление реформ.

26. Апрель 1940 года. Одзакэ выезжает в командировку в Китай и после возвращения сообщает, что в результате поездки в Шанхай стало ясно, что внутри японского правительства есть лица, которые настаивают на непосредственных переговорах с Чан Кайши.

27. Июнь 1940 года. Одзакэ сообщает, что в результате заключения договора о мире и дружбе между Японией и Таиландом еще больше укрепился плацдарм Японии для продвижения на юг. Что же касается премьер-министра Пибуносонграма, то он настроен проапонски.

28. Июль 1940 года. Одзакэ сообщает «о создании второго кабинета Коноэ». Кабинет Ионай пал в связи с развитием событий в Европе и под давлением сил группы «оси», стоящей во главе армии. Заключение тройственного союза — задача, которая стоит перед новым кабинетом. Ходят слухи, что Коноэ согласился возглавить правительство при условии согласия армии воздерживаться от вмешательства в политику. Однако результаты этих переговоров Коноэ с руководством армии представляли собой лишь приспособление армии к существующей обстановке.

С созданием кабинета Коноэ связывались надежды на создание новой политической организации и новой системы осуществления политики. Одзакэ представил Зорге сообщения по этим вопросам, которые волновали правительство. Принц Коноэ в заявлении, сделанном в Каруидзава, показал, что он решительным образом будет избегать создания власти «в форме правительства сёгуна».

29. Сентябрь-октябрь 1940 года. Одзакі сообщает, что известие о том, что Советский Союз увеличивает свои силы в Маньчжурии, ускорило заключение «тройственного союза».
30. Осень 1940 года. Одзакі сообщает, что целью переговоров министра торговли Кобаяси в Голландской Индии является стремление получить нефть для Японии.
31. С декабря 1940 по весну 1941 года. Одзакі сообщает об экономическом соглашении между Японией, Германией и Италией. Германия направила в Японию делегацию для переговоров, целью которых было получить из Японии через Советский Союз товары, необходимые для военных целей. Германия стремилась получить соевые бобы из Маньчжурии, олово, резину и т. д. В связи с этим Англия и Голландская Индия высказали предупреждение Японии о возможных поставках товаров через Японию в Германию.
32. Март-апрель 1941 года. Одзакі сообщает о целях поездки министра иностранных дел Мацуока в Европу. «В окружении премьер-министра Коноэ не возлагают больших надежд на поездку Мацуока в Европу. Сопровождающий Мацуока Сайондзи также говорит: «Цель поездки Мацуока состоит в тщательном изучении положения в Европе для принятия в дальнейшем дипломатических шагов». В правящих кругах, по всей видимости, не ожидают, что поездка принесет конкретные успехи».
- После возвращения Мацуока в Японию я спросил Сайондзи о возможностях германо-советской войны. Он ответил: «Хотя отношения и напряженные, но вряд ли будет война».
- Обвиняемый радовался тому, что японо-советский договор о нейтралитете временно устранил угрозу одновременного нападения Германии и Японии на Советский Союз, однако с нападением Германии на Советский Союз он начал сомневаться в том, будет ли Япония придерживаться нейтралитета. Во время заключения договора о нейтралитете нейтралитетские настроения были весьма сильны. Однако говорили о том, что со временем произойдет поворот в политике. Одзакі предупреждал о подготовке нападения Японии на Советский Союз.
33. Май 1941 года. В противовес поездке Мацуока в Европу армия самостоятельно направила в Германию и Италию генерал-лейтенанта Томофуми Ямасита. Обвиняемый докладывал, что цели поездки генерал-лейтенанта Ямасита были гораздо важнее, чем цели поездки Мацуока, и необходимо обратить внимание на это, как проявление того, что вопрос о войне решает не правительство, а армия.
34. Август 1940 года. Одзакі сообщает, что когда Мацуока был назначен министром иностранных дел, он назначил послом Японии в США генерала Номура. Одзакі обращает внимание, что помимо того, что Номура был знаком со многими американскими деятелями, начиная с Рузвельта, его назначение было связано с желанием Мацуока начать переговоры с США.
35. Конец июня 1941 года. Одзакі сообщает, что в связи с началом германо-советской войны японское правительство 19 июня приняло решение занять нейтральную позицию в отношении войны Германии и Советского Союза.
36. Конец июня 1941 года. Одзакі сообщает, что 23 июня руководство армии в связи с ухудшением отношений с Англией и США, а также германо-советской войной приняло «План широких военных операций на Юге и на Севере».
37. Начало июля 1941 года. Одзакі сообщает, что 2 июля совещание у императора приняло за основу «План единых операций на Юге и на Севере», представленный руководством армии как подготовительный шаг к изменившемуся положению, создавшемуся после начала германо-советской войны. Затем было решено продолжить переговоры с США и провести большую мобилизацию с тем, чтобы увеличить японские войска в южной части Французского Индокитая и в Маньчжоу-Го.
38. Середина июля 1941 года. Одзакі сообщает, что большая мобилизация начинается по всей стране с начала июля месяца. Информация по вопросу о всеобщей мобилизации собиралась повсюду, включая слухи в деревнях. Например, Акира Кадзэми утверждал, что мобилизовано 5 млн. солдат. Обвиняемый получил близкие к действительности сведения о том, что к концу июля месяца число мобилизованных было в пределах миллиона. В конце июля Синтаро Орита сообщил обвиняемому, что на Север будет отправлено 250 тыс. солдат, на Юг — 350 тыс. и на территории Японии будет находиться 400 тыс. солдат.
39. Август 1941 года. Одзакі сообщает, что получил информацию о том, что Япония не нападет на Советский Союз. Сообщение было следующего содержания. Самое позднее, когда Япония должна начать войну против Советского Союза — конец августа. Однако

наступление Германии завязло в районе Смоленска, поэтому в течение этого года военные действия не начнутся. В это же время была получена информация по вопросу о войне против Советского Союза, в которой излагались намерения правительства, руководства армии и Квантунской армии. В конце августа правдивость этой информации подтвердилась. Однако Олдаки к своему сообщению добавлял, что существует опасность того, что если Советский Союз потерпит крупное поражение, то Япония может вступить в войну сразу же.

40. Сентябрь 1941 года. В начале сентября 1941 года в Дайрене открылась конференция «О влиянии новой обстановки на политику и экономику Японии». По указанию Зорге обвиняемый присутствовал на этой конференции, а затем посетил Чаньчунь, Мукден и вернулся в Токио. За время поездки он получил следующую информацию: «Приказания о транспортировке, полученные компанией «Мантэцу» от армии», «О перевозе из Северного Китая 3 тыс. товарных вагонов», «Выводы о необходимости удвоения отрядов охраны Северо-Маньчжурской железной дороги и предлагаемое спринтельство линии в Оупу», «О планах передислокации на зимнее время войск, находящихся в северных районах Маньчжурии, в южные районы», «Об ухудшении экономического положения в Маньчжурии» и т. д.

На основе этих материалов, а также всего виденного на месте обвиняемый сделал твердый вывод о том, что Япония не начнет войны против Советского Союза.

41. С мая по июль 1941 года. Обвиняемый передал следующую информацию относительно японо-американских переговоров. Вернувшийся в Японию Мацуока был недоволен тем, что правительство в его отсутствие начало переговоры с США. О начале переговоров обвиняемый узнал от сотрудника газеты «Асахи» Танака. На конференции в присутствии императора 2 июля одним из главных вопросов был также вопрос о продолжении переговоров с США. Обвиняемый пришел к выводу, что возможность успешного завершения переговоров чрезвычайно мала.

42. Август-сентябрь 1941 года. Обвиняемый предполагал, что условия японо-американских переговоров сводятся к следующим: японская сторона выдвигает требования: а) возобновление Америкой торговых отношений, особенно такими товарами, как нефть и сталь, необходимыми для ведения войны; б) помощь со стороны Америки в решении китайского инцидента; в) посредничество США в получении необходимых материалов из южных стран. Требования же США были следующими: а) действительный выход Японии из тройственного союза; б) действительный вывод войск из Китая; в) прекращение продвижения на Юг. Правильность этих предположений была подтверждена Сайондзи.

В конце сентября Сайондзи показал обвиняемому копию японских предложений, направленных США. После ознакомления с копией обвиняемый еще раз убедился в совпадении предложений с действительным положением вещей. Смысл этих предложений можно выразить одним понятием — соглашение о мире в районе Тихого океана. Конкретно предложения содержали: «Заклучение между Японией и США соглашения о мире в районе Тихого океана», «Заклучение торгового договора», «Об урегулировании японо-китайских отношений», «О международной позиции Японии», «О ресурсах стран Южных морей» и т. д.

43. Август-октябрь 1941 года. О сроках японо-американских переговоров обвиняемый вначале называл конец сентября или начало октября, а затем высказал свое личное мнение — «переговоры должны закончиться в течение этого года».

44. Июль 1941 года. Обвиняемый сообщает, что переход от второго к третьему кабинет Коноэ не означает изменения политики, а является всего лишь реорганизацией кабинета, которая показала отчужденность между Хиранума, Янагигива и Коноэ. Был оставлен вие кабинета Мацуока. Эта реорганизация подтверждает курс правительства на продолжение переговоров с США.

45. 1940 год. Информация — «Изменения в сельском хозяйстве Японии, вызванные китайским инцидентом, и состояние экономики».

46. Весна 1941 года. Информация, переданная обвиняемому и подготовленная сотрудником исследовательского отдела компании «Мантэцу» Риду Ито «Война и сельское хозяйство Японии».

47. Весна-осень 1934 года. Информация о расположении японских дивизий в Маньчжурии, фамилии командиров дивизий, о расположении гарнизонов охраны.

48. Весна 1936 года. Информация о главнейших японских военных заводах.

49. Август-сентябрь 1938 года. Информация о названиях частей, направляемых в Китай и Маньчжурию.

50. Март-апрель 1941 года. Обвиняемый передает переведенную на английский язык памятку, содержащую информацию «О новой организации японских сухопутных сил, т. е. названия дивизий, расположенных внутри страны, в Северном Китае, в Центральном Китае, в Южном Китае и Маньчжоу-Го.

51. Осень 1939 года. Информация «О расположении японских вооруженных сил в районе советской границы».

Ётоку Мияги

Мияги собрал следующую информацию и материалы:

1. 1934 год (день и месяц неизвестны). «Антисоветская политика военных кругов Японии».

2. Январь-февраль 1935 года. «Общие внутривнутриполитические вопросы». Информация по политическому положению передавалась ежемесячно.

3. Апрель 1935 года. «Антисоветские планы руководства японской армии».

4. Июнь 1935 года. «О положении в различных группировках в руководстве армии».

5. Июль 1935 года. «Положение в правых организациях».

6. Сентябрь 1935 года. «Антисоветский курс кабинета Окада».

7. Ноябрь 1935 года. «О лондонской конференции по сокращению морских вооружений».

8. Декабрь 1935 года. «О производстве риса в Японии».

9. Январь 1936 года. Об инциденте убийства генерал-лейтенанта Тацуяма Нагата подполковником Аисава.

10. Февраль 1936 года. «Вопрос о советско-маньчжурской границе».

11. Февраль 1936 года. «Положение, сложившееся в связи с событиями 26 февраля».

12. Февраль 1936 года. «Об объявлении военного положения и обстановке в Токио».

13. Февраль 1936 года. Об образовании кабинета Хирота.

14. Февраль 1936 года. О влиянии событий 26 февраля на народ и политику Японии.

(И так далее, по донесениям Мияги можно проследить все события в Японии второй половины 30-х годов. Редактор ниже оставил, сохранив нумерацию, только те пункты из отчета полиции, которые, на его взгляд, несут новую информационную нагрузку. Хотя этот отбор весьма субъективен.)

22. Май 1936 года. О планах армии относительно переселенцев в Маньчжурию.

23. Октябрь 1936 года. О крупных маневрах на Хоккайдо в долине Исикари.

24. Декабрь 1936 года. Об изменениях в личном составе армии и военно-морском флоте.

27. Февраль 1937 года. О надеждах народа на генерала Угаки в связи с поручением ему создать правительство. О решительном выступлении против правительства Угаки со стороны группы «Камбуха» (руководящая группа).

38. Июль 1937 года. Инцидент Ганчанцзы и курс военного штаба против расширения инцидента.

40. Июль 1937 года. О событиях у моста Лугоуцзяо и планы Японии. Планы независимости Северного Китая (углубление внутривнутриполитических трудностей и неизбежность событий у моста Лугоуцзяо).

42. Август 1937 года. О перспективах японо-китайских событий (курс правительства на нерасширение событий).

49. Август 1937 года. Чрезвычайная сессия парламента и чрезвычайный бюджет на покрытие расходов, связанных с событиями в Китае.

50. Октябрь 1937 года. О состоянии охраны границы на Северном Сахалине.

57. Январь 1938 года. О посредничестве германского правительства в установлении мира между Японией и Китаем.

64. Июль 1938 года. О событиях у высоты Чанкуфын (Заозерная). Предполагается, что инцидент не перерастет в войну в связи с ограниченностью военных действий. «Причины возникновения инцидента связываются с неопределенностью пограничной линии, а также с необходимостью принятия дополнительного военного бюджета».

65. Август 1938 года. О политике кабинета Коноэ в отношении Советского Союза.

66. Август 1938 года. О первых маневрах войск противовоздушной обороны.

70. Ноябрь 1938 года. О боевых действиях японской армии в Южном Китае и расширении района боевых действий. (Предполагают, что события в Китае являются неразрешимыми.)

80. Апрель 1939 года. О создании германо-итальянского военного союза и позиция японского правительства. (Колебания японских руководящих кругов по поводу опасности, которую может повлечь за собой присоединение к союзу.)

81. Май 1939 года. О японских воинских частях, расположенных в Хайларе.

82. Май 1939 года. О японских воинских частях и их вооружении в восточной части маньчжурской границы — Дуннин, Суйфонхэ, Тумэнцзы, Цинъюань.

83. Май 1939 года. О маневрах японских войск, расположенных в восточной части маньчжурской границы.

89. Июль 1939 года. «Японский народ не верит пропаганде армейской информационной службы о военных успехах в районе Номон-Кан и настроен весьма пессимистически».

97. Октябрь 1939 года. О военных маневрах в восточном пограничном районе Маньчжурии.

121. Май 1941 года. О подписании японо-советского пакта о нейтралитете и отклики в Японии (отклики на выступление Мацуока в зале «Хибия»).

129. Июль 1941 года. О перспективах японо-советской войны. (Мнения Генерального штаба и военного министерства.)

132. Август 1941 года. Вопрос о вступлении в войну с Советским Союзом будет зависеть от решения вопроса о направлении отправки войск.

134. Сентябрь 1941 года. О ходе большой мобилизации.

135. Сентябрь 1941 года. О положении на восточной границе в Маньчжурии. (Войска, оснащенность, районы дислокации, запасы горючего и т. д.)

Это сухой перечень информации, переданной Ётоку Мияги Зорге. Насколько она была полной и важной, можно судить из некоторых протоколов допросов Мияги. Вот выдержки из них:

Из протокола допроса № 13 от 30 октября 1942 года.

Обвиняемый — Ётоку Мияги

Вопрос второй: Какую информацию, касающуюся политики, дипломатии, финансовой политики и экономики Японии, получил обвиняемый в период с мая по октябрь 1941 года?

Ответ: Главными вопросами в нашей разведывательной деятельности в то время были: 1) Германо-советская война и позиция Японии в отношении этой войны. 2) Вопросы японо-американских переговоров.

Вопрос четвертый: ...каково было содержание сообщений с предупреждениями о нападении Германии на Советский Союз, представленных в мае 1941 года?

Ответ: Содержание сообщения сводилось к следующим положениям:

1. На Балканах Германия стремилась к захвату балканских государств без вооруженной борьбы. Однако сверх ожиданий в Югославии и Греции Германия встретила ожесточенное сопротивление и понесла большие потери. Из-за этого был упущен момент для вторжения в Англию.

Далее, захват острова Крит рассматривался в качестве подготовительной операции германских войск для вторжения в Англию. Гитлер заявил, что военные операции по захвату Крита завершатся в течение недели. Однако в действительности для оккупации острова потребовался месяц. Неудачи в этих операциях сделали невозможным осуществление военных операций с высадкой войск в Англии. И вполне естественно, что главным направлением военных операций Германии стал Советский Союз.

Далее, в августе месяце осуществлять вторжение в Англию представляется весьма трудным, так как пролив Па-де-Кале окутывается туманом. Кроме этого, уже в то время Германия испытывала нехватку нефти и продовольствия. Поэтому у нее не было иного пути, кроме как нападение на Советский Союз. Направленность военных действий на Советский Союз обуславливалась также необходимостью поддержания среди народа энтузиазма военных побед, а также ликвидации противоречий внутри командования вооруженными силами Германии.

Для оправдания нападения на Советский Союз Гитлер, очевидно, выдвинет следующие причины: Советский Союз не предоставляет Германии необходимые ей нефть и сельско-

хозяйственные продукты. Советский Союз представляет угрозу тылу Германии. Важным является и то, что Германия хочет договориться с Англией и добиться на основе итальянского плана включения ее в международный антикоммунистический союз и тем самым создать единый фронт против Советского Союза.

Даже в Японии ходят слухи о том, что Германия концентрирует войска в районе своей восточной границы. На это нужно обратить особое внимание.

2. Позицией Японии в случае возникновения германо-советской войны будет определяться решение вопросов отношений между Японией и Китаем. В настоящее время положение внутри страны довольно тяжелое. Нынешнее руководство японскими сухопутными силами (группа «Тосэйха») не считает возможным в настоящее время начать войну против Советского Союза. Да и народ Японии устал от войны и не проявляет энтузиазма в связи с возможной войной против Советского Союза. Даже капиталисты, исходя из трудностей освоения концессий в Сибири, а также трудностей, вызванных долговременной оккупацией, не желают развязывания такой войны. Военно-морской флот, основываясь на своих трудностях, не поддерживает намерений «твердолобов» в сухопутной армии. Однако, если в германо-советской войне Советская Армия будет полностью разгромлена, то группа «твердолобов» в сухопутной армии, возможно, вновь выдвинет вопрос о создании в Сибири русского белого правительства.

Вопрос шестой: Каково было содержание информации о перспективах войны с Советским Союзом, переданной в июне 1941 года?

Ответ: Информация, которую я передал 24 или 25 июня, была следующего содержания:

1. Руководство японской армии заранее было извещено о нападении Германии на Советский Союз. 17 июня оно созвало совещание, на котором обсуждалась позиция Японии в отношении Германии и Советского Союза. На этом совещании было принято решение о том, что Япония должна соблюдать положение тройственного союза, заключенного с Германией и Италией, и вместе с этим, соблюдая пакт о нейтралитете с Советским Союзом, должна придерживаться нейтралитета.

2. 23 июня было созвано совещание руководства армии и военно-морского флота. На этом совещании обсуждалась позиция Японии в отношении Советского Союза и был принят план «Единых военных операций на Юге и Севере».

В то время Германия не выдвигала перед Японией никаких предложений. Однако посол Японии в Германии Осима прислал правительству телеграмму, в которой высказывался за необходимость вступления в войну. В правительстве отнеслись к телеграмме посла с иронией. Совещание правительства по этому вопросу было отложено ввиду отсутствия принца Коноэ.

3. Японское правительство получило следующую информацию о германо-советской войне. Германия рассчитывает на полное уничтожение советских войск. Заняв европейскую часть России, Германия планирует создать здесь прогерманскую политическую власть. Предусматривалось сохранение военной власти в наиболее важных районах и предоставление самоуправления в районах, не имеющих особого значения. После осуществления всего этого предусматривался отвод войск из Советского Союза.

4. Японские военные специалисты полагают, что в течение трех месяцев Советский Союз будет разгромлен, однако некоторые лица, возлагающие надежды на политику и экономику Советского Союза и дух советского народа, верят, что в результате длительной войны Советский Союз одержит победу.

5. Японское правительство определит свою позицию после возвращения в Японию военной делегации во главе с генерал-лейтенантом Ямасита. Японский народ возлагает большие надежды на точку зрения генерал-лейтенанта Ямасита.

Если станет невозможным импорт военных материалов из Германии, Япония будет вынуждена импортировать их из США. Поэтому, несмотря на то что Япония как можно скорее должна определить свою позицию в отношении Советского Союза, сделать ей это весьма трудно. С другой стороны, из-за того, что экспорт в Германию товаров из Маньчжурии через Советский Союз практически стал невозможен, Япония вынуждена занять более компромиссную позицию в отношении США.

6. В финансовых кругах, которые внимательно следят за отношениями с США, придерживаются пассивной позиции в отношении войны с Советским Союзом, с другой сторо-

ны — некоторые представители этих кругов настаивают, чтобы Япония уже сейчас вступила в войну против Советского Союза.

Корреспонденты газет обратились с вопросами к генералу Араки. Содержание ответа сводилось к следующему: политика нашей страны состоит в продвижении на Север. Именно сейчас настало время для уничтожения Советского Союза. Министр иностранных дел Мацуока во время пребывания в Берлине получил заверения о нападении Германии на Советский Союз и все же заключил с Советским Союзом договор о нейтралитете. Мы настаиваем на отставке министра иностранных дел Мацуока, а также на отставке всего кабинета Коноэ. Мы должны наступать на север.

Мнение генерала Араки об отношениях с США сводилось к следующим положениям.

Если Япония хочет получать из Америки товары, то она должна занять дружественную позицию в отношении США. В позиции японских руководящих кругов в отношении США существуют две линии в связи с началом германо-советской войны.

Мы должны обратить серьезное внимание на нехватку в Японии определенных товаров.

Вопрос пятнадцатый: Какова была информация об июльском совещании в присутствии императора, которую обвиняемый представил в июле?

Ответ: То, что совещание в присутствии императора открылось 2 июля, я узнал сразу же в то время. Однако мне никак не удавалось выяснить, какие решения были приняты на этом совещании. Поэтому моя информация задержалась до 10 июля, т. е. дня, когда я смог составить подробное сообщение о совещании и принести его на квартиру Зорге.

Содержание моего сообщения было следующим. На совещании в присутствии императора, которое состоялось 2 июля, были приняты следующие решения:

1. Японское правительство, как и раньше, считает основной проблемой полное решение событий в Китае.

2. В создавшихся в настоящее время условиях японское правительство будет придерживаться договора о нейтралитете с Советским Союзом и занимать выжидательную позицию в отношении германо-советской войны.

3. Наряду с проведением полной подготовки на Севере, которая соответствовала бы положению, складывающемуся в связи с развитием событий в Европе, усилить политику продвижения на Юг.

4. В японо-американских переговорах придерживаться прежнего курса.

Вопрос двадцать третий: Какова была другая информация о перспективах японо-советской войны, которая была представлена обвиняемым в июле?

Ответ: Вопрос о вступлении Японии в войну против Советского Союза связывался с условием, захватит или нет Германия Москву. Мне удалось получить и передать Зорге информацию о предположениях генерального штаба и военного министерства относительно германо-советской войны.

Информация была следующего содержания:

В Генеральном штабе между лицами, заявляющими о том, что Германии удастся захватить Москву, и лицами, отвергающими такое предположение, сложилось соотношение 5 к 5. В военном же министерстве это соотношение выражается цифрами 7 к 3, т. е. большинство на стороне тех, которые предполагают, что Германия захватит Москву. И если генеральный штаб высказывает свое мнение с чисто военной точки зрения, то мнение военного министерства включало, вероятно, и некоторые политические соображения. Из Германии в адрес Коноэ поступило требование о вступлении в войну против Советского Союза. Предложение, в котором говорится о необходимости вступления в войну, пришло и от посла в Германии Осима. Обозреватель Хэйсэко Сугиэма, являющийся сторонником группы Мацуока, заявляет, что Япония, очевидно, нападет на Советский Союз в период с 15 и до конца месяца.

Вопрос двадцать пятый: Какова была информация о перспективах японо-советской войны, представленная в августе 1941 года?

Ответ: Эта информация была подготовлена по времени в тот период, когда Германия захватила Смоленск.

Информация была следующего содержания:

1. В связи с превосходством германской армии в германо-советской войне соотношение точек зрения в военных кругах Японии по вопросу, сумеет ли Германия захватить Москву, претерпело значительное изменение. В Генеральном штабе, где соотношение было равным, т. е. 5 к 5, теперь его можно выразить как 7 против 3, а в военном министерстве, где оно составляло 7 к 3, теперь стало 8 к 2. С другой стороны, среди кругов интелли-

генции преобладает точка зрения, соответствующая заявлению бывшего посла США в Советском Союзе, который считает, что Германия не сможет захватить Москву.

2. Военно-морской флот, как и прежде, не идет на активное сотрудничество в деле начала войны против Советского Союза.

3. Японские «дзайбацу» также не занимают активной позиции по этому вопросу.

4. В настоящее время, если возникнут боевые действия, для транспортировки 500 тыс. солдат Японии потребуется 2 месяца. Вместе с тем такая транспортировка весьма затруднена, если учесть действия советских подводных лодок и авиации в случае войны между Советским Союзом и Японией. Кроме того, естественно, что необходимо одновременно перевозить и вооружение, продовольствие и т. д. Далее, запасов горючего не хватит для того, чтобы провести зиму, и поэтому уже в декабре месяце нельзя будет вести боевые действия. Поэтому, пока Германия не одержит полной победы в европейской части России, Япония не начнет военных действий против Советского Союза.

Вопрос двадцать девятый: Какова была информация, переданная в сентябре 1941 года о том, что положение на восточной границе остается без изменений?

Ответ: С наступлением сентября моя уверенность в том, что война Японии с Советским Союзом не начнется, еще более окрепла. Однако Зорге до конца сентября волновался, утверждая, что опасность войны еще не миновала. Поэтому я представил еще одну информацию следующего содержания:

Благополучно миновало 15 августа, считавшееся критическим числом. Очевидно, благополучно пройдет и 15 сентября. Это объясняется тем, что Германия уже потеряла время для захвата Москвы, а Квантунская армия потеряла желание вступить в войну. Вступление в войну против Советского Союза невозможно, т. к. в настоящее время на этом настаивает лишь небольшая группа «твердолобых» и антисоветские организации. Вопрос тридцатый: Каковы были обоснования вывода о том, что Квантунская армия потеряла желание и намерение вступить в войну?

Ответ: Я получил информацию о том, что в середине августа офицер штаба Квантунской армии прилетел в Токио и заявил в генеральном штабе, что так как невозможно в настоящее время начать военные действия против Советского Союза, то необходимо отменить планы такого наступления. На основании этой информации я сделал вывод о том, что Квантунская армия потеряла желание и намерение воевать с Советским Союзом.

Вопрос тридцать первый: Где обвиняемый получил информацию о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии?

Ответ: В середине августа я узнал от Тагути о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии. В то время я не знал о целях поездки указанного офицера. Тагути сказал мне следующее: «Квантунская армия провела подготовку для наступления на Советский Союз. Однако, разведав несколько раз положение на границе, пришла к выводу о том, что Советский Союз также провел соответствующую подготовку. На основании этого было сделано заключение о невозможности наступления...» Через два-три дня я говорил с Одзак и он сказал мне, что знает о приезде в Токио офицера штаба Квантунской армии. В конце августа у Тагути я встретился с Кикучи и спросил его по этому вопросу. Он сказал, что офицер штаба был направлен в Токио для доклада руководству вооруженными силами мнения Квантунской армии о необходимости снятия с повестки дня вопроса о вступлении в войну против Советского Союза.

Это лишь некоторые выдержки из протоколов допросов Мияги о собранной и переданной Зорге информации о позиции Японии в отношении войны Германии против Советского Союза. Но следует учитывать, что информацию по этому вопросу Зорге получал и из других источников, например, от Одзак и лично от сотрудников посольства Германии в Токио. Протоколы допросов Зорге свидетельствуют, как тщательно он анализировал сведения перед отправкой донесений в Москву.

Из Протокола № 43 от 17 марта 1942 года.

Обвиняемый Рихард Зорге.

Вопрос четвертый: Что представляла информация, полученная обвиняемым от Одзак относительно позиции Японии в связи с началом войны Германии против Советского Союза?

Ответ: Для определения позиции Японии в отношении войны Германии с Советским Союзом 19 июня 1941 года состоялось заседание японского правительства и руководства вооруженными силами. Затем 23 июня состоялось заседание Совета руководства сухопутных и военно-морских сил с участием премьер-министра и руководства сухопутными и военно-морскими силами, а 2 июля 1941 года было созвано совещание в присутствии императора. Из информации, которую сообщил мне Одзакэ по всем этим заседаниям, наибольший интерес представляла информация о совещании 2 июля. Еще до него у Одзакэ сложилось впечатление, что премьер-министр Коноэ и окружающие его министры, за исключением военных, не хотят войны с Советским Союзом. Кроме того, в руководстве военно-морским флотом были люди, которые не хотели воевать с Советским Союзом и только лишь в руководстве сухопутными войсками выступали за участие в этой войне. Однако все эти силы практически занимали выжидательную позицию, в правительстве только министр просвещения высказывал мысль об отказе от договора о нейтралитете, заключенного самим Мацуока. Одзакэ считал, что заседание 19 июня, так же, как и заседание 23 июня, имели подготовительный характер и на них не было принято никаких решений. Они были созваны для подготовки совещания 2 июля. Созыв этих двух совещаний является доказательством, с какой серьезностью японское правительство изучало эту проблему. Одзакэ просил обратить на это серьезное внимание. Однако неделю спустя я получил от Мияги несколько иную информацию о заседании руководства сухопутных и военно-морских сил 23 июня. По сообщению Мияги, на заседании было принято решение о так называемых единных операциях на Юге и Севере, суть которого сводилась к проведению боевых операций на Юге в районе Французского Индокитае и одновременно ведению боевых действий на Севере против Советского Союза. Однако я не поверил этой информации и не передал ее в Москву, отдав предпочтение информации Одзакэ. Вместе с тем я внимательно изучал полученную информацию. Что же касается содержания совещания 2 июля, то спустя некоторое время после совещания Одзакэ устно доложил мне его. Я думаю, что эта информация была получена от членов группы, близких к Коноэ. По сообщению Одзакэ, решения этого заседания можно разделить на три раздела:

1. Япония должна определить свою позицию и провести подготовку в соответствии с изменениями, происшедшими в мире.
2. Если в международном плане положение не претерпит изменений, Япония будет соблюдать японо-советский договор о нейтралитете.
3. Япония будет вести экспансию в южном направлении, при этом необходимо провести всестороннюю подготовку.

Пункты 1 и 2 были проявлением антисоветской политики Японии, и для себя я их объединил в один, а что касается всего содержания заседания, то оно представлялось мне из двух положений. Когда я обдумывал содержание этих заседаний, появились признаки всеобщей мобилизации, проводимой с июля месяца, которая проявлялась в призыве в войска, находящиеся на Севере, т. е. в Маньчжурии, и действующие на Юге, т. е. во Французском Индокитае. При этом осуществлялась мобилизация в Маньчжурии, находящейся непосредственно против Советского Союза, осуществлялась также соответствующая положению подготовка, однако все это проводилось в пределах нормальных явлений и означало, что Япония не намерена предпринимать активных действий. Как сообщил Одзакэ, военное командование японской армии сразу же после совещания 2 июля, примерно 5 или 6 июля, одобрило план, согласно которому предполагалось к концу июля оккупировать территорию Французского Индокитае до Сайгона. Таким образом, я убедился в достоверности информации Одзакэ о содержании совещания 2 июля, по которой Япония придает главное значение продвижению на Юг, и что она займет выжидательную позицию в отношении своего участия в войне против Советского Союза. Эту информацию я передал в Центр в Москве.

Вопрос пятый: Что представляла информация, переданная Одзакэ обвиняемому, относительно большой мобилизации?

Ответ: То, что вопрос о начале большой мобилизации японской армии в последней декаде июля 1941 года представлял для меня исключительный интерес, объясняется необходимостью подтверждения правильности или ошибочности мнений германской стороны по этому вопросу. В частности, утверждалось, что начатая мобилизация японской армии не приостановится и будет продолжаться и что главной ее направленностью обязательно должен быть Советский Союз. Я с помощью Одзакэ стремился во что бы то ни стало узнать действительное положение вещей. Доклад, содержащий даже детали, который

передал мне Одзаки, тем не менее почти не представлял ценности. Я ожидал в докладе Одзаки в крайнем случае ответов на вопросы о том, какое количество вооруженных сил направляется в Маньчжурию и в какой степени сейчас готовность Японии для нападения на Советский Союз. Подробный доклад, касающийся мобилизации, передал мне и Мияги. Затем Одзаки передал мне новую информацию, касающуюся всеобщей мобилизации. По этой информации, мобилизация должна быть достаточно широкой и к концу июля месяца были подготовлены для отправки войск торговые суда общим тоннажем около 1 млн. тонн. При этом предусматривалось, что отправка войск будет проводиться тремя этапами и закончится к 15 августа.

Из доверительных источников Одзаки узнал, что план всеобщей мобилизации был подготовлен самостоятельно руководством армии и что даже премьер-министр Коноэ был удивлен, узнав о нем. Следовательно, руководство армии рассудило так, что вопрос определения масштабов мобилизации должна решать сама армия, и поэтому сразу после совещания 2 июля руководство армии приступило к ее осуществлению. Я, Одзаки и Центр в Москве в течение некоторого времени были чрезвычайно взволнованы тем, что такая широкая по своим масштабам мобилизация осуществляется по воле военных и тем, что военные теперь, очевидно, заставят правительство одобрить эту мобилизацию, а также тем, не решится ли Япония после мобилизации начать войну против Советского Союза.

Следующее, что волновало нас, это вопрос о том, куда направляются войска, сформированные в результате этой мобилизации. Одзаки приложил много усилий для получения такой информации и в конце концов передал ее мне. Согласно этой информации, одна треть отобилизованных частей направлялась на Север, то есть в Маньчжурию, а в дальнейшем намечалось даже сокращение этих сил. Таким образом, в Маньчжурию направлялось около 300 тыс. солдат, то есть примерно 15 дивизий, большая же часть вооруженных сил направлялась на материковый Китай и на Юг, то есть во Французский Индокитай. Узнав об этом, мы смогли облегченно вздохнуть. Далее, несмотря на то что завершение мобилизации намечалось к 15 августа, прошло 15 число, а мобилизация продолжалась. Это нас успокаивало. Облегчение было вызвано тем, что война на Севере в зимних условиях, хотя и признавалась возможной, однако сопровождалась чрезвычайно большими трудностями.

Затем Одзаки передал мне чрезвычайно важную информацию о том, что на совещании руководства японской армии с представителями Квантунской армии, которое проходило с 20 по 28 августа, было принято решение не вступать в войну против Советского Союза в течение текущего года. Причем представители Квантунской армии высказались вообще против войны с Советским Союзом.

Вскоре после этого Одзаки выехал в командировку в Маньчжурию. Перед его отъездом дал ему задание выяснить, во-первых, степень боевой готовности японских вооруженных сил в Маньчжурии и, во-вторых, какие дивизии прибыли из Японии в Маньчжурию.

Когда Одзаки вернулся из поездки в Маньчжурию, он передал мне довольно интересную информацию. Из нее следовало, что, во-первых, в Маньчжурии уменьшилось число поездов, использовавшихся для транспортировки войск и снаряжения. Во-вторых, возникли трудности в снабжении японских войск, направленных в Маньчжурию. В-третьих, войска, находившиеся на передовых позициях, передислоцированы в южную и центральную части Маньчжурии и проводят подготовку к зиме. Это давало основание утверждать, что в текущем году Япония не нападет на Советский Союз. Это была, если так можно выразиться, негативная информация, информация против войны. Однако мое внимание привлекла и так называемая информация «за». О том, что, во-первых, в Маньчжурии планируется строительство стратегических железнодорожных путей, причем они должны направляться на север. Во-вторых, Одзаки обратил внимание на прибытие танков и тяжелой артиллерии новых образцов. Однако число танков и орудий установить не удалось. Одзаки во время поездки разговаривал со многими лицами, работающими в компании «Мантэцу» и, по их словам, они не знают, будет ли война или нет. Однако общее впечатление таково, что опасность войны уже миновала.

Все, о чем я говорил выше, сообщал мне Одзаки. Эту информацию я по радио немедленно передал в Центр в Москву.

Эта информация, как показывают исторические факты, была учтена руководством Советского Союза. Сибирские дивизии явились той ударной силой, которая позволила нам выиграть битву за Москву.

Планы покушения на Сталина

Е. ХИЯМА

Глава II. Тайный сговор

Как провел в Маньчжурии, на чужбине вторую часть своей жизни потерявший в одночасье и семью, и отечество Люшков?

Почему об этом так ничего и не сказали мне ни Онуки Така, ни Миэда Масаюки, хотя я уверен, они кое-что знали на этот счет?

А нет ли, кроме них, еще кого-нибудь, кто знает о судьбе Люшкова? Отвечая себе на этот вопрос, я первым делом подумал об офицерах и гражданских чиновниках, служивших в то время в штабе Квантунской армии.

Судя по списку офицеров и гражданских чиновников Квантунской армии (только командного и штабного состава), составленному на 1 октября 1938 г., во втором отделе штаба (занимавшемся разведкой) числились, начиная с полковника артиллерии Исомура Такэсуки, имена также подполковника кавалерии Фудзивара Масааки, подполковника пехоты Утагава Тацуя, подполковника пехоты Омуре Кэнзю, капитана транспортных войск Кавасаки Сэити. Все эти люди оказались давно умершими. Список гражданских лиц, служивших во втором отделе штаба Квантунской армии, к моему великому сожалению, дополнить не удалось. Поэтому мне не оставалось ничего другого, как добывать интересующие меня сведения косвенным путем, спрашивая людей, служивших в то время в других отделах этого штаба.

14. Беседа с Уэмура Сэйзи, работавшим в то время в Ш-ем отделе штаба Квантунской армии, состоявшаяся 5 февраля.

— Уэмура. Осенью 1938 года я служил в чине капитана в Ш-м отделе штаба Квантунской армии и ведал вопросами связи. Ежедневно и ежечасно от специальных органов со всей территории Маньчжоу-го в наш отдел поступали телеграммы. После соответствующей сортировки их доставляли адресатам.

— Хияма. Г-н Утагава Тацуя служил в то время во П-м отделе штаба Квантунской армии. После окончания войны он оказался в Советском Союзе в лагере японских военнопленных в районе Читы. Из этого лагеря он бесследно исчез.

— Уэмура. Он был тогда в чине майора.

— Да. Г-н Уэмура, Вы были осведомлены, чем занимался майор Утагава во П-м отделе.

— Уэмура. Майор занимал кабинет в глубине второго этажа здания штаба. Помимо него в кабинете сидели еще двое военных и один штатский. Во П-м отделе их называли «особой группой». Это и была действительно особая группа.

— Что в ней было особенного?

— Уэмура. Эту комнату окутывала какая-то непонятная, таинственная атмосфера. С ней была связана какая-то загадка. Но что это было, я сказать не могу. Я только чувствовал, что даже офицеры штаба испытывали к этой комнате нечто вроде неприязни и старались лишний раз к ней не приближаться.

— Чем занималась эта группа? Какие задачи выполняла?

— Уэмура. Я слышал, что она ведала вопросами контрразведки и вопросами диверсионных операций.

— Значит, майор Утагава занимался диверсиями и контрразведкой?

— Уэмура. Категорически утверждать это я не могу, но...

— Не помните ли вы имена людей, работавших в этой группе?

— Уэмура. Среди офицеров, как мне кажется, один был капитан Мурата, а другой — фельдфебель Канадзакки. Имени штатского я не знаю.

— Значит в группе работали капитан Мурата и фельдфебель Канадзаки?

— Уэмура. Если мне не изменяет память, то этих людей называли именно так. Капитан Мурата, должно быть, погиб во время событий у Номонгана (р. Халхин-Гол). Что же стало потом с Канадзаки? На вид он был коренастым, крепким мужчиной, выходец из района Тохоку.

— Значит под командой майора Утагава работали двое военных, а также штатский? Что представлял из себя этот человек?

— Уэмура. Этот человек исчез примерно в середине года, но в следующем году, т. е. в 1939, я его опять увидел в кабинете майора Утагава. Он появлялся там раза два или три. После этого опять пропал. А затем и я был переведен на службу в Центральный Китай.

— Вы сказали в середине года? Могло это быть в мае 1938 года?

— Уэмура. Это было в разгаре лета. Значит, скорее это был июнь или июль. Мой перевод на новое место службы состоялся в августе.

— Вы не встречали этого человека после войны?

— Уэмура. Нет. Он чрезмерно пользовался помадой для волос, и каждый раз, когда приходилось встречаться с ним, в нос так и бил резкий запах этой помады. Думаю, что впервые я увидел этого человека после событий у высоты Тёсико. Он производил впечатление «ронина» — бродячего самурая из Маньчжурии.

— Это был Генрих Люшков — начальник управления ГПУ по Дальнему Востоку. Вы помните инцидент, связанный с бегством этого человека в Маньчжурию?

— Уэмура. Да. Хорошо помню. Разговоры об этом случае шли тогда вовсю в штабе Квантунской армии. Люшков на время был направлен в Токио, а затем тайно переправлен к нам в Маньчжурию, где он сотрудничал со штабом Квантунской армии. Похоже, Люшков был размещен в отеле Ямато, расположенном перед зданием железнодорожного вокзала. Во время событий у высоты Тёсико его доставляли в штаб Квантунской армии в автомобиле с зашторенными стеклами. В штабе он консультировал П-й отдел, который занимался разведкой. По сравнению с его фотографиями, которые я видел ранее в газетах, он казался изрядно похудевшим и постаревшим.

— По словам г-на Миэда, занимавшего в то время пост заведующего Маньчжурским отделением управления безопасности военного министерства, Люшков был передан в распоряжение П-го отдела 20 июля. Так ли это?

— Уэмура. Ах вот как? Да, пожалуй, это произошло как раз в то время. Я слышал разговоры о том, что в начале июля Люшков был доставлен в Синьцзин и ему пришлось сотрудничать с группой контрразведки, возглавлявшейся тогда майором Миэда. Вы знаете г-на Миэда Масаюки? Во время войны в Корее он служил в штабе Макартура и занимался сбором информации о деятельности компартии.

— Я знаю все это. Я уже слышал об этом.

— Уэмура. Понятно. Вскоре после этого начались события у высоты Тёсико, и Люшков, похоже, понадобился информационной группе П-го отдела. По-видимому, нам нужно было получить от него сведения военного характера о Советском Союзе.

— Судя по официальным спискам, П-й отдел возглавлялся в то время полковником Кимура Такми.

— Уэмура. Поскольку г-н Кимура был штабным офицером высокого ранга, он в тот момент был страшно занят. Поэтому, скорее всего, сам он лично Люшковым не занимался.

— Вы не знаете, кто непосредственно допрашивал Люшкова? Я был бы Вам очень признателен, если бы Вы указали кого-либо.

— Уэмура. Кто же еще жив сейчас из тех, кто работал в то время во П-м отделе? Даже тому, кто тогда был двадцатилетним, сейчас уже за 60. Почти все они погибли на войне или умерли после от ран и болезней. Вряд ли сейчас кто из них остался в живых. Хотя, пожалуй, есть еще г-н Иноуэ, Иноуэ Рюдзо. Он служит сейчас в одной торговой фирме по продаже электротехнических товаров в р-не Нагоя. В 1944 г. мы оказались в одной воинской части в Бирме, а теперь мы ежегодно проводим встречи членов общества боевых друзей той поры. Правда, он — человек весьма сдержанный и твердый и как бы он не отказался откровенно поговорить с вами.

— Не могли бы Вы дать мне рекомендательное письмо к нему, если, конечно, это Вас не затруднит.

— Уэмура. С удовольствием.

— Тогда, может быть, Вы дадите мне его адрес? Я был бы весьма признателен Вам за это.

— Уэмура. Его адрес есть, конечно, в списке нашего общества. Вот он. Префектура Айти, город Нагоя...

— Я немедленно попробую связаться с ним. А теперь вернемся к Люшкову. Когда он вернулся в штаб Квантунской армии, каково было его положение?

— Уэмура. Внешне он выглядел довольно заурядно, но в дальнейшем производил впечатление человека, мгновенно схватывавшего самую суть дела. Кроме того, он держался достаточно уверенно, как человек, занимавший высокое положение. В нем не чувствовалось приниженности, свойственной эмигранту-беглецу.

— События у высоты Тёсико закончились 10 августа. После этого, как я слышал, Люшков получил свободу и поселился в Дайрэне.

— Уэмура. Этого я не знаю. Но, действительно, после этого Люшков перестал появляться в штабе Квантунской армии.

— Значит, с 20 июля по 10 августа Люшков сотрудничал со П-м отделом и его доставляли в штаб Квантунской армии из отеля Ямато.

— Уэмура. В тот момент считалось, что возможна настоящая война с Советским Союзом. Поэтому штаб Квантунской армии готовился к началу широкомасштабных боевых действий. Сторонниками такого развития событий в штабе армии были Хаттори Такусиро из I отдела и Цудзи Масанори из II отдела. Заместитель начальника штаба Исихара Кандзи выступал за немедленное достижение мирного урегулирования. Все же численно в штабе преобладали сторонники решительного удара по Советскому Союзу. Г-н Исихара оказался изолированным, утратил уверенность в себе и подал заявление о переводе его в запас, после чего возвратился из Маньчжурии в метрополию.

— А после этого Вам не приходилось встречаться с Люшковым?

— Уэмура. Я затрудняюсь ответить на этот вопрос. У меня такое впечатление, что с какого-то времени Люшков как-то постепенно исчез из поля зрения. Откровенно говоря, до ваших расспросов я совершенно забыл о нем.

— Да, видимо, так. Вокруг инцидента с Люшковым в газетах вначале была раздута большая шумиха. Это дело было представлено как бегство в Маньчжурию крупного советского политического деятеля, но затем газеты почти перестали давать какую-либо информацию о дальнейшем развитии этого инцидента. Поэтому вполне естественно, что по мере того, как шло время, всякие слухи о Люшкове, да и сам этот случай постепенно выветрились из памяти. А нет ли еще кого-либо из японцев, помнящих о том времени, хотя бы о том, что такой случай когда-то имел место?

— Уэмура. Это были лишь слухи. Но Люшков, вроде бы, был поручен заботам г-на Синда Харуёси, который укрыл его в городке Хосигауро под Дайрэном.

— Вы назвали имя г-на Синда Харуёси. Кто это такой?

— Уэмура. Это тот самый Синда, который так много печатается в газетах и еже неделах в неделях¹. В то время Синда возглавлял одну из экстремистских организаций - общество «Кинкикай» (об-во императорского знамени). Он вовлекал молодежь в возглавляемую г-ном Амакасу Масахико² компанию Дайто Консу и терроризировал рабочих.

— А что это за компания Дайто Консу?

— Уэмура. Г-н Амакасу организовал компанию по устройству на работу переселенцев, прибывавших в Маньчжоу-го. Эта компания имела отделения по всей территории Маньчжурии и выколачивала из своих клиентов баснословные прибыли. Общество «Кинкикай» тесно сотрудничало с компанией Дайто Консу и железной рукой подавляло недовольство рабочих, которые были вынуждены трудиться в ужасных условиях за мизерную зарплату. С другой стороны, г-н Амакасу, похоже, использовал деньги, получаемые этой компанией, для проведения специальных мероприятий.

— Что Вы подразумеваете под специальными мероприятиями?

— Уэмура. Я имею в виду то, что компания Дайто Консу и общество «Кинкикай» использовались для сбора разведывательной информации и проведения диверсионных операций. Таким образом, организации, руководимые г-ном Амакасу, работали в тесном контакте со П-м отделом штаба Квантунской армии и ее органами особого назначения в оккупированной Маньчжоу-го.

— Вот как! Значит, Утагава и Синда были связаны между собой? Эта информация является исключительно важной для меня. Может быть, диверсионная группа майора

Утагава сотрудничала с организациями г-на Амакасу, и они вместе проводили диверсионные операции против Советского Союза.

— Уэмура. Каких-либо фактов на этот счет у меня нет, но разговоры на эту тему действительно ходили. Говорили, что именно по инициативе Амакасу в штабе Квантунской армии была создана диверсионная группа. В конце 1937 г. Амакасу служил у тогдашнего начальника штаба Квантунской армии Тодзио Хидэки.

— Так значит, вот какие люди были связаны с Люшковым: Синда Харуёси, Утагава Тацуя, Амакасу Масаюки. Амакасу должен был покончить жизнь самоубийством в августе 1945 г. Утагава пропал без вести в советском лагере японских военнопленных. Значит, единственным, кто знает дальнейшую судьбу генерала Люшкова, остается г-н Синда.

— Уэмура. Городок Хасигаура под Дайраном отличался своими фешенебельными домами. Там жило много иностранцев. Недаром его называли «звездным городком». Утверждают, что Хосигаура очень напоминает городки на Средиземноморском побережье Франции. В период летнего отдыха здесь можно было получить любые мыслимые удовольствия. Дом г-на Амакасу должен был быть именно здесь, в Хосигауре.

15. Материал Иноуэ Рюдзо, работавшего в то время во II-м отделе штаба Квантунской армии, от 11 февраля.

Я направил г-ну Иноуэ Рюдзо письмо с вопросами. В конверт вложил также рекомендательное письмо к нему от г-на Уэмура Сэйдзи. Было залано два вопроса: о роли Люшкова во время событий у высоты Тёсихо и о дальнейшей жизни Люшкова. Вскоре от г-на Иноуэ пришел любезный ответ, ниже приводится полный текст его письма.

«Поставленные в вашем письме вопросы я понял и направляю Вам на них ответы. Поскольку с того времени прошло около 40 лет, возможно, в мои воспоминания могут вкрасться неточности и пробелы. Потому, если у Вас возникнут какие-либо вопросы или сомнения, можете обратиться ко мне еще раз за разъяснениями.

Генерал Люшков, действительно, сотрудничал с Квантунской армией во время инцидента у высоты Тёсихо. Если мне не изменяет память, это длилось, примерно, с 20 июля по 25 августа. Генерал Люшков был помещен в отеле «Ямато» на площади перед железнодорожным вокзалом в Синьдзине. Отсюда его ежедневно доставляли на легковом автомобиле в штаб на ул. Дайдогай.

В ходе инцидента у высоты Тёсихо ведавший разработкой боевых операций 1-й (оперативный) отдел штаба на основании получаемых разведанных оценивал боевые силы противника и разрабатывал планы широкомасштабных боевых контрнаступательных операций против советской армии. В основу этих разработок были положены данные, полученные от генерала Люшкова.

Непосредственно работал с генералом Люшковым майор Фудзивара Масаюки, возглавлявший тогда разведывательную группу II-го отдела, занимавшуюся Советским Союзом. Генерал Люшков охотно сотрудничал с нами и дал весьма ценные сведения о советских вооруженных силах на Дальнем Востоке. Как я слышал, генерал испытывал более чем жгучую ненависть к сталинскому режиму и, похоже, старался подтолкнуть Квантунскую армию к выступлению против СССР, всячески подстрекая к этому ее штабных работников.

Однако инцидент у высоты Тёсихо так и не вышел за рамки локального столкновения и благодаря заключению перемирия был сравнительно быстро урегулирован. В результате все надежды генерала Люшкова на скорое начало войны против Советского Союза рухнули. Он несколько дней не показывался из своего номера в отеле и глушил там водку. В состоянии сильного опьянения он ругался последними словами и даже позволял себе сыпать проклятья на голову японской армии, повторяя, что у японских военных, похоже, нет никакого самолюбия. Как раз в тот период императорская армия уже развязала вооруженный конфликт с Китаем и поэтому никак не могла позволить себе ввязаться еще и в полномасштабную войну с Советским Союзом. Это было ясно любому и каждому. Однако этот вывод никак, похоже, не доходил до генерала Люшкова.

После окончания инцидента у высоты Тёсихо майор Фудзивара Масаюка, не зная, что делать с генералом Люшковым дальше, запросил указаний на этот счет у генерального штаба в Токио. Он получил распоряжение в том духе, что можно было бы дать Люшкову денег и отпустить его на свободу. Однако майор Утагава Тацуя предложил использовать генерала Люшкова по своей линии, и последний был передан в его распоряжение.

В то время майор Утагава формировал заново армию Внутренней Монголии со штабом в Тёкакоу. Когда разразились вооруженные столкновения с Советами у высоты Тёсихо,

он начал проводить диверсионные и другие подрывные действия в Советском Приморье и Уссурийской области с использованием проживавших там корейцев. После урегулирования конфликта майор Утагава приступил к подготовке особой диверсионной акции против СССР под кодовым названием «охота на медведя». («операция медведь»). Суть этой операции оставалась абсолютно секретной даже для штаба Квантунской армии. В нее были посвящены только четыре человека: сам командующей Квантунской армией, начальник штаба, его заместитель и начальник II-го отдела. К сожалению, я по своему положению, разумеется, никак не мог быть посвящен в эти планы.

Однако, поскольку органы особого назначения Квантунской армии в Харбине и организации, руководимые г-ном Амакасу, а также политический департамент внешнеполитической службы Маньчжоу-го издавна тесно сотрудничали с майором Утагава в проведении подрывной деятельности против Сов. Союза, я полагаю, что эти органы могли оказывать содействие и в подготовке особой диверсионной акции — «операции медведь».

Генерал Люшков из отеля «Ямато» в Синьдзине с помощью организации Амакасу был перемещен в городок Хосигаура под Дайрэном. Я слышал, что его укрыли в отдельном особняке, принадлежавшем Синда Харуёси, которого называли правой рукой покойного капитана Амакасу.

Синда Харуёси — это тот самый Синда, имя которого склоняется повсюду в результате недавно разразившегося скандала из-за уклонения от уплаты налогов. Тот Синда, которого называют «черным покрывалом правых». В то время он был правой рукой покойного капитана Амакасу Масахико и негласно занимался укреплением позиций правых сил в Маньчжурии. После этих событий мне уже больше не довелось ни видеть генерала Люшкова, ни слышать что-либо о его дальнейшей судьбе, но мне думается, что он мог иметь какое-то отношение к подготовке диверсионной акции «медведь».

Во второй половине 1938 г. майор Утагава Тацуя стал довольно часто выезжать в Харбин и Дайрэн и нередко отсутствовал в штабе Квантунской армии. К тому же эти поездки майора имели, похоже, конфиденциальный характер, даже для самого начальника II-го отдела Кимура, из-за чего у них с майором неоднократно происходили неприятные объяснения. Я допускаю, что эти поездки майора Утагава были как-то связаны с подготовкой «операции медведь». Это все, что я знаю о генерале Люшкове. Если у Вас возникнут какие-либо вопросы, пожалуйста, обращайтесь с ними ко мне».

Таким образом, возможно, Люшков был использован в диверсионной акции против Советского Союза, которая получила кодовое название «операция медведь». Если это было действительно так, то видимо, по этой же причине соответствующие органы военного министерства полностью засекретили Люшкова, увели его в тень.

Не поэтому ли Онуки Така и Миэда Масаюки всячески уклонялись от разговоров о дальнейшей судьбе Люшкова, ведь они знали о его участии в этом деле и хотели, естественно, скрыть это обстоятельство.

Придя к такому выводу, я тут же подумал о том, чтобы еще раз встретиться с этими двумя людьми и попробовать выспросить у них, в чем заключалась суть этой акции. Конечно, я не мог ожидать, что меня сразу посвятят в историю, которая тщательно скрывалась в тайне более чем сорок лет. Поэтому я решил, что встретиться с ними следует лишь после того, как я получу об «операции медведь» дополнительные материалы и доказательства.

Я составил список лиц, которые могли, по моему мнению, что-либо знать об этой операции. Этот список включал следующие имена: командующий Квантунской армией Уэда Кэнъёси, начальник штаба Квантунской армии Китани Рансукэ, заместитель начальника штаба Уно Омицуро, начальник II-го отдела штаба Квантунской армии Кимура Такэми, сотрудник II-го отдела Утагава Тацуя, капитан Мурата Юити, фельдфебель Канадзакэ Ёситаро, начальник политического департамента внешнеполитической службы Маньчжоу-го Нисино Тадаси, Амакасу Масахико, Синда Харуёси, неизвестный штатский чиновник-японец, сотрудничавший с диверсионной группой II-го отдела.

Если оставить в стороне последнее, то из всех лиц, перечисленных в этом списке, в живых на сегодня остался лишь один Синда Харуёси. Во всех многочисленных книгах и статьях, написанных о Квантунской армии, в биографиях тех лиц, которых я включил в свой список, нет даже ни единого упоминания об «операции медведь». Поэтому, прежде чем идти на встречу с Синда Харуёси, я решил побольше узнать о тогдашней деятельности Амакасу Масахико.

Я выяснил следующее. В то время г-н Амакасу, помимо того, что он возглавлял компа-

нию Дайто Косу, являлся управляющим делами ассоциации Кёвакай Маньчжоу-го¹. 29 июля 1938 г. Амакасу в качестве заместителя руководителя миссии дружбы Маньчжоу-го выехал в поездку по странам Европы.

Поскольку Люшков мог быть привлечен к участию в подготовке «операции медведь» лишь после 20 августа 1938 г., то я был вынужден сделать заключение о том, что связь Амакасу с подготовкой этой операции представляется маловероятной. О целях поездки миссии дружбы Маньчжоу-го по странам Европы писалось следующее:

16. Брошюра Сумида Фусако «Капитан Амакасу», опубликованная в 1975 году издательством Тёкокоронся.

«В конце июля 1938 г. Амакасу в качестве заместителя руководителя и исполнительного директора внешнеполитической миссии дружбы Маньчжоу-го отправился в Европу.

Италия признала государство Маньчжоу-го в ноябре 1937 г., а в феврале 1938 г. это сделала и Германия. Правительство Маньчжоу-го приняло решение направить внешнеполитическую миссию в Италию (с ответным визитом, поскольку итальянская миссия уже посетила Маньчжоу-го), а также в другие страны, признавшие Маньчжоу-го — Германию, Испанию, Ватикан, Сальвадор — в целях укрепления дружественных экономических взаимоотношений. Руководителем миссии был назначен министр экономики Тё Рай Кай, в состав миссии вошли представители населяющих Маньчжоу-го всех народов — японского, китайского, маньчжурского, корейского, монгольского. Вместе с сопровождающими лицами миссия насчитывала 26 человек»¹.

17. Телефонный разговор с Отомо Кинго, начальником канцелярии Синда Харуёси, 14 февраля.

В настоящее время единственным оставшимся в живых человеком, которому известны судьба Люшкова и суть «операции медведь», является г-н Синда Харуёси. Для встречи с ним, чтобы получить необходимые мне сведения, конечно, было бы удобнее представить ему рекомендательное письмо от какого-нибудь нашего общего знакомого, однако, к сожалению, у меня таких знакомых не оказалось. Поэтому я решил прямо позвонить в дом Синда и попросить его дать мне интервью. Ниже следует состоявшийся разговор:

— Хияма. Алло. Это дом г-на Синда?

— Отомо. Кто говорит?

— Х. Мое имя Хияма. Дома ли г-н Синда?

— О. Я — начальник канцелярии г-на Синда Отомо. Какое у Вас дело к г-ну Синда?

— Х. Я хотел бы побеседовать с ним о том периоде, когда он работал в Маньчжурии.

— О. Вы журналист?

— Х. Нет.

— О. Г-н Синда не встречается ни с кем из занимающихся журналистикой, потому что журналисты никогда не сообщают правды.

— Х. Этот разговор ни в коей мере не затронет интересов г-на Синда.

— О. Тем не менее встреча состояться не может. Г-н Синда очень занят.

— Х. В таком случае может быть поговорить прямо по телефону?..

— О. Какой вы, однако, невоспитанный. Раз говорят нет, значит нет. Вообще-то, о чем конкретно из периода пребывания г-на Синда в Маньчжурии Вы хотели переговорить с ним?

— Х. Осенью 1938 г. из Советского Союза бежал генерал Люшков. Он жил под покровительством г-на Синда в городке Хосигаура под Дайрэнном. В то время он, похоже, привлекался майором Утагава, занимавшимся в Квантунской армии разработкой диверсионных операций, к участию в этих акциях. Я не знаю, в какой конкретной операции он был задействован, но есть люди, которые могут подтвердить сам этот факт. Я думаю, г-н Синда знает истинное положение вещей. Поэтому я и звоню вам.

— О. Г-н Синда не знает такого человека, как Люшков и ему подобных.

— Х. У Вас есть основания заявлять об этом так уверенно?

— О. Я много слышал, как г-н Синда рассказывал о своей жизни в Маньчжурии, однако никогда он не произносил такого имени — Люшков.

— Х. Но это еще вовсе не значит, что г-н Синда ничего не знает об этом деле.

— О. Мы попросту теряем время. У нас нет денег на оплату пустых телефонных разговоров.

— Х. Оплату этого телефонного разговора я беру на себя.

— О. У меня нет времени. Я вешаю трубку».

На следующий день я прочел в газетях о возвращении Синда Харуёси из поездки в Корею. Однако никаких намерений поговорить со мной он так и не проявил.

Абсолютно тайный приказ

Поскольку в беседе с Синда Харуёси мне было категорически отказано, ниточка к выяснению дальнейшей судьбы Люшкова оказалась оборванной. Поэтому после долгих размышлений я понял, что мне не остается ничего другого, как пойти самым трудным путем — попытаться найти людей — живых свидетелей, встречавших в свое время Люшкова, через отделы объявлений в газетах и журналах о розыске пропавших лиц. Ниже следует текст объявления, который я составил для публикации:

«Прошу откликнуться лиц, что-либо знающих о судьбе крупной политической фигуры — Люшкова, бежавшего в июне 1938 г. из СССР в Маньчжурию. Указанный человек летом того же года проживал в городке Хосигаура под Дайрэном».

Когда я давал это объявление, я, честно говоря, почти не ожидал, что кто-либо откликнется. Однако, как ни странно, вскоре мне пришло письмо от жителя города Сэндай Каминага Ясуо.

18. Письмо Каминага Ясуо, работавшего в рассматриваемое время журналистом в г. Дайрэн.

«Прочитав в еженедельнике колонку «Разыскиваются следующие лица», я решил взяться за письмо к Вам.

В 1937 г. я перебрался в Маньчжурию и до конца войны работал в газете «Дайрэн симбун» и хорошо помню случай с Люшковым, о котором говорится в вашем объявлении. Он перебежал в Маньчжурию в июне 1938 г., а осенью того же года стал частенько появляться в отеле «Ямато» в г. Дайрэн. Его часто сопровождал г-н Синда Харуёси. Кроме того, его постоянно охраняли несколько парней из общества «Кинкикай», возглавлявшегося Синда.

Мне часто приходилось бывать в ресторане отеля «Ямато», где я брал интервью у останавливавшихся в отеле важных персон из Японии. Пять или шесть раз я наблюдал в этом месте и Люшкова, весело беседовавшего с сопровождавшими его офицерами императорской армии. Он выглядел очень бодрым, за разговором выпивал и хорошо закусывал и отнюдь не выглядел жалким и приниженным беженцем.

До самого конца войны я много раз бывал в отеле «Ямато», но Люшкова видел там только осенью 1938 г. Мне кажется, если мне не изменяет моя слабая память, последний раз я видел его в конце ноября. К тому времени он изменил прическу, коротко постригся, стал причесываться на пробор и вообще внешне выглядел совершенно другим человеком. Однажды я видел, как он, неся в левой руке дорожный чемодан, а в правой — черное пальто, ждал лифта, чтобы подняться наверх. Его окружали несколько русских и японцев. Они поднялись вместе с ним в лифте. Я помню, что среди них был офицер императорской армии.

Вскоре после этого был еще один случай, когда я встретился по работе с начальником политического департамента внешнеполитической службы Маньчжоу-го г-ном Нисино Тадаси. Это было в Дайрэне, в отеле «Ямато». Здесь я вдруг заметил Люшкова. Я спросил Нисино, получил ли Люшков, наконец, полную свободу. После моего вопроса Нисино вдруг изменился в лице и сказал мне, что я ошибся, что это вовсе не Люшков. В то же время он попросил меня никому не рассказывать об этом случае.

Со своей стороны я был абсолютно уверен в том, что это был не кто иной, как Люшков. Мне было совершенно непонятно, почему Нисино пытался это отрицать.

После этого случая я уже больше ни разу не видел Люшкова в отеле «Ямато» и решил, что он, похоже, в конце концов покинул Дайрэн».

19. Разговор по телефону с Накамару Така, тогдашней жительницей Дайрэна.

Прочитав мое объявление в газете, г-жа Накамару связалась со мной по телефону. В то время, по ее словам, она проживала в городке Хосигаура под Дайрэном и как-то увидела Люшкова. У нас с ней состоялся следующий разговор:

— Х. Кому принадлежал дом, в котором укрывался Люшков?

— Н. В прошлом это была вилла высокопоставленного чиновника, приближенного к китайскому генералу-милитаристу Тё Сакурини. Затем она была куплена г-ном Синда и на ней жила так называемая «госпожа номер два», т. е. на современном языке — его лю-

бювица. Так что эта вилла имела определенную репутацию. Она предназначалась для того, чтобы держать там женщин подобного рода.

— Х. Ах, вот как? Значит это был дом Синда Харуёси. Я думаю, Люшков въехал в него в середине августа 1938 г. Как он тогда выглядел?

— Н. Насколько я помню, впервые я увидела Люшкова в конце августа. Тогда в Японии пользовался огромной популярностью фильм «Девушка из оркестра» с Динной Дурбин в главной роли. Поэтому мы и отправились всей семьей с детьми смотреть эту картину в маленький кинотеатр. Дина Дурбин действительно заставила нас прослезиться. На обратном пути мы решили прогуляться по берегу. Мы сошли с трамвая, и я с мужем и двумя дочерьми пошла по песчаному пляжу в сторону дома. Здесь все и случилось. В тот вечер Люшков в сопровождении двух японцев также вышел погулять по берегу. Муж шепнул мне: «Погляди, вон идет генерал Люшков». Г-н Люшков был не так уж близко от нас, но его фигура выделялась очень четко.

— Х. Вы видели его только в тот раз?

— Н. Нет. Я видела его, и не раз, еще на теннисном корте в парке. Компания Мантэцу открыла в Хосигаура большой парк отдыха. Семьи служащих этой компании посещали этот парк бесплатно, поэтому мы часто ходили туда всей семьей отдохнуть и развлечься. Я несколько раз видела там Люшкова. Обычно это было под вечер. Его всегда сопровождали два японца. Они выступали и в качестве его партнеров на теннисном корте. Однако Люшков не очень хорошо играл в теннис.

— Х. Не видели ли Вы вместе с Люшковым кого-либо из офицеров императорской армии?

— Н. Однажды я возвращалась домой с покупками из магазина и увидела, что перед домом, где жил Люшков, стоит черный блестящий автомобиль. В него сели офицеры императорской армии.

— Х. До какого времени жил там Люшков?

— Н. В том году, чтобы встретить новый год на Родине, мы решили в конце года уехать из Хосигаура. Встретив Новый год в Японии, мы вновь вернулись в Дайрээн, и здесь я заметила, что Люшков, похоже, уже покинул дом. После этого я его уже ни разу не видела и на теннисном корте. В это самое время муж передал мне один услышанный им разговор.

— Х. Какой разговор?

— Н. Говорили, будто супруге Люшкова удалось бежать в Европу и поэтому сам он тоже, вроде бы, выехал туда же. Помню я тогда еще порадовалась за Люшкова, что ему еще улыбнулось в жизни счастье.

— Х. От кого до вашего мужа дошли эти слухи?

— Н. В то время муж служил в компании Мантэцу; думаю, что он услышал об этом там.

— Х. Получили ли эти слухи широкое распространение?

— Н. Нет. Кажется, не очень. Я не слышала об этом ни от кого кроме мужа.

— Х. Но ведь весьма странно, что Люшков выехал за границу, чтобы встретиться с женой. По всему видно, что семье генерала Люшкова так и не удалось выбраться из Советского Союза. Скорее всего, его жена была арестована и казнена. Так во всяком случае думали тогда все.

— Н. Не может быть! Какая жалость!

— Х. Однако Люшков, похоже, действительно выехал за границу. В конце ноября того года он совершенно изменил свою внешность и один человек видел его в отеле Ямато в Дайрээне с дорожным чемоданом в руках. Если окажется, что никто ничего больше не знает о его дальнейшей судьбе и о нем нет никаких документальных сведений, то будут все основания полагать, что Люшков действительно после того, как он изменил свой внешний вид, тайно выехал за границу.

— Н. Но зачем было Люшкову уезжать за границу?

— Х. Этого я пока не знаю. Теперь настала очередь выяснить и это обстоятельство.

Отель «Ямато» в Дайрээне, где так часто видели Люшкова, был построен компанией Мантэцу. Затем он перешел в собственность акционерной компании «гостиницы Южной Маньчжурии». Кроме Дайрээна, отели «Ямато» были в Рёдзюне (Порт-Артур), в Синьцзине (Чаньчунь) и в Хотэне (Шеньян).

В поисках кого-либо из тогдашних служащих отеля «Ямата» в Дайрээне я решил прежде всего связаться с какой-либо из организаций, объединяющих в общества дружбы или защищающих интересы бывших граждан Маньчжоу-го. Я обратил внимание на

такие организации: «Общество бывших граждан Маньчжурии, осиротевших в ходе войны», и «Общество лиц, имевших собственность в Маньчжурии и добывающихся компенсации за ее утрату». Я также взял на заметку «Общество служащих компаний Мантэцу», «Общество Маньчжур», «Общество по связи между бывшими переселенцами в Маньчжурию». Я решил начать свое расследование с «Общества Маньчжурия».

Штаб-квартира «Общества Маньчжурия» расположена в Токио, в районе Минатоку. Общество насчитывает около 150 членов и выпускает для них журнал «Маньчжурия». Каждый год дважды — весной и осенью — оно устраивает встречи своих членов. По телефону я справился, есть ли среди членов общества бывшие служащие отелей Ямато. Мне дали фамилию, адрес и даже номер телефона одного такого человека, служившего в отеле Ямато в г. Хотэн. Звали его Ниномия Фукуо. Проживает он в г. Мидзуро префектуры Сайтама. Я спросил у него по телефону, нет ли у него каких-либо сведений о здравствующих в настоящее время бывших служащих отеля Ямато в Дайрэне, работавших там в 1938 году.

Г-н Ниномия дал мне адрес Сэкинэ Сюдэ, проживающего в г. Камакура.

Однако в телефонной книге префектуры Канагава этого человека я не обнаружил. Я попробовал выяснить по телефону в городском почтовом отделении адрес нужного мне человека. Но на мой вопрос ответа я не получил.

Тогда я обратился в управление связи р-на Канто с вопросом, где можно найти все выпускавшиеся в предыдущие годы телефонные справочники префектуры Канагава.

В результате выяснилось, что полный комплект таких справочников имеется в двух местах: в префектуральной библиотеке и в управлении почты и телеграфа г. Иокагама.

Посетив это управление, я обнаружил, что в телефонной книге, изданной в 1972 г., есть нужная мне фамилия. Там был указан и адрес этого человека в г. Камакура. Однако уже в телефонной книге 1973 г. я увидел, что по тому же адресу и с тем же телефонным номером проживает другой человек, а именно Сэкинэ Синъити.

Из этого я заключил, что Сэкинэ Сюдо в 1972 или в 1973 г., скорее всего, умер. Для проверки я позвонил по этому номеру и получил ответ, что действительно в апреле 1973 г. Сэкинэ Сюдо умер от рака желудка. Однако от его вдовы я узнал имя еще одного из бывших служащих отеля Ямато в Дайрэне, выходца из Киото. Это был г-н Такахаси Содзоро.

Прежде всего я справился в мэрии р-на Тюкёку г. Киото, есть ли в регистрационной книге жителей района фамилия Такахаси Содзоро. Затем мне пришлось обратиться с тем же вопросом последовательно в мэрии городских районов Укёку, Ситакёку, Дзёкэнку, Сакёку. И, наконец, в мэрии р-на Сакёку в регистрационной книге жителей мне нашли фамилию г-на Такахаси Содзоро.

*Перевод с японского:
Прохоров В. И.*

¹ Синда Харуёси родился в префектуре Ногано. В 16-летнем возрасте переехал в Маньчжурию. Во время событий на континенте (в Китае) его деятельность была окутана тайной. После войны он активно выступал против граждан третьих стран и организовал общество «Игуси» р-на Канто, которое затем было преобразовано во Всеяпонский союз «Ротенсё». Он является президентом правой экстремистской организации «Кинкикай» (Общество императорского знамени).

² Амакасу Масахико в 1923 г. был привлечен к суду по делу убийства анархиста Осуги Эйидзи. Он был признан виновным и попал в тюрьму. После освобождения отправился в Европу, в 1929 г. переехал в Маньчжурию, принимал активное негласное участие в подготовке и осуществлении захвата японской армией Маньчжурии и в создании государства Маньчжоу-го. В августе 1945 г., после поражения Японии в войне, покончил жизнь самоубийством.

³ Ассоциация Кёвакай Маньчжоу-го была создана одновременно с образованием самого Маньчжоу-го. Ее почетным президентом являлся Сиссэй Харуги, а почетным советником — командующий Квантунской армии Хондзэ Сигэру. Президентом был премьер Ю Ко.

Целью ассоциации провозглашалось «укрепление духа империи». Членами руководящих органов ассоциации стали видные государственные и политические деятели как Японии, так и Маньчжурии. Ассоциация имела свои отделения по всей стране.

Русские фашисты Маньчжурии

(окончание)

Ю. МЕЛЬНИКОВ

Под знаком этих и других событий и прошли в основном в истории фашистской партии в Маньчжоу-го 1935 и 1936 гг.

С внешней стороны фашисты в эти годы процветали. Под эгидой ВФП они пытались создать широкий фронт всех антикоммунистических сил. В ознаменование 5-летия со дня создания партии, в 1936 г., состоялись предъюбилейные «чашки чая», устроенные фашистами соответственно: первая — для Бюро, вторая — для молодежных организаций: разведчиков (Национальная организация русских разведчиков, НОРР), скаутов, Союза мушкетеров, студенческих кружков и кружков Объединения российской молодежи; третья — в честь представителей русского национального капитала; четвертая — в честь эмигрантской общественности: профессоров, присяжных поверенных и т. п.; пятая — в честь духовенства и педагогов; шестая — заключительная — в честь японской и маньчжурской общественности (происходила она в зале Русского клуба, и доклад «Мы и Азия» делал на ней сам К. В. Родзаевский).

В Механическом собрании читался цикл других докладов. Проводились также и открытые агитационные собрания. «Наш путь» вышел 24 мая 1936 г. на 50 страницах — фактически в виде альбома с художественно исполненной обложкой и массой иллюстраций. Он давал полное представление о ВФП, ее истории, жизни ее партийных организаций и отрядов, была в нем биография Родзаевского. Был проведен и смотр-парад всех фашистов. Общий сбор был объявлен около штаба Харбинского отдела. Отсюда колонна фашистов с оркестром и знаменами прошла через весь город в Модягоу.

Выглядело это все, надо признаться, довольно внушительно. Колонну составляли: отряд кавалеристов и казаков-фашистов всех войск, каждый в своей форме и со свастикой — знамя ВФП, трехцветные флаги; Учебный отряд ВФП в защитной форме, отряд чернорубашечников, молодежь из Авангарда, большая колонна женского фашистского движения — черные юбки, белые блузки, — Союз юных фашистов, «крошки», соратники из других районов Харбинского отдела; санитарный автомобиль; национальные фашистские организации — представители их в своей национальной одежде; отряд велосипедистов. В Модягоу в недавно построенной и освященной часовне-памятнике Венценосным Мученикам — императору Николаю II и королю Александру Карагеоргиевичу — архиепископ Нестор отслужил панихиду по царю, царской семье, королю Александру, по всем погибшим борцам белого движения, по «соратникам, погибшим за родину на национал-революционной работе в России».

Вся эта церемония снималась на киноленту.

Обратный путь. Снова пристань, сад Мехсоба. Здесь происходил парад. Родзаевский обходит ряды фашистов. Звучит «Слава России!». Молебен здесь служит уже епископ Димитрий. После молебна звучит фашистский гимн, зачитывается юбилейный приказ, юбилейная приветственная речь «вождя». Церемониальный марш фашистов перед Родзаевским.

После парада — собрание. Доклады, приветствия. Среди них — приветствие японской национальной организации с острова Кюсю, поднесшей Родзаевскому подарок — самурайский меч.

Окончание. Начало см.: 1991. — № 2.

В заключение торжеств прошла пьеса соратника Н. Петлина «На закате красной звезды».

«О-о! — вероятно, думали тогда многие эмигранты. — Фашисты — сила, вои их как поддерживают японцы...» Люди многого не знали тогда о подлинном отношении этих хозяев Маньчжурии к фашистам. Для тех это был уже апогей, высшая точка подъема фашистского движения в Маньчжоу-го, после которой оно стало клониться к упадку.

В 1936 г. фашисты, как мы видели, прилагали немалые усилия к расширению социальной базы своего движения и привлечению к нему более широких кругов молодежи. Именно этой цели должно было служить создание новой специальной организации — Союза фашистской молодежи, о котором уже упоминалось выше. Работа в нем велась как по культмассовой линии (открытые вечера с докладами, художественной агитацией, русскими танцами, которые должны были отвлекать русскую молодежь от фокстрота и других увлечений культурой Запада), так и по политической (работа во всевозможных секциях, из которых важнейшими были политическая и секция военных знаний).

Кстати, еще об этой военной линии. Именно в этом 1936 г. в Харбинском отделе с одобрения японских властей был создан новый военизированный Учебный отряд русских фашистов. И сам по себе факт возникновения этого отряда и существования его в течение примерно 5 лет любопытен. Но к тому же он дает еще одно, на наш взгляд, наиболее убедительное свидетельство о подлинных масштабах влияния и о численности ВФП. Японские власти сочли возможным позволить ей иметь собственную военную единицу — этот Учебный отряд численностью примерно в 50 человек, вооруженных винтовками и имевших даже один пулемет (не знаем только, выдавали ли японцы этому отряду боевые патроны). Это была единственная сила, находившаяся в распоряжении (относительном) Родзаевского, которого один уважаемый советский автор назвал даже «генералом» (И. И. Иванов. Япония в годы войны (записки очевидца). М., 1978). Командовал отрядом штабс-капитан царской армии Якушев, военным обучением ведал царский полковник Васенин.

Итак, Родзаевский — «генерал» с армией в 50 человек. С одной стороны, вроде бы все-таки военный отряд, а с другой — всего-навсего полсотни людей. Это была, кстати сказать, и единственная не только в Маньчжурии, но и, возможно, во всем мире организованная вооруженная сила, которой располагала в середине 30-х годов российская белая эмиграция.

Прошло еще немного времени, и Родзаевский заявил: «1937 год назван годом подготовки решающего удара. Последней подготовки... А за последней подготовкой — последний бой, который даст нам победу» («Нация». — 1937. — № 2. — С. 1).

Шестая годовщина ВФП была ознаменована переходом партии к лозунгу «Под сень церкви православной». В начале 1937 г. были сформулированы принципы работы фашистов в эмигрантской массе в виде следующей формулы: «Атаман Семенов — вождь дальневосточной эмиграции. Бюро — центр эмиграции. Партия (имеется в виду ВФП. — Авт.) — политическая сила, связка эмиграции».

Одновременно с этими попытками как-то активизировать эмиграцию в антисоветских целях фашисты предпринимали усилия по разжиганию своей «национальной революции» в СССР. Журнал «Нация» писал: «Все силы — Национальной Революции. Это значит: в России — усилить национально-революционную раскачку, в эмиграции — создать настоящее боевое единство живых сил эмиграции, в мире — Антиконтинент против Коминтерна» («Нация». — 1937. — № 7. — С. 45).

На открытых собраниях в помещении Центрального русского клуба (теперь уже на Диагональной улице, угол Казачьей) были сделаны доклады «Что происходит в СССР?», «Сталинцы и троцкисты», «Персонажи последних процессов», «Анализ доклада Сталина на Пленуме ЦК ВКП(б) от 3 мая», «О вере и неверии».

Последующие удары Сталина по высшему командованию Красной Армии также, разумеется, не прошли мимо внимания русских фашистов Маньчжоу-го. «Выводы? — писала их пресса. — Теперь о диктатуре Красной Армии не может быть и речи. Личная диктатура Сталина, скрывающая диктатуру мирового еврейства, временно, формально укрепилась. Укрепилась она за счет страшного понижения обороноспособности страны — за счет фактического разрушения Красной Армии» («Нация». — 1937. — № 7. — С. 8).

Все лелеемые планы относительно «национальной революции» потерпели провал. 1939 г. принес с собой еще большие осложнения для фашистов по сравнению с 1938 г. К. В. Родзаевский начал сомневаться в будущем русского фашистского движения: в

партии возник раскол. Пронацистская ориентация «вождя» вызвала открытый конфликт с ним М. А. Матковского и его группы. Она образовалась вскоре после третьего съезда ВФП в 1935 г. в составе: С. И. Долов, В. В. Кибардин, М. А. Матковский, С. Ражев, Г. Тараланов. Расхождения касались политики антисемитизма, которую отстаивал Родзаевский, эксцессов, которыми отличались чернорубашечники, и сотрудничества с японской жандармерией. Раскол открыто проявил себя на четвертом (и последнем) съезде русских фашистов, проходившем в Харбине 21—26 января 1939 г.

Этот съезд, которому было присвоено наименование съезда Георгия Семены, прошел тускло, собрав 60 делегатов, главным образом из Маньчжоу-го, Шанхая, Тяньцзиня и Японии, представлявших 56 организаций Российского фашистского союза (РФС), как стала называться к этому моменту бывшая ВФП. Японские власти заставили Родзаевского переименовать свою организацию, дабы исключить возникновение каких-либо аналогий с фашистской нацистской партией своего союзника — Германии. Количество членов партии сократилось по сравнению с 1938 г.

К. В. Родзаевский сделал на съезде доклад «Через национальную революцию к новой великой России». Были также прочитаны доклады, касающиеся текущей работы фашистского союза. Одним из главных лозунгов съезда стало теперь «Освобождение родины с востока», то есть с помощью милитаристской Японии. Участники съезда посетили могилу генерала Каппеля в ограде св. Иверской церкви и возложили на нее венок, присутствуя на панихиде, отслуженной по случаю 20-й годовщины со дня его смерти («Луг Азин». — Харбин, 1939. — № 53/1).

Сторонники Матковского оценивали на съезде Гитлера как потенциального врага России и вообще всех славян. Они предлагали разорвать связи с нацистами и снять свастику с партийных эмблем. В качестве альтернативы было предложено также установить более тесные связи с другими антикоммунистическими организациями в среде российской эмиграции, в частности с Национально-трудовым союзом (НТС). Открытого разрыва и выхода из партии Матковского и его группы не произошло. Эта группа оказала давление на Родзаевского, и съезд не принял открыто пронацистской платформы.

После этого съезда Родзаевский стал в шутку называть Матковского своим Ремом*, на что тот неизменно обижался.

Все неприятные для Родзаевского события японские власти частично компенсировали повышением его в чинах по линии Бюро. Он стал начальником 2-го отдела, ведавшего всей идеологией, культурой, школами и спортом.

В июле 1939 г. начались систематические провокации японской военщины на северо-западных рубежах Маньчжоу-го, на ее границах с МНР, переросшие в серьезный военный конфликт. На помощь братскому монгольскому народу пришел Советский Союз. Это были события на Халхин-Голе, которые японская печать называла «номонханским инцидентом». Но масштабы вооруженного столкновения вышли далеко за рамки какого-то «инцидента». Как известно, результатом его было тяжелое поражение Квантунской армии — полнейшее и совершенно неожиданное для военных кругов империалистической Японии. Еще более неприятным фактом для них, как уже говорилось выше, явилось подписание пакта о ненападении между СССР и фашистской Германией, явившееся полной неожиданностью для японских военных.

Советско-монголо-японские переговоры по политическому урегулированию конфликта были начаты в городе Маньчжурия и с 5 января 1940 г. должны были быть продолжены в Харбине. К этой дате японские власти выслали из города лидеров всех белых организаций, и в том числе Родзаевского. Но этим дело не ограничилось. Японцы ясно продемонстрировали своему союзнику Германии, кто является хозяином положения в Маньчжурии, совершив настоящий акт террора в отношении местных фашистов. В марте 1940 г. в городе Муданьцзяне, на востоке Маньчжоу-го, находящемся в сфере подчинения местного отделения Бюро под началом Б. Н. Шепунова, были арестованы как «советские шпионы» 24 «соратника». Началось следствие. На допрос был вызван даже член ЦИК РФС К. Арсеньев.

* Э. Рем (1887—1934) имперский министр фашистской Германии, начальник штаба штурмовых отрядов, которые стремился сделать костяком армии, подчинив себе генералитет. Был расстрелен с санкции Гитлера.

В конце концов к арестованным были применены пытки первой категории, и все они «признались» в шпионаже в пользу НКВД. «Шпионы» были отправлены в столицу (город Синьцзин), отданы там под суд и... оправданы за отсутствием вины. Все они вернулись обратно в Муданьцзян, и все 24 были тут же схвачены японской жандармерией и расстреляны.

Родзаевский побежал к начальнику японской военной миссии в Харбине генералу Дои, «большому другу российских эмигрантов» (как его именовала эмигрантская печать). Тот пообещал разобраться. Через некоторое время он вызвал Родзаевского и, не дрогнув ни единым мускулом, объявил, что, мол, произошла ошибка, он сожалеет и т. п. Вслед за этим предложил выдать членам семей казенных денежную компенсацию в размере 1000 гоби (гоби — национальные банкноты — валюта Маньчжоу-го, эквивалентная японской иене) за душу и в дальнейшем наглухо закрыл этот вопрос. С тех пор Шепунов стал закрытым врагом Родзаевского, который называл этот инцидент не иначе, как «провокацией Шепунова» (Дж. Стефан. Указ. соч.— С. 207).

В марте — апреле 1941 г. министр иностранных дел Японии И. Мацуока совершил поездку в Европу, в ходе которой посетил Италию, Германию и Советский Союз. Во время своих переговоров в Берлине министр был осведомлен Гитлером о скором падении фашистской Германии на СССР. Эта новая война в Европе открывала для японской военщины дополнительные возможности на Дальнем Востоке. Но важнейшие политические решения в Токио уже были приняты. В соответствии с ними экспансия Японии канализировалась на юг — на владения европейских колониальных держав в Юго-Восточной Азии, представлявших в это время легкую добычу. Главной силой, препятствовавшей Японии в этом грабеже, были Соединенные Штаты. Японские милитаристы готовились к военному столкновению с США за господство на Тихом океане.

В отношении СССР Япония стремилась добиться его нейтралитета в подготовленной ею войне, обезопасить себя с севера. Для Советского Союза в свете военно-политической обстановки в Европе важно было нейтрализовать опасный очаг военной напряженности на восточных границах, обеспечить их безопасность. В результате визита И. Мацуоки в Москву и его встреч со Сталиным и Молотовым был заключен советско-японский пакт о нейтралитете (13 апреля 1941 г.)*. Политика Японии в отношении СССР носила и в этом вопросе двуличный характер. Заключение пакта о нейтралитете с СССР было со стороны Японии лишь дипломатической уловкой, хорошо обдуманной и рассчитанной шаг. Пакт предоставлял Токио свободу рук в Юго-Восточной Азии, гарантировал невмешательство СССР в войну на Тихом океане. Вместе с тем планы нападения на СССР и расчленения его территории, по-прежнему лелеяемые японскими милитаристами, отнюдь не были перечеркнуты и забыты. Япония заняла выжидательную позицию: реализация ее планов на «северном направлении» ставилась теперь в зависимость от исхода советско-германского противоборства, от успехов немецких фашистов на Восточном фронте.

Заключение советско-японского пакта о нейтралитете, о котором очень скупо сообщили харбинские газеты, произвело на все русское население Маньчжурии эффект разорвавшейся бомбы. Российские эмигранты вздохнули свободнее. Общее отношение властей к ним улучшилось. Постепенно с течением времени стали проявлять себя некоторые изменения в акцентах японской политической пропаганды в эмигрантской среде. Параллельно со старыми призывами служить какой-то силой в борьбе с «коминтерном» эмигрантов стали призывать к активной борьбе против «англосаксов».

Русские советские граждане в Маньчжоу-го получили ряд послаблений: не принимать участия в маневрах по противовоздушной обороне, не совершать поклонов в сторону японских храмов и резиденций императоров Маньчжоу-го и Японии на официальных церемониях и пр.

Хуже стало только русским фашистам. Происходившие политические события отразились на них особенно заметно. 22 июня 1941 г. Германия вероломно напала на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война советского народа против фашистских захватчиков. Война явилась поворотным пунктом в политическом сознании российских

* Тихвинский С. Л. Советско-японский пакт о нейтралитете // Новая и новейшая история.— 1990.— № 1; Н. Адырхаев, Б. Славинский. Дипломатическая уловка или дипломатический феномен? (Советско-японский пакт о нейтралитете 1941 г.) // Проблемы Дальнего Востока.— 1990.— № 3.— С. 84—91.

эмигрантов во всем мире. Большая часть их встала на патриотические оборонческие позиции, оказывая всемерную помощь своей Родине в отражении фашистской агрессии*. Но были и другие. Вонсяцкий заявил, что он представляет «русское национальное правительство» в Америке; Родзаевский и его сподвижники ликовали, ожидая скорого падения СССР, и преждевременно объявляли себя «победителями».

Однако правительственные круги Японии стремились в этот момент избежать каких-либо осложнений с СССР. Соответствующие инструкции были сданы и в Маньчжурию. Контроль над фашистским союзом был ужесточен; цензурирование газеты «Наш путь» стало осуществляться с беспрецедентной строгостью. Чтобы не вызвать какого-либо инцидента, японский цензор запретил к выпуску специальный номер «Нашего пути» от 25 июля 1941 г., приветствовавший нападение нацистов на СССР. А вскоре даже само издание фашистской газеты было перенесено из Харбина в город Шанхай. А К. В. Родзаевскому не оставалось ничего другого, как молча смириться со всем.

Двусмысленное положение фашистов в Маньчжоу-го еще более усугубило и последнее важнейшее событие этого 1941 г. — вступление Японии в тотальную войну с Соединенными Штатами, начатую вероломным нападением на Пёрл-Харбор 8 декабря. Произошедшее в этот день было, пожалуй, наиболее тяжким разочарованием для Родзаевского. Японская военщина начала свой военный марш в совершенно ином направлении, чем ему хотелось бы. Война на Тихом океане с такой великой державой, как США, очевидно, делала невозможным для Японии ведение еще одной войны против СССР.

В этих условиях фашистский союз Родзаевского стал для японских властей еще менее нужен, даже мешал, так как мог вызвать ненужные осложнения с СССР, с которым Япония была вынуждена все более и более считаться; этот союз японцы едва терпели. Японские жандармы стали открыто третировать «соратников», издевались над их черной формой. Перед самым началом войны в стенах жандармерии был забит досмерти ближайший друг Родзаевского, бывший начальник особого отряда (охраны. — Авт.) Александр Болотов (Саша). И это Родзаевскому тоже пришлось стерпеть.

Таким образом, еще до начала войны на Тихом океане К. В. Родзаевский пережил крушение всех своих «великих» планов, ему становилась ясна тщетность всех его усилий, его растущая с каждым днем политическая изоляция. Все это, безусловно, угнетало деятельную натуру этого человека. Тяжелые переживания «вождя» усугубило поражение немецких войск под Москвой, означавшее провал планов блицкрига против СССР, составленных в Берлине. Война явно принимала затяжной характер, а это коренным образом меняло общую ситуацию. В такой затяжной войне преимущество, без сомнения, переходило к Советскому Союзу и его союзникам по антигитлеровской коалиции, обладавшим несравненно более мощным экономическим потенциалом, чем фашистская Германия и империалистическая Япония. Из Германии пришла еще одна дурная весть: здесь был арестован гестапо еще один «соратник», Э. Тэдди, вождь немецких русских фашистов.

Наступил 1943 г. В ходе мировой войны как в Европе, так и на Тихом океане этот год был переломным. Он ознаменовался решительными военными успехами союзников. В Европе в ходе Великой Отечественной войны стала реальным фактом грандиозная историческая победа советского оружия под Сталинградом, другие тяжелые поражения немецких войск. На Тихом океане империалистическая Япония тоже начала терпеть первые военные неудачи. Американская авиация приступила к бомбардировкам ее территории. Война явно перенапрягала экономические возможности Японии. В этих условиях основная ставка делалась на ресурсы материковых колоний, прежде всего Маньчжурии, ставшей главным источником снабжения всей японской военной машины. Теперь уже даже для командования Квантунской армии стала очевидной необходимость сохранения на возможно более длительное время статус-кво на границах государства Маньчжоу-го и Советского Союза. Советский фактор приобретал все большее значение в политике Японии; изменилось и отношение к японо-советскому пакту о нейтралитете. Читатели японского официоза на русском языке, газеты «Время», были поражены, когда 1 апреля 1944 г. вдруг обнаружили в этой газете статью, восхваляющую японо-советский пакт 1941 г., о котором печать во все предшествовавшие годы хранила гробовое молчание. Будто этого пакта и не существовало вовсе.

* См.: Почему мы вернулись на Родину. Свидетельства реэмигрантов. — М., 1983. — С. 3—13. 84—85, 226—229.

В новых складывавшихся условиях русские фашисты становились японцам не нужны. Критическим 1943 г. оказался и для Родзаевского. В мае он попал у японских военных властей под подозрение как советский шпион.

Вернемся в связи с этим к событиям, несколько более ранним. В мае 1942 г. в токийских газетах появились заметки о ликвидации в Японии группы советских разведчиков, среди которых впервые прозвучало никому в то время ничего не говорившая фамилия — Рамзай-Рихард Зорге (арестован 18 октября 1941 г.). Японская контрразведка, принявшаяся за скрупулезнейшее прощупывание всех контактов советских разведчиков за время, предшествовавшее их аресту, неожиданно для всех харбинцев арестовала К. В. Родзаевского и его телехранителя В. Н. Мигунова.

Как выяснилось впоследствии, поводом для ареста послужила встреча летом 1941 г. в Харбине этих двух фашистов с «крупным деятелем партии наци», приехавшим из Токио и по собственной инициативе искавшим контакта с Родзаевским, неким «доктором Леснером». Японцы установили, что в действительности был в Харбине и встречался с Родзаевским Р. Зорге.

Родзаевский сидел под домашним арестом в одном из изолированных номеров отеля «Нью-Харбин» на Соборной площади, а Мигунов томился в это время в подвалах японской жандармерии, где к нему была применена пытка током. Родзаевского не пытали; оба были виновны в потере бдительности, но через 10 дней освобождены, что опять же удивило многих.

В этой поездке задачей Р. Зорге являлось выяснение планов и намерений, а также настроений в Квантунской армии после нападения Германии на СССР. Не имеют ли японцы намерений напасть на советский Дальний Восток? Разведчик рассчитал все правильно: он знал о теснейших связях Родзаевского с японскими военными кругами в Маньчжоу-го, и в частной в доверительной беседе получил от того интересующие его сведения.

К. В. Родзаевский был освобожден из-под ареста, но оставался под подозрением; репутация его оказалась замаранной. А что означало оставаться под подозрением властей в условиях ужесточившегося вместе с военными неудачами японского террора в Маньчжоу-го? Это угнетало, было чрезвычайно опасным, потому что ставило на карту не только личную безопасность человека, но и жизнь всех членов его семьи.

А в этот период в личной жизни К. В. Родзаевского все обстояло благополучно. После развода с первой женой, Л. Г. Малковой, Родзаевский женился вторично в 1937 г. на Неониле Назаровой. В 1938 г. у них родилась дочь Ольга, а в 1941 г. сын, умерший вскоре после рождения. Второй сын, Владимир, родился у Родзаевских в этом самом 1943 г. Можно предположить, что висевшее на волоске благополучие его семьи тоже являлось источником серьезной обеспокоенности для «вождя». Но худшее еще было впереди.

В условиях той новой политической и военной ситуации, о которой говорилось выше, японские власти Маньчжоу-го стали жестко ограничивать деятельность всех антисоветских организаций в стране. Российский фашистский союз стал первой и главной жертвой нового курса. Японцы просто-напросто в одночасье запретили его. Это произошло 1 июля 1943 г. по приказу японской военной миссии, без каких-либо официальных объяснений, без публикации в газетах.

Организации союза были закрыты одновременно по всему Маньчжоу-го, в оккупированной части Китая, в Японии. Существование его печатного органа, журнала «Нация», было прекращено в тот же день. Какие-либо сборы и даже встречи между бывшими «соратниками», ношение формы союза, каких-либо его эмблем, пение фашистских песен отныне и впредь были категорически запрещены. Бывшие патроны и покровители РФС сами же и уничтожили свое детище.

У изолированного от всех своих сторонников Родзаевского не было другого выбора, как молчать и продолжать свою службу в Бюро. В ноябре 1943 г. власти предприняли реорганизацию управления российскими эмигрантами в Маньчжоу-го. От своей должности начальника Главного бюро был освобожден генерал Кислицын, на его место был назначен семеновский генерал Л. Ф. Власьевский. Причины замены в газетах объяснены не были. Кислицыну была пожалована высокая японская награда (31 декабря 1943 г.). А через 5,5 месяца, после того, как генерал Дои 18 мая 1944 г. посетил приболевшего Кислицына, тот скоропостижно скончался.

Первым помощником Власьевского стал Матковский; вторым — Родзаевский. Он воз-

главлял также важнейший 1-й отдел Бюро (издательство, канцелярия; и подотделы: пропагандный, идеологическо-воспитательный и культурный, а также руководил спортивной частью). Родзаевский работал в Бюро чрезвычайно активно, и факты опровергают позднейшее утверждение Родзаевского в письме к И. В. Сталину (в сентябре 1945 г.) о том, что он не вел никакой работы в Бюро, должность в котором была для него якобы лишь синекурой.

Политическая обстановка в Маньчжоу-го с конца 1944 г. ощутимо становилась все более и более напряженной. Империалистическая Япония терпела поражение в развязанной ею войне. Осуществлялись систематические бомбардировки страны американской авиацией, налеты ее на территорию Южной Маньчжурии. Круг сжимался все теснее. В воздухе витал дух близившихся перемен.

Однако 1 января 1945 г. газета «Время» вышла с передовой «Наступающий год будет годом победы». Газета писала, что в случае необходимости японская армия будет продолжать войну и на материке. Еще в феврале 1945 г. писалось о планах перемещения на материк важного военного производства («Время». — 18 февраля).

Союзнница Японии в Европе фашистская Германия весной 1945 г. стояла на пороге полного политического и военного краха. Скорая победа над ней Советского Союза была очевидна.

13 апреля правительство СССР объявило о денонсировании им советско-японского пакта о нейтралитете 1941 г.

29 апреля «Время» опубликовала план города Берлина и его окрестностей. 4 мая в газете появилась заметка «Как был убит А. Гитлер»: «Рейхс фюрер Адольф Гитлер был сражен советской пулей в тот момент, когда он с оружием в руках спускался по лестнице своей штаб-квартиры». 9 мая, в среду, газета сообщила: «Германия безоговорочно капитулировала. Война в Европе продолжалась 5 лет, 8 месяцев и 6 дней».

Тут же утверждалось: «Ниппонский народ решил выиграть войну и будет сражаться до полной победы» («Время». — 1945. — 9 мая). Через три месяца Советский Союз объявил войну Японии. 11 августа газета писала: «Война вступила в новую серьезнейшую фазу. Директор информационного департамента Ниппон г. Симомура о военной ситуации:

«6 августа враг бесчеловечно бомбардировал город Хиросиму и утром 9 августа город Нагасаки. Несмотря на существование пакта о нейтралитете, советские войска 9 августа неожиданно вторглись в пределы Маньчжоу-го, Чосен (Корея) и Карафуто (Сахалин), и положение приняло наихудший оборот...

Мы будем защищаться до конца».

Через три дня, 14 августа, император Хирохито выступил с речью, объявив о капитуляции Японии.

Но несколько ранее, 12 августа, в Харбине стало известно, что японские власти организуют отъезд на юг, за пределы Маньчжурии, всех эмигрантов, желающих покинуть город, чтобы не быть схваченными наступающими советскими войсками. Разумеется, это касалось прежде всего наиболее крупных деятелей эмиграции, тесно сотрудничавших с японской военной миссией. (Семьи высокопоставленных японских начальников были вывезены заблаговременно, еще на второй день войны.) Изъявили желание уехать и записались всего лишь 120 человек, однако к поезду прибыло человек 40. Среди бежавших были: Власьевский с сыном, М. Н. Гордеев, С. Кудрявцев, Н. Мартынов, Родзаевский, оставивший в Харбине жену с двумя маленькими детьми, с четырьмя своими сподвижниками.

Поезд отбыл на рассвете 13 августа. Через пять дней все оказались в Тяньцзине.

Настроение у всех беглецов было подавленное. «Вождь» находился в состоянии глубокой депрессии. Он потерпел крах. Он потерял все и всех. Оказался без будущего, без каких-либо перспектив. Петр Балакшин пишет, что Родзаевский сильно переживал. Он страдал от сознания, что, за исключением нескольких человек, остальные отвернулись от него, прежде окруженного «верными соратниками», почитателями и приспешниками... Он писал письма, но на них никто не откликнулся. В нем что-то назревало (П. Балакшин.

* В действительности М. А. Матковского арестовал СМЕРШ еще 21 августа. Затем без конвоя он появился в Харбине летом 1946 г. проездом в Японию, где выступил в качестве свидетеля на Токийском процессе; после, отсидев 10 лет в сталинских лагерях, вышел на свободу.

Финал в Китае. Возникновение, развитие и исчезновение белой эмиграции на Дальнем Востоке. Мюнхен, 1959.— С. 114—115).

В том состоянии, в котором он находился, Родзаевский стал с жадностью внимать начавшимся вокруг него разговорам о том, что-де такому человеку, как он, следовало бы оставаться в Харбине и сотрудничать с советскими властями, которые высоко оценили бы его способности, таланты и т. п., что и было сделано якобы в отношении М. А. Матковского*.

Под влиянием этих разговоров у Родзаевского и возникли иллюзии, что он может быть прощен за свою прошлую деятельность, что ему позволят вернуться на Родину, работать там, почти так же, как он работал здесь, в Китае. Шли дни, и он все более и более поддавался этим мыслям, теперь уже сам делился ими со своим немногочисленным окружением. Решение генерала Власьева добровольно передать себя в руки советских властей, очевидно, подхлестнуло его. «Что могло произойти за эти несколько критических дней с душой человека, что переродило и пережгло ее, что заставило вчерашнего вождя фашистской партии стремительно кинуться к внутреннему перевороту, который годом позже привел его не к восторженному служению Родине, а к показательному московскому суду и расстрелу в подвале Лубянки?» — задает вопрос П. Балакшин (П. Балакшин. Указ. соч.— С. 120).

Трудно, наверное, было бы отрицать тот глубокий внутренний перелом, который произошел в этом человеке, факт осознания им своей вины перед Родиной и ответственности, его желание перестроиться, вновь найти себе место в жизни. Но для своего «возвращения» Родзаевскому нужно было: покаяться в заблуждениях прошлого и вместе с тем найти себе оправдание; показать, что он коренным образом переосмыслил события, но понимает их внутреннюю связь; изменился, но сохранил свои убеждения; теперь — растоптан, находится в бегах, но может еще быть полезен Советской власти. И он сделал все это — в блестящей, свойственной ему манере — в подробном письме-исповеди, адресованном им И. В. Сталину. Обратимся к этому письму*.

Насколько, однако, глубока была эта ломка, происшедшая в К. В. Родзаевском? Какое преломление нашли в его сознании события прошлого?

Он признавал свои заблуждения и каялся в них. Но при этом утверждал, что прекращение подрывной работы внутри СССР, разведки и контрразведки в пользу Квантунской армии произошло якобы по его личной инициативе. Далее. Именно это будто бы явилось причиной недовольства японцев его фашистским союзом и закрытия его в июле 1943 г. (П. Балакшин. Указ. соч.— С. 127).

В своих политических раздумьях, нашедших отражение в письме, Родзаевский приходит к выводу о тождестве эмигрантов с советским народом, а фашистской идеологии — со сталинизмом. «Не сразу, а постепенно мы пришли к этим выводам, изложенным здесь, — пишет он. — Но пришли и решили: сталинизм — это как раз то самое, что мы ошибочно называли «российским фашизмом», это — наш российский фашизм, очищенный от крайностей, иллюзий и заблуждений» (цит. по: П. Балакшин. Указ. соч.— С. 129).

В своем письме Родзаевский также писал, что бежал, «чтобы извне, в качестве свободного человека, а не случайно захваченного пленника, добровольно и безоговорочно отдался советским властям для ответа за мои ошибки, для возможности их исправления энергичнейшей, жертвенной работой на благо Родины, если это возможно» (там же.— с. 130). Таким образом, письмо прежде всего со всей очевидностью показало, что Родзаевский «созрел», что и он тоже был уже морально готов к тому, чтобы по собственной воле отдать себя в руки советских властей. Это был очень важный момент.

Но при своей сдаче К. В. Родзаевский очень хотел показать себя полезным человеком и поэтому предложил на службу СССР все организации своего бывшего фашистского союза: «Трудно заранее учесть ту пользу, которую они могут принести родному делу и делу революции», — писал он (П. Балакшин. Указ. соч.— С. 131—132).

«Кроме элементов личного характера («жизнь дороже смерти»), мотивы исповеди Родзаевского, — резюмирует П. Балакшин, — исходят из признания тождественности раз-

* Существование этого письма признается всеми исследователями. Оно было написано в трех экземплярах. Один был послан Сталину через советское консульство в Пекине. Судьба второго экземпляра неизвестна. Третий оказался у А. П. Воробчука — Загорского, в Сан-Франциско, который предоставил П. Балакшину возможность снять с него точную копию. Копия письма Родзаевского Сталину находится в Русском музее в Сан-Франциско (Там же.— С. 122).

личных форм тоталитарного мышления и тоталитарных режимов. Эти элементы тождественности он (Родзаевский.— Авт.) выявляет ясно и непосредственно, с максимальной долей прямоты и откровенности, и в этой части своего содержания его письмо Сталину является иллюстрацией легкости, с какой приверженцы одного тоталитарного режима меняют свои политические платформы на платформы другого тоталитарного режима и без особого зазрения совести преклоняются перед новыми вождями-божками из той же тоталитарной божницы» (там же.— С. 133). Послушаем самого Родзаевского: «О, с каким бы энтузиазмом и воодушевлением отдал бы я остатки дней моих Родине, Партии и Вождю... Пять дней вагона... перековали меня и моих соратников (? — Авт.) из квази-фашистов-антикоммунистов в национал-коммунистов и беспартийных большевиков и убежденных сталинцев». Это пишет Родзаевский (там же.— С. 132).

«Освобожденное от словесного нагромождения, предложение Родзаевского, как цена за жизнь, сводилось к созданию за границей пятой колонны, составленной из вчерашних его фашистских соратников»,— заключает Балакшин (там же.— С. 133). Предложение Родзаевского не было принято.

Вскоре он перебрался из Тяньцзиня в Пекин и поселился в помещении советского посольства на Лигейшн-стрит. 25 октября его на самолете вывезли в Чанчунь, а отсюда в Читу, где он нашел и Власьевского. Отсюда путь обоим лежал в Москву.

28 августа 1946 г. газета «Правда» сообщила о судебном процессе, который вел небезызвестный В. В. Ульрих. На скамье подсудимых сидели 8 бледных и плохо одетых обвиняемых: Г. М. Семенов, Л. Ф. Власьевский, К. В. Родзаевский, Л. П. Охотин, Б. Н. Шепунов, И. А. Михайлов, Н. А. Ухтомский, А. П. Бакшеев.

Суд приговорил: атамана Г. М. Семенова — к повешению, всех остальных — к расстрелу; Н. А. Ухтомского и Л. П. Охотина — соответственно к 20 и 15 годам лагерей. Лев Охотин умер в 1948 г., отбыв только два года; один из бывших кавэждинцев, возвратившийся на Родину в 1935 г., тоже попавший в лагерь, рассказывал нам в Москве, что видел в одном из магаданских лагерей большой деревянный грубо сколоченный крест, на котором было написано: «Николай Александрович Ухтомский» — князь и известный во всем мире журналист.

В трагедии Константина Владимировича Родзаевского московский суд поставил последнюю точку.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

О судьбе его родных и близких.

Помните ли вы слова — предостережение матери, посетившей своего сына Константи́на в Харбине в 1926 г.? Она сказала тогда, что он погубит и себя, и своих близких, находящихся в СССР.

Так оно и случилось.

Мать, Надежда Михайловна Родзаевская, погибла в лагере, заразившись тифом. Младший брат, Владимир Владимирович, был известным харбинским журналистом, сотрудничавшим в русско-китайской газете «Гун-бао» и др. В 1938 г. он оставил журналистику и занялся предпринимательской деятельностью. Будучи способным химиком, он быстро преуспел в производстве косметических средств, и его парфюмерная фабрика «Шерри» приобрела известность во всей Маньчжурии. Он не принимал участия в фашистском движении, но тем не менее был в Харбине арестован, депортирован в СССР, отбыл долгие сроки лагерей. Затем работал на косметических фабриках и в настоящее время является пенсионером.

Обеих сестер по окончании срока сослали на вечное поселение в Ухту (Коми АССР). После смерти Сталина они обе, в числе десятков тысяч других, были реабилитированы. Младшая сестра, Нина Владимировна, отсидев в общей сложности 20 лет, после реабилитации переехала вместе с мужем в Москву.

(Окончание на 187 стр.)

В. ГУЗАНОВ

1. Побег

Над японским городком Симода, над заливом, отливавшим молочно-голубоватым опалом, недвижно висела сизая мгла. С рассветом, с первыми лучами солнца в мрачных облаках появились просветы, через которые проглядывало холодное небо. Наступил новый день 26 января (7 февраля) 1855 года. День как день. Ничего особенного. Но уже к обеду стало ясно, что он войдет в историю. В храме Гёкунсэдзи в Симода российская дипломатическая миссия во главе с адмиралом Евфимием Васильевичем Путятиным и японские полномочные подписали Договор о торговле и границах между Россией и Японией. Путятин и его соратники могли облегченно вздохнуть. Они выполнили свой долг перед Родиной, преодолев многие трудности.

Миссия Путятина прибыла в Японию в октябре 1854 года на фрегате «Диана». Едва начались переговоры в Симода, куда перешел фрегат, как во время сильного землетрясения гигантская волна цунами сорвала «Диану» с якорей и сильно повредила ее. Русские моряки попытались отбуксировать корабль для ремонта в ближайшую удобную бухту Хэда, но стихия вновь обрушилась на «Диану». Сильный шквал перевернул плохо управляемый корабль, и фрегат затонул. После гибели «Дианы» положение посольства стало критическим. Экипаж был размещен на берегу, но переговоры продолжались.

И вот Договор подписан. Адмирал Путятин по этому случаю устроил для японских полномочных Цуцуи, Кавадзи, Макумота, Кати, Накамура и других парадный прием. Лейтенант Александр Можайский, воспользовавшись моментом, когда все собрались, стал рисовать полномочных, наверняка не осознавая, что пройдут годы и мы будем изучать эти портреты. Для истории такие свидетельства — факт примечательный.

Русскую дипломатическую миссию можно было поздравить. Японский историк Токуто-ми писал:

«И методы действий, и отношения к японцам со стороны коммодора Перри и русского посла Путятина были совершенно различны. Русский посол, уважая древние законы Японии, пытался словами убедить японцев. Коммодор Перри с самого начала старался угрозами и демонстрациями напугать японцев и был готов прибегнуть... к вооруженной силе».

Итак, успех! А моряки «Дианы», размещенные в Хэда, по утрам торжественно поднимали два флага: Андреевский — военно-морской и посольский адмирала Путятина с двуглавым орлом, а с заходом солнца спускали. Караульная служба, занятия, судостроительные работы проходили в часы, установленные морским уставом — непреложным законом для каждого матроса и офицера российского флота. Сила привычки, как известно, велика, тем более у людей дисциплинированных, «диановцам» не нужно было втягиваться в распорядок дня береговой жизни, все шло, как на фрегате. Заслышав сигнал барабанщика или трель боцманской дудки, моряки стремглав выбегали из храмов, которые японцы отвели им под казармы, и выстраивались на плацу. После подъема флагов — развод по работам.

И на работе, и в часы отдыха у всех одна мысль — как и когда смогут они возвратиться на родину. Шла Крымская война, в которой России противостояли объединенные силы Англии, Франции и Турции. На Дальнем Востоке русские корабли

и суда были практически заблокированы в портах английскими и французскими кораблями. Оставалась надежда на строительство в Хэда шхуны своими силами, благо было и кому строить, и кому руководить строительством, или на иностранную оказию. Но строительство шхуны считалось первоочередным делом.

Работа шла споро. Русские моряки трудиться умеют. Хотя пришлось столкнуться и с большими неурядицами. Их японские друзья великолепно делали джонки и охотно помогли бы им, но ведь капитан-лейтенант Степан Степанович Лесовский, командир погибшего фрегата, задумал построить парусное судно, которое японцы еще никогда не строили, им проще было бы сделать двойную джонку по итальянскому образцу, однако русские хотели непременно построить шхуну с обшивкой внакрой. Полномочные с недельку присматривались, а потом решили прислать своих мастеровых людей.

«Во все время постройки шхуны,— вспоминал мичман Александр Колокольцев, исполнявший обязанности инженера-корабеля на самодельной верфи,— находились при ней два чиновника, которые следили за всеми работами, записывали, что делалось каждый день, с приложением рисунков и обозначая русские названия каждой вещи. То же делали и мастеровые: у каждого была книжка, в которую он срисовывал все, что работал».

Общая работа сблизила людей. Русские офицеры и японские чиновники, матросы и мастеровые люди стали бывать друг у друга, хотя древние законы и запрещали такие общения. У Иосифа Антоновича Гошкевича, чиновника Азиатского департамента МИД, наладились хорошие отношения с Кавадзи — вторым лицом среди полномочных, с бонзой Масда Кумедзаймон*, управляющим буддийским храмом, в котором Гошкевич жил вместе с лейтенантом Александром Сергеевичем Мусиным-Пушкиным и Николаем Густавовичем Шиллингом.

Личная привязанность некоторых японцев к русским очень была не по душе Накамур — секретарю на переговорах, даже, можно сказать, выводила его из себя. Он не желал понять, что русским морякам просто хотелось ближе узнать людей, которые столько веков жили замкнуто, обособленно от европейской цивилизации.

В составе команды «Дианы» были два юнкера — Михаил Лазарев и Алексей Корнилов — сыновья выдающихся русских адмиралов. Юнкера Лазарева адмирал Путятин перевел с «Паллады», а Корнилов считался старожиллом фрегата «Диана». Юноши повидали много стран, иностранных портов, вынесли богатые впечатления, испытали себя в морских штормах. Многие их сверстники задохнулись бы от счастья, если бы им удалось побывать в кругосветном плавании. Алексей Корнилов увлекался разными занятиями, но ничего не доводил до конца. С помощью Гошкевича стал составлять японский лексикон — бросил. Начал день за днем вести дневник — не закончил. Пожалуй, более всего его воображение поражала экзотика Страны восходящего солнца. На одной из страниц дневника можно найти такую запись:

«Март. 3-го числа. Четверг.

Сегодня вечером был бонза у Г. Гошкевича, который рассказывал ему как тому назад 25 лет при нем делали пытки над 8 христианами которые были пойманы в окрестностях Еддо. Во-первых 4 первых ставили коленями на острые колья и на них вешали камни и кроме этого в них еще бросали камни [...] Трех других распинали на кресте и прокалывали на кресте копьями, и наконец 8-мую, это была женщина, одолеть которую пытали многими средствами и наконец на спине ее сделали раны и в которые налили расплавленного свинцу и после чего она скончалась. Употребляли разная другим страдания как-то бросали в кипяток и не давали ему еще умирать [...]

Этот бонза каждый вечер ходит к Г. Гошкевичу, чтобы учить его японскому языку. И в это же время он сам учится Русскому языку».

Юнкер Корнилов начал вести дневник с 1 января 1855 года. Круг его интересов сводился к повседневным заботам. Из записей видно, что подросток был не в ладу с правописанием. Но суть не в этом. Нас больше интересует личность бонзы, который «каждый вечер ходит к Г. Гошкевичу, чтобы учить его японскому языку. И в это же время он сам учится Русскому языку».

Недавно мне попали в руки воспоминания бывшего лейтенанта фрегата «Диана» Николая Густавовича Шиллинга, в которых более подробно рассказывается о перипетиях с «японским бонзой». Вот что он писал:

* Орфография по архивным документам.

«Тут случилась довольно забавное происшествие с одним японским бонзою (духовное лицо), который пожелал отправиться с нами в Россию. Для изучения японского языка Гошкевич свел знакомство с этим человеком, который посещал нас только ночью; по старинному закону, всякий японец подвергался смертной казни за сношение с иностранцами.

Однажды ночью, после продолжительного отсутствия, бонза снова явился к Гошкевичу с просьбой спрятать его как можно скорее, так как он был арестован за сношение с нами и бежал из-под караула. Недолго думая, бонзу нарядили в матросскую рубашку и сделали ему парик из соломенной пеньки, тщательно спрятав его от взоров соотечественников...»

Из воспоминаний Н. Г. Шиллинга явствует, что события разворачивались после того, как была спущена на воду шхуна, получившая название гостеприимного рыбацкого селения и бухты Хэда. 20 апреля 1855 года шхуну «Хэда» уже обживала команда. Командиром был назначен упомянутый мичман Александр Колокольцев. Последние доделки. Оснастка мачт, рей, кливерштока. Подгонка парусов. Пробный выход в море. Поднятие Андреевского флага. Молебен. И 26 апреля при легком ветре шхуна «Хэда», на которую адмирал Путятин взял несколько офицеров и 40 матросов, отправилась в Россию. С грустью расстались с ними товарищи и друзья, вынужденные остаться на чужбине.

Вскоре в храм, где жили Гошкевич, Шиллинг и Мусин-Пушкин, заявился полномочный Накамура и сразу же повел разговор о выдаче бонзы, которого спрятали матросы в своей казарме. Гошкевич не хотел ссоры с Накамура, но и судьба бонзы не была ему безразлична. Уклончивые ответы не удовлетворили Накамура и, погрозив пальцем, он сказал:

— Я знаю вашего Бога. Человек бросает большую тень от себя и называет ее Богом. Гошкевич-сан, мы знаем друг друга уже два года и можем быть откровенными. Масда Кумедзаймон нарушил закон бусидо. Он должен исполнить обряд сэппуку. В учении бусидо сказано: «Я совершил нехороший поступок, мне стыдно перед своей собственной совестью, и я наказываю себя собственными руками, осуждая себя».

Вернувшись в свою резиденцию, Накамура отдал приказание дозорщикам усилить негласную слежку за казармами русских моряков.

Прошло полтора месяца. В это время японцы заложили три шхуны типа «Хэда», решив построить их силами своих мастеровых людей. То ли из самолюбия, то ли из-за обиды, что не отдали на суд самураев бонзу Масда Кумедзаймон, японцы отказались от услуг наших моряков. Больше того, селение Хэда и окрестности превратили в запретный район, куда не пускали даже соотечественников, раньше приезжавших из горных деревень порыбачить.

Работы на верфи шли неважно. Японцы нуждались в добром совете, в опытной руке мастеров-корабелов, а они бездельничали, бродили по селению и ждали оказии, прихода какого-нибудь иностранного судна.

Накамура кругами ходил вокруг храма, где жили Гошкевич, Шиллинг и Мусин-Пушкин, ни с кем из русских офицеров не желал общаться, но наконец не выдержал, пришел к Гошкевичу.

— Хочешь узнать дорогу, спроси тех, кто ходил по ней,— сказал секретарь полномочных.— Сейчас неподходящее время для обиды. У ваших матросов — золотые руки, помогите, Гошкевич-сан.

Русский дипломат повел Накамура к лейтенанту Мусину-Пушкину, старшему офицеру команды фрегата, а в тот момент исполняющему обязанности командира оставшейся группы моряков. Секретарь полномочных рассыпался в любезностях, хвалил русских за отзывчивость, сулил богатые подарки от самого сёгуна.

В тот же день более сотни матросов и унтер-офицеров вышли на работу. Однако постройкой японских шхун нашим морякам пришлось заниматься недолго. Всего-то неделю. 23 июня в бухте Симода бросила якорь бременская шхуна «Грета». Лейтенант Мусин-Пушкин сразу же нанес визит капитану Тауло. Вернулся старший офицер в Хэда к вечеру в хорошем расположении духа и чрезвычайно разговорчив.

— Господа, кричите «ура!» В первых числах июля мы покидаем Японию. Правда, шкипер «Греты» оказался проходхой. Но Бог с ним. Пусть всю жизнь грызет его совесть! Заломил, подлец, такую сумму, что его гнилая посудина вместе с грязными парусами не стоит этих денег.

Ужин был веселый. Все были необыкновенно оживлены. Много говорили. Извинялись друг перед другом за мелкие ссоры и недоразумения, помянули добрым словом сослуживцев с «Дианы» матросов Василия Бакеева, Алексея Поточкина и Алексея Соболева, погибших во время крушения фрегата и погребенных здесь, в Хэда. Позавидовали тем морякам, которые ушли с Путятинным и Лесовским и наверняка уже были в России. «Не беда,— сказал Николай Шиллинг.— Скоро и мы покинем Японию. Осталось ждать две недели. Пустяк. Ждали больше». Потом стали говорить о японцах, о бонзе Масда Кумедзаймон, попавшем в щекотливую ситуацию, о хитром и лъстивом Накмуре...

— Иосиф Антонович, голубчик!— с загоревшимся азартом глазами просил мичман Николай Ковалевский,— доверьте мне вашего бонзу. Ради бога! Я покажу Накмуре фигуру из трех пальцев. Доверьте.

— Это во власти Александра Сергеевича, пусть он решает,— сказал Гошкевич. Мусин-Пушкин не возражал.

Из воспоминаний Николая Густавовича Шиллинга:

«...Они (японские чиновники — В. Г.) просили позволения подробно осмотреть наши помещения под предлогом, что они нуждаются в ремонте. Они шарили и заглядывали во все углы, а нашего бонзу, окруженного толпою, матросы переводили из одной комнаты в другую. Нам казалось, что японцы, после этих тщательных поисков, уже забыли о своем пропавшем бонзе, и мы не сомневались, что его легко будет перевести на клипер вечером в толпе матросов; но эта уловка нам вторично не удалась. Когда часть нашей команды уже перебралась на клипер, прибежал унтер-офицер и доложил, что японцы у освещенной фонарями пристани поставили караул, который подносит фонарь к лицу каждого матроса. Дело было плохо: очевидно, искали бонзу, а японские глазенки и желтоватый цвет лица выдал бы его, несмотря на парик и матросскую рубашку...»

Наступило 2 июля 1855 года.

Шестеро матросов на плечах несли продолговатый ящик, караульные не обратили на него внимания, ибо за день таких ящиков с фрегатским имуществом пронесли несколько, некоторые из них заколачивали прямо на пристани на глазах дозорщиков.

Затея мичмана Николая Ковалевского удалась.

— Мы все в сборе, капитан,— сказал Мусин-Пушкин,— пора поднимать паруса.

Шкипер Тауло попросил русского лейтенанта самому избрать путь следования «Греты», добавив при этом, что двадцатого июня он видел английские суда в Сангарском проливе у Хакодате и что, по его мнению, они намерены идти в залив Де Кастри, где находились корабли отряда контр-адмирала Завойко. Мусин-Пушкин посоветовался с офицерами и принял решение обойти остров Сахалин с восточной стороны, повернуть на юг у мыса Мария и с севера войти в устье Амура. Порт высадки последней группы «диановцев» — Петровское зимовье. На том и сошлись. Тауло получил по контракту две тысячи фунтов стерлингов, заверив Мусина-Пушкина, что тот не несет ответственности за судьбу шхуны.

Побег удался, но...

2. Плен

Русским морякам не повезло. Через восемнадцать дней спокойного плавания они были захвачены в плен английским винтовым корветом «Барракота».

Дипломат Гошкевич, бонза Масда Кумедзаймон, которого внесли в список команды под именем Владимира Прибылова, с группой моряков были отправлены англичанами в Гонконг и прибыли туда 29 сентября 1855 года.

На шхуне «Грета» и на «Барракоте» вчерашний японский бонза присматривался к матросской жизни, с жадностью прислушивался к разговору новых друзей, с помощью которых ему удалось покинуть Японию. Многие слова и фразы были понятны, общение с Гошкевичем не прошло даром: словарный запас становился все больше и больше, но связно выразить мысль, то есть грамотно построить предложение, он еще не мог. Нужно было время и, видимо, более спокойная обстановка, нежели сегодня, когда он и русские находятся под неусыпным надзором английских матросов.

Масда Кумедзаймон наблюдал за всем, что делалось вокруг на английском судне, от его наметанного глаза не ускользало ничего: офицеры и боцман обращались с

рядовыми так же, как японские дозорщики с простым людом, бьют почем зря по лицу кулаком или что под руку попадет — бамбуковая палка, шабра или толстая смоляная веревка.

До Гонконга шли долго, японцу казалось, что целую вечность. Судно часто останавливалось для заправки углем и водой. В Нагасаки, незадолго до прихода в порт, в жилую палубу спустился Гошкевич и сказал унтер-офицеру, опекавшему бонзу: при досмотре судна японскими портовыми властями положите Владимира Прибылова лицом к борту, а если спросят, что с ним, ответ один: болен заразной болезнью. И на этот раз пронесло.

В Гонконге Гошкевич взял бывшего бонзу с собой на прогулку. Никогда не видевший других стран, а тем более шумную портовую жизнь, Масда Кумедзаймон несколько заробел и даже стал проситься на судно. Было душно. От жары не было спасения и в тени. Деревья, посаженные вдоль главной улицы — Королевской дороги — были слишком тощи и жалки. Куда укрыться от палящих лучей? Где найти настоящую, прохладную тень? «Загляну к россиянину», — решил Гошкевич.

«Россиянином» русские офицеры называли поляка, который содержал в европейском квартале Гонконга отель и магазин одежды. Поляк любил рассказывать всем, что он жил два года в Москве, когда ему было четырнадцать лет. С Гошкевичем он разговаривал по-польски. У «россиянина» можно было выпить содовой, приобрести костюм европейского покроя, узнать местные новости. У Масда Кумедзаймон разбежались глаза, когда он увидел в витрине манекены в пиджаках и фраках...

— Гошкевич-сан, — сказал японец, — я хотел бы иметь такое платье...

— Все в свое время. Пока на вас мундир русского матроса, вы под защитой Российского государства. В партикулярном платье да к тому же без проездной бумаги вас каждый полицейский может препроводить в участок. А там без долгого разбирательства посадят на судно, уходящее в Японию... Вы же знаете, на родину — вам возврата нет. Как только англичане нас освободят, я непременно позабочусь о вашем штатском платье. Где это будет? Здесь, в Гонконге, или в Лондоне — пока судить рано. Главное, чтобы вы поняли: вы матрос Владимир Прибылов с потерпевшего крушение русского фрегата «Диана».

Масда Кумедзаймон понял и больше к этому разговору не возвращался до приезда в Санкт-Петербург. А пока он находился в Гонконге.

Гошкевич и офицеры редко сходили на берег, служебный долг обязывал каждого оставаться на неприятельских судах со своими матросами. Лейтенант Мусин-Пушкин требовал от всех строго придерживаться распорядка дня, заведенного на английском флоте. Матросы по-прежнему продолжали нести службу. Поутру, как обычно на своей «Диане», драили палубу чужого корвета, помогали английским матросам оснащать такелаж, обновлять паруса. В корабельных работах не принимали участие вестовые, прикрепленные к офицерам. Матрос Прибылов числился вестовым у коллежского советника Гошкевича. Это давало японцу малую, но привилегию: как вестовой, он освобождался от работ и дневальной службы, а также от различных занятий, в том числе и от шагистики. Рядовые матросы обычно заискивали перед вестовыми, считая, что они ближе всех к начальству. И много знают. За полгода нахождения в плену не было случая, чтобы кто-нибудь из «диановцев» нарушил присягу. По временам закрадывалась в душу тоска. Не без этого. Однообразие судовой жизни — даже если и не в плену — всегда было матросу в тягость. / что же говорить, как неладно было на душе бывшего бонзы.

Лейтенант Мусин-Пушкин писал в Петербург:

«Считаю долгом засвидетельствовать о благородном поведении команды в плену, а также равно и офицеров, которые своим поведением заслужили не только общее внимание, но и уважение.

Из числа наших офицеров находятся в настоящее время в Гонконге: лейтенант Шиллинг, мичманы: Ковалевский и Михайлов и чиновник Азиатского департамента О. А. Гошкевич».

К концу 1855 года боевые действия в Крымской войне прекратились и из Лондона поступило распоряжение отправить русских моряков в Англию. Дорога домой открылась после подписания в марте 1856 года Парижского мирного договора.

В Санкт-Петербурге о взятых в плен «диановцах» знали очень мало, и то по слухам. О Гошкевиче и японском бонзе вообще не было никаких сведений, а если и были, то настолько неточные и противоречивые, что министерство иностранных дел вынуждено было неоднократно запрашивать своих послов в Париже и Лондоне.

В канцелярии Инспекторского департамента морского ведомства была полная неразбериха. Даже спустя полгода после возвращения Гошкевича в Санкт-Петербург его и японца, принявшего русское имя Владимира Прибылова, продолжали искать.

28 октября 1856 года вице-директор Инспекторского департамента запрашивал у лейтенанта Мусина-Пушкина:

«...сведения, какие ему известны, о взятых вместе с ним в плен мичманах Николае Ковалевском, Сергее Михайлове, переводчике Гошкевиче, японце, принявшем название Прибылова, и 128 нижних чинах...»

Мусин-Пушкин отвечал:

«При отправлении моем из Гон-Конга мичманов, Ковалевский и Михайлов с остатком команды 91 человек находились на двух английских фрегатах «Пик» и «Нанкин». До сих пор они еще не возвращены из плена, и никаких до сих пор не имею об них положительных сведений, а равно и партикулярных; переводчик же Гошкевич и японцу Прибылов доставлены в Россию вместе со мною в последних числах апреля текущего года и находятся в настоящее время в ведении Министерства иностранных дел.»

Наконец-то была внесена ясность. Поиски чиновника Азиатского департамента Гошкевича и японца Владимира Прибылова прекратились.

3. Коллежский регистратор

Гошкевич и его вестовой Прибылов покинули туманный Альбион на пароходе «Императрица». На страстной неделе они прибыли в Либаву и были встречены полковником Сурковым, директором пехотного училища принца Карла Прусского, он же исполнял должность начальника Либавского воинского гарнизона.

От Ливавы до Санкт-Петербурга бывший японский бонза постигал российскую дорожную науку: хорошо, что Мусин-Пушкин и Гошкевич имели на руках проездные бумаги, на которых было два казенных штампея, это давало право мчать в нанятой кибитке, от станции к станции, где им быстро меняли лошадей.

В столицу приехали на следующие сутки под вечер.

Противившись со спутниками, Гошкевич и Прибылов направились на Пряжку в дом, где проживал надворный советник Петр Лопов, с которым Иосиф Антонович подружился после возвращения из Китая. Своего угла в Петербурге у Гошкевича никогда не было, а семья находилась в местечке Якимова Слобода Минской губернии.

Шли налегке, в руках по саквоюжу. В них смены белья и разные японские безделушки, и самое ценное — черновики будущего японо-русского словаря. Гошкевич объяснил японцу, что с грошем в кармане им не снять номер в гостинице, а господин Лопов, к которому они сейчас нагрянут, их приютит. На время, конечно, пока не подыщут подходящее жилье. Отправляясь осенью 1852 года на фрегате «Паллада» в дальнее плавание, он, Гошкевич, оставил Лопову доверенность на получение жалования у казначея Департамента хозяйственных и счетных дел МИД.

Нет надобности подробно описывать встречу старых приятелей после стольких лет разлуки, и без того ясно читателю, что не обошлось без вздохов и охов, без наскоро собранного стола. И долгого-долгого разговора-исповеди. На вопрос хозяина дома: «Чем займешься? Будешь ли по примеру Ивана Гончарова писать книгу путешествий? — был ответ: «Нет, у меня одна мечта — словарь. И вот мой помощник в этом непрестом занятии — Масда Кумедзаймон, просвещенный буддийский бонза... и мой младший товарищ.»

Гошкевич имел право так сказать: он действительно был старше японца на целых шесть лет. Больше года они провели вместе. Их первое знакомство состоялось сразу же, как только моряки с «Дианы» поселились в рыбацкой деревушке Хэда, потеснив монахов в нескольких храмах. Со слов Масда Кумедзаймон Гошкевич знал о прежней жизни своего подопечного столько, сколько позволяло ему знание китайского и японского языков. Если что-то Гошкевичу не было понятно по-японски, он просил повторить по-китайски.

Масда Кумедзаймон родился в 1820 году в обедневшей дворянской семье, всецело зависящей от вассалов клана Какэгава, из провинции Тотоми. Еще подростком он пристрастился к воинскому делу, его не устраивало земледелие, которым занимались его прадеды и деды. Рано ушел из дома и скитался, пока не повзрослел и не стал настоящим самураем, научившись мастерски владеть всеми видами оружия. Но ищущая душа, жажда знаний привела самурая в храм. Началась его монашеская жизнь. Нет никаких сомнений в том,

что он много читал, исследуя письменные памятники раннеяпонской философии, его интересовали история распространения буддизма, а также влияние китайской правовой системы на феодальный строй Японии. Монахи храма Хонмондзи, где Масда Кумедзаймон служил управляющим, за глаза называли его «Гикэн» — мудрец.

Но и этот мир был ему тесен. Родной край, малая или большая Отчина, не могли удержать бонзу-романтика. Он не искал власти над людьми и богатства. Он рвался повидать свет, чужие страны, ему хотелось взглянуть на Европу, о которой слышал от соотечественников, общавшихся с голландцами в Нагасаки. Пренебрегая личными и внешними сторонами жизни, Масда Кумедзаймон искал пути к побегу. И такая возможность представлялась с появлением в Симода и Хэда русских моряков. А главное, нашелся человек, поверивший ему, бонзе, изъявившему большое желание изучать русский язык. Приходил он украдкой и вечерами и к удивлению Гошкевича делал феноменальные успехи в освоении разговорного языка, хуже обстояло с правописанием, но это, как говорится, дело наживное. А потом взялись за лексикон, не предполагая, что за этим последует долгий совместный плодотворный труд.

Гошкевич гнал от себя мысль, что его поступок, повлекший за собой укрытие бонзы, затем и побег, могут принять в Азиатском департаменте за легкомыслие. Вся надежда на офицеров фрегата «Диана», принявших живое участие в побеге бонзы. Они-то наверняка не подведут, люди чести!

Вот с такими, быть может, раздумьями отправился на следующий день по прибытии в Министерство коллежский советник Гошкевич с японцем. Их принял сам директор Азиатского департамента Егор Петрович Ковалевский. От своего сына Николая, «диановского» мичмана, находившегося вместе с Гошкевичем в плену у англичан, генерал-майор Ковалевский знал историю японского бонзы, поэтому дал своему подчиненному Гошкевичу дельный совет: написать подробный рапорт на имя нового министра иностранных дел А. М. Горчакова, а он, Ковалевский, даст документу законный ход. И проследит, чтобы не было бюрократических проволочек.

К глубокому сожалению, рапорта Иосифа Антоновича Гошкевича я не нашел, а вот косвенное тому доказательство мне посчастливилось держать в руках и даже снять копию. Я приведу этот документ целиком. Он прольет на многое свет.

В левом углу документа: «О Коллежском Советнике Гошкевиче и прибывшем сюда Японце».

Сам документ:

«В числе офицеров и матросов фрегата «Диана», взятых в плен Англичанами во время переезда их из Японии к нашим берегам, находились Коллежский Советник Гошкевич, командированный из Министерства Иностранных Дел в качестве Переводчика к Генерал-Адъютанту Графу Путягину, и еще один ученый Японец, который, в бытность Графа Путягина в Японии, помогал Гошкевичу в изучении Японского языка и в составлении Российско-Японского словаря и потом изъявил желание выехать в Россию.»

Лица сии, по приезде с другими нашими пленными в Англию, отправлены были в Россию и ныне прибыли в Петербург.

Принимая в уважение труды и лишения, которым подвергался Коллежский Советник Гошкевич во время экспедиции в Японию, я находил бы справедливым выдать ему, в единовременное пособие из сметных сумм Министерства Иностранных Дел, пятьсот рублей серебром, тем более, что при крушении фрегата «Диана» он потерял все, что при нем находилось в сей экспедиции. Прибывшему же вместе с ним Японцу, который, при установившихся у нас сношениях с Японией, может быть весьма полезен, я полагаю бы выдать также в пособие, на обзаведение себя платьем, единовременно сто пятьдесят рублей серебром, и сверх того назначить ему по пятисот рублей серебром в год содержания, считая со дня прибытия в С. Петербург, и с отнесением сих последних издержек на положенную Министерству Иностранных Дел сумму на Азиатских Посланцев; упомянутого сие Японца причислить к ведомству Аз-го Д-та.

Донося о сем Вашему Императорскому Величеству преемлю смелость испрашивать Высочайшего соизволения».

Александр II собственной рукою написал «Исполнить». В С.-Петербурге 5 мая 1856 г.

В этом документе государю императору не указывается имя ученого японца, прибывшего с Гошкевичем в Россию. Просто «Японец» с прописной буквы. Но уже через две недели появился новый документ, так сказать, имеющий хождение в пределах здания МИД.

Департамент хозяйственных и счетных дел предписывал казначею титулярному советнику Вальбергу:

«Отпустить... Японцу Масда Кумедзаймону:

1^р 150 руб. сер. в одновременное пособие, на обзаведение его платьем; и 2^р 12 руб. 50 коп., причитающихся ему из назначенного содержания по 500 руб. сер. в год, с 22-го апреля, т. е. со дня прибытия его сюда, по 1 мая сего года, а всего: сто шестьдесят два рубля пятьдесят копеек серебром».

Теперь мы точно знаем и японские историки могут отметить в биографии Масда Кумедзаймон, что он прибыл в Санкт-Петербург 22 апреля 1856 года. И с этого момента ни в каких документах он больше не упоминался как Владимир Прибылов, а только — Масда Кумедзаймон. Кроме того, «причислив к ведомству Азиатского департамента», министр А. М. Горчаков дал «ученому японцу» возможность занять должность переводчика, не имея чина. Говоря современным языком, Масда Кумедзаймон назначили испытательный срок. Необходимо было время, чтобы он проявил себя. На мой взгляд, в тот момент не было более важной работы, чем составление японско-русского словаря.

Все дни, долгие месяцы, когда Иосиф Антонович Гошкевич находился в Хэда, затем в плену, он продолжал заниматься японским языком, делал черновые наброски будущего словаря, а вернувшись в Россию, он с утроенной энергией взялся за нужное и полезное дело. Директор Азиатского департамента Е. П. Ковалевский всячески поддерживал своего подчиненного. Однажды Гошкевич, отчитываясь о проделанной работе, как бы ненароком сказал, что хотелось бы иметь учеников: не студентов с факультета восточных языков Санкт-Петербургского университета, а обыкновенных мальчишек, в возрасте 13—15 лет, усердных к учению. И сам же предложил обратиться к Управляющему морским министерством адмиралу Ф. П. Врангелю. Гошкевич знал, что в Кронштадте есть кантонисты, прикрепленные к 1-му учебному морскому экипажу. Генерал-майор Ковалевский поддерживал идею Гошкевича, но его, как всякого начальника, беспокоило одно: на какие средства содержать учеников?

В течение нескольких дней октября 1856 года Гошкевич ждал ответа из Морского министерства. У него не было уверенности, что вопрос о юных воспитанниках 1-го учебного морского экипажа быстро решится. Ведь в Инспекторский департамент стекается множество приказов, циркуляров, указаний, разъяснений — их наверняка читают, как и письма, по диагонали, от угла к углу, а затем подшивают в папку «входящие». Впрочем, к письму директора Азиатского департамента адмирал Ф. П. Врангель отнесся с пониманием. Каждую осень из Кронштадта к берегам Русского Приморья отправлялись один или два фрегата. Однако оборудованной гавани для стоянки судов в тех местах еще не было. Заключив договор с Россией и США, Япония открыла для иностранных судов три порта: Симода, Нагасаки и Хакодате. Без толковых переводчиков капитанам и командам не обойтись. Предложение Азиатского департамента продиктовано желанием помочь. У моряков и дипломатов жизненные и профессиональные дороги были схожими в те годы.

...Мальчики в матросских бушлатах пришли на квартиру Гошкевича, но его дома не оказалось. Их принял худощавого телосложения чиновник в вицмундире, на ломаном русском языке предложил присесть, а сам продолжал что-то колдовать над чайником. Вовсю кипел самовар. Юнги не могли оторваться от лица чиновника: оно было желтоватое и гладкое, глаза узкие с прищуром, губы вытянуты в ниточку, лоб высокий, волосы черные с зальсиной. В головах юнг копошились догадки: кто он? Китаец? Монгол? Японец? Наверное, тот самый японец, о котором говорили матросы с погибшей «Дианы».

Чиновник в вицмундире оказался молчаливым, но хлебосольным. Разве можно оставить юных гостей без угощения? А одним из редких угощений был японский чай.

— Прощу к столу, будем чае-евни-ичать. Так по-русски?

Юнги молча кивнули. И от чая не отказались. А вскоре вернулся и хозяин квартиры. Гошкевич дружески поздоровался за руку с каждым. Один из юнг, по-видимому, старший, представился:

— Альфред Малендра, юнга первого морского экипажа, — и подал бумагу Гошкевичу.

— Предписание, — прочел Иосиф Антонович. Он пробежал глазами документ на бланке Инспекторского департамента и понял, что ему откомандировали троих юнг для обучения японскому языку. И тут же, чуть ниже, сообщение, что на всех троих Морское ведомство выделяет 55 ¹/₂ копейки кормовых и провиантских. И ничего не говорилось о том, где мальчики должны жить все это время. Пришлось оставить у себя. Потесниться. Одна из комнат превратилась в матросский кубрик.

На следующий же день начались уроки. Интерес у юнг к японскому языку был настолько велик, что в первую же неделю переписали от руки азбуку при помощи японца, который попросил юнг называть его Владимиром Иосифовичем, и каждый составил для себя словарь. А чтобы лучше запомнились географические названия японских островов, морские заливы и бухты, большие и портовые города, раскладывали на полу карты, грудью ложились на нее и... путешествовали. Это была игра и одновременно учеба. Мальчики внимательно слушали учителя-японца, повторяя мудреные названия и незнакомые слова. В долгие зимние вечера юные и взрослые мужчины собирались за общим столом. Все они были, как большая семья, хотя ни один из них не состоял в родственных отношениях. И национальность у всех разная: Гошкевич — белорус, Масда Кумедзаймон — японец. Альфред Малендра — поляк, Федор Карлиони — грек, Карл Юганов — из обрусевшей немецкой семьи.

Пройдут годы, судьба этой троицы будет связана тесными узами с Японией. Прежде всего, они примут православие. Малендра Альфред станет Малендой Александром Станиславовичем; Карлиони Федор — Карлиониным Федором Яковлевичем; Юганов Карл — Югановым Александром Александровичем.

Юнги начнут службу толмачами на кораблях эскадры Тихого океана под командованием контр-адмирала А. А. Попова. 12 декабря 1862 года по представлению Российского императорского консула в Хакодате И. А. Гошкевича их произведут в унтер-офицеры. Спустя пять лет они останутся на вольнонаемной службе при консульстве. Правда, след А. А. Юганова теряется в 1863 году после возвращения в Хакодате из Сан-Франциско корвета «Рында».

Ф. Я. Карлионин будет переведен в Российское императорское консульство в Нагасаки. Там же и скончается на 30-м году жизни. Похоронен в 1975 году на Русском кладбище.

А. С. Маленда до 1875 года будет находиться в Хакодате, затем ему предложат службу переводчика в Российском посольстве в Токио. Самые последние сведения о нем, которыми располагает автор, относятся к 1881 году.

Думается, разговор о первых переводчиках японского языка, учениках Гошкевича и Масда Кумедзаймон стоит продолжить, но в отдельном очерке-исследовании.

Иосиф Антонович Гошкевич и Масда Кумедзаймон взяли на себя нелегкую задачу — обучать японскому юнг и параллельно составлять словарь. Шесть месяцев, изо дня в день, они переписывали, уточняли иероглифы словаря, начатого, как уже говорилось, еще в деревне Хэда.

Когда работа подходила к концу, Гошкевич начал испытывать чувство страха перед первыми судьями, незнакомыми ему молодыми людьми, которым предстояло в будущем изучать японский язык. Была еще забота: где печатать словарь? При отсутствии телефона в те времена приходилось ездить по городу на извозчике, расплачиваясь, разумеется, кровными деньгами. В эти поездки Гошкевич непременно брал своего помощника Масда Кумедзаймон, которому было полезно познакомиться с Петербургом. После недели визитов по разным адресам выяснилось, что на всю столицу была одна типография Я. Ионсена по Большой Садовой в доме Ильина, где брались печатать словарь. Однако арендатор типографии Р. Голике поставил условие: выписать из Китая и Японии иероглифы.

Легко сказать: выписать. На это уйдет не год и не два. Кроме того выписка из-за границы обойдется в несколько тысяч рублей. После долгих поисков Гошкевичу повезло. Он нашел в типографии Российской академии наук японские иероглифы, но не было китайских знаков, необходимых по утверждению самого Гошкевича «для изображения слов, вошедших в японский язык из китайского».

У Гошкевича был кое-какой опыт и переводчика, и составителя, и издателя. Еще студентом последнего курса Санкт-Петербургской духовной академии он занимался подготовкой к изданию первого перевода ветхозаветных книг протоиерея Павского с еврейского языка на русский. Вместе с товарищем по курсу Иваном Захаровым он отбирал и редактировал лучшие списки перевода, хранившиеся в рукописях у студентов академии в течение многих лет и переходивших по наследству с курса на курс. Как только Библия была готова к печати, Иосиф Антонович договорился с литографщиком, и вскоре она увидела свет. В отличие от второго и третьего издания, в книге стоит фамилия Гошкевича и год написания литографским способом — 1839-й.

Арендатору типографии Р. Голике Гошкевич предложил «соединить действия типографии и литографии таким образом: набрав в типографии русский текст, отпечатать на

переводной бумаге и затем вписать в оставленные для этого пробелы японские и китайские слова, перевести на камень и окончательно печатать в литографии».

17 декабря 1856 года Гошкевич написал донесение на имя директора Азиатского департамента генерал-майора Е. П. Ковалевского.

Привожу только выдержку:

«С разрешения Вашего превосходительства я уговорился с содержателем частной типографии и литографом в цене: по восемнадцати рублей каждому из них; первому — за набор печатного листа и оттиска на переводной бумаге, а последнему — за литографирование этого листа в числе 300 экземпляров на хорошей белой бумаге большого формата.

Корректуру же русского текста и писания японских и китайских слов я буду производить сам с помощью находящегося при мне японца».

Перед тем, как отправить рукопись словаря в типографию, упомянутый японец Масда Кумедзаймон попросил Гошкевича поставить на титульном листе его прежнюю и самую первую фамилию, относящуюся к дворянскому роду — Тацибана но Коосай. Гошкевич выполнил просьбу. Словарь был издан меньше чем через год. На титуле «Японско-русского словаря», составленного И. Гошкевичем, стояло добавление: «При участии японца Тацибана но Коосая» — на русском и японском языках. А внизу: САНКТ-ПЕТЕРБУРГ 1857.

У читателя, надо полагать, возник вопрос: сколько же имен и фамилий у японца? В какой-то момент автор называл его Владимиром Прибыловым, затем — Масда Кумедзаймон, теперь — Тацибана но Коосай. Может, появится еще одно имя? Да, обязательно. Но об этом чуть позже.

К сожалению, наши востоковеды серьезно не изучали эту личность. И на сегодняшний день я не располагаю точными сведениями, как появилось имя Тацибана но Коосай. Японские же источники, с которыми я знаком, противоречивы. Например, Нагасэ Ёсимото, чиновник из департамента сельскохозяйственной торговли, познакомившийся с Масда Кумедзаймоном в последние годы его жизни в Японии, резюмирует: первоначальное имя у моего героя было — Татибана Кумэдзо. Другой японец по имени Мори в своих «Путевых заметках о плавании в Россию» утверждал, что Коосай, до того как покинуть родину, имел две фамилии — Татибана и Масуда — и два имени — Коосай и Кумэдзо. Упоминается он и в таком сочетании, как Масуда Коосай.

Вот поди и разберись. Я не собираюсь оспаривать точку зрения упомянутых японцев, я пишу повесть о Самурае в России, а не о Самурае в Японии. Одно мне непонятно, почему, проживая в России более полутора лет, на всех документах и расписках бывший бонза ставил собственноручно МАСДА КУМЕДЗАЙМОН. Что, он не знал, как пишется по-японски его имя? Есть автограф, который написан его рукой.

Появление «Японско-русского словаря» явилось крупнейшим событием в научном мире Санкт-Петербурга. Во всяком случае, одними из первых откликнулись Императорская Российская академия наук, Министерство народного просвещения, Министерство морского флота, Императорская Публичная библиотека и Румянцевский музей.

Вот что говорилось в развернутой рецензии Императорской Российской академии наук:

«Вся ученая Европа не имела такого японского словаря, какой составлен Г-м Гошкевичем. Японские словари, Европейцами составленные в XV и XVI столетиях, составляют библиографическую редкость, и в них все японские слова написаны латинскими буквами с сохранением португальского произношения. Только в 1830 году появился небольшой японский словарь с английским переводом, Медгорста, но эта книга, по малому своему объему, вовсе не может быть полезна для занятий. Сверх того составитель этого словаря был знаток китайского, не знающий вовсе японского языка, и поэтому не мог в своем маленьком словаре избежать самых грубых ошибок. Зибблд написал два лексикона, из которых в одном китайский лексикон с японским произношением, а в другом, по неопределенности точных значений, японские слова без всякого объяснения на каком-либо Европейском языке, с представлением самому Европейцу, занимающемуся японским языком, определять значение китайского слова, и поэтому недоступен для Европейцев, не знающих китайского языка. Итак, Г-ну Гошкевичу принадлежит полная честь, потому что он приобрел всех Европейцев в доставлении нам такого словаря...»

Здесь я останавлиюсь. Поверьте, читатель, мне на слово, что дальше сказано много хороших слов о Иосифе Антоновиче Гошкевиче.

Но в то же время, когда готовилась эта рецензия, Императорская Российская академия наук послала «Японско-русский словарь» в Париж знатоку японского языка, члену Совета Парижского Азиатского общества, известному синологу виконту Леону де Рони. Вот какой отзыв прислал в Санкт-Петербург французский ученый:

«Вообще же Японско-Русский словарь г. Гошкевича есть превосходный труд, за который нельзя не воздать должной похвалы трудолюбию и обширным познаниям, требовавшимся для его исполнения. Быстрое появление сей книги в печати, чем г. Гошкевич упредил подобные же издания, начатые прежде его, тем более увеличивает ее значение, что она в настоящее время оказывает важную услугу Европе и в особенности России, которая, конечно, поняла, что Япония есть страна, опередившая собою другие страны Восточной Азии и к которой должны более и более устремляться взоры морских держав Запада».

Потом будут еще рецензии в журналах «Отечественные записки», «Известия Императорского русского географического общества», в различных библиографических справочниках по истории русского японоведения.

Масда Кумедзаймон был счастлив в августовские дни 1857 года. С выходом в свет словаря ему казалось, что мир просветлел. И пока он рядом с Гошкевичем, он тоже может обогреться в лучах славы, недолговечной, конечно, но все-таки. И что словарь круто изменит его жизнь, он получит имя. Первые поздравления он уже получил от сослуживцев по Азиатскому департаменту коллежских советников Захарова и Леонтьевского, давших положительную оценку словарю.

Достичь вершины успехов Гошкевичу и Масда Кумедзаймон помогли не только сослуживцы, знатоки китайского языка Захаров и Леонтьевский, но, пожалуй, прежде всего Егор Петрович Ковалевский, директор Азиатского департамента. Поверив в их труд, он проявил особую, выходящую за служебные рамки, заботу. По его настоянию министр иностранных дел Александр Михайлович Горчаков послал в Царское Село донесение Александру II. Ковалевский нашел убедительные слова, чтобы охарактеризовать работу своих чиновников коллежского советника Гошкевича и японца Кумедзаймон (Тацибана но Коосай), показать, сколько знаний, сил и энергии они вложили в составление «Японско-русского словаря».

В письме министра говорилось:

«Повергая на Высочайшее Вашего Императорского Величества воззрение экземпляр означенного словаря, приемлю смелость ходатайствовать о Всемилостивейшем награждении Кол. Сов. Гошкевича за этот труд знаком ордена Св. Анны 2-й степени Императорской короною украшенными, а состоящему при Азиатском Департаменте Японцу Кумедзаймону чина Коллежского Регистратора с определением его на действительную службу по ведомству Аз. Деп. Труд обоих так велик и похвален, сверх того, во внимание к особой трудности составления, я полагал бы возможным выдать, в пример другим, их суммы по штату Министерства Иностранных Дел на Азиатских посланцев, положенный Кол. Сов. Гошкевичу — годовой оклад, получаемого им жалования по званию переводчика, т. е. 600 р. сер., а Японцу Кумедзаймону — 250 р. сер., что составит половину годового его содержания.»

На подлинном собственною Е. И. Величества рукою написано: «Исполнить». В Царском Селе, Окт. 16-го дня 1857-го года.

Здесь я бы хотел напомнить читателю, раньше в документах, проходящих по Азиатскому департаменту, Масда Кумедзаймон упоминался, как «Японец», «ученый японец», «японец, вывезенный Гошкевичем» и так далее. В процитированном донесении А. М. Горчакова государю императору он впервые называется полным собственным именем. По тем временам это большая честь. Конечно, Александр II может и не запомнить имя Кумедзаймон, но он мог и не знать Гошкевича, но то, что имя японца фигурирует в документе, доложенном государю императору, многое значило для иностранца.

Было ясно, что Масда Кумедзаймон выдержал испытание. Полтора года, прожитые в Петербурге, не прошли даром. Раньше он не смел и думать о том, чтобы на своей родине получить какое-то право на внимание со стороны императора или сёгуна, а здесь, в холодном и державном Петербурге, его имя Тацибана но Коосай на титульном листе «Японско-русского словаря», государевой милостью выдано единовременное денежное вознаграждение, по занимаемой должности присвоен чин КОЛЛЕЖСКОГО РЕГИСТРАТОРА. Теперь он официально принят на государственную службу. А сам чин

XIV класса — коллежский регистратор — дает ему право на приобретение личного почетного гражданства. Конечно, чин для молодого, вступающего в жизнь человека. Не для 37-летнего. В таком возрасте чаще встретишь коллежских и надворных советников, людей с необыкновенным благородством и чувством собственного достоинства. Правда, последнего Масда Кумедзаймон как раз не занимать. Ведь в недавнем прошлом он был самураем и соблюдал кодекс чести. Он не жалел, что его жизнь стала раскручивать новый виток. Ничего. Как огонь на морском берегу дает всему заманчивый свет, так и его душа озарится надеждой.

4. Российский подданный

Наступило предзвездье. Масда Кумедзаймон проснулся рано, услышал звуки старого дома, в котором он жил вместе с Гошкевичем и его семьей — женой Елизаветой Степановной и пасынком Владимиром. Юнги съехали с квартиры еще в начале сентября. Сегодня они уходили на винтовом фрегате «Аскольд» на Дальний Восток. Иосиф Антонович считал, что подошел срок Маленде, Карлионину и Юганову пуститься «в самостоятельное плавание». В рапорте на имя директора Азиатского департамента докладывал:

«Между тем они изучили обе японские азбуки, бегло читают и пишут и выучили несколько написавших для них разговоров с подробным разбором каждого слова, так что в обыкновенных случаях могут понять и объясниться по-японски. Дальнейшее усовершенствование их в языке будет зависеть от практики, которую они могли бы иметь на месте, если будут отправлены на отходящих ныне судах...»

Таким судном оказался винтовой фрегат «Аскольд». Гошкевич и Масда Кумедзаймон обещали своим ученикам прийти на проводы. Кроме того, Иосиф Антонович должен был передать капитану фрегата Ивану Семеновичу Унковскому свой авторский экземпляр словаря с автографом. Японец знал, что капитан I ранга Унковский бывший командир фрегата «Паллада» и неоднократно бывал в Нагасаки. Гошкевич был дружен с ним. Собираясь в Кронштадт, Гошкевич столкнулся с определенными формальностями. Масда Кумедзаймон надо было иметь паспорт и проездные бумаги. То, что он является чиновником Азиатского департамента МИД, должен засвидетельствовать санкт-петербургский полицмейстер. В Кронштадте было особое военное губернаторство в пределах Санкт-Петербургской губернии. Кронштадт — стоянка Балтийского флота. Вот почему такие строгости.хлопоты Гошкевича увенчались успехом, на его руках была бумага с казенной резолюцией: «О неимении препятствий на выезд из Санкт-Петербурга». Возвратившись домой от полицмейстера, Гошкевич сказал Кумедзаймон:

— Вас надо крестить в православную веру. Это даст право быть русским подданным. Подумайте на досуге.

В Кронштадт съехались сановные лица, имеющие отношение к флоту. Все знали, что вот-вот появится великий князь Константин Николаевич — брат государя императора. С недавнего времени он — шеф флота, имеет чин генерал-адмирала. Ждала великого князя и команда «Аскольда», ради которой, собственно, он и приехал в Кронштадт.

Наскоро повидавшись с Унковским и переговорив о своих учениках-юнгах, Гошкевич спустился в жилую палубу, в которой отвели место юным переводчикам. Масда Кумедзаймон неотлучно следовал за своим патроном. Гошкевич не собирался долго задерживаться на фрегате, откровенно говоря, ему хотелось завершить визит до появления великого князя. Гошкевич полагал, как только от Петровской пристани отвалит паровой катер с вымпелом генерал-адмирала, надо сматывать удочки. Японец никак не мог понять, почему Гошкевич, имея приличный гражданский чин, равный капитану I ранга и полковнику, не хочет показываться на глаза великому князю. Не все еще знал о своем опекуне Масда Кумедзаймон. Например, одну характерную черту: Иосиф Антонович не любил вертеться на глазах у начальства, какое высокое оно ни было бы. Зная, что тому может взбрести в голову что угодно. Например, великому князю ничего не стоит сказать: «Господин Гошкевич, а почему бы вам не пойти с Унковским снова в Японию?» И — все. В эту минуту отчаяния не порассуждаешь, а сгорбившись, словно под плетью, побредешь собирать вешички в дорогу.

Наговорившись вдоволь с юнгами и попрощавшись, гости стали подниматься на верхнюю палубу, фрегатская команда уже стояла в строю. Масда Кумедзаймон застыл, в десятке шагов от него и Гошкевича находился, окруженный свитскими, генерал-

адмирал. Но прошли недолгие секунды, и, поздоровавшись с «аскольдовцами», Константин Николаевич удалился с Унковским в адмиральскую каюту.

На палубе, после того как распустили команду, Гошкевичу повстречался старший офицер лейтенант Павел Алексеевич Зеленый. В бытность на «Палладе» и «Диане» он был на дружеской ноге с Гошкевичем. Об этом даже засвидетельствовал писатель Иван Гончаров. В письме к художнику, академику живописи Н. А. Майкову он писал с мыса Доброй Надежды:

«Нас едет семь человек. Адмирал всем дал занятия на все путешествие. Одному Гошкевичу (чиновнику М. И. Д.) поручена геологическая часть, доктор со шхуны, ученый немец, займется ботаникой. Посьет, которого Юния Дмитриевна видела (рыжий офицер), изучает голландский язык. Едет еще молодой мичман в помощь Гошкевичу. С нами едет и фотографический прибор для снятия местности и типов жителей также».

Этим молодым мичманом и был Павел Зеленый.

— Торопитесь, господа, в столицу? Напрасно. Капитан и я будем рады видеть вас в кают-компании на прощальном обеде,— сказал он, затем обратился к Масда Кумедзаймон:— Вам нравится у нас, в России, бонза?

— Такой обители... чтоб все были бессмертны... нет ни у вас, ни у нас... в древней Ямато,— подбирая слова, медленно ответил Масда Кумедзаймон.

Вечером, позвратясь домой, Масда Кумедзаймон признался Гошкевичу, что поездка в Кронштадт произвела на него глубокое впечатление. Он впервые совершил короткое путешествие на железном пароходе «Луна», перевозившем пассажиров и грузы между Ораниенбаумом и Кронштадтом.

Морозы, ударившие через две недели, сковали Неву. На лед высыпали рыбаки, долбили лунки, спускали в воду лёсы с крючками. Все это было внове японцу, никогда им ранее не виданного подледного лова. Приближалось рождество. Дома, магазины и центральные улицы города украшались.

В один из предрождественских дней Иосифа Антоновича неожиданно вызвал министр. В большой приемной ждать пришлось недолго. У Горчакова настроение было торжественно-приподнятое.

— Что вы собираетесь делать после такого триумфа? Ваш словарь мы будем представлять в академию наук на Демидовскую премию. Вы заслужили такой чести, Иосиф Антонович.

Гошкевич насторожился. Это его удивило. Признаться, он более скромно оценивал свой труд. По силам.

— Но я не за этим пригласил вас,— продолжал министр.— Мне вчера подали отличную мысль. Хотел заинтриговать, признаюсь — хотел. Возвращается из Японии капитан первого ранга Посьет.

— Константин Николаевич?— обрадовался Гошкевич.— Ратифицировал трактат? Это потрясающая новость. Я вас поздравляю, ваше превосходительство. Это победа русской дипломатии.

Возвратясь из плена, Гошкевич не смог увидеться с Посьетом. 5 мая 1856 года бывший флаг-офицер адмирала Е. В. Путятин отбыл снова в Японию для ратификации трактата. И вот новость — Посьет скоро прибудет в Петербург.

Министр иностранных дел все еще изучал настроение Гошкевича:

— Так вот, сударь, мне вчера подали отличную мысль...

«Странно,— подумал Гошкевич,— князь снова возвращается к началу разговора. Что это могло бы значить?»

— Граф Путятин считает...— Горчаков сделал паузу.— Да, именно граф Путятин считает, что вам надо ехать консулом в Японию. Признаюсь, мы аттестовали государю императору еще одного чиновника, но окончательный выбор пал на вас, сударь Иосиф Антонович.

В первое мгновение Гошкевич смотрит на министра с недоверием, а потом с тяжелым чувством безнадежности, отчаяния.

— Я вижу, вам, сударь, не по душе царская милость?— говорит Горчаков, будто угадывая мысли чиновника.— Вам оказывается доверие быть первым российским императорским консулом. Первым, сударь! В ваши сорок лет я был готов поехать к черту на кулички.— Министр лениво потянулся в кресле.— Завтра в полдень явится ко мне с директором департамента.

Аудиенция окончилась.

Гошкевич вышел от министра. Что делать? Что делать? Мечта о своем будущем как ученого-синолога стала туманной.

Но еще больше, пожалуй, горевал Масда Кумедзаймон, услышав новость. Ведь без своего опекуна он оставался один-одинешенек. В доме все приуныли. В департаменте же обстановка была другой. Гошкевич чуть не каждый день принимал поздравления по случаю назначения консулом, более опытные, проработавшие по многу лет за границей, давали советы. А когда заходил разговор о японце, все сходились на том, что его надо крестить.

Недалеко от дома, где жила семья Гошкевичей, находилась церковь Благовещения Пресвятой Богородицы. Иосиф Антонович вместе с женой и пасынком ходили туда по большим праздникам. Он знал настоятеля храма протоиерея Николая Содальского, с которым учился в Духовной академии. Священник выслушал Гошкевича, подсказал путь. Поскольку японец взрослый, сложившийся человек, к тому же бывший буддийский бонза, нелепо было бы обставить крещение буднично. Надо, чтобы присутствовало высокопоставленное лицо, желательное из окружения царского двора. Это придаст авторитет приходу и эмоционально повлияет на крестного сына. В Святом Писании сказано: «Человек умирает для жизни плотской, греховной и возрождается в жизнь духовную, святую».

О появлении японского бонзы в Петербурге в светском обществе было известно. Кое-кто из сановных лиц желал посмотреть на заморского гостя, словно на заводную игрушку. Гошкевич как мог отказывался от визитов во дворцы вельмож. Правда, один дом они посещали. Министр А. М. Горчаков был дружен с поэтом Иваном Петровичем Мятлевым, скончавшимся семнадцать лет назад. Его и Александра Михайловича в свое время познакомил лицейский товарищ Александр Сергеевич Пушкин. В особняке Мятлевых, что на Исаакиевской площади, часто проходили литературные вечера, концерты, балы. Хлебосольная хозяйка Прасковья Ивановна, вдова поэта Мятлева, была богата и знатна, среди ее предков были генералы и адмиралы, губернаторы и герои суворовских походов. Вот в этом шикарном особняке у Прасковьи Ивановны и были принят Гошкевич с японцем. Их представил сам князь Горчаков. Вечер удался. Масда Кумедзаймон оказался хорошим рассказчиком, Гошкевич едва успевал переводить. И открыл для себя много нового в биографии бывшего самурая. Японские современники Масда Кумедзаймона утверждали, что бывший самурай и бонза часто, в зависимости от места, времени и собеседника, изменял содержание сообщаемых о себе сведений. Короче говоря, Гошкевич решил просить Прасковью Ивановну Мятлеву быть крестной матерью Масда Кумедзаймона.

Теперь я хочу обнародовать целиком документ, который не был известен японским историкам.

«СВИДЕТЕЛЬСТВО

По метрической книге церкви Благовещения Пресвятой Богородицы, что на Васильевском острове, за тысяча восемьсот пятьдесят восьмой год в части первой под № 12-м значится: месяца Января двадцать первого числа, по указу С.-Петербургской Духовной консистории, в следствии собственного прошения, состоящий при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел, Коллежский Регистратор Масда Кумедзаймон, из языческой веры Будды, просвещен Св. Крещением, с наречением ему имени Владимир, и с принятием, по желанию его, фамилии Яматов, тридцати восьми лет. Протоиереем Николаем Содальским. При сем Таинстве восприемниками были: Коллежский Советник Иосиф Антонович Гошкевич и ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА СТАТС ДАМА, жена умершего Тайного Советника Мятлева, вдова Прасковья Ивановна Мятлева, урожденная Графиня Салтыкова. В чем и свидетельствуем, с приложением Церковной печати, Столичного Города. С.Петербурга, Благовещенской, на Васильевском Острове, Церкви:

*Протоиерей Николай Содальский
Священник Семен Румянцев
Священник Николай Делицин
Дьякон Василий Ламанов*

Января 25-го дня 1858-го года. Справку чинил Дьячек Сергей Рудаков».

Из Благовещенского храма поехали на Исаакиевскую площадь в особняк крестной матери Прасковьи Ивановны, где знатно отобедали. На прощание вдова поэта Мятлева подарила Владимиру Яматову сборник стихов покойного мужа. «Его песня «Фонарики», надеюсь, вам понравится. Помнится, когда я учила французский, — сказала придворная статс-дама, — я шела французские песенки, чтобы лучше знать язык». Будучи женщиной сострадательной, Прасковья Ивановна обещала уезжающему в Японию Гошкевичу не забывать своего крестника. Но есть основания думать, что Яматов едва ли обращался с каким-нибудь делом к титулованной покровительнице, если вспомнить о его гордом самурайском духе.

В канун отъезда Гошкевич помог своему крестнику Владимиру Иосифовичу написать рапорт в Азиатский департамент следующего содержания:

«Двадцать первого числа сего месяца я получил Св. Крещение, и с принятием Христового имени Владимир счел необходимым переменить и японскую фамилию, как содержащую в себе следы буддизма, на русскую: Яматов, от древнего названия Японии «Ямато». В удостоверении сего честь имею представить в Азиатский департамент метрическое свидетельство за подписью причта и печатью благовещенской церкви. Январь 28 дня, 1858. ВЛАДИМИР ЯМАТОВ».

Через три дня Яматову было выдано свидетельство:

«Дано сие свидетельство из Азиатского департамента, с приложением казенной печати, состоящему в ведомстве оного Коллежскому Регистратору Владимиру Иосифовичу Яматову, для свободного проживания на квартирах в С. Петербурге».

Теперь Гошкевич был спокоен за своего крестника, которого опекал начиная с того дня, как только бонза оказался среди русских. Приняв российское гражданство, спустя два с половиной года после побега и проживания в Петербурге без малого год и девять месяцев, Владимир Яматов отрезал себе путь возвращения на родину. Для него единственный способ использовать представленную должность и чин во благо самому себе. Добиться благосклонного внимания сослуживцев, как было при Гошкевиче, и начальства, тогда карьера обеспечена. Вобщем-то, так оно и будет. Пройдут годы, Яматов дослужится до чиновника VIII-го класса, станет коллежским асессором. Этот чин приравнялся к капитану и ротмистру, говоря военным языком. В этом чине уходили в дальнее плавание на фрегате «Паллада» писатель Иван Гончаров и драгоман Иосиф Гошкевич.

Провожая на Николаевском вокзале Иосифа Антоновича и его семью в Японию, Владимир Яматов с болью в сердце услышал гудок паровоза. Но что он мог поделать? Его друг и опекун был таким же подневольным и служивым человеком, как он сам. Будь что будет! Его судьба — в его руках.

Владимир Яматов вернулся домой, зажег ночник, взял со столика сборник стихов Мятлева и раскрыл первую попавшую страницу. Стихи еще больше растравили его душу.

Окончание следует

(Окончание. См. 155 стр.)

⁴ Судя по опубликованным сообщениям, миссия дружбы Государства Маньчжоу-го отправилась в поездку 29 июля 1938 г. и была расформирована по своему возвращении на специальной церемонии в отеле Ямата в г. Синьцзине 28 января 1939 г.

⁵ В статье, помещенной в газете «Асахи симбун» от 3 июля 1938 г., говорилось следующее: «Решившись, наконец, на побег из Советского Союза, генерал Люшков разработал детальный план своих действий. Его жена, прекрасная еврейка Инна, 27 лет, этот план одобрила. Он заключался в том, чтобы в качестве первого шага Инна вернулась из Хабаровска — места службы Люшкова, обратно в Москву. Далее супруги должны были порознь улучшить момент для побега из Советского Союза. Инна должна была послать ему условную телеграмму: «Посылаю горячий поцелуй». Фактически это был согласованный ими сигнал для действий по разработанному между ними плану. Видимо, после этого сигнала супруга в тот же день должна была выехать из Москвы, однако о ее дальнейшей судьбе нам ничего не известно».

Именно такую телеграмму «Посылаю горячий поцелуй» отправила из Москвы в Хабаровск Люшкову его супруга. А он только и дождался этой телеграммы, чтобы сразу перебежать в Маньчжурию.

Айгуньский договор' (глава из романа)

Н. ЗАДОРНОВ

Николай Николаевич² долго ходил по отмелям в одиночестве, по широкому амурскому песку, напоминавшему пляжи Нормандии.

...А какой прекрасный климат в окрестностях Благовещенска, какая пышная трава, плодородная почва, как хороши коняги, работающие на участках подле деревни маньчжур! Муравьев обещал этих маньчжур не сгонять, оставить в своих владениях на нашем берегу. Это все маньчжурские крестьяне, населены правительством Китая после завоевания в позапрошлом веке тем же китайским способом, каким я сейчас селю семейных казаков.

Как цветут леса и как много обещает нам эта плодородная равнина между Зеей и Амуром, как ждет она земледельцев! Как привычен нам этот климат, куда привычней, чем где бы то ни было, не зря два века тому назад русские начинали тут пахать. Это наша прерия, и это наша Великая Равнина, как в Америке. Сектантов сюда, гонимых староверов, крестьян из малоземельных губерний. Я должен заложить основу для тринадцати пуританских штатов. Всякое великое дело не стыдно начинать с подражания. Железную дорогу сюда, как в Америке, мыть золото здесь. Пароходную линию в новые южные порты Приморья из Одессы и Херсона! А пока — на лошадях, через Сибирь. Мужик за волей на Зеленый Клин пешком Сибирь пройдет.

Выходя из глубокой задумчивости, опять глянул Николай Николаевич на реку в солнце, на пески отмелей, на острова вдали, опять себе под ноги на искрящийся песок и подумал: «По этому песку! По китайскому берегу надо провести границу». Он признался себе, что боится европейцев, зная их силу и намерение вломиться в Китай. Границу надо вести по китайскому берегу Амура, чтобы вся река считалась нашей и чтобы никакая морская европейская держава не смогла принудить Китай к уступке в пору слабости Небесной Империи и получить своим кораблям право плавания на Амуре или права аренды островов. На Амуре есть такие огромные высокие «бугровые» острова, что англичане затребуют в аренду у Пекина, пригрозят и выстроят крепость у нас под носом. Столетия спустя Китай окрепнет, станет мировой державой. Пока самим китайцам проще и выгодней граница по своему берегу быстрой и могучей реки. фарватер которой изменчив. Если только какой-нибудь наш чиновник не превысит смысла договоренности и не испортит дела, навредив и нам и им, или не начнет торговать нашими островами, как орехами на базаре. Муравьев желал бы показать китайцам, что он деликатен, себе требовать лишнего не хочет. Можно подписать об этом соглашение потом, когда мы делом докажем им свое расположение.

Муравьев повеселел, и вновь мысль его вернулась на свою колею.

Но как быть теперь?

Ученые находятся на особой барже. Они при деле с первых дней плавания. Ботаники, топографы, этнографы, знатоки почв, ископаемых высаживались на речные берега, делаи описи, все осматривали, изучали, а потом на лодках догоняли свою баржу. Теперь стоят. Ждут, что губернатор, может быть, вместе с ними пойдет в экспедицию на Усури и к южным гаваням.

Венюков³ наливает вино в стаканы. Запевает песенку, сочиненную лейтенантом Шлиппенбахом:

Доппель-кюммель, ерофеич,
Дрей мадера, хереса,
Муравьев наш предводитель,
Ему слава и хвала!

Венюкова сигналами затребовали на генеральскую баржу. Наскоро допил и сошел в шлюпку. Прибыл. Доложил, что все готово, лодки, оружие, припасы.

— Михаил Иванович, ждите распоряжения с часу на час!

Венюков ответил в досаде, что готов, что мог бы идти, не ожидая подписания договора.

Николай Николаевич сказал, что сам он на этот раз с экспедицией на Уссури не пойдет. Дело страшней, чем кто-либо может предположить. Открыл Венюкову секреты. В Петербурге зимой получены донесения из Лондона о намерении англичан и французов высадиться в Приморье. Планы ответных действий предусмотрены в Петербурге тайными советниками в прямом и переносном смысле слова. Китайцы подтверждают, что они опасаются того же, что и мы.

Венюков намеревался, как было назначено, перейти с экспедицией из бассейна реки Уссури через хребты к морю. А теперь возлагается новое поручение: занять гавань Ольгу этим летом. Передавать объявления иностранным судам о том, что гавани Приморья наши.

— А они с нас спросят, покажите-ка карты, где и что это за гавани, а их у нас нет.— Поначалу Венюков сопротивлялся распоряжениям губернатора, встречал в штыки его пылкость и свою сдержанность.

— Как нет карт? Да еще в 1849 году, десять лет назад..

Венюков сказал, что приказание выполнит. Проводники и толмачи есть с собой, топографы и бывалые нижние чины. И заявил заносчиво, но почтительно, что знает свое дело.

«В показательных картинках докладов, которые я представляю государю моему, я ни словом не смогу при нашем китаизме омолодиться о подлинных планах и намерениях, о том, каков смысл моих действий, что есть во мне, кроме фанаберии и честолюбия. Другое дело, когда я пишу: «Настоять! Подкрепить силой! Указать! Потребовать! Разъяснить! Категорически отвергнуть!»

Китайцы в душе считают меня за изверга, захватчика. В Забайкалье обучены казаки. Артиллерия. Пехотные батальоны. Пароход. Баржи с пушками для крепостей на океане... На коронацию⁴ присланы молодцы-забайкальцы! Завоевание Кавказа! Завоевание Средней Азии! Завоевания в Африке, в Индии. Война с Мексикой. Флорида. Войны с индейцами. Экспедиции в Марокко, в Алжир. Англичане в прессе упрекнули Россию, что она создана захватами, экспансией, что по сути дела сама Россия — это только московский уезд. Герцен в Лондоне ответил, что все на свете создано захватом, что Россия начиналась не с московского уезда, а с новгородской волости. А что Англия начиналась с одной рыбацкой деревушки, а все остальное приобретено грабежами и захватами. Вот и дошло дело до Китая, где, может быть, и придется встретиться. И делить! Такой мой довод все примут! А что я есть на самом деле? У Муравьева, как ему кажется, благородный замысел, он должен держать цель свою втайне от властей и общества.

Мы до того дотянули, что китайцы теперь сами призывают нас на Амур, чтоб на нас опереться как на верных соседей, а теперь я делаю вид, что упираюсь. Главнокомандующий И Шань⁵ это заметил и дает мне острастку».

«Но как на самом деле будет в наш новый век действовать Николай Муравьев?».— думалось на утренней прогулке, когда из шлюпки опять вышел на отмель. Задумчиво и мрачно глядел под ноги, чуть наклонившись над белоснежными амурскими песками. Муравьев — противник захватов и в Азии, и на Балканах. «Эти захваты когда-нибудь нас захватят. Игнатъев⁶ говорит: «Что это за государства: эмираты, орды в Азии, Кавказ с захолустьями турецкой власти, Румыния, Болгария. Зачем они нам, ну, мол: Румынская губерния. Болгарская губерния, Сербская, Черногорская, куда ни шло.» С нищетой азиатских базаров, со зловонием на толчках, среди лачуг в центре города, с толпами торгашей и разбойников на дорогах и в городах, с народами, на просвещение которых уйдет наше сибирское золото. Мы им построим города и университеты, а они рожу

будут от нас воротить. Получится по-путятински: всех учить, а своих грабить. Не губите свой народ ради желания походить на англичан и французов, которые цивилизуют и обучают, приобщают Китай и Африку, но знают, что делают, и всюду получают выгоды из завоеванных стран! Они заставляют колониальные народы производить богатства, им же для церквей и школ отдавать часть доходов. Они не начинают предприятий, не сулящих барыша! России нужны выходы в океан, торговля с Америкой и новая государственная система, но с умным диктатором во главе. Не с дураком».

Николай Николаевич не спеша отправился в этот день на переговоры в глинобитную цитадель убежденный, что главнокомандующий И Шань хитрит, и с намерением дать ему волю, сделать вид, что поддается, а потом...

Но князь И Шань, мило улыбаясь, сразу обезоружил его. Любезно заявил, что китайская сторона все обдумала и решила принять целиком текст трактата. Китай согласен с просьбой России и понимает ее нужды. Дополнительные соглашения заключим потом. Пока нет опасностей.

— Мы оба народа северные и близкие друг другу. Два века жили в дружбе, и так должно быть всегда. При ханах Россия была под властью Китая. Русские служили в пекинской гвардии. Теперь настала наша очередь благоразумно поддержать Россию...

На большом обеде в ямэне⁷ в честь подписания договора князь впал в хорошее настроение, стал еще откровенней и радушней и опять сказал, что русский и маньчжурский народы близки, даже договорился до того, что они родня друг другу. К чему он теперь клонит? Муравьев тупел от множества новостей.

Князь пожаловался на свой глупый простой народ: уже заговорили, что И Шань получил в подарок за подписание договора и за уступку Амура два мешка серебром и будто все это видели. Поэтому он не стал подписывать договора. Народ очень дерзкий, за подобные разговоры надо отрезать языки.

У Муравьева были мешки с серебром на корабле...

Но в подарки послу доставили часы золотые, часы стенные, шубу, ковры... И членам его свиты разные сувениры.

— Вы можете спросить меня,— сказал И Шань,— зачем же, князь и главнокомандующий, посол своего государя, доверенный и уполномоченный, вы так сильно волновали русское посольство и упрямылись, если уже было согласие самого Сына Неба и благожелательное отношение высоких сановников из Лифаньюаня⁸?

«Но как понять слова о двух мешках со слитками серебра? Они есть. Именно два мешка с серебром. И не только два больших, но и несколько малых. Как вызнали китайцы? У наших нижних чинов с китайским простонародьем взаимный обмен новостями?»

— Я вам отвечу! У нас сразу нельзя соглашаться! Ах, такой этикет! — молвил князь И с притворным вздохом, как артист лучшего императорского театра, добавил: — Мы увидели в вас друга. Вы с самого начала были очень великодушны, генерал! И мы увидели, что вы огорчены, но деликатны. Это нас расположило.

Да, конечно, и у нас таков же дипломатический этикет, показывать нашу неуступчивость, объявлять о вражде непримиримой тому, перед кем на деле тайно заискиваем и от кого хотим признаться чем-либо полезным.

...Суть заключенного договора: граница между Россией и Китаем идет по реке Амуру до устья Уссури. Пока больше ничего не сказано, но устно сговорено, что по приложению граница будет считаться не по фарватеру, а по китайскому берегу, об этом оговорим особо. Ниже устья Уссури оба берега Амура принадлежат России. По реке Уссури земли между рекой и морем состоят в общем владении России и Китая. Вот тут-то по настоянию И Шаня вставлены слова: «как ныне». Границу по фарватеру Амура и Уссури вообще невозможно провести. Только петербургский дурак, отроду не видавший Амура, может сморозить такую глупость и вставить в договор, мол, по фарватеру. Да Амур — это гигантская река, вся сила Сибири рушится этой массой воды в океан. Прибыль воды грандиозна, в наводнения уровень поднимается на много сажень, течение не такое, как в Дунае или Висле, а мощнее, стремительнее, леса затапливает. После наводнения, когда вода спадет, оказывается, что целые острова снесло, а другие намыло, на них нанесло деревья с корнями; на другой год они начнут разрастаться. А где фарватер? Где граница? Снесло! Она в Петербурге, на карте при договоре у ловкого «чинаря», заброшенного к нам по воле рока в должность. Придется пограничникам знаки таскать с острова на остров, искать каждый год фарватер заново, посылать экспедиции. Могут взять такую дурь в голову наши столичные управители и в угоду иностранцам похерить установления Муравьева и маньчжур.

— Теперь России можно занимать морские гавани, Муравьев. Действуйте поскорее. Только не трогайте наши рыбалки и огород с тыквами, который имеется на острове У нашего маньчжурского чиновника.

— Венюков не ждал, он по моему приказанию сегодня ушел на Уссури, подымается по реке и через перевал пойдет к морю.

— Мы оба народа северные и близкие друг другу. Ставьте в Приморье свои посты. Западные моряки могут опять там появиться. И вы, и мы об этом знаем. Я вам больше скажу: мы не сможем защитить те берега моря... Но появление нового английского города между Россией и Китаем нежелательно. Сразу порешить с вами дело о приморских землях мы не сможем, пока владение совместное. Еще нельзя требовать в Лифаньюане. А теперь, согласно трактату, эти земли, как подтверждается, всегда были и в русском владении. Потом на это сошлемся. Все будет зависеть от вас, как вы будете действовать, опережая других. Докажите свою силу против наших врагов. Мы будем надеяться на вас, верим делом, а не словам.

И Шань опять сказал, что, когда в позапрошлом году в одну южную бухту Хайшэнь-вэй⁹ явилась английская королевская эскадра, она не встретила никого, а на ближайшем острове увидели единственного чиновника из Хунчуна, который в это время трудился в огороде и очень рассердился, что его застали в простой одежде. Это он там разводит овощи, гонит просьяной самогон и продает ловцам трепангов.

— Как же вы объявите в Китае о заключении договора? — спросил Муравьев, помня разговор, которую сделал посол Сына Неба при первой беседе.

И Шань еще раз подтвердил, что поскольку каждое правительство не обязано говорить всей правды о своих делах народу, то как бы ни было и в Китае объяснено заключение договора, не следует генералу Муравьеву удивляться. Примите это уверение, досточтимый генерал и посланец императора.

— Но как же это будет сделано?

— У нас есть в стране газета. Одна газета на весь Китай. Но очень хорошая. Вы знаете, это «Цзинбао»¹⁰. Издается в Пекине. Небольшая столичная газета, но дает все главные сведения.

«Как объявим? — мог бы добавить И Шань. — Вероятно, для народа, чтобы не сомневался в могуществе власти, будет объявлено, что богдыхан, внемля нижайшим просьбам русского царя и своих данников из соседних земель, благосклонно разрешил им жить на плохих и болотистых землях по Амуру. Тут же объяснено будет, что в России холодно, болота всюду, жить людям негде, они бегают с места на место и не могут найти ничего хорошего. Поэтому русский царь слезно просил богдыхана пожалеть русский народ... Объявят указом, что эти земли хороши для русских, но не для китайцев. В самом деле, в Пекине все согласны, что эти гнилые и сырые территории, которые всегда затопляются размытыми рек, имеют мало ценности. И леса там то и дело горят вместе со зверьем и с охотниками. Словом, все будет доказано. Есть умные люди, которых хорошо содержат и которые думают за правительство и позволяют ему лениться. Они все объяснят народу. Всякая политика должна быть гибкой. Дипломат не должен быть мулом или верблюдом. Надо уметь делать уступки соседям и даже противникам, но толковать как победу».

— Глупому народу надо уметь объяснить, чтобы в силе правительства нашего не сомневался. Это возможно. Это не английская политика!

— А вы знаете ее?

И Шань не ответил. Он замечал, что Муравьеву что-то не по себе, когда обнаруживаешь знания европейских обычаев и дипломатии. Но И Шань не будет ничего о себе говорить. Пусть Муравьев добивается, пусть, как ревнивый муж, подозревает, а узнать ничего не может. У князя И Шаня был солидный опыт дипломатический, он уже в 1851 г. подписывал договор с Россией.

— В Китае много умных людей, — продолжал И Шань, — всех невозможно уничтожить, кто бы ни взялся наводить порядок. Почти у всех умных людей много опыта, но не такого, как сейчас надо, и без совета и приказа никто и ничего не смеет придумать.

«Кроме того, — про себя добавил маньчжурский сановник, — может быть пущен слух по Китаю, что за этот договор И Шаню отрубили руки, или что он ждет суда, или отправлен в ссылку и будет там отравлен. За исполнение повеления, которое дано самим же богдыханом. И на самом деле могут меня отравить или отрубить голову! А я весел и улыбаюсь: Сын Неба переменит свое решение! В государственной политике бывает, что правительство со своими же недоброжелателями действует заодно».

Когда-то И Шань, близкий родственник императора, из самых богатых в Китае, был лишен состояния и заслуг, приговорен к смертной казни, которую император заменил темницей. Потом И Шаня помиловали и послали губернатором в Цицикар и возвратили часть состояния, и вот уже 20 лет идет суд и тяжба, отдавать ли ему остальное.

А И Шань смеется...

Муравьев, огорошенный комплиментами князя, не нашелся, что ему ответить. Да и надобности не было. Он прекрасно понимал, что китайцы, публикуя сведения о договоре, будут придерживаться не выражения духа дружбы с Россией, а собственных традиций. Но уж очень откровенно князь ему выложил.

«Ну, а мы? Письма и пакеты с копией Айгуньского договора послезавтра пойдут в Петербург с чиновником министерства иностранных дел фон Бютцево, на баркасе до Усть-Стрелки, а дальше курьер поскачет «бойко», то есть старательный дипломат-петербуржец станет бить по дороге смотрителей и ямщиков. Разве мы хуже китайцев? Ну, а если он меня спросит: «Как вы объявите?» Мы тоже поступим, как у нас принято. И не только у нас, но и во всем мире: «Мы завоевали!», «Мы победили!»».

Муравьев знал за собой грех. Он умел подмочить репутацию, а потом убрать совсем, сбить с позиции любого, кто казался ему соперником; как бы нужен ни был, но разве другой на его место не найдется! Хотя перед отъездом из Петербурга Муравьев видел Завойко¹ и принял его советы. Муравьеву приходится быть совершенно похожим на сибиряков. Те думают только о себе, каждый полагает, что Сибирь должна принадлежать только ему одному. А всех остальных просветителей — убрать! Уничтожить и память о них! Оставить только тех, кто старается для Муравьева. Деятели прогресса должны быть единственным. Сколько их уже полегло за последние годы, великих деятелей, соперников, оспаривавших лавры! Завойко уж куда как крепок и упрям, а вылетел в форточку. Муравьев — единственный творец, только в этом качестве можно что-то усовершенствовать. В противном случае самого сдунули бы, как муху. Муравьев закладывает основы будущего государства социализма (socialisme!), сила которого будет не в царских сатрапах, а в демократии. Объявить об этом нельзя ни китайцам, ни своим*.

Китайцы, вернее, маньчжуры, прибегнут к вымыслам для утешения себя и народа.

Мы тоже объявим обо всем в духе традиций: «Генерал Николай Муравьев, умело повел дела с маньчжурским чиновничеством. Он припугнул Китай военной русской силой, созданной им в Забайкалье по воле государя императора. Государь благословил! Одним росчерком пера осуществил Муравьев величайшее завоевание эпохи, возвычив и возвысив могущество Российской империи на Востоке в новое царствование. Великое деяние, совершенное по повелению самодержца, нашего государя императора Александра II! Славное начало новой великой гуманной эпохи, еще небывалой в истории! Предначертание императора исполнено Муравьевым!» И пойдет, и пойдет. Похвальбе, хвастовству предела не будет. Все указано царем. Слава царю! Расширяем владения! Еще Николай I предупреждал: «Я не желаю расширения своей империи. Она и так слишком велика, от дальнейшего расширения могут произойти большие неприятности, одни лишь беды. Россия растворится в завоеваниях и погибнет, как Древний Рим. Мы погубим русский народ». А теперь все высшее чиновничество заявляет: это был отсталый консерватизм, смешные понятия «незабвенного», а вот — хи-хи — новый молодой государь прогрессивен, либерален, хочет освободить крестьян, дать рабочие руки промышленности! Одобряет захваты! Как можно обширней! Несет свет всем народам. Будем хвастаться везде! Под его скипетр! Под державу! Во славу двуглавого орла! Возьмем Босфор и Царьград! Святые земли!

Сегодня капитан Будогосский взял себе перо, которым Муравьев подписывал договор, и сказал, что будет хранить его как величайшую драгоценность.

Все наши успехи должны у нас выглядеть в раздутом виде. Недостатки всех других стран и народов должны быть преувеличены. Начнется вранье взмахом! И долго будем хвастаться, всем все это опротивеет, охоту и симпатию к самому делу отобьет. Набьет оскомину хвастовство о наших успехах! Оттолкнет просвещенную молодежь. Иное дело мужик. Крестьянин газет не читает, пришлет сюда ходоков и будет судить не по «Петербургским Ведомостям», а по сути дела.

А сам я? Я тоже по этой части дока: постарался и еще постараюсь. Европа ахнет от зависти, когда узнает. Но я и там не смогу объяснить тайной сути дела, так как никто меня не поймет. Скажу — захват и все! Русские звери, казаки, рабовладельцы, хапуги.

* Об этих идеях Н. Н. Муравьева писал А. Н. Герцену М. А. Бакунин.

Но если власть возьмут революционеры, я в том числе? Мы пошлем завоевателей. Русских крестьян по всему миру? В Австралию? В Африку? Всех спасать! Зулусов... Ффигу вам!

Конечная моя цель только еще открывается. Только после заключения этого трактата я смею к ней приступить. Экспедиция Венюкова пошла по Уссури. Он перейдет через горы и постарается достигнуть залива Святой Ольги, открытого нашими моряками и старообрядцами.

— Так еще раз о деле. В письме китайского правительства, полученном мной из Пекина и отосланном в наше министерство иностранных дел, сказано, что через Монголию предложенную нами артиллерию отправлять нельзя. Написано в листе из Лифаньюаня, что еще рано, но принять согласны. Я не стал ждать. Я привел в своем отряде кораблей баржу, на которой находятся два новейших скорострельных дальнобойных орудия и образцы нарезных штуцеров для китайской армии. Испробуйте. На барже зарядные ящики для орудий и все необходимое для боя. Остальная артиллерия и десять тысяч штуцеров находятся близ границы Монголии, в моих владениях, и будут отправлены и переданы, если вы готовы принять. Полагаю, что, получив пушки и ружья, которые я привез, вы охотно примете и все остальное.

И Шань опять для приличия не сразу согласится и ради этикета будет тянуть? Не хочет выдать своего горя и признаться, как Китай унижен. Неужели советники Сына Неба опять восстанут в защиту идеи всемогущества и непоколебимости Небесной Империи и традиций? А народ их будут бить тем временем.

— Как, когда и где мои люди посмотрят привезенную вами артиллерию? — зевнув, спросил И Шань.

Очень похоже, очень, что знает он европейцев, имел с ними дела, ничем его не удивишь.

— Остров для стрельбища выбран. Стрельбу покажут артиллерийские офицеры: полковник и два поручика, два унтер-офицера, которые служили в Кяхте толмачами и оба знают по-китайски. Солдаты при каждой пушке. От моего имени поручается при сем присутствовать морскому офицеру, который только что прибыл ко мне. Верьте ему, как мне. Назначьте к нему для приема чиновника равного ранга.

— Будет ли с вашим офицером хороший переводчик, умеющий объяснить все подробно? Если у кяхтинских толмачей окажется недостаточно знаний?

— Переводчик не нужен. Офицер сам говорит по-китайски. Он знает китайский язык и может немало нам с вами помочь в будущем.

Тут И Шань закрыл рот и глянул с достоинством лорда. А генерал Джирмайнга¹² переглянулся с молодым батальонным Хуном.

— Офицер? Только что прибыл? — строго спросил И Шань.

— Знающий китайский язык? Откуда? Прибыл еще один переводчик? — спросил Хун.

У встревоженного старика генерала сразу затряслись колени.

И Шань должен знать, что нельзя всего бояться, если вступаешь в мир, где все ново. Однако удивлен, почему раньше не сказали! Есть же переводчик Шишмарев¹³. А это, мол, кто еще? Всякая новость тревожит. Нет, И Шань спокоен, словно что-то уже знает, или так вышколен, что готов ко всему. Где он набрался опыта, живя в захолустном городишке? Нет, право тут все не так просто.

«Брат, ничего не попишешь, — мысленно отвечал Муравьев. — Скрывать не буду и не должен, я этого не люблю. Это не порок, а достоинство, что офицер мой знает китайский язык!»

— Ваш офицер служил в православной Пекинской миссии? Который был с Путятинным в Японии? — спросил Джирмайнга. — Он уже пожилый?

— Он молод и не был в Пекинской миссии. Он не священник, а моряк в чине капитан-лейтенанта. Я ему велю все это вам лично рассказать. Вам, князь И Шань, он будет отвечать на любые вопросы. Либо лицу, уполномоченному вами. Пора нам с вами начинать жить на новых началах и верить друг другу. Так?

— Да.

— Он дважды обошел вокруг света. У него есть приятели знатные китайцы. Перед приездом ко мне он совершенствовался, обучаясь у петербургских ученых, знатоков Китая. Словом, он поел в Китае соли!

— Что? — испуганно воскликнул Джирмайнга, услышав перевод. — Какой соли?

— Поел соли — значит хлебнул горя. Или набрался опыта. А съест с кем-нибудь пуд соли, это значит узнать человека. Артиллерия передается безвозмездно. Офицер,

назначенный мною, знает, что никаких расписок не требуется. Установку пушек и стрельбу покажет артиллеристы. На острове уже стоят орудия. Чтобы не пугать население китайского города, по вашей просьбе для стрельбы выбран далекий остров.

Муравьев возвратился из ямзня на пристань верхом, в сопровождении казачьего конвоя и конного маньчжурского эскорта, сел в свой гребной катер и пошел через Амур. На нашем берегу курились дымки, жители вновь основанного города Благовещенска выжигали лесок дтя росчистей под пашни.

Быстро стемнело. Тусклое красное небо над горизонтом на западе.

Еще неизвестно, что будет с Китаем. Мятельный Хун, во главе армии тайпинов, захватил огромную территорию. Еще тысячу раз найдутся охотники наняться к Сыну Неба и наберечь армию из европейских наемников. Об этом Муравьев знает из американских газет. Пишут же там: «Русские опять извлекают выгоды из чужой агрессии!»

Жаркая ночь на Амуре. Южная духота! А на берегу и на баржах слышна переключка часовых. Протяжные крики, словно эхо, отдаются и повторяются по всему Амуре.

...Переключались на курганах
Сторожевые казаки...

Гром победы раздавайся, веселися, храбрый Росс! В годы царствования Александра II! Одним росчерком пера!

Но суть проста: левый берег стал нашим! Плавание по рекам только русских и китайских судов. Придется простить Муравьеву всех свиней, которых он подкладывал соперникам в Петербурге. Но иначе нельзя. С кем поведешься, от того и наберешься. Пока что у нас парламента нет. Склока, интрига — форма нашей демократии! Так останется и при парламенте. Как у американцев.

(Продолжение следует)

¹ Айгунский русско-китайский договор был подписан 28 мая 1858 г. в городе Айгунь (на правом берегу Амура в районе современного Хэйхэ). Договор уточнял границу между Россией и Китаем на участке по течению Амура до устья Уссури. «Левый берег реки Амура, начиная от реки Аргунь, до морского устья Амура. — значилось в ст. 1 договора, — да будет владением Российского государства, а правый берег, считая вниз по течению, до Уссури — владением Дайцинского государства; от реки Уссури далее до моря находящиеся места и земли, впредь до определения по сим местам границы между двумя государствами, как ныне, да будут в общем владении Дайцинского и Российского государств». Этой же статьей предусматривалось, что плавать по рекам Амур, Сунгари, Уссури могут лишь «суда Дайцинского и Российского государств, всех же прочих иностранных государств судам по сим рекам плавать не должно» (Русско-китайские отношения. 1686—1916. — М., 1958. — С. 29).

² Николай Николаевич Муравьев-Амурский (1809—1881) — русский государственный деятель и дипломат, в 1847—1861 гг. — Иркутский и Енисейский генерал-губернатор, немало содействовал изучению и освоению края, распространению просвещения и расширению торговли на Дальнем Востоке. Помогал Г. И. Невельскому в его исследованиях. Руководил экспедициями в 1854—1855 гг. по Амуре до устья перед окончательным разграничением между Россией и Китаем на этом участке границы. За подписание Айгунского договора получил титул графа Амурского. С 1861 г. в отставке, был членом Государственного совета. Умер в Париже. В декабре 1990 г. прах его перевезен во Владивосток, отдельно от жены, его большого друга. Объявлен конкурс на памятник-мемориал Муравьеву-Амурскому во Владивостоке, решается вопрос о месте его захоронения.

³ Веников Михаил Иванович (1832—1901) — русский географ, путешественник, историк и этнограф. Окончил Академию Генштаба (1856). Много путешествовал по странам Востока (в том числе Китаю и Японии), Африки, Центральной и Южной Америки. Оставил многочисленные труды по географии, картографии, этнографии, геологии, статистике и истории. Близкий друг М. В. Петрашевского, постоянный корреспондент «Колокола» А. И. Герцена. Автор «Очерков современного Китая» (1874). В 1877 г. эмигрировал из России, принимал активное участие в деятельности вольной русской печати. Похоронен в Ницце рядом с Герценом.

⁴ Речь идет о коронации Александра II (1818—1881) в 1855 г.

⁵ И Шань (1790—1878), маньчжур, член императорского клана, занимал различные посты в Северо-Западном Китае, при императорском дворе. Во время первой опиумной войны за неудачно проведенную операцию в Гуандуне в мае 1841 г. был разжалован, но временно оставлен в должности, а после подписания Нанкинского договора (1842) отозван в Пекин и заключен в дворцовую тюрьму. Но вскоре был освобожден и оставлен при дворе. В 1845 г. назначен в Западный Китай помощником военного губернатора. В 1851 г. подписал Кульджинский русско-китайский договор. Во время переговоров с Н. Н. Муравьевым в Айгуни занимал пост главнокомандующего провинции Хэйлунцзян.

⁶ Игнатьев Н. П. (1832—1908) — русский дипломат и государственный деятель. В 1859 г. окончил Академию Генерального штаба. С 1856 г. — на дипломатической службе. В 1859 г. был направлен чрезвычайным посланником в Китай, где заключил в 1860 г. Пекинский трактат. В 1861—1864 гг. — директор Азиатского департамента МИД, затем до 1878 г. на различной дипломатической службе. В 1881—1882 гг. — министр внутренних дел.

⁷ Ямэнь — присутственное место, канцелярия.

⁸ Лифаньюань: наиболее распространенный перевод — «палата (трибунал) внешних сношений», более точный — «палата (трибунал) по делам зависимых территорий», одно из центральных учреждений цинского Китая, ведавшее дипломатическими связями с Монголией, Синьцзяном и Тибетом, до 1861 г. вело все сношения с Россией.

⁹ Китайское название бухты, на берегу которой в 1861 г. был заложен Владивосток.

¹⁰ «Цзинбао» («Столичные ведомости») — газета, выходившая в Пекине примерно с VIII в., первоначальное название «Дибào».

¹¹ Завойко Василий Степанович (1809—1898) — русский военный деятель, адмирал (1874). С 1840 г. — на службе Российско-Американской компании; с 1850 г. — Камчатский военный губернатор и командир Петропавловского порта. Способствовал экономическому развитию края. В 1854 г. во время Крымской войны организовал успешную Петропавловскую оборону, отразив нападение англо-французской эскадры. В 1855 г. руководил постройкой в устье Амура Николаевского порта (ныне Николаевск-на-Амуре); с 1856 г. служил в высшем военно-морском суде в Петербурге.

¹² Генерал Джирмайнга вместе с И Шанем поставил свою подпись под Айгунским договором.

¹³ Шишмарев Яков Парфентьевич, окончил русско-монгольскую школу в Кяхте, где изучал китайский и маньчжурский языки, губернский секретарь. В 1857—1858 гг. служил переводчиком у Н. Н. Муравьева; наряду с Муравьевым подписал Айгунский договор.

Примечания к. и. н. А. С. Ипатовой

Окончание. См. 164 стр.

Старшая, Надежда Владимировна, к 1953 г. была замужем за немецким коммунистом, тоже заключенным, Артуром Хюбнером. Судьба Хюбнера тоже весьма примечательна. Его родителей, коммунистов, казнил Гитлер: Хюбнер бежал в Советский Союз, работал инженером на Урале. В 1941 г. его объявили «немецким шпионом» и, дав 15 лет, отправили в лагерь. В 1958 г. он с женой уехал в ГДР, где вскоре умер.

После смерти мужа Надежда Владимировна в 1963 г. оставила Германию и переселилась к младшей сестре в столицу, где они обе по сей день и проживают. Сведения эти нам сообщил И. К. Ковальчук-Коваль.

Вторая жена К. В. Родзаевского, Неонила, после бегства мужа оставалась с маленькими Ольгой и Владимиром в Харбине до 1952 г. В том же году она выехала с детьми в Бразилию. Прожив здесь 10 лет, они переехали в Сан-Франциско и получили здесь американское гражданство. После многих лет мытарств и лишений они достигли в своей жизни прочного материального благополучия.

Предсказание матери сбылось: Константин Родзаевский, выбрав свой жизненный путь, ведущий в никуда, изуродовал жизнь и себе, и двум семьям своих родных и близких.

В. МОЛОДЯКОВ

Традиционное японское искусство начало интенсивно проникать в Европу, покая самых утонченных эстетов и ценителей прекрасного, после проведения Лондонской выставки 1862 г. Парижская выставка 1867 г. стала откровением для французской художественной интеллигенции, и японское искусство завоевало широкую популярность во Франции. Первую реакцию европейцев на невиданное до тех пор диво почти полвека спустя прекрасно отразил русский искусствовед Н. Н. Пунин: «То было сновидение, легкое и пленительное, сновидение, окутанное лунными туманами, одинокое и грустное, овеянное неуловимой и хрупкой тоской (...), то было сновидение мимолетное, все насквозь пронизанное светом, тихое и благоуханное, осыпанное цветами или снегом (...), то была мечта, такая же чистая, как серебристый шелк или как края освещенного солнцем облака (...). То были сновидение и мечта Европы, до которой ветер впервые донес далекий и тихий вздох с берегов Японского моря»¹.

Японское искусство начало распространяться во Франции в эпоху, когда в философии и общественной мысли безраздельно господствовал позитивизм, а в литературе — натурализм. Позднее культура Японии (как и культура Востока в целом) станет достоянием «нового искусства» — символистов в России и во Франции, прерафаэлитов в Англии, отрицавших позитивизм и натурализм. Но первыми ее восприимчивыми в Европе не случайно стали теоретики и корифеи натурализма — Эмиль Золя и Эдмон де Гонкур.

Характеризуя эпоху 60—80-х годов прошлого века, один из первых русских символистов Иван Коневский писал о ней, как о «веке власти точной и близоруко-кропотливой науки позитивизма, которая распространила мертвечину своей объективной и бездушной ограниченности и на мир искусства»². Сейчас вряд ли можно согласиться с этим полемически заостренным утверждением, тем более что неоромантические течения существовали в то время и в литературе, и в изобразительном искусстве.

Основными работами Эдмона де Гонкура, посвященными японскому искусству, являются его книги «Утамаро, художник зеленых домов» (1891) и «Хокусаи. Японское искусство XVIII века» (1896), не переведившиеся на русский язык. Многочисленные суждения на ту же тему встречаются и в знаменитом «Дневнике» братьев Гонкур — в основном это записи Эдмона, сделанные уже после смерти его брата Жюля.

Книги Гонкура появились в конце XIX в., когда исповедуемые автором позитивизм и натурализм перестали быть новым, развивающимся явлением культуры. Ключевые позиции в культуре заняло «новое искусство», а его представители — европейские модернисты — во многом отрицали наследие своих предшественников. И тем не менее они внимательно и интенсивно изучали и осваивали японское искусство. Именно этим объясняется повышенный интерес модернистов к книгам Э. де Гонкура и их популярность.

Уникальность художественной культуры Японии братья Гонкур оценили уже в конце 1860-х годов. Тогда же было положено начало их замечательной коллекции, которая четверть века спустя будет считаться одной из лучших в Европе. Гонкуры были влюблены в живопись. Не случайно первыми их работами были монографии по французскому искусству XVIII в., где царил светлый и радостный Ватто — один из кумиров европейских эстетов рубежа XIX и XX вв.:

...Легкой кистью Антуан Ватто
Коснулся сердца моего когда-то.

(Георгий Иванов)

Но первое впечатление братьев от японской гравюры «*укиё-э*», по свидетельству современников, было настолько сильным, что даже Ватто показался бледным и пресным, «не говоря уже об «асфальтовых», мрачных полотнах французских академистов.

Чем же прельстили натуралистов, гордившихся тем, что они ввели в литературу тему «маленького человека» и его страданий, традиционная японская гравюра и прикладное искусство?

На протяжении всей своей жизни Эдмон де Гонкур видел в «*укиё-э*», и прежде всего в творчестве ее великих мастеров — Утамаро и Хокусай, отражение повседневной жизни с высочайшей степенью достоверности. Японское искусство схватывало впечатление, а не сущность, набрасывало абрис предмета, не входя в подробности и не проникая в его глубину. Так и в искусстве натурализма не было места анализу, который заменялся точным воспроизведением внешней стороны. Изображенные таким образом предмет или явление были легко узнаваемы, но сущность их оставалась скрытой. Это и было главным пороком натурализма и позитивизма, отвергавших ненужные «философствования». Подобные упрощения привели к сравнительному скорому кризису, блестящий анализ которого дан в известной работе Вл. Соловьева «Кризис западной философии. Против позитивистов» (1874)³, не потерявшей своей актуальности и в настоящее время.

Упор на «впечатление» положил начало импрессионизму, само название которого происходит от этого слова. Он родился в тех же кружках, где любили и пропагандировали японское искусство, а у колыбели нового течения стояли те же Золя и Гонкуры. Влияние японских художников на импрессионизм было огромно. Свежие, яркие, чистые и неизменно гармоничные краски, столь свойственные японским мастерам, стали характерной особенностью живописи Эдуара Мане. Через много лет после его смерти Э. де Гонкур, восхищаясь мастерством Утамаро-колориста и его учеников, может быть, вспоминал и своего покойного друга: «Какой контраст между их гармоническим зеленым, их гармоническим синим, их гармоническим красным, их гармоническим желтым, их гармоническим сиреневым — и зеленым, от которого больно глазам, грубым синим, черным красным, желтым цветам охры»⁴. Именно колористическое мастерство японцев оказало сильное влияние на европейскую живопись, считал известный в те годы искусствовед доктор Адольф Брюнинг⁵.

Влияние японских мастеров на творчество импрессионистов распространялось и на самых радикальных экспериментаторов в их среде — Ван Гога, признававшего, что вся его работа «в значительной мере строится на японцах»⁶, так же считал и Гоген. Познакомил же их с этими сокровищами прежде всего Эдмон де Гонкур.

Неуклонное следование японского искусства природе — вот что ценил он в первую очередь. «Дневник» пестрит описаниями событий, которые органически сравниваются с японскими гравюрами, вышивками, вазами⁷. То же мы находим и в позднейших работах. Об альбоме Хокусай, изображающем сцены из известных драм, он пишет: «Это альбом, где печали, слезы, скорби, нервные кризисы, безнадежные настроения переданы со всей грацией, очарованием и кокетством женского театрального горя»⁸. Правда театра есть правда относительная, но и подлинную правду жизни в изобилии находит Э. де Гонкур у своих любимцев. Певец японских женщин Утамаро показал японку во все мгновения ее жизни, за всеми ее занятиями, отмечая «абсолютную реальность в воспроизведении натуры»⁹, — говорит Гонкур. Один из альбомов Утамаро он называет «документальной иллюстрацией его дней и ночей»¹⁰. Однако, как считал З. Пшесмыцкий, Э. де Гонкур несколько преувеличил документальную ценность работ Утамаро¹¹.

Помимо чисто художнической достоверности, исследователь особенно ценил Утамаро и Хокусай за тематику их работ. «Маленький человек» стоял в творчестве натуралистов на первом месте. Описанием жизни если не «отверженных», то «ничтожнейших» людских созданий были полны книги самих Гонкуров («Девка Элиза», «Братья Земгано»

и др.). Особой заслугой Утамаро Э. де Гонкур считал его отказ уже в молодости рисовать портреты знаменитых актеров, чтобы быстро добиться денег и славы¹². Художник сознательно посвятил всю свою жизнь воспеванию «веселых кварталов» и куртизанок, свободно совершенствуясь в мастерстве. Не так ли поступили и друзья самого Гонкура — импрессионисты, отказавшиеся от легких путей в искусстве и шедшие наперекор всем сложившимся канонам и традициям. Можно предположить, что с учетом их жизненного и творческого опыта создавал Гонкур свои книги.

Но если Утамаро в книге о нем предстает певцом куртизанок (занимавших в Японии пристойное общественное положение, не имевшее ничего общего с положением проституток в Европе, о чем Гонкур подробно и обстоятельно пишет), то Хокусаи и сам предстает перед нами «маленьким человеком», которым помыкают любующиеся его шедеврами аристократы. Э. де Гонкур настойчиво пишет о его бедности, униженности, непрактичности — и вместе с тем о его честности, верности своему слову и рыцарской преданности долгу художника¹³. Так что порой Хокусан кажется еще одним типичным гонкуровским героем.

Но была у японского искусства еще одна характерная черта, казалось бы, противоречащая теориям натуралистов. Запечатлевая простых людей и вполне будничную повседневность, японские мастера старались не замечать боли и грязи, темного и отвратительного. Потому-то так светлы и нежны их краски, потому-то вносят они в душу человека радость и умиротворение. И Утамаро, и Хокусаи приукрашивали жизнь — и лица женщин, и жилища, и даже пейзажи. Но это не было «обманом» или уходом от реальности — это был светлый взгляд художника, желающего эту жизнь облагородить. Не случайно у Хокусаи «среди кровавых эпизодов войны появляется вдруг... феерический дворец... порожденный воображением художника в его мастерской»¹⁴. Даже в его рисунках, изображающих пытки и мучения, Э. де Гонкур отмечает «болезненную грацию»¹⁵. Утамаро делал своих куртизанок похожими на принцесс и даже на богинь¹⁶, но он же и «очеловечивал» женские лица и придавал каждому индивидуальное выражение.

Натурализм не был един ни в литературе, ни в изобразительном искусстве. Золя тоже был поклонником «укиё-э», но автору «Чрева Парижа» куда ближе был суровый реализм Курбе. Кроме того, и Золя, и Курбе был свойственен известный дидактизм, в целом чуждый японскому искусству, что уже в конце прошлого века отмечалось, в частности, И. Э. Грабарем.

Но и в натурализме прошлого века существовало «романтическое» крыло, представленное прежде всего самими Гонкурами. И конечно, именно на их творческие установки во многом ориентировались импрессионисты. Отказ от «кафальтового» колорита был не просто техническим завоеванием — это было эстетическое достижение огромной важности. Долг художника — не проходить мимо бедных и обиженных, отверженных и падших со спокойно-равнодушным сердцем и холодным взором. Но его долг и в том, чтобы не смаковать горести и язвы, а облагораживать и спасать человеческие души силой искусства. В этом гуманистический пафос всего творчества Гонкуров. Схожие черты выделяет Эдмон де Гонкур и у японцев. «Художническая мысль Хокусаи была занята не только формой (...) Многие часы своей кисти он отдал украшению предметов частной жизни своего времени»¹⁷.

Романтические черты находили исследователи и в творчестве Утамаро. Н. Н. Пунин так охарактеризовал «художника зеленых домов»: «Не кажется ли он иногда гением, воплотившим в себе эпоху, в которую силы неба и силы земли сошлись, чтобы породить поэзию бурную или печальную, ту поэзию глубоких и грустных противоречий, которая приходит на землю вслед за эпохами классической красоты или в предчувствии эклектических идеалов»¹⁸.

«Аполлоновец» и эстет Пунин не менее красочен и романтичен, чем Э. де Гонкур. Но на его оценке — отпечаток уже совсем другого времени. Для Гонкура же Утамаро полон красоты и гармонии: «Перелистайте эти тысячи рисунков (...) Посмотрите на этих женщин, замечтавшихся в таких чарующих позах за *сёдзи*; посмотрите на этих двух девочек, поверяющих друг другу свои тайны (...) смотрите еще, смотрите всегда»¹⁹.

Книги Гонкура о японском искусстве полны восторженных оценок. Он пишет о великом мастерстве Утамаро и Хокусаи и великой жизненности их произведений.

Как один из примеров он приводит официальный запрет Хокусая со стороны властей продавать свои работы иностранцам, так как они раскрывают им слишком частные, интимные стороны жизни японцев²⁰. А когда он хочет в полной мере воздать должное великому художнику, то приводит примечательное предисловие к одному из его альбомов 1818 г.: «Древние говорили, что необходимы три условия для того, чтобы стать великим художником: Возвышение духа. Свобода кисти (исполнения). Понимание вещей.

Вообще очень трудно найти художника, который удовлетворял хотя бы одному из этих условий. И что ж! Есть человек в Эдо, по имени Хокусай, долгие годы отдавший живописи и выполнивший эти три условия». И предисловие не преувеличивало²¹, заключает Гонкур.

Монографии Эдмона де Гонкура подводили первые итоги изучению и освоению наследия японских мастеров в Европе. Всесторонний анализ творчества Утамаро и Хокусая не входил в его задачи. Большую часть книг составляет подробное описание известных автору работ обоих художников по годам и по сериям, основанное как на фондах музеев, так и на частных коллекциях, в их числе собрания Хаяси, Гонса, Вевера, Хэвиланда и самого Гонкура. Книги изданы без репродукций, которые могли бы надолго сократить пространные описания. Немалую ценность для своего времени представляла и разработка биографий художников, во многом на малозвестном в Европе материале. Определенный интерес сохраняют и обстоятельные пересказы сюжетов книг, которые они иллюстрировали.

Обе книги Э. де Гонкур снабдил обширными приложениями. В работе об Утамаро он дает весьма подробный и обстоятельный каталог его работ, занявший сто страниц (р. 165—265). Во второй книге помещены: перечень работ Хокусая, находящихся в известных автору коллекциях (р. 268—325), описание альбомов его набросков (р. 325—332), перечень крупнейших коллекций (р. 333—334), список имен и псевдонимов художника (р. 334—339), список его учеников (р. 340—345), библиография альбомов Хокусая и книг с его иллюстрациями (р. 347—375). Большой заслугой Гонкура стало то, что он поместил в своей работе переводы многочисленных писем художника (главным образом к издателям) и предисловия к его альбомам.

И в настоящее время обе книги не потеряли своего значения на фоне многочисленных альбомов и репродукций Утамаро и Хокусая, описаний их «трудов и дней», профессиональных искусствоведческих монографий. Тонкие и пронизательные суждения Гонкура помогают нам глубже понять специфику традиционного японского искусства.

В 1888 г. Эдмон де Гонкур записал в своем дневнике: «Ах, если бы мне пожить еще несколько лет, я написал бы книгу о японском искусстве... Она состояла бы из четырех этюдов: о Хокусая, обновившем на современный лад древнее японское искусство; об Утамаро, тамошнем Ватто (выделено мной.— В. М.); о Корине и Ритцоне — двух выдающихся художниках и лакировщиках»²². Этих замыслов он не оставлял до конца своих дней, успев, к сожалению, осуществить только первую половину плана.

Книги Э. де Гонкура, равно как и его деятельность по изучению и пропаганде японского искусства в течение всей жизни, оказали значительное влияние на художественную культуру Европы и России. «Едва для Гонкура запела японская живопись, — пишет Андрей Белый, — как Эдуар Мане воскресил ее в своем творчестве (...), а Обри Бердслей в японцах воссоздал наш век, чтобы потом сблизить его с Ватто»²³. В едином понятийном ряду логически оказываются Хокусай и Мане, Бердслей и Ватто, Эдмон де Гонкур и Андрей Белый, в творчестве которого также сильна и значительна японская тема. Совокупность этих влияний и перекличек, во многом связанная с именем Гонкура, дает нам ключ к пониманию развития мирового художественного процесса второй половины XIX в., феномена эволюции от натурализма к «новому искусству».

¹ Пунин Н. Н. Японская гравюра // Аполлон. — 1915. — № 6—7. — С. 1.

² Коневской И. И. Стихи и проза. — М., 1904. — С. 170.

³ Соловьев Вл. Сочинения в 2-х тт. — М., 1988. — Т. 2.

- ⁴ E. de Goncourt. Outamaro.— Paris, 1891.— P. 156.
- ⁵ Брюнинг А. Влияние Китая и Японии на европейское искусство // Вестник воспитания.— 1902.— № 9.— С. 170.
- ⁶ Ван Гог. Письма.— Л.—М., 1966.— С. 371.
- ⁷ Э. де Гонкур, Ж. де Гонкур. Дневник.— М., 1964.— Т. 2.— С. 157, 340, 377, 441 и др.
- ⁸ E. de Goncourt. Hokoussai.— Paris, 1896.— P. 142.
- ⁹ E. de Goncourt. Outamaro.— P. 31.
- ¹⁰ Ibid.— P. 64.
- ¹¹ Пшесымыцкий З. Японская гравюра // Вопросы жизни.— 1905.— № 2.— С. 267.
- ¹² E. de Goncourt. Outamaro.— P. 19.
- ¹³ E. de Goncourt. Hokoussai.— P. 39, 42, 161.
- ¹⁴ Ibid.— P. 85.
- ¹⁵ Ibid.— P. 84.
- ¹⁶ E. de Goncourt. Outamaro.— P. 112.
- ¹⁷ E. de Goncourt. Hokoussai.— P. 232-233.
- ¹⁸ Пунин Н. Н. Японская гравюра.— С. 17.
- ¹⁹ E. de Goncourt. Outamaro.— P. 34—35.
- ²⁰ E. de Goncourt. Hokoussai.— P. 40.
- ²¹ Ibid.— P. 150.
- ²² Э. де Гонкур, Ж. де Гонкур. Дневник.— Т. 2.— С. 444.
- ²³ Белый А. Арабески.— М., 1911.— С. 51.

П. СКАЧКОВ

СКАЧКОВ ПЕТР ЕМЕЛЬЯНОВИЧ родился 14 февраля 1892 г. в семье крестьянина Калужской губернии. Его мать, Александра Васильевна, осталась вдовой с 1904 г. Из девяти ее детей трое скончались во младенчестве. Василий, боец Красной Армии, погиб в 1919 г., сестры Мария, Анна, Ольга, Серафима жили в Ленинграде.

Учился Петр Емельянович в школе на Фонтанке, 62, бывшей «Петершуле». В 1914 г. женился на Скачковой (Георгиевской) Марии Васильевне; призван на действительную службу. В 1917 г. командирован в Выборгскую крепость, где после Февральской революции был выбран солдатами командиром роты. С августа 1918 г. служил в частях Красной Армии, сражался с колчаковцами в Сибири.

В 1920 г. в Ленинграде от тифа умирают мать и отец М. В. Скачковой, остаются малолетние дети: Татьяна трех лет, Федор семи лет и Лидия десяти лет, инвалид. Татьяну и Федора уstraивают в детские дома, а Лидия остается с семьей Петра Емельяновича. Все переезжают в Омск, куда был командирован П. Е. Скачков, из детдомов забирают и Федора с Татьяной, в семье теперь семь человек.

В 1922 г. П. Е. Скачков после демобилизации переезжает со всей многочисленной семьей в Ленинград и поступает в Институт живых восточных языков на китайское отделение. Учится на вечернем отделении и работает управдомом и служащим Гоструссберкасс. В 1925 г. заканчивает институт и уезжает в длительную секретную командировку в Китай. Вернувшись из Китая, работает преподавателем Военно-технической школы, потом Военно-политической академии им. Толмачева. Затем, в 1929 г., назначен заведующим библиотекой Восточного института и научным сотрудником I разряда ИВ АН СССР, работу в библиотеке продолжает до 1937 г. Все эти годы П. Е. Скачков собирал библиографические сведения о Китае, работал в библиотеках и архивах Ленинграда, Москвы, Казани и др. В 1930 г. он закончил работу над «Библиографией Китая», которая опубликована в 1932 г. В эти же годы он публикует археографическую работу о Н. Я. Бичурине, статьи, научные сообщения и заметки о наследии русских китаеведов, о врачах и художниках, работавших в Русской духовной миссии в Пекине.

10 февраля 1937 г. П. Е. Скачков был незаконно репрессирован. Содержался в тюрьме, затем в лагерях Дальнего Востока. Спустя шесть месяцев были арестованы и высланы в Таджикистан его жена и дети — их было четверо.

П. Е. Скачков ничего не знал о судьбе жены и детей до 1939 г., затем было разрешено посылать и получать по одному письму в месяц и только во время навигации. Письма шли матери в Ленинград, она посылала их детям и жене. Таким же образом он получал письма и посылки.

Все ужасы и беды пришлось пережить Петру Емельяновичу во время скитаний по лагерям Дальнего Востока. Он часто болел, лежал в больницах. В конце заключения его назначили на должность заведующего базовой аптекой отделения ВИТЛ УШД. В связи с ухудшением здоровья был «активирован» из лагеря системы Дальстроя и уволен по инвалидности 6 ноября 1946 г. Вернувшись из лагеря, приехал к жене и детям в Таджикистан, в Сталинабадский район. В ленинградской прописке ему было отказано. Работать он поступил бухгалтером в райземотдел, затем в дошкольный детский дом.

Все время пребывания в Таджикистане Петр Емельянович продолжал собирать материал к «Библиографии Китая» в Душанбе. Вел активную переписку с академиком В. М. Алексеевым, который убедительно просил продолжать работу по созданию нового издания «Библиографии Китая»: «Я-нахожу, что эта работа очень нужная, и никто, кроме Вас, этой работы сделать не сможет (...). Всякие дополнения и улучшения Вашей «Библиографии» мы охотно примем и оплатим» (4 августа 1948 г.).

25 января 1949 г. П. Е. Скачков был вторично арестован и препровожден этапом

в Сибирь, Тасеевский район, деревню Данилки, без всяких средств к существованию. Здоровье его было сильно подорвано, и по справке врачей ему было разрешено жить в селе Тасеево, куда к нему приехали я, а затем и мама. Петр Емельянович преподавал бухгалтерский учет в районной колхозной школе, затем работал счетоводом в ОРСе Тасеевского леспромхоза. Продолжал работать над дополнениями к «Библиографии Китая», вел переписку с Библиотекой им. В. И. Ленина в Москве. Библиотека официально попросила его прислать работу по библиографии за 1931—1935 гг.

В Тасеевском районе мы прожили до 1954 г. Выезд нам был разрешен (минус столицы и многие большие города) не ближе, чем за 100 км от Ленинграда. Реабилитации все еще не было. 27 ноября 1954 г. Петр Емельянович с женой приехал в село Сосново (100 км под Ленинградом). 27 декабря 1955 г. он выехал в Москву, где был принят на работу младшим научным сотрудником в Институт востоковедения АН СССР и полностью сосредоточился на «Библиографии Китая».

21 марта 1956 г. приговор Военной коллегии Верховного суда СССР от 7 ноября 1937 г. был отменен с полной реабилитацией. С 1956 г. П. Е. Скачков — старший научный сотрудник этого же института, с 1 ноября — Института китаеведения АН СССР. Работая в Москве, жил в Ленинграде, где не имел квартиры. Наконец в ноябре П. Е. Скачков и вся его семья, состоявшая из четырех человек, получают квартиру, жена и старшая дочь к этому времени тоже были реабилитированы. В июле 1960 г. он был переведен в Институт народов Азии АН СССР.

П. Е. Скачков очень много и плодотворно работает в Публичной библиотеке, Библиотеке АН СССР, собирая и обрабатывая материалы для «Библиографии Китая», «Очерков по истории русского китаеведения». Под его редакцией выходит книга К. А. Скачкова «Пекин в дни Тайпинского восстания». В 1958 г. выходят в свет сборник «Китайская художественная литература», составителями которых были П. Е. Скачков и И. К. Глаголева, и «Русско-китайские отношения», составители П. Е. Скачков и В. С. Мясников. Еще в годы учебы в Институте живых восточных языков им была задумана и начата работа над книгой «Очерки по истории русского китаеведения», теперь Петр Емельянович продолжил ее. В 1960 г. вышло второе, дополненное издание «Библиографии Китая», закончен первый вариант «Очерков по истории русского китаеведения». Она издана лишь в 1977 г. благодаря колоссальной работе В. С. Мясникова — главного редактора этой книги.

Невероятная работоспособность П. Е. Скачкова сделала возможным за довольно короткий срок после реабилитации выпуск таких фундаментальных трудов. Он много работал и с молодыми учеными, с аспирантами. Всем находил интересные и нужные для них материалы, был рад помочь каждому, кто в этом нуждался.

По своей натуре П. Е. Скачков был жизнерадостным, всесторонне развитым и увлекающимся человеком. В молодости он полюбил играть на виолончели и даже брал некоторое время уроки. Музыка сопровождала его всю жизнь. Во время работы заводил проигрыватель, звучали классические мелодии, арии из опер. Но главным и непрерывающимся увлечением было рисование. Рисовал он всегда — на природе, дома, в ссылке. Всю свою душу отдавал детям и внукам. Основное в человеке — это честность, говорил он. Не терпел никакой лжи, фальши. Очень любил природу, его радовала каждая появившаяся из земли травинка.

Лежа в больнице, сам в тяжелом состоянии, он находил силы подбадривать родных, старался утешить соседей по палате. Болезнь прогрессировала, и 7 ноября 1964 г. он скончался.

А. П. Скачкова

ВТОРАЯ РЕЧКА

Лето 1938 г.

(...) В бараках становится все больше и больше калек и других неполноценных людей. Здоровых большими партиями отправляют на Колыму. На днях соседа по нарам, молодого морячка, вызвали в числе других в учетно-распределительную часть. У дверей УРЧ скопилось очередь. Это были з/к, не знавшие даже после нескольких месяцев следствия и заключения, за что они осуждены, то есть что им приписано и какой срок заключения они должны отбыть. После следствия их отправляли в крупные распреды и оттуда по лагерям. Иногда в распредах, а бывало и после прибытия в лагерь они узнавали приписываемый им состав «преступлений» и срок. Судили их негласно, сразу по целым спискам. Чаще всего срок был «катушка» — 10 лет, реже 5. Состав «преступления» выражался в двух-трех буквах: КР (контрреволюционер), КРД (контрреволюционная деятельность), ПШ (подозрение в шпионаже) и другие сочетания — КРТО, КРТД.

Мой сосед-морячок тоже пришел с «катушкой» по КРО (контрреволюционная организация). Рассказал, как это просто делалось: вызвали, объявили, что постановлением Особого совещания осужден на десять лет заключения в исправительных лагерях за участие в КР-организации, заставили расписаться — и все! Где-то он теперь, мой милый морячок, виновный лишь в том, что получил от своего отца из Саратовской области письмо с просьбой помочь ему и матери, голодавшим из-за неурожайного года. Он поделился этим известием с товарищами и попросил комиссара помочь его родителям. Кое-кто посочувствовал морячку, вместе с ним обсуждал, как выйти из положения. Вот тебе и «организация»! Пожалуй, лежишь ты среди многих тысяч других в холодной колымской земле, замороженный в вечной мерзлоте.

Настал и наш черед отправляться на Колыму, о которой мы наслышались страшных рассказов, но еще не потеряли надежды, что дурной сон кончится благополучно, поэтому не пугались этих рассказов. Вдруг вне очереди повели в баню, устроили грандиозный «шмон». Вывели всех за зону с вещами, бараки тщательно обыскали. Обрато загоняли, предварительно перед воротами перетряхнув все наши вещички и обыскав самих. Мы были во всем своем, лишь некоторые, у которых в парилке очередной бани сгорела собственная одежда, ходили в каких-то казенных обносках и выглядели не лучше нищих. Военные в кургузых шинелях с обрезанными коротко полами, да взятые летом в одной рубашке, в белых или другого цвета легких брючках получали в тюрьмах перед отправлением в этап арестантские, царского времени халаты или куртки, крутые арестантские шапочки, а пока еще выделялись своей необычной одеждой.

Предвидя скорый и всегда внезапный отъезд, я зашел попрощаться к одному товарищу, жившему в инвалидном бараке. Тяжелый воздух гниения, десятки протезов ног и рук, висящих над нарами, — все это было давно знакомо, все говорило о полной заброшенности заключенных. Чаще всего они попадали на сельскохозяйственные командировки, где их заставляли плести корзины, сапожничать, чинить белье и одежду.

Признаки скорого отправления очередного этапа подтвердились. Через несколько дней после бани по баракам кричали, называя фамилии: «Выходи с вещами!». Выкрикнули и меня. На площадке, где проходила ежедневная проверка, из всех барачков скопилось около 200 человек. Скоро пришло все лагерное начальство и вохровцы с собаками. Нас построили, обыскали довольно поверхностно, видимо торопились, пересчитали перед воротами, передавая вохровцам, снова пересчитали, и мы пошли, окруженные «попками» с собаками уже за воротами.

Хороший августовский день, мы жадно всматриваемся во все давно невиданное из-за стен лагеря. Сначала идем по почти населенной местности, спускаемся к поселку, останавливаемся. Конвой снова предупреждает: «Шаг влево, шаг вправо считается побегом, конвой будет стрелять без предупреждения». Идем по поселку Второй Речки, прохожие жмутся к домам. Пристально, но как-то слишком поспешно оглядывают наши ряды в надежде найти кого-нибудь из родных или знакомых. Из Владивостока и из соседних селений взято было также немало! Конвой все время покрикивает. Мы, отвыкшие от длительной ходьбы, нагруженные хотя и небольшими вещичками, быстро устаем и дышим

тяжело. Задних подгоняет озлобленный лай собак, выдрессированных на старой одежде з/к, всегда пропитанной специфическим запахом парилки.

Миновав поселок, выходим к заливу, к небольшой пристани. Раздается команда «Садись!». Положив под себя узелки, мы усаживаемся на землю, довольные тем, что сухо. Вдали от берега стоит пароход. У пристани — небольшой баркас и катер. 40—50 человек из нас стали грузить на баркас. Крики вохровцев, лай собак, нарочно возбуждаемых конвоем, нервировали нас, и без того взволнованных резкой переменой обстановки.

Через люк по узкой лесенке спускаемся в низкое помещение, куда нас напихали человек 30. Люк закрыли, наверху посадили еще с десяток человек, и катер повел баркас к пароходу. Буквально через две-три минуты некоторые стали задыхаться, падать в обморок. Наши крики не помогали. Люк открыть было нельзя — на нем сидели более счастливые, чем мы, товарищи и дышали свежим морским воздухом. Падающих в обморок все больше, и не знаю, что было бы с нами в случае даже незначительной аварии, которая могла бы задержать минут на 15—20.

К счастью, катер причалил баркас к пароходу без лишней задержки, люк, как только верхние товарищи стали подниматься по лестнице, открыли, и мы с наслаждением вдохнули ожививший нас воздух, подняли впавших в обморочное состояние, подвели их поближе к люку и потихоньку стали взбираться по лестнице. Нас не торопили — наверху, на палубе парохода, несколько человек вели приемку з/к, все с блокнотами, бумагой и карандашами. Двое из них выкрикивали цифру, и все записывали ее. Помнится, что наша партия шла в девятой сотне.

С палубы нас снова погнали в трюм. Пароход был товарно-пассажирский, в огромном трюме было сколочено из неотесанных досок несколько этажей, и на всех было уже полно. Конечно, урки, отправленные на пароход в первую очередь, заняли два верхних этажа, наиболее доступные свету и свежему воздуху. Чем ниже, тем сильнее пахло затылком, и тусклые электрические лампочки светили плохо. Нашей партии достался третий сверху этаж. Пространство между нарами было в рост невысокого человека, скоро стало душно.

Из новых соседей я ни с кем знаком не был. Товарищи, прибывшие во Владивостокский лагерь в одном вагоне со мной, сразу были распределены по разным баракам и почти все уже отправлены на Колыму. Завязывались дружелюбные отношения с другими попавшими, как и я, в неожиданную беду. Староста нашей последней группы Митя, с которым мне довольно часто приходилось беседовать в этапном лагере, был почему-то оставлен на палубе. Потом выяснилось, что из каждой группы там оставался один человек, который получал пайки на группы и раздавал их.

Специально или нет, не знаю, но крайне редко удавалось сдружиться с кем-нибудь, пройти с ним хотя бы несколько месяцев лагерного пути. При комплектовании этапов люди выдергивались таким порядком, что установившиеся дружеские связи разрушались.

Одному в лагере быть невозможно, с другом можно поделиться мыслями о семье, о своей судьбе, о прошлом, о здешних порядках. С дружкой легче жить: постоять в очереди за двоих у раздаточного окна, когда дружок покараулит место, получит пайку; в бане постоит у налитых тазов, пока ты ходишь за мылом. Словом, жить становилось вдвое легче и безопаснее, чем в одиночку. Но дружба эта почти всегда была короткой. Очередной этап — и друг уходит в неизвестность, особенно если этап идет на прииск. Направление этапа узнать было нелегко.

Занявшись размещением и устройством своего узкого ложа, мы не заметили, как на палубе утих шум, от которого все многоэтажное устройство трюма только что гудело потревоженным ульем, и как пароход вышел в море. Два дня пути до Магадана, нового города, построенного руками з/к, на их костях, которые во множестве разбросаны по всей Колыме, прошли спокойно, если не считать постоянной жажды после соленой кеты, выданной на паек, духоты и жары в трюме, да нескольких отбитых налетов урок на наши вещи. Спокойно потому, что не было качки, которая могла бы превратить наше путешествие в ад, ибо во время штормов люк задраивали, и небольшая вентиляционная труба подавала воздух только на первый этаж. Мы миновали уже Сангарский пролив и шли вдоль Сахалина, очертания которого я увидел на второй день пути едва видневшимися в дымке, когда Митя вызвал меня на палубу, попросил покараулить свертки с продуктами, а сам ушел за другими пайками. До сих пор то ощущение свежего, чистого воздуха, вид слегка затуманенного небесного свода, серой стальной поверхности моря живут в моей памяти. Забыто все, что несколько минут назад довлело над тобой,—

природа вытеснила все пережитое, наполнила чувством освобождения от всех испытаний и горестей.

С час, пожалуй, я сидел на тюках сена, бережно храня в себе это состояние, наслаждаясь мнимой свободой, точнее ощущением свободы в природе. Пришел Митя, я снова спустился вниз, в духоту и жару. Митя, бывший председатель подмосковного совхоза, коммунист, был человеком неисправимого оптимизма. Мне пришлось с ним встретиться на одной из дорожных командировок еще раз. Он всегда говорил: «Вот погодите, нас еще с музыкой будут встречать за все наши страдания». Мы смеялись над этой его сентенцией, а в душе все-таки надеялись, что без всяких встреч, да еще с музыкой, нам дадут пожить на свободе, надеялись вопреки тем десяти, а то и пятнадцати годам, полученным за наши «преступления», что нам предстояло прожить здесь, на Колыме. Не услышал Митя музыки, снесли его голый труп в мешке в неглубоко вырытую яму.

НИЖНИЙ АТУРЕХ

(...) В лагере з/к по получаемому ими питанию делились на три группы. Первая получала 800 граммов хлеба, утром порцию каши, несколько граммов сахара, чай; на обед — три обычных блюда с добавлением пончика и ужин из каши. Вторая категория — 600 г хлеба, тот же обед и ужин, но без пончика. Третья — хлеба только 400 г, остального почти то же, что и вторая. Была еще и штрафная: 200 г хлеба и один раз в день баланду. Получали ее з/к, сидевшие в БУРе (бараке усиленного режима). Чаше всего из БУРа на работу не гоняли. Такой же паек получали и больные, не работавшие больше недели. В награду за производственные успехи, перевыполнение плана или норм выработки к хлебному пайку добавлялось 200—400 г хлеба, выдавались из ларька продукты на небольшую сумму — банка консервов, масло, сахар, пачка махорки. Категория питания зависела от выработки бригады в забое, причем бригадир самолично ставил в списках категории. Списки, подаваемые им нарядчику роты, исправлялись последним в зависимости от отношения нарядчика к тому или иному з/к, если он тянул с выходом на работу, если на него жаловались вояхвцы и за другие провинности. Бригадиры, прежде чем ставить категории, почти все совещались с нарядчиком и ротным. Нарядчик получал по спискам талоны или карточки питания на десять дней, раздавал их бригадирам, а те з/к. Чаше всего распределение карточек шло неправильно. Бригадир не мог обидеть своих основных рабочих, всегда перевыполнявших норму, но постоянно «мухлевал» с более слабыми людьми, не давая одним карточек завышенной категории и передавая их другим, кто по спискам должен был получать низшую категорию. У нарядчика и командира роты всегда оставалось несколько карточек высшей категории, которые служили предметом различного рода спекуляций.

Главное определение категорий питания происходило в забое. Здесь практиковался завышенный обмер выработанной бригадой площади забоя или другой работы. Туфта достигала иногда невероятных размеров, и все это зависело от способностей бригадира при приеме работы. За хорошую работу выдавался спирт, он-то и служил первым стимулом для завышения нормы приемщиком.

Бригады из «контриков» почти всегда отказывались от спирта в пользу бригадира, а тот в свою очередь использовал его для завышения нормы выработки, угощая им приемщика, на эту наживку шли не только з/к из урок, но и вольные. На кухне воровали, и паек до з/к доходил сильно урезанным. Там работали поварами и ближайшими их помощниками — раздатчиками хлеба — только бытовики. В каптерке — бытовки, нарядчики всех рангов: рот, колонн, УРБ (учетно-распределительных бригад), УРЧ — бытовики. Главари-урки, местная аристократия, задавали тон всему лагерю. Они обижали нас, «контриков», не только (видимо, с соизволения начальства) тем, что обзывали «фашистами», или тем, что недодавали паек, воровали посылки, одежду, фотографии родных — наши главные драгоценности, но и тем, что давали нам более тяжелые по грунту забои. Трудно даже перечислить все те невзгоды, которые мы претерпевали от урок, деклассированного элемента. И все это делалось с соизволения начальства, высшего и низшего, поставившего своей задачей довести нас не мытьем, так катаньем до могильной ямы.

Ранней осенью 1938 г., когда мы были привезены в лагерь, где работа была главным образом в забое, наше положение было еще сравнительно сносным. Лагерь был довольно крупным, порядок в нем был терпимым, и физически сильным людям можно было до-

биться относительно сытого состояния. Но все равно жизнь зависела и от ловкости бригадира устранять своей бригаде лучший забой, и от отношения к нему нарядчика, ротного и, в особенности, от «уполномоченного» НКГБ, следившего за отношением к нему в лагере, и от связи его с другими з/к. Своей командой «уполномоченный» мог довести намеченного им человека (по каким это делалось признакам, не знаю) до состояния доходяги, далее путь шел «за сопку», то есть на кладбище.

«Контрики», как правило, работали очень добросовестно, но не умели рассчитать свои силы, поэтому большей частью не привыкшие к физическому труду быстро сходили на нет, заболели, переходили на 400 граммов хлеба, становились полными доходягами. Некоторые из них устранялись на легкую работу, назначались дневальными, но подобной работы в лагере было немного. Когда слабосилок накапливалось, составляли из них бригаду с пониженной нормой или увозили куда-нибудь в другой лагерь, обслуживающий трассу, сельхозпроизводство, на витаминный завод и т. п.

Итак, завтра мы тоже должны идти на работу в забой. Командир роты выбрал из нас прибывших вчера, бригадира. Фамилии людей, с которыми пришлось жить и работать, через двадцать пять лет невозможно восстановить в памяти, не помню я также нашего первого бригадира. Помню только, что это был бывший военный, откуда-то с Урала, участник гражданской войны, чье геройство в настоящее время доказывалось только двумя дырками на заношенном кителе от орденов, которые сняли при первом обыске после ареста. Это был высокого роста плотный мужик лет сорока. Его привычка командовать сказывалась и на нас, была его слабостью, но ее мы прощали. Неприспособленность нашего бригадира, неумение подойти к десятнику, нежелание «закосячить» сказались в первую очередь на нас, на наших желудках и, как следствие, на нашем здоровье. При нем-то я и дошел до истощения и болезни, названной здешними врачами «безбелковым отеком».

(...) Внутри бригады мы поделились по трое и начали работать. Один кайлил, другой насыпал тачку, которую возил третий, — и так по очереди. Грунт почти везде в забое тяжелый, без кайла не обойтись. Тачку приходилось везти к эстакаде иногда довольно далеко, метров до ста. Везешь по железным плахам, балансируя, делаешь небольшой разгон перед эстакадой, затем в горку метров 4—5 высотой, вываливаешь тачку в бункер, в вагонетку — и обратно в забой. За рабочий день надо было вывезти не менее ста тачек. Когда везешь тачку к эстакаде, куда ведут мостки из нескольких забоев, остановиться нельзя, так как сзади везут следующую тачку. На эстакаде подъем 40—45°, чуть задержался, начинаются крики, ругань; вывалишь тачку — уже дышать нечем. Накайлить грунт на тачку, пока другой ее отвозит, тоже дело трудное. Бьешь, бьешь кайлом, пока набьешь полную. А если попадет мелкий грунт, опять беда — тяжело возить.

Сперва к невыполнению нормы не особенно придирались, но дня через три нам троим убавили паек до 600 г хлеба. Это сказалось сразу же, работа была тяжелой и к тому же продолжительной, питание недостаточное, был примитивный. Начальство было то ли глупое, то ли неопытное, то ли ко всему имело задание не считаться с нашим здоровьем, с нашими силами и навыками. Люди стали выбывать из строя, заболели, истощались, превращаясь в доходяг, смертность была огромная.

Вспоминая теперь пережитое на Колыме, я перебираю в памяти всех известных мне людей, вернувшихся из лагеря. Немного их, да и то они были либо квалифицированные рабочие, либо «прикурки» разного рода, но ни одного отбывшего срок вернувшегося из забоя не помню. Если и есть, то абсолютно случайные, в пропорции 1:1000. Я знаю человек 20 вернувшихся, из них ни одного настоящего работника. Все они, вернее мы, вначале действительно трудились в забое и на других тяжелых участках, но были на этой работе только несколько месяцев или несколько дней, затем заболели, теряли трудоспособность, и только потому уцелели, что больше не возвращались к этому труду. Правда, и на других участках работать было не легче, но об этом потом.

В последний день моей работы в забое я шел в барак смертельно усталый. После ночной смены мне добавили поручение выкопать канаву часам к 11 утра. Смена ушла еще в 7 часов. Ужасно болели ноги. Я еле-еле двигался и с трудом держал лопату и кайло. Проходя через бурную речонку по шпалам узкоколейки, я споткнулся и упал в воду. Было неглубоко, но лопата и кайло выпали у меня из рук, их стало уносить быстрым течением. А тут еще на мою беду все это увидел десятник и закричал, чтобы я нашел лопату (кайла он не видел). Я весь промок, был сентябрь, холодный северный ветер пронизывал долину. В тот день я заболел, за ночь распухли ноги, и хотя вечером после забоя был у врача

и получил освобождение от работы на один день, утром меня погнали на развод, в списке освобожденных от работ я не значился. Сапоги на распухшие ноги не лезли, в запасе у меня были тапки, и в них я, еле-еле двигаясь, добрал до строя. Десятник, принимавший бригаду, прогнал меня, я пошел к бараку, но командир роты приказал вернуться и заявил десятнику, что я не освобожден. А десятник опять велел мне выйти из бригады. Так я попал между двух огней. Тут из амбулатории выбежал Яша Беленький и крикнул командиру, что я случайно не попал в списки освобожденных от работ. Вечером с трудом добрался до амбулатории, освобождение ведь дали только на один день. Левая нога продолжала опухать, и я не мог ее ни спустить с койки, ни поднять. Испытывая тяжкие боли, я вставал с постели, только чтобы дойти до уборной и амбулатории. Еду мне приносили в котелке всегда остывшую и ополовиненную.

Больных накопились в лагере уже несколько десятков человек, и для нас поставили новую палатку средних размеров. Меня снес туда на закорках дневальный-железнодорожник. Больные были главным образом с поносом, за неделю умерло трое. Большинство из них увлекались поисками отбросов и были до крайности небрежливы.

Дней через семь-восемь по распоряжению врача меня на носилках перенесли в палатку стационара, поместили на койку вблизи одной из двух дверей. У других дверей была фанерная перегородка, где принимали врачи, делались перевязки, там же помещалась маленькая аптека. Четыре окна с каждой стороны плохо освещали внутренность палатки. Больные были с переломами, с сильными ранами и ушибами на производстве, с безбелковыми отеками. Кормили неплохо, но порции были очень скромны. Хлеба добавочного достать было невозможно, и здоровье наше почти не поправлялось. Состояние моей ноги все ухудшалось, открылись раны, появилась течь какой-то жидкости и в таком количестве, что за ночь мое собственное трикотажное белье пропитывалось насквозь. В уборную, хотя дверь была близко, я мог только доползти. Санитары помощи не оказывали, а на костыли из-за сильных болей в ноге я подняться не мог.

Врачи узнали, что я грамотный, и заставили меня писать свидетельства о смерти з/к на отпечатанных в типографии небольших, вроде квитанций, бланках. Надо было писать их в трех экземплярах под копиру. Писал я быстро и красиво, работы было много, хотя требовалось заполнять только несколько граф: имя, отчество, фамилия, год и место рождения, диагноз больного. Один экземпляр, как я узнал, позже отправляли по месту записи в ЗАГС, вроде похоронной, но он очень редко попадал к родным, так как чаще всего з/к там, где был зарегистрирован при рождении, уже не проживал.

Становилось все холоднее и холоднее. Соседнюю дверь перестали держать открытой. Я немного приспособился ходить на костылях, но нога при этом безумно болела, и чаще всего я предпочитал добираться до уборной (сразу позади стационара) ползком.

В середине палатки поставили две печки, стали подтапливать.

В СТАЦИОНАРЕ

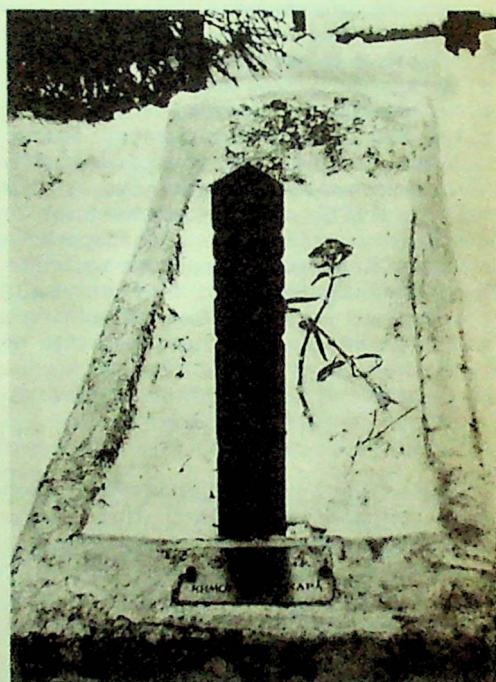
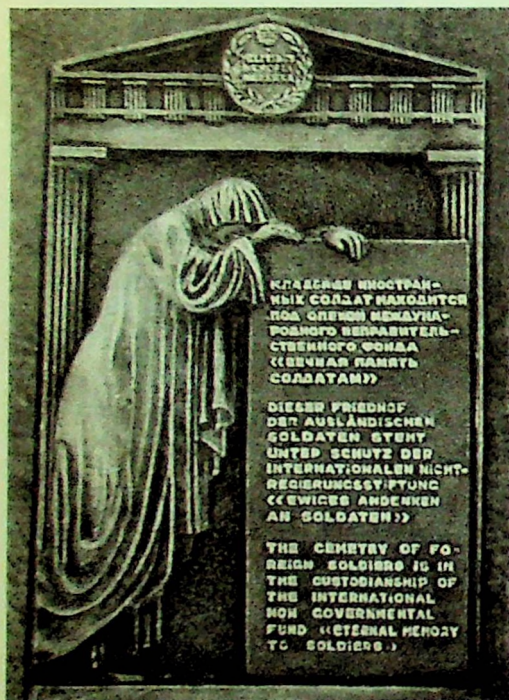
Зима была в разгаре. В палатке холодно, мы прятались под двумя одеялами, высываясь для приема лекарств. Под одеялами и едим. Рядом со мной лежал худенький, истощенный человек, которого мучила какая-то невыясненная болезнь. Он лежал под окошком, и, когда поднималась вьюга, из незаделанных пазов на него сыпались мелкие снежинки. На ночь он закутывался с головой. С каждым днем все тише и тише становился его жалобный голос, зовущий санитаря. Однажды утром стало совсем тихо, я откинул с лица его одеяло, часто в этом ему помогал. Он был мертв.

Через несколько дней в палату внесли большого роста человека, ноги его не помещались на носилках. Положили на койку недалеко от меня, около двери. Он был направлен с воспалением легких. Ночью новый больной стал громко бредить. Я прислушался — он говорил что-то по-итальянски и по-французски. Утром узнал, что его фамилия Семибаннат. Очень обрадовался, когда я с ним заговорил по-французски. Возбужденный высокой температурой, горячо рассказывал, что он итальянец, фамилия его Цилинбани, каменщик, коминтерновец. От волнения он стал задыхаться, и разговор пришлось прекратить. К вечеру ему стало хуже, он стал терять сознание. Утром я увидел его койку пустой...

(Окончание на 202 стр.)

Вечная память солдатам

(японские захоронения
в Подмоскowie)

В о время визита Президента СССР М. С. Горбачева в Японию было подписано советско-японское соглашение о содержании захоронений военнослужащих японцев на территории Советского Союза и наших соотечественников на японской земле. Память о погибших солдатах, независимо от их национальности, должна быть бессмертна.

Одно из кладбищ иностранных солдат, где захоронены и японские военнослужащие, находится в Подмоскowie в городе Красногорске. Это кладбище регулярно посещается многими делегациями из Японии, туристами, религиозными деятелями, сотрудниками японского посольства в Москве, журналистами. Здесь всегда живые цветы, венки, памятные знаки. На могилах японцев аккуратные бирки с фамилиями: Таданобу Киёта, Кимори Иосихара, Иосио Нисио...

У входа на территорию кладбища памятная доска с изображением скорбящей женщины и надписью на русском, немецком и английском языках: «Кладбище иностранных солдат находится под опекой неправительственного фонда "Вечная память солдатам"».

Тихое безмолвие вековых сосен. Под тяжестью снега склонили ветви стройные березы. И могилы, могилы, могилы...

Текст и фото Дмитрия Славинского

(Продолжение со стр. 199)

Эта зима была губительна для многих работяг. Несмотря на морозы, работы в забое не прекращались, снимали шурфы, пытались и мыть золото, для чего приходилось оттаивать грунт.

Случайно столкнулся с Богдановым, который только вчера был переведен из соседнего лагпункта в наш. Он работал в механической мастерской. Очень обрадовались. Мы с ним снова встретились. Почтенный, заслуженный рабочий Ижорского завода, Богданов был обвинен в принадлежности к социал-революционерам, хотя никогда касательства к ним не имел. Единственная его вина, как он мне сам говорил, была в том, что он поругался с секретарем парткома. В Ленинграде у него осталась семья, жена и трое детей, старшая дочь страдала болезнью глаз, и врачи грозили ей слепотой. Жена осталась без всяких средств. Потом оказалось, по словам моей жены, что Богданова также была взята и сидела с моей женой в Томске. Куда девались дети, неизвестно. Всего этого сам Богданов на пересылке и на Н. Атурехе еще не знал, он ни с кем не мог установить связи, писал много, но все напрасно.

Судьба столкнула нас на Шпалерке, когда меня перед судом перевели из общей в полуподвальную камеру. Через несколько часов привели Богданова, ему пришлось спать на полу, кровать (без матраца) была одна. На другой день была выписка продуктов, всегда вносившая некоторое оживление в нашу скучную и однообразную жизнь. Разрешалось каждые десять дней выписывать на 17 рублей продукты. Но Богданов был переведен из другой камеры, поэтому выписать ничего не мог, при выписке я учел и его желание, однако Богданова увели на суд почти сразу же после выписки продуктов. Еще утром в камеру пришли два франтовато одетых военных и вручили нам обвинительные заключения, с небольшой разницей в поводах, но с одинаковой формулировкой подсудности по закону от 1 декабря 1934 г. Часа через три-четыре Богданова увели без вещей. Когда к вечеру пришли за ними, я положил туда кое-что из полученных продуктов.

На пересылке в Константиноградской еще в изоляторе я снова свиделся с Богдановым. Так что на Н. Атурехе мы встретились уже в четвертый раз. Он, как и я, был полон надежд на скорое освобождение, на какую-то перемену. Виделись мы редко. Он много работал сверхурочно, приходил усталый. Перевыполнял нормы и получал дополнительный паек, всегда делясь со мной. Что с ним стало потом, я не знаю.

...Яшу Беленького увозят на инвалидку. Он поругался с конвойным, и его посадили в БУР. Там он попал в драку, которую разнимали вохровцы прикладами, и ему сломали руку в предплечье. Он зашел ко мне проститься. Я был настолько слабым доходягой, что выжить уже не надеялся и попросил, если он уцелеет и ему удастся вернуться, передать мой последний привет детям и жене и рассказать, в каком состоянии он меня оставил при прощании.

Беленький привязался ко мне, как к отцу, после одного случая. На пересылке около Владивостока Марк Исакович Скабло (врач, профессор Военно-медицинской академии), Яковлев (профессор Артиллерийской академии) и я читали в бараках лекции. Стоя посередине одного барака, я читал лекцию о Китае. После лекции меня окружили люди, задавали вопросы. Один из знакомых спросил о семье. Я похвастался полученным от старшей дочери письмом и показал фотографию, на которой она и ее подруга, также сосланная в Таджикистан, мыли у арыка посуду. Вдруг сзади раздался голос: «Это моя жена!». То был Яша Беленький. С этих пор началась наша дружба. Карточку я ему подарил, у него не было ни одной фотографии жены. Но недолго пришлось нам дружить, скоро его отправили этапом в Магадан, и мы встретились снова на прииске, где опять его отъезд прервал наше дружеское знакомство.

Зима прошла с большим уроном для з/к. Многие умерли. Обмороженные, больные, слабые, выписанные из стационара сосредоточивались в специально поставленной большой палатке. Они были зачислены в слабосилку. На прием в амбулаторию не ходили, к палатке были прикреплены врач и фельдшер, приходившие для осмотра и легких перевязок. Главный врач поставил меня старостой этого барака. Я искал этой посильной работы, она помогала забывать тяжелые думы о жене, посаженной на пять лет как член семьи «изменника родины» (1), о четырех детях, сосланных в Таджикистан, о матери, скорбный взгляд которой на последнем свидании в пересылке в Ленинграде запечатлелся у меня на всю жизнь.

Окончание следует

Л. ВАСИЛЬЕВ

Начиная с этого номера журнал предлагает читателю серию очерков профессора Л. С. Васильева, представляющих собой нечто вроде портретов традиционно высокопочитаемых политических деятелей, реформаторов и мыслителей древнего Китая. Каждый из портретов включен в определенный контекст с целью дать представление о характере эпохи, господствующей системе ценностей, нормах политической культуры, уровне и направленности социального и этического стандарта, генеральных принципов менталитета. Поэтому на передний план будут выходить не столько личностные характеристики великих мужей, сколько их деяния и заслуги, их роль в создании замечательной китайской цивилизации.

1. Великие Яо, Шунь и Юй

Каждый китаец с раннего детства знает эти три имени. Знает, высоко почитает и привычно воспринимает их как символ высшей мудрости предков. Яо, Шунь и Юй — самые известные из легендарных героев китайской традиции. Именно легендарных героев. Дело в том, что кроме них древнекитайская мифология — при всем ее приниженном положении в рамках до предела рационализированного, прагматического и секуляризованного конфуцианского менталитета, господствовавшего в традиционном Китае с незапамятных времен, — сохранила и иные имена мифических персонажей. Это первопредок Хуанди («Желтый император»), великий маг Фуси, покровитель земледелия Шэньнун и символ китайского трудолюбия Юй-гун (тот самый, который передвигал гору). Каждый из них занимает почетное место в китайской мифологии и в сердцах благодарных потомков. С каждым связаны повествования об их чудодейственных деяниях и необычных способностях. При всем том каждый из них не столько легендарный герой, сколько густо окрашенный мифологическими преувеличениями символ.

Хуанди — это символ борьбы первопредков китайского народа за выживание на земле Китая (столкновение Хуанди с Яньди или с Чи Ю). Фуси и его сестра-жена Нюйва с их зооантропоморфным обликом получеловека-полузмеи — весьма своеобразный китайский вариант Адама и Евы. Шэньнун — символ производящего труда. Легендарный стрелок И, поразивший в страшную засуху девять из десяти одновременно вышедших на небо солнц, — китайский вариант Геракла, а вместе с улетевшей на Луну женой Чан Э они символизируют дневное и ночное светила. О китайской мифологии можно говорить особо и о ней немало сказано (см. переведенную на русский язык книгу Юань Кэ «Мифы древнего Китая»). Но наш рассказ не о мифах и мифических персонажах, а о легендарных героях древнего Китая. При всей несомненной взаимосвязи тех и других это все же фигуры несколько различного характера.

Разумеется, никто всерьез не возьмется утверждать, что Яо, Шунь или Юй реально жили именно тогда, именно в такой последовательности и в таких отношениях между собой, как о том гласит традиция, не говоря уже о приписываемых каждому из них деяниях. И, конечно, все они и каждый из них тоже в определенном смысле символы. Но символом мифологического плана здесь дело не ограничивается. Яо, Шунь и Юй — герои историзованных легенд, а это особый жанр преданий старины.

Современная наука, анализируя разницу между мифом и легендой, обращает внимание на то, что легенда, несмотря на присущие ей элементы чудесного и фантастического, являет собой предание достоверное, относимое ко времени хотя и древнему, но уже историческому, пусть даже предысторическому, — но не мифическому! Соответственно, у нее иное происхождение: в отличие от персонажей мифа (с их сильнейшей символической нагрузкой) герои легенд чаще всего реально существовавшие персонажи, чьи деяния со временем облеклись пеленой преувеличений. Вот такими и были Яо, Шунь и Юй, стоявшие, по китайской историографической традиции, у истоков реально прослеживаемой истории (предыстории) Китая.

Важно обратить внимание еще на один аспект проблемы. Культ великих и мудрых правителей Яо, Шуня и Юя возник в Китае лишь на определенной ступени развития. Авторитетный исследователь древнекитайских реалий Гу Цзеган еще в 20-х годах нашего века зафиксировал, что ни в иньских надписях на костях, ни в раннечжоуских надписях на бронзе, — а это древнейшие, наиболее аутентичные и достоверные древнекитайские источники, — упоминаний об этих деятелях нет. Самые первые рассказы о Яо, Шуне и Юе встречаются лишь в «Книге истории» («Шуцзин»), да притом не в раннем ее слое, а во вторичном, ориентировочно датируемом VIII—VI вв. до н. э., то есть составленном чжоускими историографами незадолго до Конфуция. Именно в это время в Китае протекал энергичный процесс осмысления дочжоуской истории, интерпретации исторических событий прошлого в духе тех идеологических принципов, которые складывались в начале Чжоу одновременно с основами политической культуры общества.

Важнейшими из этих принципов следует считать два. Во-первых, это этико-дидактическая практика культа уроков истории и мудрости древних правителей, определившего оптимальные рамки административно-политической структуры и социальных связей. Во-вторых — культ исторического прецедента, на протяжении всей китайской истории использовавшегося в качестве едва ли не решающего аргумента в политической теории и практике. Генетически они восходили к сформулированной в начале Чжоу идее «Небесного мандата» («Тянь-мин») и вытекавшему из нее тезису об этическом детерминанте как первооснове движущих сил исторического процесса. Смысл этого тезиса, не мудрствуя лукаво, можно изложить примерно таким образом: все события прошлого должны быть изложены и интерпретированы так, чтобы это оптимально служило генеральным идеологическим постулатом (этический детерминант) и, как следствие, политическим задачам сегодняшнего дня, суть которых неизменно сводилась к созданию общества политического единства, административного порядка, социальной гармонии.

И коль скоро задача была осознана, проблема (социальный заказ) поставлена, то исполнители — чжоуские историографы, статус которых был достаточно престижным и социально значимым, — не преминули старательно сделать свое дело. Но как они могли и должны были действовать? Ни иньские, ни раннечжоуские источники ничего не говорили о временах, предшествовавших Инь. Значит, нужно было эти времена обрисовать на основе другого материала. Но какого именно?

Вот тут-то уместно вспомнить, что история чжоуского Китая давала для этого широкий простор. Чжоусцы пришли к власти на рубеже II—I тысячелетий до н. э. в результате победоносного похода на Инь, в котором, помимо малочисленного племени самих чжоусцев, приняли участие представители множества соседних и союзных с ними племен и этнических групп. Каждое из союзных чжоусцам этнополитических образований имело свою, пусть небольшую, но достаточно ценную историю, свои предания, своих обожаемых героев и высокопочитаемых вождей-правителей. Нет сомнений в том, что в VIII—VI вв. до н. э. отголоски такого рода преданий еще изустно передавались от поколения к поколению и хранились в памяти потомков тех, кто вместе с чжоусцами одержал победу над Инь и получил вознаграждение, каковым чаще всего бывал собственный удел раннефеодального типа в пределах Чжоу. В гл. IV известнейшего исторического труда времен Хань — сочинения Сыма Цяня «Шицзи» (II—I вв. до н. э.) сказано, что среди созданных в начале Чжоу уделов были пожалованные потомкам Яо, Шуня и Юя¹. Из этого следует, что предания о Яо, Шуне и Юе не были ни иньскими, ни чжоускими. Косвенно это подтверждает предположение, что чжоуские историографы использовали чужие предания для обогащения и даже искусственной реконструкции идеализованной линейной схемы исторического процесса в дочжоуском Китае. Логично предположить, что первоначально и Яо, и Шунь, и Юй могли быть не просто древними вождями, но даже мифическими персонажами, так называемыми культурными героями,

и что как раз в процессе переинтерпретации чужих преданий шло очищение мифов от вымысла (известный науке процесс эвemerизации, или историзации мифов) и создание отвечающих социальному заказу идеализованных конструкций. Как же выглядели эти конструкции?

Цепочка изложенных в «Шуцзине» преданий начинается с материалов главы «Яо дьянь», где собраны сведения о Яо. Вот краткое изложение его деяний.

Яо был настолько уважителен, блестящ, образован, искренен и миролюбив, что слава о его достоинствах распространилась повсюду. Обладая этими выдающимися способностями и добродетелями, этой благодатью (*дэ*), он привел в состояние гармонии сначала отношения родственников (9 кланов-*цзу*), потом народа (100 фамилий — *бай-син*), а затем гармонизировал и весь мир (*вань-бан*), вследствие чего наступила эпоха процветания и гармонии. Тогда Яо поручил помощникам следить за состоянием неба, солнца, звезд, за календарным исчислением (дни, месяцы, времена года). После 70 лет правления Яо задумался о своем преемнике. На предложение сделать им своего сына он ответил отказом (Чжу неискренен и сварлив — разве он сумеет?!). Не подошел и Гунь (он не лишен достоинств, но лишь внешне почителен; хорошо, давайте испробуем его), но за девять лет он не справился с заданием обуздать водную стихию и был отвергнут. Наконец Яо сказали, что есть один простолоудин Шунь, достойный занять место правителя: хотя отец его бестолков, мачеха лжива, сводный брат высокомерен, сам Шунь ухитряется жить в согласии с ними, выдержан и не озлоблен. Яо согласился испытать Шуня, для чего дал ему в жены двух своих дочерей, приказав им быть почитательными.

Результаты этого эксперимента изложены во II гл. «Шуцзина» «Шунь дьянь», несколько более пространной. Вот она вкратце.

Оправдав возлагавшиеся на него надежды и, в частности, продемонстрировав преданность канонам должного социально-семейного поведения, Шунь стал успешно править в роли регента-управителя. Он продолжал заботиться о небесных наблюдениях и летосчислении, стал приносить жертвы «верхним» (умершим) предкам (*шан-ди*) и другим божествам, регулярно объезжал и инспектировал земли всех четырех сторон света (за пять лет он объехал их все и четырежды правители этих территорий приезжали к нему). Подчиненные администраторы докладывали ему о результатах управления и награждались (колесницами, одеждой) в зависимости от успехов. Шунь учредил 12 областей-чжоу, создал Уложение о наказаниях (случайно оступившиеся прощались, упорствовавшие сурово наказывались), бранил нерадивых — и все признали его авторитет. На двадцать восьмом году его регентства Яо умер, и весь народ на протяжении трех лет был в трауре. Затем Шунь официально в храме предков вступил в должность правителя и обратился к правителям 12 областей-чжоу, призвав их быть добрыми, великодушными и терпеливыми в управлении, уважать способных и добродетельных (обладающих *дэ*). Одновременно он предложил назвать имена тех, кто мог бы помогать ему в делах управления. По такого рода рекомендациям он назначил Юя в должности *сы-куи* управлять делами по обузданию вод, Ци в должности *хоу-цзи* управлять земельными работами, Се в должности *сы-гу* ведать взаимоотношениями между людьми, Гао Яо в должности *ши* ведать наказаниями, Чюя в должности *гун-гун* заниматься общественными делами. И ведать лесами. Бо И — церемониалом, Гуя — музыкой, а Луна — кем-то вроде руководителя по делам коммуникаций, отвечающего за точность передачи информации. Характерно, что, принимая назначения, по меньшей мере четверо из вновь назначенных сочли необходимым отказаться от должности в пользу иных, более заслуженных, по их мнению, кандидатов, на что последовало распоряжение включить и этих последних в число руководителей соответствующей сферы администрации. Глава заканчивается упоминанием о том, что сам Шунь раз в три года проверял работу своих помощников, повышая либо понижая их в зависимости от успехов, и что в таком ритме Шунь правил — уже без Яо — еще 50 лет.

Почти 80-летнее правление Шуня закончилось тем, что он, как и некогда Яо, стал искать себе преемника и нашел такового в лице Юя, первого своего помощника, достигшего к тому времени уже немалых успехов в деле обуздания водной стихии. Успехи и подвиги Юя описаны в ряде других, частично весьма поздних глав «Шуцзина». Из главы «Гао Яо мо» явствует, что Юй покорил стихию, используя подчас помощь других помощников Шуня (И, Ци), что он был столь занят, что не имел времени посетить собственный дом даже услышав плач сына. В главе «Юй гун» подробно рассказано о других заслугах Юя — его работах по землеустройству, определении ресурсов и пределов

земель. В этой же главе рассказано о системе концентрированных поясов равноудаленных от центра земель. Каждая из зон, в зависимости от степени ее близости к центру, была обязана либо определенными подношениями (данью), либо отработками, либо предназначалась для содержания удельной знати, для охраны от соседей, либо, наконец, находилась в распоряжении соседних варварских племен.

Среди глав «Шуцзин» нет такой, где подробно повествовалось бы о правлении Юя. Этот пробел восполняет вторая глава «Исторических записок» Сыма Цяня. По его данным, Юй пытался было отклонить свое назначение в пользу Се, Ци или Гао Яо, но Шунь настоял на своем, после чего Юй умело и энергично управлял Поднебесной. Когда же наступил его срок, он попытался было по традиции вручить управление своему помощнику И. Однако по окончании трехлетнего траура по Юю И удалился от дел, оставив власть Ци, сыну Юя, которого Поднебесная уже узнала и полюбила. Вот с этого-то Ци, а точнее — с самого Юя и берет начало будто бы предшествовавшая Инь легендарная династия Ся, правители которой передавали друг другу власть уже по наследству. Они блистали благодатью *дэ*, но последний из них, Цзе, полностью лишился ее, вследствие чего и был свергнут добродетельным Чэн Таном, основавшим новую династию (Инь).

Обратим внимание на суть изложенного в текстах «Шуцзина» и Сыма Цяня. Перед нами — деяния великих и мудрых правителей, умело и заботливо организующих управление народами. Специально подчеркнуто, что речь не о каком-либо племени либо малой этнополитической общности. Напротив — о Поднебесной, обо всем мире (*вань-бан*), состоящем из 12 областей-чжоу, населенных *бай-син*, что в древнекитайской лексике соответствует понятию «все», «все население». Все великолепно организовано. Почти не упоминаются (хотя и подразумеваются) удельные самовластные князья-чжухоу, зато на передний план выдвигается все усложняющаяся бюрократическая администрация. Я бы сказал, что, если брать информацию в самом сжатом виде, перед нами то, что хотели бы видеть чжоуские историографы в современном им Чжоу, том самом заметно ослабевшем и как раз в VIII—VI вв. до н. э. практически распадавшемся на самостоятельные царства некогда более централизованном чжоуском государстве, о восстановлении которого давно уж мечтали многие. Но дело не сводится только к этому.

Через Яо, Шуня и Юя чжоуские историографы, фактически создавшие этих легендарных правителей-мудрецов, по-своему интерпретировали многие элементы и признаки раннегосударственных структур. Обратим внимание на то, как шла их работа. Сначала они берут предания из чужих рук. В каком виде были эти предания в их время? Трудно говорить с уверенностью, но все же есть основания полагать, что это были весьма наивные и примитивные мифы. В упомянутой уже книге Юань Кэ, где собраны записанные позже, в эпоху Хань и после Хань, мифы многих народов чжоуского Китая, собрано немало любопытного на этот счет.

Так, например, на ступенях лестницы дворца Яо выросло дерево, на котором в первую половину месяца появлялось по стручку в день, а во вторую стручки по одному опали, так что, взглянув на дерево, каждый с легкостью мог установить, какой нынче день месяца. Прожил Яо всего сто лет с небольшим (а не, скажем, двести-триста) потому, что не нашел времени съесть подаренные ему семена волшебной сосны — слишком занят был государственными делами. У чиновника Гао Яо, ведавшего судебными делами при Шуне, был волшебный баран, который всегда нападал лишь на виноватого, чем облегчал службу своему хозяину. У самого Шуня в каждом глазу было по два зрачка².

Сказанного вполне достаточно, чтобы убедиться, как мог выглядеть первоисточник, откуда чжоуские историографы черпали свои сведения о Яо, Шуне и Юе. Но мифологические украшения не были нужны чиновникам, мыслившим рационалистически, даже утилитарно-дидактически, весьма к тому же озабоченным судьбами приходившего в упадок дома Чжоу, да и Китая в целом. Они делали в общем-то немаловажное дело, так что материал чужих преданий им нужен был лишь как исходное сырье, как некая голая фабула. Предания, взятые ими на вооружение, следовало переосмыслить в соответствии с этико-политическими целями и четкими установками на этот счет. Вот эта-то работа и зафиксирована в «Шуцзине», а затем у Сыма Цяня.

Прежде всего в рассказах о Яо, Шуне и Юе сделан упор на то, что все они обладали благодатью-добродетелью *дэ* и что именно это обстоятельство позволило каждому из них выполнить свою задачу, то есть объединить и удержать в состоянии гармонии всех — сначала ближних, затем более дальних и в конечном счете всех (стоит обратить внимание на эту логическую цепочку, столь характерную для древнекитайского менталитета и восходящую

к этико-дидактическим постулатам начала Чжоу). Сложен вопрос о том, передается ли *дэ* по наследству: для чжоусцев, в принципе признававших это, во всяком случае для династии, для правящего дома, было в то же время очевидно, что наследование *дэ* не происходит автоматически и что, более того, *дэ* имеет свойство постепенно исчезать, если не прилагаются осознанные усилия для его сохранения и приумножения. Собственно, на этом была построена вся концепция «Небесного мандата»: первые правители династии обладают наивысшим *дэ*, благодаря чему и обретают мандат Неба. Последующие понемногу утрачивают *дэ*, а с ним и право на мандат, пока последний, наконец, не терит *дэ* вовсе (что проявляется в его безрассудном поведении), в связи с чем мандат Неба переходит к обладающему наивысшим *дэ* правителю новой династии. Для Яо и Шуня в этом смысле делается исключение. Почему? Да потому, что из все тех же различных известных им ранних преданий чжоуские историографы знали, что наследование в рамках династии было не всегда, что совсем недавно (в плане историческом) существовал иной принцип передачи власти — принцип выбора достойного. И вот этот-то идеал меритократии был воплощен в форме рассказов о том, как выбирали себе преемника Яо и Шунь. И здесь же, в связи с Юем, гладко и обоснованно показан логический переход от характерного для древности и мелких политических структур принципа меритократии к типичному для крупных политических образований более позднего времени наследованию в рамках правящего дома.

Этот переход, опять-таки тесно увязанный с идеей обладания *дэ*, имел и иной смысл. Подчеркивая господствовавший прежде и уже по одному этому заслуживающий внимания и уважения принцип меритократии, чжоуские составители «Шуцзина» возвысили надолго сохранившийся в китайской традиции генеральный принцип выдвижения мудрых и способных (вспомним, как Яо, Шунь и Юй выбирали себе преемников и помощников).

И, наконец, ничего общего с реальной действительностью тех отдаленных времен, которые линейная историографическая традиция Китая отводит на долю Яо, Шуня и Юя, не имели административные реформы глобального масштаба, рассуждения о господстве в Поднебесной и т. п. Дело даже не в том, что заимствованные из чужих преданий древние правители были в лучшем случае князьками, если даже не вождями, а то и старейшинами маленких надобщинных структур. Дело в том, что в политической реальности той эпохи в Китае вообще ничего, кроме таких структур, не было. Все в этом плане доммыслено — и господство в Поднебесной, и умиротворение соседей, и масштабный центральный аппарат администрации, и четко организованная периферия из 12 областей-чжоу, и отраслевые чиновно-административные должности помощников, и даже визиты правителя на периферию для регулярной проверки с поощрением усердных и наказанием нерадивых. Все это было, причем было именно или почти так, но не во времена Яо, Шуня или Юя, а в начале Чжоу, когда первые чжоуские правители были еще достаточно сильны и обладали реальной властью. Пожалуй, именно в этом пункте искусственность всей конструкции наиболее очевидна: вся история о мудрых древних правителях, заложивших основы разумного управления Поднебесной, была создана именно для того, чтобы, с одной стороны, подкрепить авторитет дома Чжоу, а с другой — поддержать в дидактико-идеологических целях великий тезис о мандате Неба и этическом детерминанте (идея *дэ*).

Создавшие всю эту генеральную и в некотором смысле гениальную конструкцию безымянные чжоуские историографы были не только предшественниками Конфуция, но и предтечами конфуцианства как системы взглядов. И далеко не случайно сам Конфуций восклицал: «О, сколь велик был Яо как правитель! Как величествен он был! Небо велико, и лишь Яо соответствовал ему!.. Сколь славны его дела!.. Сколь величественны Шунь и Юй! Они владели Поднебесной, не будучи озабочены этим!» («Луньюй». — Гл. VIII. — § 19, 20).

Восторженная хвала Конфуция по адресу Яо, Шуня и Юя не была великим преувеличением. Отнюдь! С этих слов Конфуция берет в Китае начало культ всей этой великой троицы мудрых древних правителей. Вслед за Конфуцием их восславил Мо-цзы — второй из великих древнекитайских философов. Это стало общим местом в трудах последующих политических деятелей, реформаторов и мудрецов древнего Китая. Больше того, Яо, Шунь и Юй стали эталоном мудрости правителя, его гуманности и добродетели *дэ*, его умения управлять людьми и страной, а в конечном счете — эталоном величия, мудрости, добродетели и совершенства.

Продолжение следует

¹ См.: Сыма Цянь. Исторические записки. — М., 1972. — Т. 1. — С. 188.

² См.: Юань Кэ. Мифы древнего Китая. — М., 1965. — С. 159, 160, 163.

Школа каратэ [занятие шестое]

7. Как вести себя в затруднительной ситуации

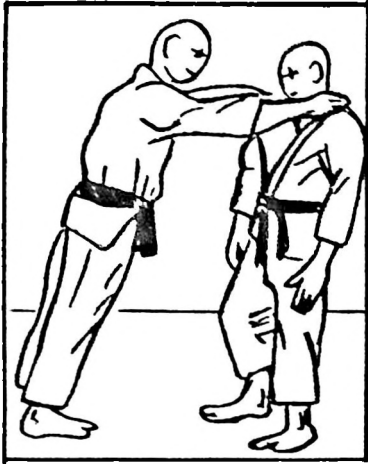

Рис. 46

Пристающий, не заботясь о вашей реакции, «дружески» обнимает вас, наваливаясь всем весом.

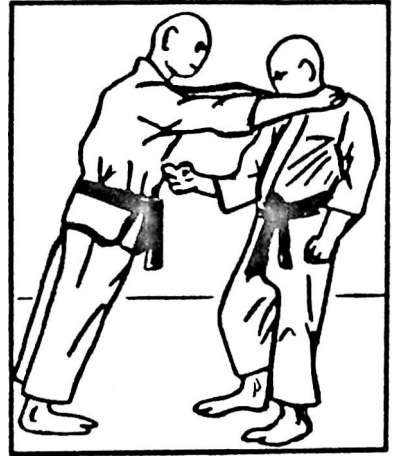

Рис. 47

Резко ткните (уколите) его в солнечное сплетение выдвинутым суставом среднего пальца.

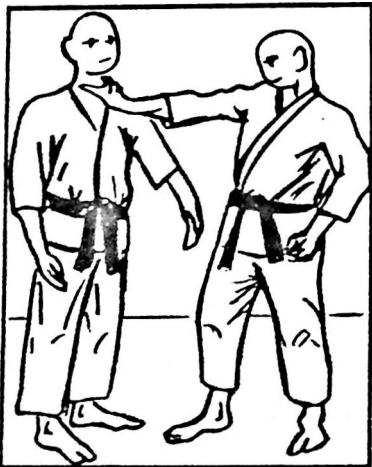

Рис. 48

Другой вариант: приставьте свой большой палец к углублению в основании шеи. При наклоне вперед пристающий сам сделает себе больно или нанесет травму.

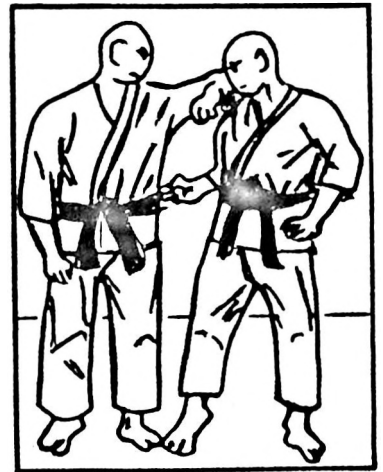

Рис. 49

В случае приставания с боку, резкий тычок выдвинутым суставом среднего

пальца проводится под нижнее ребро. В подобных ситуациях нет необходимости в более мощной обороне: указанных приемов обычно бывает достаточно, чтобы прекратить приставание.

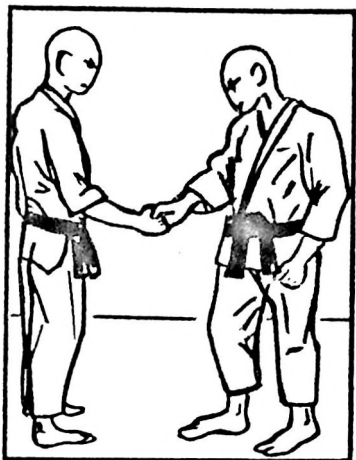

Рис. 50

Пример «сердечного» рукопожатия, когда вам больно сдавливают ладонь.

Рис. 51

Резкий удар сверху вниз выдвинутым суставом среднего пальца по тыльной стороне ладони сжимающего.

Рис. 52

Другой вариант: накройте свободной ладонью большой палец руки сжимающего, резкий толчок от себя вперед и вверх и согнуть.

Рис. 53

Еще вариант: костистым ребром свободного предплечья (сразу за запястьем) ударить или нажать резко вниз предплечье сжимающей руки

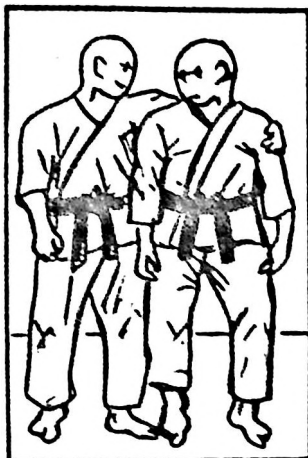

Рис. 54

Внешне «дружеское» обнимание за плечи, на самом деле причиняющее вам неудобство.

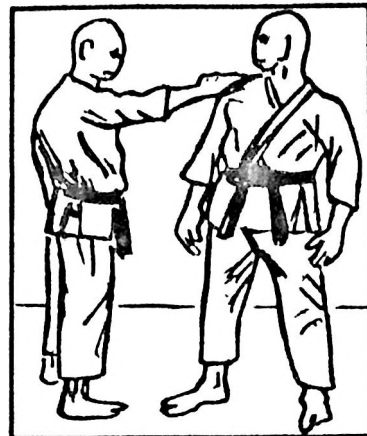

Рис. 56

Панибратский толчок в плечо, сильное хлопанье по спине и другие подобные действия, не преследующие цель травмировать вас.

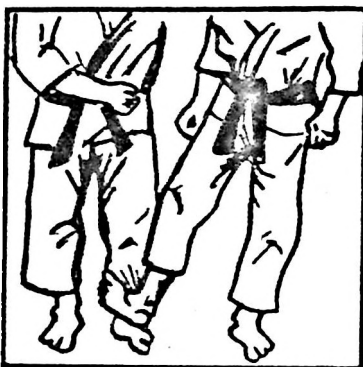

Рис. 55

«Припечатайте» подъем его ноги пяткой и тут же извинитесь. Вы «случайно» оступились, и к вам не может быть никаких претензий.

Рис. 57

Достаточно ребром ладони скользнуть по болевым точкам предплечья (сгиб руки и чуть ниже).

Изобразите беспокойство и сочувствие, извинитесь: это было рефлективное движение.

Словарик каратиста

БЛОКИ

77. гэдан-бараи — нижний рубящий (отводящий) блок
 78. агэ-укэ — верхний блок
 79. ути-удэ-укэ — блок предплечьем изнутри в сторону
 80. сото-удэ-укэ — блок предплечьем снаружи вовнутрь
 81. сюто-укэ — блоки ребром ладони

82. аттоси-укэ — сильный нижний блок прижимающим движением сверху вниз
 83. осаэ-укэ — отводящий, прижимающий ладонью блок
 84. гэдан-каги-укэ — нижний блок по дуге снаружи вовнутрь

С. НЕВЕРОВ

Любой иностранный турист, знакомясь с жизнью Токио или другого японского города, обязательно посетит многочисленные магазины, торговые ряды, лавочки и универмаги если не с целью приобрести что-либо, то хотя бы из простого любопытства. Большинство советских туристов и членов делегаций, обмениваясь впечатлениями о прогулках по Токио, в первую очередь говорят о том, что «здесь все торгуют». Действительно, лавочки и лавчонки, магазины и универмаги в Токио на каждом шагу. Им отданы практически все первые этажи домов вдоль крупных улиц, на площадях. Вывески с названиями торговых учреждений приглашают «зайти», «подняться», «спуститься», «заглянуть». В жилых кварталах обязательно есть специальная торговая улица. «Все торгуют» — Япония может позволить себе такое. Высокая производительность труда в промышленности дает возможность переместить в сферу торговли и обслуживания больше половины трудоспособного населения страны.

Сама жизнь в результате заставляет работников торговли уделять большое внимание привлечению покупателей, искать свою «нишу» в торговле. Магазины и лавки чрезвычайно разнообразны по размерам, оформлению, ассортименту товаров — от маленьких ларьков, киосков и магазинчиков до шикарных универмагов и супермаркетов. Они часто соседствуют не сказать чтобы мирно, но под бдительным оком блюстителей законов о торговле. А эти законы защищают не интересы крупных торговых фирм вопреки расхожему у нас мнению, а интересы покупателей. По мнению японских социологов, эффективность торговли заключается не в производительности труда, а в предоставлении максимальных удобств покупателю. Последнее же возможно прежде всего при рациональном сочетании больших и малых предприятий, рассчитанных на самые разные слои покупателей. Крупные торговые предприятия, где производительность труда высокая, быстро бы разорили мелкие лавки и магазинчики, но последние защищаются законом. Например, время работы крупных универмагов ограничено, и они, как правило, не имеют права (по закону!) работать в выходные дни и поздно вечером, тогда как время работы мелких лавочек и магазинов не ограничено.

Читатель, надеюсь, извинит меня за столь пространное теоретическое объяснение, но оно позволит лучше ориентироваться на месте. Конечно, было бы хорошо, если рядом с вами окажется «гид-знакомый», который даст совет, окажет помощь. Могут быть разные обстоятельства, но, как правило, разумно отложить запланированные покупки на последние дни, а предварительно познакомиться с ближайшими магазинами; лучше всего совершить «туристический осмотр» универмагов теперь уже всемирно известных японских торговых компаний «Мицукоси», «Мацуя», «Мацудзакая», «Такасимая», «Мидория» и др. Бывая в японских универмагах, я всегда невольно вспоминаю когда-то услышанный рекламный текст (правда, он относился к рекламе американского универмага): «Если вы сами не знаете, что вам нужно, заходите — это у нас есть».

Цены в крупных универмагах, конечно, несколько выше (как, впрочем, и качество товаров), чем в небольших магазинах, но, как правило, почти круглый год чаще всего на одном из верхних этажей универмагов организуется распродажа товаров закончившегося сезона: осенью — летних вещей и предметов обихода, весной — теплых вещей и соответствующих аксессуаров. Поэтому и в универмагах без лишних хлопот потребитель всегда может сделать сравнительно недорогие покупки, приобрести вещи на подарки и сувениры.

Этажи в японских универмагах, как, впрочем, практически и во всех крупных зданиях, считаются не только вверх, но и вниз. В больших городах земля дорогая и пространство обитания все глубже уходит под землю. В 3—4-х этажах под землей размещаются не только гаражи, склады, но и крупные культурные центры, учреждения и торговые ряды. Подземные этажи называют «Бэсумэнт» (от англ. basement — подвальный этаж). Поэтому в лифтах на кнопках вы увидите надписи «В-1», «В-2» и т. д.

Поскольку мы совершаем «экскурсионный осмотр» универмага, то рекомендую подниматься на лифте до верхнего этажа и постепенно спускаться с этажа на этаж на эскалаторах. Войдя в просторный лифт на первом этаже универмага, пока он с остановками поднимется, вы услышите от очаровательной лифтерши в изящной униформе и белых перчатках подробную информацию о том, что именно и на каком этаже продается, и предложения воспользоваться теми или иными услугами, правда, к сожалению, на японском языке, редко на английском. Но лучше, как говорится, один раз увидеть, чем семь раз услышать. Оглядели верхний этаж, где часто устраиваются выставки и вернисажи, и вниз. Уверяю вас, это будет интересная и занимательная прогулка в «музей современного быта японцев». Практически в каждом крупном универмаге есть, например, отделы традиционной японской одежды, домашней утвари. Женские кимоно, повседневные и праздничные. — это произведения искусства. Не стесняйтесь, если есть кому перевести, обращайтесь к продавцам. Они, как мне кажется, всегда с неподдельной радостью готовы рассказать иностранцу все, что знают о своем товаре, как вещь изготавливается, как наносится рисунок. И даже в тех случаях, когда совершенно ясно, что интерес проявляется не ради покупки.

Ниже первого этажа в японских универмагах, как правило, располагается продовольственный отдел. Здесь можно найти все — от овощей, фруктов, полуфабрикатов до только что изготовленных блюд, которые продавцы любезно предлагают попробовать в рекламных целях бесплатно. Пробуйте, не стесняйтесь, знакомьтесь с японскими продуктами.

У эскалаторов вас с поклоном и приветствием встретят девушки в той же униформе. В утренние часы при открытии универмага и вечером перед закрытием служащие поклонами и приветствиями встречают первых и провожают последних покупателей. Помимо разнообразных товаров, универмаги предоставляют и множество услуг. Японцы шутят, что в универмаге можно, не выходя из здания, познакомиться, вступить в брак и отпраздновать свадьбу, а при необходимости оформить развод и даже похороны.

Торговаться в универмагах и больших магазинах не принято. В мелких лавках можно заметить, что вы считаете цену слишком высокой. Продавец сам предложит вам возможную скидку.

Поражает обилие свежей рыбы, осьминогов, кальмаров, креветок, икры, морской капусты и т. д. в соответствующих рядах (*саканая*), причем с утра цены на всю эту продукцию, только что полученную с оптового рынка, выше, к полудню дешевле, а после полудня еще дешевле, так как полежавшие на прилавках продукты считаются уже недостаточно свежими.

Круглый год масса овощей и фруктов, местных и экзотических, привезенных из Новой Зеландии, с Тайваня, Филиппин и из других стран южных морей. Все это выглядит очень привлекательно, упаковано в прозрачную пленку с четким указанием цены и продается в охлажденном виде.

Множество цветочных магазинов с необыкновенным обилием разнообразных свежих цветов, художественно оформленных в букеты.

Редкий посетитель Токио не побывает в знаменитом районе Акихабара неподалеку от вокзала Уэно. Здесь поражает богатство электротоваров и электронной техники. Это подлинный рай для любителя подобной техники и, кстати, одно из немногих мест в Японии, где можно чуть-чуть поторговаться. Впрочем, подобные же районы и тоже с богатым выбором есть и в других крупных городах Японии.

К услугам тех, кто не успел сделать покупки в обычные часы торговли (как правило, до 19 часов), есть небольшое количество магазинов, торгующих круглосуточно — 24 часа. Выбор в них несколько ограничен, но включает все, что может срочно потребоваться. И наконец, всюду достаточное количество «дзидо-хамбайки»* — автоматов по продаже сигарет, журналов, напитков, бутербродов и других упакованных товаров.

* Напомню, что двоеточие здесь и ниже не знак препинания, а знак долготы звука.

Особым колоритом отличается торговля на ежемесячных вечерних базарах в дни так называемых храмовых праздников (*эниити*). Они группируются вокруг буддийских и синтоистских храмов, которые в эти дни заполняются пестрой, оживленной толпой, и многочисленными ларьками, киосками, где продаются сласти, игрушки и так далее, или устраиваются садки с золотыми рыбками (*кингё-сукуи*), в которых дети пытаются выловить рыбку бумажным сачком, пока он не успеет размокнуть.

Красочны специальные утренние и дневные базары. Например, проходящий ежегодно в Токио в июле *Асагао-ити* (базар цветов вьюна) с продажей щедрых даров японской природы. Или *Хагоита-ити* — базар-продажа специальных деревянных лопаток-ракеток *хагоита* для традиционной новогодней игры в японский волан, *Ханэцуки*, проводимый в Токио в середине декабря. *Дарума-ити* — базар при буддийском храме Дзиндайдзи в Токио, где продаются фигурки японского «ваньки-встаньки» (*дарума*), и многие другие базары, которые нашего посетителя интересуют, скорее всего, как возможность познакомиться с обычаями и культурой Японии.

Может быть, вам повезет, и программа пребывания в Японии не ограничится каким-либо одним городом и будет включать поездку по стране. Здесь прежде всего нужно сказать о скоростных железнодорожных экспрессах «Синкансэн», в переводе «Новая железнодорожная магистраль», первая очередь которой, линия Токайдо: — от Токио до Осака, — была введена в эксплуатацию к летним Олимпийским играм 1964 г. Поезда этой линии развивают скорость до 210 км/ч. Линия на всем протяжении проходит по особой эстакаде, нигде не пересекающейся с другими путями. К настоящему времени построены и введены в действие и следующие очереди этой магистрали: Тохоку-синкансэн на север от Токио до города Мориока, Сан'ё-синкансэн, которая продолжает магистраль от Осака на запад до станции Хаката на острове Кюсю, и Дзё:эцу-синкансэн на северо-запад от Токио до города Ниигата на побережье Японского моря.

Курсирующие по этой магистрали поезда носят звучные названия: *Хикари* — «Свет» (суперэкспресс) и *Кодама* — «Лесное эхо» (экспресс) на линии Токайдо: — Сан'ё:, *Асахи* — «Утреннее солнце» (суперэкспресс) и *Токи* — «Время» (экспресс) на линии Дзё:эцу, *Ямабико* — «Горное эхо» (суперэкспресс) и *Аоба* — «Зеленая листва» (экспресс) на линии Тохоку. Суперэкспресс отличается от экспресса меньшим количеством остановок и соответственно меньшим временем в пути, наличием вагона-ресторана (в суперэкспрессе *Хикари*), большим количеством так называемых *гри:нса* — «зеленых вагонов», то есть вагонов первого класса, отмеченных зеленым знаком в форме листка клевера (2 вагона), и вагонов с нумерованными местами (8 вагонов). Вагонов с нумерованными местами 5. В экспрессе (например, в *Кодама*) их соответственно 1, 2 и 9. Остановки очень короткие, не более 1—2 мин. Поэтому платформы имеют разметку с указанием номеров вагонов, и лучше заранее встать против обозначенного места двери вашего вагона.

Оба вида экспрессов этой магистрали комфортабельны, из-за плавности хода вагонов почти не ощущается высокая скорость. Свыше 25 лет «Синкансэн» демонстрирует надежность всех своих служб и техники. В окнах, например, 5-слойные стекла общей толщиной 18,4 мм. Из 5 слоев 3 специальной повышенной прочности. Многие продумано для удовлетворения нужд пассажиров. Во время поездки на ходу любой пассажир по телефону может связаться и переговорить с нужным абонентом. Поездка в таком экспрессе, помимо экономии времени, дает хорошее представление о высоком техническом уровне железных дорог Японии и возможность увидеть почти всю страну из окна вагона. Если есть возможность, отложите деловые разговоры во время поездки, поглядите в окно.

Деловым людям и членам делегаций, прибывающим в Японию на короткое время, часто в целях экономии времени приходится пользоваться и самолетами внутренних японских линий. Все более или менее значительные города Японии связаны воздушным сообщением. Они обслуживаются самолетами разных типов, в основном очень удобными аэробусами «Боинг-747», принимающими на борт более 300 пассажиров. Следует отметить строгое следование расписанию, за исключением экстраординарных случаев, порядок в аэропортах и высокий уровень обслуживания. Все указатели и знаки в аэропортах международные, названия пунктов назначения дублируются в написании латинскими буквами, и ориентация в них затруднений не представляет.

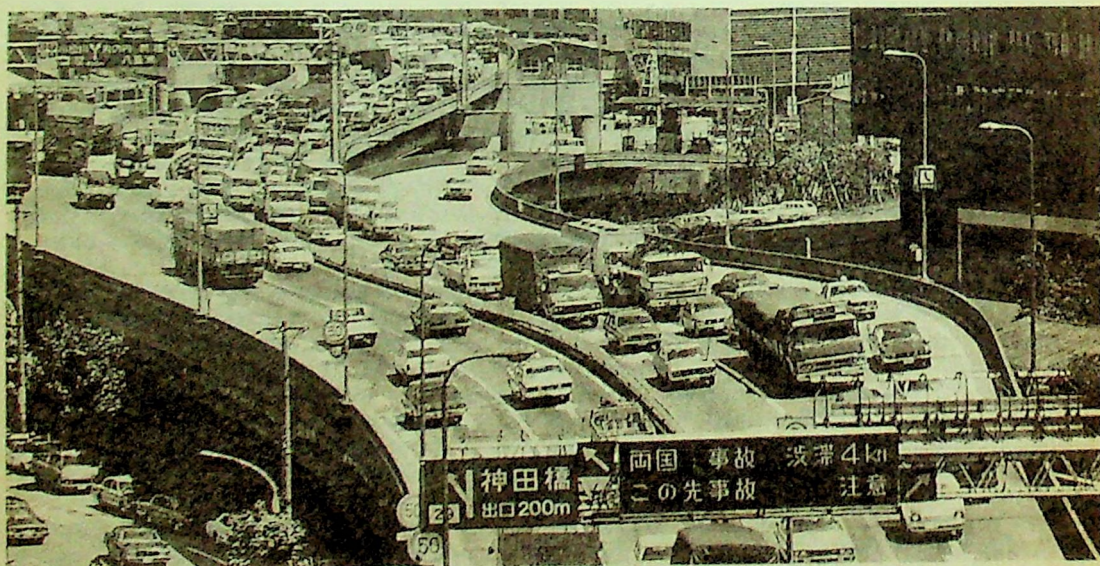
При наличии некоторого свободного времени и возможностей незабываемое впечатление оставляют поездки на судах местного сообщения по Внутреннему японскому морю

(*Сэто-найкай*) с его сказочно красивыми видами, живописными островками, заливами и бухтами. До недавнего времени это был основной, наряду с воздушным сообщением, способ поездки на остров Сикоку. Теперь с постройкой в 1988 г. уникального сооружения Большого моста Сэто (*Сэто-окаси*) общей протяженностью 37,3 км остров Сикоку связан с островом Хонсю и железнодорожным (нижний ярус моста), и автомобильным (верхний ярус) сообщением. Комплекс сооружений *Сэто-окаси* состоит из 6 мостов, соединяющих 5 островков, расположенных среди проливов общей шириной 9,4 км. Ранее паромное сообщение с Сикоку отнимало более часа. На машине через мост этот путь занимает 15—20 мин.

Следует упомянуть, что теперь все четыре главных острова Японии связаны железнодорожным и автомобильным сообщением: Хоккайдо и Хонсю — самым длинным в мире (53,85 км) подводным тоннелем *Сэйкан* под Сангарским проливом, Кюсю и Хонсю — подводными тоннелями *Каммон* и мостом *Каммон*, возведенным еще в 1974 г. Его длина 1608 м. До постройки моста *Сэто-окаси* он был самым большим в Японии висячим мостом.

Не исключено, что, прибыв в Японию, кто-то по служебной надобности должен будет сам вести автомашину (конечно, при наличии международных прав вождения), для чего ее несложно взять и напрокат. Многих смущает левостороннее движение, но к нему быстро привыкаешь. Каждый осваивается по-своему, например полезно постоянно помнить, что разъезжаться нужно тем бортом, за которым сидишь сам. Плотность движения в Японии большая, и вы быстро вживаетесь в поток машин, особенно на скоростных автомагистралях *хайвэя* (от англ. highway). Знаки на дорогах Японии соответствуют международному стандарту, но разнообразная информация на светящихся табло часто представлена в иероглифическом написании. Думаю, что нетрудно будет запомнить пять-шесть иероглифов, наиболее часто употребляемых на табло. Например, на снимке *хайвэя* (см. ниже) два транспаранта. Левый — постоянный — информирует, что через 200 м съезд (*дэугуи*), название съезда (три иероглифа) и его номер (29). Справа светящееся табло. В верхней строчке два иероглифа — место, вторые два иероглифа — *дзико* (транспортное происшествие), следующие два иероглифа — *дзютай* (движение ограничено, пробка) и 4 км — длина пробки. На второй строке сообщается, что впереди (*коно саки*) *дзико* (те же иероглифы, означающие транспортное происшествие), и последние два иероглифа особо рекомендуется запомнить. Они означают «будьте осторожны» (*гюи*).

Полиция довольно строго следит за превышением скорости (в городах — 40 км/ч), устраивая засады — так называемые *ндзумитори* (мышеловки) на дорогах. Строго наказывается и управление машиной в нетрезвом виде.

Некоторые наиболее употребительные фразы при посещении магазинов

1. Мне нужно сделать покупки	<i>Каимбно-о ситай но дэс</i>
2. Я хочу купить...	<i>...о- каутай но дэс га</i>
3. Где продают...?	<i>...-ва дёко-дэ уттэ имас ка</i>
4. Где можно купить...?	<i>...-ва дёко-дэ казмас ка</i>
5. Я хочу пойти в универмаг	<i>Дэпá.то-э икитай но дэс га</i>
6. Когда открывается (закрывается) магазин?	<i>Кайтэн (хэйтэн)-дзикан-ва нандзи дэс ка</i>
7. Что бы мне купить на память?	<i>О-миягэ (кинэн)-ни нани-о каттарá ий дэсэ: ка</i>
8. Покажите мне эту вещь	<i>Кóрэ-о мисэтэ кудасай</i>
9. Я не знаю свой размер	<i>Дзибун-но сáйдзу-о сиримасэн</i>
10. Можно ли примерить...?	<i>...-о китэ-митэ ий дэс ка</i>
11. Слишком большой (маленький)	<i>Ооки-сугимас (тииса-сугимас)</i>
12. Это мне не нравится	<i>Кóрэ-ва ки-ни иримасэн</i>
13. Сколько стоит?	<i>Икура дэс ка</i>
14. Напишите цену	<i>Нэдán-о кáйтэ кудасай</i>
15. Пожалуйста, дайте мне это	<i>Кóрэ-о кудасай</i>
16. Я возьму это	<i>Кóрэ-о итадакимас</i>

Словарь и комментарий к тексту

1. *Каимбно* — покупка
2. *си-тай, каи-тай* формы желательного наклонения от глаголов *сүру* — делать и *кау* — покупать, образованные с помощью суф. «тай».
3. *Уттэ имас* — продается, форма длительного вида от глагола *үру* — продавать
4. *Казмас ка* — букв. «Возможно ли купить?», форма потенциального залога от глагола *кау* — покупать
5. *Дэпá.то* — универмаг, сокращенная форма от англ. department store
6. *Кайтэн* — открытие магазина. *Хэйтэн* — закрытие магазина
Дзикан — время. *Нандзи* — который час
7. *Миягэ* — подарок, гостинец. *Кинэн* — воспоминание, память
Каттарá — форма условного наклонения с суф. «тара» от глагола *кау* — покупать, см. также приведенный выше комментарий 5 к разделу «Городской транспорт»
8. *Мисэру* — показывать
9. *Дзибун* — сам, я. *Сáйдзу* — размер (англ. size)
10. *Китэ-митэ ий дэс ка* — букв. «Можно ли попробовать надеть?» от сложного глагола *китэ-миру* — пробовать надеть
11. *Сугиру* — переходный глагол со значением «превышать», «превосходить». В сочетании с корнем прилагательных *оокий* — *ооки* и *тиисай* — *тииса* дает значение излишка качества
12. *Ки-ни иримасэн* — не нравится, букв. «Не соответствует моему намерению»
13. *Нэдán* — цена
14. *Итадакимас* — возьму, получу, форма глагола *итадаку* — получать (со значением скромности) с суф. «мас».

Некоторые употребительные фразы при поездках

1. Когда отправляется поезд номер...?	<i>...-го: рэсся-ва нандзи-ни дэмас ка</i>
2. От какой платформы отправляется скорый поезд в...?	<i>...-юки-но кё:ко-ва намбан-но хё:му-кара дэмас ка</i>
3. На каком пути суперэкспресс «Хикари» до Нагоя?	<i>Нагоя-юки-но тёттоккю: «Хикари»-ва намбансэн дэс ка</i>
4. Где платформа номер...?	<i>...-бан хё:му-ва дёко дэс ка</i>
5. Где вагон номер...?	<i>...-гё:ся-ва дёко дэс ка</i>
6. У меня билет в вагон первого класса	<i>Витáкуси-но дзё:сякэн-ва гурй.н-кэн дэс</i>
7. Сколько времени стоит здесь поезд?	<i>Кёко-ни ва дёно курáй тэися-симас ка</i>
8. Когда поезд прибывает на станцию...?	<i>Кёно рэсся-ва ...-ёки-ни нандзи-ни цуки-мас ка</i>

9. Какой номер рейса нашего самолета? *Ватáкусигати-но нóру хикó: ки-ва нáнибин дэс ка*
10. Объявлена ли посадка? *Тó:дзэ-кáйси-но анáунсу-га аримáсита ка*
11. Где регистрация билетов? *Сюппáцу-но тiэккуин-ва дóко-дэ яттэ имáс ка*
12. Отнесите, пожалуйста, багаж к стойке *Нимóцу-о кáунта:-мáдэ хакóндэ кудасáй*
13. Сколько часов продлится полет? *Хикó:-дзикáн-ва дóно гурáй дэс ка*
14. Вы хорошо переносите полет? *Хикó:жи-ни ва о-цүёй дэс ка*
15. Да, хорошо *Ээ, хикó:жи-ни ва цүёй дэс*
16. Нет, плохо *Хикó:жи-ни ва ёвáй дэс*
17. Самолет прибывает точно по расписанию? *Хикó:ки-ва ётáйдó:ри тотяку-симáс ка*
18. Просьба пристегнуть ремни *Дзасэки-но бэруто-о о-сímэ кудасáй*
19. Просьба не курить *Табáко-о го зирё кудасáй*
20. Где можно получить багаж? *Нимóцу-но укэватáси-ва дóко дэс ка*
21. От какого причала отходит наш теплоход? *Ватакусигати-но нóру фúнэ-ва дóно сáмба-си-карá дэмáс ка*
22. Когда отплывте? *Сюппáн-ва йцу дэс ка*
23. Где моя каюта? *Ватáкуси-но сэнсицу-ва дóко дэс ка*
24. Сегодня море...
спокойное *Кё:-ва үми-га...*
неспокойное *одайка дэс*
бурное *амáри одайка дэ ва аримасэн*
25. Как вы переносите качку? *áрэгэ имас*
26. Как называется этот порт? *Фúнэ-ни ва о-үцёй дэс ка*
27. Плавание было очень приятным *Кóко-ва нáн то иу минато дэс ка*
Фунатáби-ва тайхэн таноси-кáтта дэс

Словарь и комментариев к тексту

1. *Рэсса* — поезд. *Дэмáс* — форма с суф. вежливости «мас» от глагола *дэру* — выходить, отправляться
2. *Кjó:ко:/рэсса* — скорый [поезд]. *Хó:му* — платформа (сокращенная форма от англ. platform)
3. *Тё-токкю:* — суперэкспресс, букв. «сверхскорый»
4. *...-го:* — номер (в сочетаниях, например *хатигó:ся* — вагон номер 8)
5. *Дзэ:сякэн* — проездной билет. *Гурí:н-кэн* — букв. «зеленый билет», т. е. билет в вагон первого класса
6. *Тэйся* — остановка (поезда); *тэйся-сүру* — глагол «стоять на остановке»
7. *Цукимáс* — прибывать, достигать (инфинитив — *цүкү*)
8. *Бйн* — рейс (самолета). *Нáнибин* — какой рейс?
9. *Тó:дзэ* — посадка (на самолет), *кáйси* — начало. *Анáунсу* — объявление (устное, от англ. announce)
10. *Тiэккуин* — регистрация (в аэропорту, в гостинице, от англ. check in). *Яттэ имáс* — форма длительного вида от глагола *яру* — делать, осуществлять
11. *Кáунта:* стойка (например, той или иной авиакомпании в аэропорту, от англ. counter)
12. *Хикó:-дзикáн* — время полета
13. *Цүёй* — сильный. *Хикó:ки-ни ва о-цүёй дэс ка* — букв. «Чувствуете ли вы себя уверенно (сильным) в самолете?»
14. *Ёвáй* — слабый
15. *Ётáй* — предположение, расчет; *ётáйдó:ри* — согласно расчету
16. *Дзасэки* — место (в самолете, поезде и т. д.). *Бэруто* — ремень (сиденья, англ. belt). *Симэру* — закрывать, прикреплять
17. *Энрё кудасáй* — букв. «пожалуйста, воздержитесь»
18. *Нимóцу* — багаж. *Укэватáси* — букв. «вручение и получение» — сложное слово из именных основ двух глаголов: *укэру* — получать, *ватáсу* — передавать
19. *Фúнэ* — лодка, судно. *Сáмбаси* — причал
20. *Сюппáн* — отплытие, букв. «поднятие паруса»
21. *Сэнсицу* — каюта

ОТВЕЧАЕМ НА ВОПРОСЫ ЧИТАТЕЛЕЙ

На стажировке в Китае

Н. КОРНЕЙЧУК

— Ежегодно десятки молодых людей из нашей страны едут в Китай на учебу и стажировку. Хотелось бы, чтобы кто-то из них рассказал об этом на страницах вашего журнала.

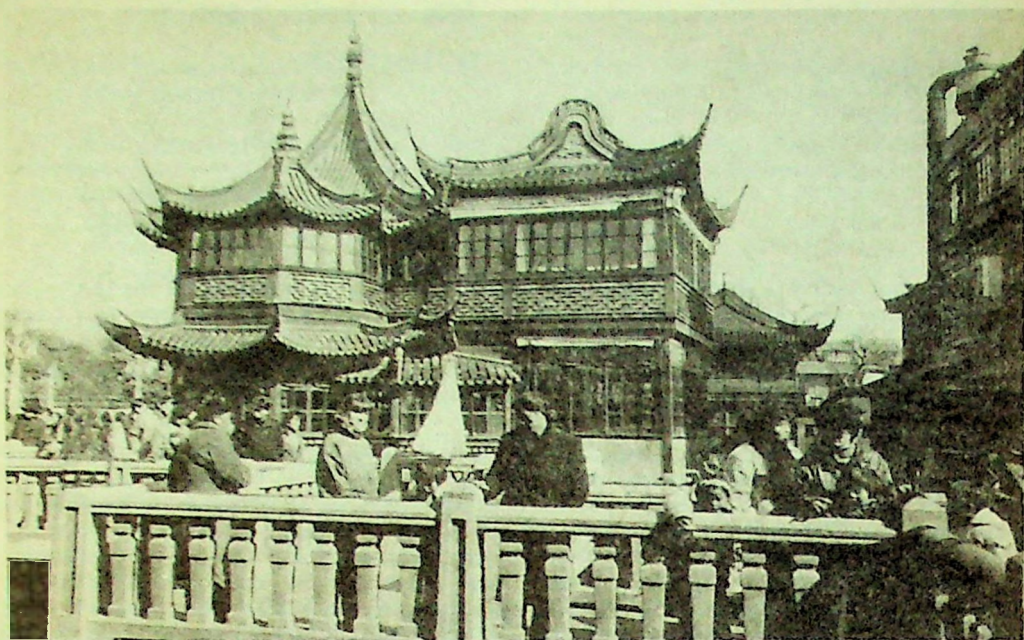
И. Мыльник, 24 года
Владивосток

В 1989 г. очередная группа советских стажеров и студентов прошла годичную языковую стажировку в Китае. Попытаюсь выразить впечатления большинства стажировавшихся в Сычуаньском институте иностранных языков в Чунцине и получивших китаеведческое образование в востоковедческих центрах нашей страны.

Чунцин — древний город с более чем двухтысячелетней историей — расположен в месте слияния одной из крупнейших рек мира Янцзы с ее притоком Цзялинцзян. Название Чунцин переводится как «двойное празднование»: в 1189 г. император Чжаодун одновременно был произведен в ранг принца и возведен на престол. Кроме того,

Корнейчук Наталия Николаевна, младший научный сотрудник Института международных экономических и политических исследований АН СССР.

город имеет массу других названий, в частности «столица туманов» и «город гор», что во многом отражает его характерные особенности. Столица Сычуани сильно отличается от большинства китайских городов почти полным отсутствием памятников архитектуры и парковой культуры. Климат Чунцина своеобразен — здесь почти никогда не увидишь яркого солнца, небо как бы затянуто дымкой, летом жара поднимается до 40 °С, что в сочетании с почти стопроцентной влажностью накладывает отпечаток на весь ритм жизни города.

В Чунцине практически нет туристов из других стран (во время нашего пребывания насчитывалось около 50 зарубежных стажеров и преподавателей), поэтому появление каждого иностранца вызывает там неподдельный интерес.

Вновь прибывшего в Чунцин поражают огромные размеры города. Порой очень сложно определить, где кончаются городские кварталы и начинаются сельские уезды, все тесно переплетено. С общежитием Сычуаньского института иностранных языков, где мы жили, мирно соседствуют несколько заводов и крестьянские поля, каменные серые дома и бамбуковые хижины.

В Чунцине мы впервые столкнулись с диалектом. Некоторые из нас (а всего в Сычуаньском институте иностранных языков проходило языковую стажировку 11 советских студентов) даже к концу пребывания в Китае так и не смогли освоить этот диалект хотя бы на бытовом уровне. Большинство наших преподавателей свободно владели пекинским диалектом, признанным в качестве общегосударственного языка, но в обучении мы также сталкивались с непреодолимым языковым барьером (особые трудности вызвало изучение древнего китайского языка, который преподавался на сычуаньском диалекте, вернее, его чунцинской «разновидности»).

На следующий день после приезда в Чунцин нам был устроен экзамен по китайскому языку, на основании которого нас разделили на четыре группы по уровню знания и владения китайским языком. В отличие от многих других вузов Китая, где обучались иностранные студенты и стажеры, в нашем институте эти группы были составлены с таким расчетом, чтобы в них присутствовали учащиеся из разных стран (с нами, в частности, учились студенты из Японии и Франции).

Преподавание велось по четырем основным предметам: основной и разговорный курсы китайского языка, аудирование и так называемое вдумчивое чтение. Занятия начинались в 8 часов утра и заканчивались в 12 часов дня, что, естественно,

целью было назвать серьезной языковой нагрузкой (кроме этого, суббота и воскресенье были неучебными днями). Поэтому по нашей просьбе были введены дополнительные курсы, в частности курс перевода с русского языка общественно-политических и экономических текстов, курс изучения древнекитайского языка.

Необходимо отметить, что руководство китайского отделения Сычуаньского института иностранных языков с большим вниманием относилось к предложениям советских студентов. Можно сказать, что мы оказались в некоторой степени в привилегированном положении по сравнению со студентами из западных стран. Так, для нас был организован курс по изучению китайской каллиграфии, дополнительные занятия китайской гимнастикой тайцзицюань и ушу (все на сугубо добровольной и, что немаловажно для студентов, бесплатной основе).

Во многом это было связано с тем, что наша группа, по сути дела, являлась первой столь многочисленной группой советских студентов в Чунцине после более чем тридцатилетнего перерыва. Мы были своего рода посланцами СССР, и администрация Сычуаньского института иностранных языков, как нам казалось, старалась сделать все возможное, чтобы нам понравилась стажировка.

Однако не обошлось и без сложностей. В частности, нас весьма удивило наличие серьезной охраны в общежитии иностранных учащихся: китайским студентам факультета русского языка, со многими из которых мы быстро подружились, запрещалось приходить к нам в гости. Мы были вынуждены общаться с ними, сидя на бетонных лавочках в небольшом скверике вблизи учебного корпуса или в пустующих учебных аудиториях. Естественно, все это было неудобно не только нам, но и нашим китайским друзьям. Наши попытки внедрить в общежитии систему, функционирующую в советских студенческих общежитиях (оставил студенческий билет — проходи), не привели к успеху.

Удивлял нас и дифференцированный подход к студентам из капиталистических и социалистических стран. Например, мы не могли добиться посещения дополнительных курсов других групп, в то время как студенты западных стран свободно выбирали не только курсы обучения, но и преподавателей.

Очевидно, это объяснялось тем, что они приехали за свой счет (или за счет своей фирмы) и хотели получить именно те знания, которые им понадобятся в будущем. Студенты из капиталистических стран (в частности это касается японцев) стремятся изо всех сил максимально использовать возможности стажировки в Китае, берут допол-

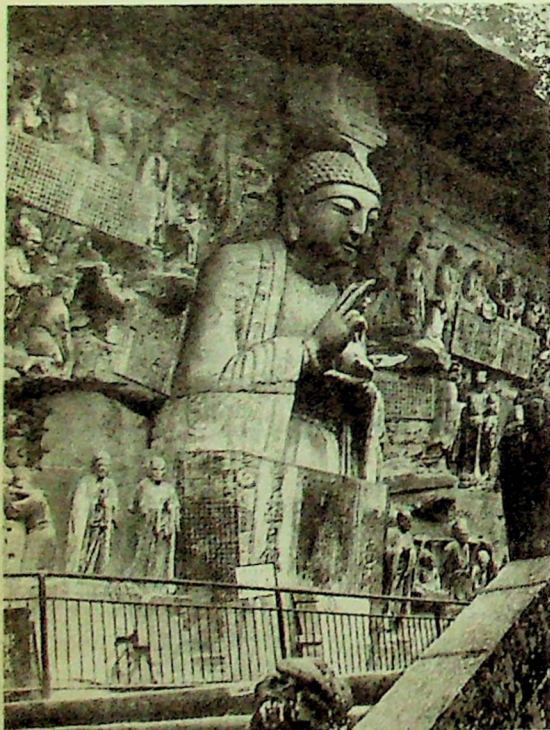
нительные уроки, особенно распространены индивидуальные занятия. К сожалению, нам такие занятия были не по карману.

На наш взгляд, выйти из этого положения можно следующим образом. Известно, что в настоящее время в КНР ощущается огромный интерес к нашей стране, к русскому языку. В то же время катастрофически не хватает преподавателей (во всем Чунцине был только один преподаватель русского языка). Мы же, советские студенты, являемся носителями языка и вполне могли бы вести уроки разговорного русского языка. Однако существующий порядок запрещает деятельность такого рода, поэтому нам приходилось отказывать многочисленным группам китайских учащихся, которые просили организовать платные занятия с ними.

Студентам из капиталистических стран разрешено оплачивать свою учебу в Китае именно таким «компенсационным обучением»: они преподают язык своей страны и в свою очередь учат китайский. На наш взгляд, это очень разумное решение, способствующее обучению иностранным языкам в Китае.

Вообще, положение студентов из западных стран заслуживает особого внимания. Часть из них является людьми средних лет, получающими пособие по безработице и решившими переквалифицироваться. Этого пособия с лихвой хватает на то, чтобы оплатить проживание и учебу в Китае, а также на путешествия по стране. После двух-трех лет такого обучения в Китае бывший безработный возвращается к себе на родину почти сложившимся специалистом-переводчиком, к тому же знающим жизнь Китая «изнутри».

Теперь о досуге. Так как наш институт располагается в полутора часах езды от центра города, зачастую приходилось изыскивать возможности отдыха в стенах самого института. Вместе с другими иностранными студентами мы устраивали товарищеские матчи по футболу, традиционные «вечера по пятницам» в общежитии иностранных студентов, вечера национальной кухни и т. д. Для советских студентов и стажеров вопрос питания являлся одним из самых сложных. Хотя столовая для иностранцев и многочисленные ресторанчики на улицах предоставляли значительное разнообразие традиционных китайских блюд, но, как известно, блюда сычуаньской кухни считаются самыми острыми не только в Китае, но и в мире. Поэтому часто приходилось готовить самим привычные для нас блюда.

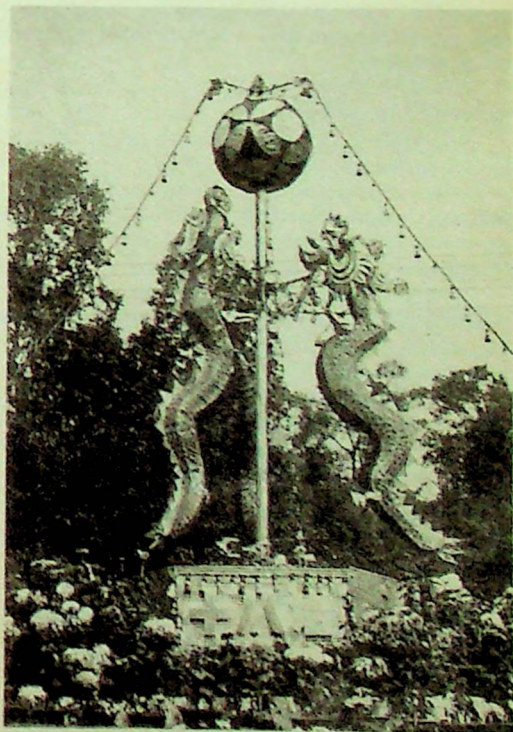
Естественно, что в свободное от учебы время мы старались ходить в кино, больше бывать в городе. Как и многие южные города, Чунцин очень красив ночью, он становится похожим на огромный многопалубный корабль с разноцветными огоньками, как это отмечается практически в каждом городском путеводителе. Жизнь буквально кипит на узеньких улочках: ведется оживленная торговля, заывают вечерних посетителей многочисленные ресторанички, молодежь собирается на дискотеках.

По-видимому, ни у кого из советских стажеров в других городах не было столь занятого приключения, как у нас — мы участвовали в съемках китайских кинофильмов. Дело объяснялось просто: в городе очень мало людей с европейской внешностью, а по сценарию требовались иностранные солдаты и корреспонденты. Мы с радостью откликнулись на просьбу Чунцинской кинокомпании принять участие в съемках фильма о гоминьдановском Чунцине и как бы перенесли на полвека назад. Костюмы и декорации помогали нам ощутить своеобразие той довольно сложной эпохи. А бывшая гоминьдановская тюрьма была расположена всего в десяти минутах ходьбы от нашего общежития.

Необходимо отметить, что почти все советские студенты нашей группы в зимние каникулы совершили путешествие по Китаю, что дало им возможность еще лучше познакомиться с жизнью и достопримечательностями этой страны.

По традиции мы проплыли по реке Янцзы через знаменитые «Три ущелья» вниз по течению в древнюю столицу Нанкин. Посетили индустриальный гигант — Шанхай и расположенные неподалеку города Сучжоу и Ханчжоу, славящиеся красотами парковой архитектуры. Почти всегда мы останавливались в общежитиях институтов и университетов, где были советские стажеры или студенты. Вообще, встретить соотечественника в Китае — дело довольно редкое (по крайней мере в Центральном и Южном Китае, не говоря уже о Тибете или Синьцзяне).

Как правило, все студенты во время зимних каникул стремятся побывать на юге Китая, столь разительно отличающемся от севера страны. Почти все заезжают в Гуанчжоу и, конечно же, в особую экономическую зону Шэньчжэнь — гордость китайской открытой политики. Часть студентов проводит остаток зимних каникул на острове Хайнань, где даже в феврале температура воды около 25 °С, что в сочетании с обилием тропических фруктов создает впечатление, что зимы не существует вообще. Туризм — одна из наибо-

лее динамично развивающихся отраслей хозяйства острова. Для обслуживания все возрастающего потока иностранных туристов здесь построены как отели высшего класса, так и экзотические бамбуковые хижины (все зависит от желания и финансовых возможностей).

После зимних каникул у нас была еще одна возможность путешествий в начале мая (праздники в сочетании с подготовкой к выпускным экзаменам). Я, в частности, побывала к Куньмине — столице самой многонациональной провинции Юньнань, удалось посетить и знаменитый «Лес камней».

Наши поездки значительно расширили представления об этой удивительно многоликой стране, стали хорошей языковой практикой. Прогресс в изучении языка оказался весьма ощутим: при возвращении на родину нам даже было непривычно слышать русскую речь в Забайкальске — настолько мы вошли в китайскую языковую среду.

В заключение хочется отметить, что, на наш взгляд, стажировка является наиболее эффективным путем для реального освоения китайского языка. Надо было бы обратить внимание и на дальнейшее повышение качества стажировки и более эффективное использование студентов-китаистов и стажеров в качестве переводчиков или гидов для приезжающих в Китай многочисленных советских делегаций, особенно в провинциях с сильным диалектом. Немаловажной проблемой является и ориентация языковой стажировки студентов на конкретную будущую работу с тем, чтобы затраченные государством средства на нашу подготовку были использованы с максимальной отдачей.

Редкие китайские народные картины из советских собраний. — Ленинград: Аврора; Пекин: Народное искусство. — 1991. — 211 с. — 206 ил.

Первые образы китайских народных («новогодних») картин няньхуа были привезены молодыми китаеведами, членами Русской духовной миссии в Пекине еще полтора столетия тому назад. Но в то время они не стали предметом изучения и остались не известными широкой публике. Позже ими заинтересовался известный собиратель русского лубка Д. А. Ровинский, но его коллекция также не стала широко известна. И только в 1898 г., когда побывавший в Маньчжурии ботаник В. Л. Комаров — впоследствии президент АН СССР — устроил в Петербурге выставку привезенных им новогодних картин, этот вид народного искусства Китая был явлен миру.

Тогдашний студент университета В. М. Алексеев много позже сравнил впечатление от выставки с разорвавшейся бомбой, «осколок которой рикошетом ударил» в голову. «Осколок» засел, видимо, глубоко: собирание и исследование няньхуа стало одним из главных дел жизни будущего академика. Созданная им коллекция (около 4 тыс. экземпляров) — вторая в мире после собрания пекинского профессора Ван Шуцуня, который вместе с чл.-корр. АН СССР Б. Л. Рифтиным является одним из главных авторов рецензируемого издания. Однако впервые часть его коллекции была издана лишь через 15 лет после кончины ученого¹. Публикация, вместившая целый ряд блестящих работ Алексеева, дотоле мало или совсем неизвестных, имеет большую ценность; к сожалению, качество репродукций оставляет, как принято говорить, желать лучшего — почти все цветные лубки были даны в черно-белых вариантах.

В этом смысле на высоте находится вышедший два десятилетия спустя альбом (178 картин), составленный М. Л. Рудовой из Алексеевского фонда². Но издательство «Аврора» почло за благо выпустить его лишь «в экспортном исполнении» — с текстами на английском, немецком и французском языках, оставив соотечественников, так сказать, вне игры.

И вот передо мной большой том, в котором все радует глаз: и яркая суперобложка с грациозными феями, симпатичными малышами и мнимо грозными шизцами — преобразенными фантазией родичами львят, и тисненый переплет, и плотная бумага и,

конечно же, четкая, насыщенная многоцветная печать. Заглавие дано на двух языках: «Редкие китайские народные картины из советских собраний»; «Сулянь цан Чжунго няньхуа чжэньпинь цзи». Ведь этот альбом — один из первых за последние десятилетия реальных плодов сотрудничества китайских и советских ученых, издательств двух наших стран. В отличие от названных выше изданий здесь представлены лубки не только из собрания В. М. Алексеева, хотя они составляют примерно треть из двухсот с лишним картин, но и из коллекций восьми других энтузиастов (о каждом из которых рассказано в открывающей альбом обстоятельной статье Б. Л. Рифтина «О китайском лубке и его русских собирателях»).

Но, пожалуй, главная особенность альбома — принцип отбора произведений: включены лишь не известные в Китае работы. В отборе участвовали крупнейший знаток лубка Ван Шуцунь, а также главный редактор издательства «Жэньминь мэйшу чубаньшэ» («Народное искусство») Лю Юйшань. В Ленинграде и Москве они просмотрели около 7 тыс. работ из государственных и частных коллекций.

Как отмечает Б. Л. Рифтин, совместная работа «показала, что советские собрания китайских народных картин содержат значительное количество лубков, которые отсутствуют в самом Китае. Среди них оказались не только новые варианты популярных сюжетов, но и неизвестные ранее типы лубков» (с. 11). Особенно привлекают взгляд сюжетные лубки на темно-синем — в отличие от обычных светлых тонов — фоне, а также многолистные театральные композиции, сложные по структуре и необычные по цветовому решению. При этом в альбоме хорошо отражено сюжетно-тематическое многообразие няньхуа, представлены различные этапы истории жанра.

Из статьи Ван Шуцуня «К истории китайской народной гравюры» читатель узнает, что расцвет этого вида искусства начался в эпоху Северная Сун, но произведений XI–XII вв. не сохранилось. Зато от следующей, Цзиньской эпохи дошло до нас 4 листа. Три из них, привезенные в свое время П. К. Козловым, воспроизведены в альбоме. Поражает художественное совершенство этих почти монохромных, с легкой подцветкой композиций, благородная гармоничность их построения, изящество линий, проработка деталей. А ведь такие оттиски делались в больших количествах, представляли собой «массовую культуру» того времени! Конечно, и тогда, и позже выпускались также мно-

жество более примитивных изображений, особенно ритуального характера, но важно, что у народных мастеров имелись и высокие образцы для подражания. Это благотворно сказалось на ньяхуа конца XIX — начала XX вв. — периода расцвета жанра, к которому относится подавляющее большинство представленных в альбоме работ.

Круг тем в народных картинах, подчеркивает Ван Шуцунь, значительно разнообразнее, нежели в традиционной («классической») китайской живописи. Исследователь выделяет картины на сюжеты литературных произведений (эпоей и романов), на сюжеты старинных преданий об исторических личностях, произведений назидательного, благожелательного характера, картины, запечатлевшие народные обычаи и современные общественные события. Немало картин пейзажного и декоративного характера; в особый подвид можно выделить зарисовки театральных сцен. Ван Шуцунь раскрывает также значение наиболее распространенных в новых картинах символов. Свое понимание эстетики народной картины излагает в третьей из вступительных статей к альбому Лю Юйшань. Поскольку картины предназначались для простого люда, они должны были быть зрелищными, вызывать интерес своим сюжетом, будить воображение. Они призваны возбуждать радостные чувства у людей, украшавших ими свои убогие жилища — отсюда буйство красок, «не характерных для реальной жизни», величественность образов, четкость и ясность изображения. Отмечая, что по сравнению с произведениями высокой живописи в ньяхуа сравнительно мало свободного пространства, автор объясняет это вкусами крестьян, «которым нравилось, когда на картинах изображено много всего» (с. 43).

Легко убедиться, что изображено действительно «много всего», но зрителю, тем более иностранному, часто трудно понять, что и кто именно. Необходимы подробные комментарии, и они выполнены Б. Л. Рифтиным и Ван Шуцуном. Нужно ли говорить, сколько знаний, труда, а подчас и догадливости потребовала эта работа — при том, что картины обычно имеют названия, обозначения имен действующих лиц, а иногда включают в себя литературные фрагменты. Но нужно учесть, что создатели картин нередко по-своему интерпретировали классику, обращались к забытым ныне преданиям, соединяли в одной композиции персонажей разных произведений и разных эпох, не стремились к точности воспроизведения реалий. Знакомая с пояснениями (и сопоставляя их с картинами), читатели приобретают массу сведений по истории Китая, его литературе и театру, узнают о поэтических легендах, выслушивают полезные нравоучения, приглашаются посмеяться над тем, что казалось смешным авторам картин. Познавательное значение альбома поистине трудно переоценить.

Но полезно иной раз отвлечься от

пояснений и просто полюбоваться картинами с их полководцем красок, контрастностью цветовых пятен, постоянной сменой ритмов и технических приемов — от утонченной пластики лирических сцен до проувеличенной экспрессии батальных эпизодов, взглядеться в великолепие костюмов и тонкую прорисовку архитектурных деталей. Согласимся с суждением В. М. Алексеева о том, что «китайская народная картина производит на иностранца самое превосходное впечатление. И действительно, эта малая форма китайского народного искусства часто близка к совершенству».

В равной степени справедлива и другая мысль великого китаевода о том, что «китайская народная картина отражает в себе целый большой культурный мир, и интерпретация ее в силу этого может быть очень сложной». Вот один пример из близкой рецензенту области.

Под № 113 помещен лубок «Снег в шестую луну» (так называется поздняя обработка прославленной пьесы Гуань Ханьцина «Тронувшая Небо и Землю обидца Доу Э»). Изображена сцена несправедливого суда над невиновной женщиной. На суде присутствует и отец Доу Э — императорский ревизор, который по пьесе должен появиться лишь через три года, чтобы восстановить справедливость. Но, что еще более странно, центральное место на судилище занимает муж Доу Э, который убит еще в самом начале действия пьесы. Что это —вольное обращение художника с сюжетом? Или, изображая на одном листе живых и умерших, земных чиновников и небесные божества, которые взирают на происходящее с облаков, он хотел передать главную мысль пьесы — что безвинная гибель Доу Э «тронула Небо и Землю»? Возможно, ответ на этот вопрос могли бы дать другие картины на сходные сюжеты — если они сохранились.

При всей компетентности и точности описаний картин иногда все-таки возникают вопросы. Например, на лубке № 108 в числе других персонажей «Речных заводей» изображены братья Жуань. Второй из них имеет прозвище, согласно описанию, «Стоящий на Земле Повелитель Времени Тайсуй», пятый — «Укорачивающий Жизнь Бог Вод Эрлан». Но не правильнее ли в первом случае вспомнить о наиболее распространенном поверии — звезда Тайсуй предвещает несчастье, а во втором — перевести слово «дуаньмин» как «недолговечный», «обреченный на раннюю смерть»? Тогда прозвища приобретут несколько иной оттенок.

И еще. В «Календаре Китайской республики», завершающем альбом, согласно описанию изображен «внизу, в прямоугольной рамке военачальник Сюй Уин». Там действительно изображен военный по фамилии Сюй, но с совсем иным именем — Цзюэчжэнь, тогда как Сюй Уин зовут помещенную в среднем ряду женщину в цивильном платье. Не знаю, как объяснить это расхождение.

Наконец, при общем высоком качестве репродукций заметно, что в некоторых случаях не удалось достичь яркости красок оригинала, а «синий» фон на картинах № 160—165 получился черным.

Но это, если угодно, капля дегтя. В целом альбом удался на славу. И думается, что — несмотря на высокую цену — далеко не каждый ценитель прекрасного сможет стать его счастливым обладателем.

В. Сорокин

Япония — США: новый этап отношений

Хитроси Ханан. Нитибэй масацу-но кодзо (Структура японо-американских трений), Токио, 1988.

Тосио Оби. В1-2, Син нитибэй бунтан дзидай-но маку акэ (Два великана, Начало эпохи нового распределения ролей между Японией и США), Токио, 1987.

В последнее время в Японии появилось особенно много публикаций, в том числе книг, посвященных отношениям с США. В некоторых книжных магазинах стали даже устраивать специальные уголки такой литературы. Резкое повышение интереса к этой теме не случайно.

Вся послевоенная история японо-американских отношений являет собой диалектику сотрудничества и раздоров, взаимных обвинений и уступок, сближений и охлаждений между двумя странами. 80-е годы характеризуются, пожалуй, самыми острыми за весь послевоенный период столкновениями между Японией и США, главным образом в торгово-экономической области, а также в военно-политической, пропагандистской, психологической и других сферах.

Нынешние противоречивые тенденции и явления японо-американских отношений анализируются в рецензируемых работах двух японских ученых-международников. Они являются интересными в том отношении, что содержат в определенной степени различные подходы, хотя имеется и немало сходных оценок тех или иных явлений.

Если в работе Х. Ханан главным образом рассматриваются центробежные тенденции двусторонних отношений, и автор нескрывает своей серьезной озабоченности их негативными последствиями для японо-американского союза, то в центре анализа книги Т. Оби —

¹ См.: В. М. Алексеев. Китайская народная картина: Духовная жизнь старого Китая в народных изображениях.— М., 1966.

² In: Chinese popular prints.— Leningrad, 1988.

факторы (прежде всего экономического характера), способствующие сближению США и Японии, что приводит к экономической интеграции и, более того, обуславливает, по мнению автора, неизбежность наступления эпохи доминирования в мире этих двух гигантов.

Исходным моментом в работе Х. Ханан является возможный сценарий такого развития японо-американских отношений, когда их чрезвычайное обострение может привести к ликвидации союза между Японией и США. Важнейшим фактором при этом может явиться, по мнению автора, нарастание противоречий именно в сфере военного сотрудничества между двумя странами, которая до недавнего времени многими советскими исследователями относилась к наиболее благополучной области двусторонних отношений. Если к торговым трениям между Японией и США, считает автор, добавятся трения в области обороны как следствие требований со стороны американцев о наращивании военных усилий Японии, то в связи с тем, что у последней в военной сфере имеются различного рода ограничения, это еще больше может осложнить японо-американские отношения.

Х. Ханан обращает внимание на то, что давление на Японию со стороны США одновременно и в торговой, и в оборонной областях уже имело место в 1982 г., когда японо-американские отношения резко ухудшились. Это был, по мнению японского исследователя, самый кризисный период в японо-американских отношениях после войны. Тогда же профессор Гарвардского университета Майкл Нахарт, являющийся одной из ключевых фигур в разработке американской стратегии, написал сценарий «японо-американской катастрофы», который привлек к себе большое внимание специалистов в Японии и США. В изложении Х. Ханан, который, судя по всему, разделяет этот сценарий, он выглядит следующим образом.

1 акт. Требования США о наращивании военных усилий Японии игнорируются последней, что приводит к негативной реакции со стороны американцев.

2 акт. Постоянное положительное сальдо

Японии в торговле с Соединенными Штатами вызывает недовольство последних, следствием чего является ограничение японского импорта. В свою очередь, это провоцирует ответные меры со стороны Японии.

3 акт. Возникают японо-американские психологические трения, выливающиеся в разрыв отношений между двумя странами.

4 акт. Следует уведомление о ликвидации японо-американского договора безопасности.

Таким образом, заключает автор монографии, структура японо-американских трений состоит из трех «б» (начальные буквы японских слов «бэй» — оборона, «бэки» — торговля, «бунка» — культура), которые тесно переплетены между собой. В 1982 г. трения начались с области обороны, потом переместились в область торговли и затем дошли до сферы культуры или психологии. Такая структура японо-американских трений, по мнению Х. Ханая, сохранилась и в настоящее время. Изменилось лишь направление их действия: от торговых трений к оборонным и далее к психологическим. Кроме того, торговые трения стали толковаться более широко и включать в себя трения в области финансов и технологии.

Рассматривая вероятность реализации указанного сценария, Х. Ханая высказывает традиционную среди японских буржуазных политологов точку зрения о том, что в случае ликвидации японо-американского договора безопасности Япония лишилась бы экономической основы, была бы потрясена психологически и стала бы, дескать, нестабильным государством перед лицом СССР, имеющим подавляющее военное превосходство. Однако он отмечает, что, по мнению большинства японцев и американцев, расторжение японо-американского договора безопасности бессмысленно, и этого не произойдет. Тем не менее, считает Ханая, в 1982 г. события развивались по сценарию Нахарта, действие дошло тогда до второй половины 3-го акта и остановилось перед заключительным 4-м актом.

В 1982 г., пишет Х. Ханая, между японцами и американцами стали проявляться взаимное непонимание, недоверие и т. п., к этому добавился национализм и вспыхнула ожесточенная психологическая война. Классическим примером обострения эмоционального противостояния двух стран явилось дело о японском шпionaже в фирме IBM в июле того года. В том, что развитие японо-американских отношений не пошло тогда по сценарию Нахарта, автор монографии усматривает заслугу Я. Накасонэ, который, став премьер-министром в 1982 г., предпринял ряд энергичных усилий по урегулированию этих отношений и дело дошло даже до установления между ним и президентом Рейганом доверительных личных отношений «Рон-Ясу».

Исключая возможность ликвидации японо-американского договора безопасности в ближайшем будущем, Х. Ханая в своей работе

все же делает попытку проанализировать гипотетические последствия этого акта для Японии. Прежде всего, пишет он, в день объявления о ликвидации договора японский рынок ценных бумаг придет в хаос и будет закрыт. Что касается международных финансов, то США, а также западноевропейские страны в качестве средства возмездия заморозят японские зарубежные активы, вследствие чего разрушительным фактором для Японии станет невозможность торговых расчетов, которые почти полностью основаны на долларах, и к тому же 90 % из них осуществляется в Нью-Йорке. Таким образом, японская экономика будет прежде всего потрясена в финансовой области.

Далее. Хотя Япония и является в настоящее время страной — экспортером высокой технологии, однако, как подмечает японский ученый, эта технология в основном базируется на лицензиях и патентах, полученных в США (роботы, стерео-, видео- и другая электронная техника, лазеры, волоконная оптика и т. д.). А поскольку в предполагаемой ситуации прекратится поступление американских патентов и лицензий, то и «торговому наступлению» скорее всего придет конец. Кроме того, сферы патентования в Японии и США часто совпадают, что предвещает трения и столкновения между двумя странами в области технологии. В связи с тем, что патенты через какое-то время воплощаются в промышленные изделия, японо-американская война в области технологии неизбежно приведет к дальнейшему обострению торговой войны.

Большое внимание в монографии Х. Ханая уделяется торгово-экономическим отношениям между Японией и США — центральному звену нынешнего этапа противоречий между ними. Их особенность заключается в том, что если раньше торговые трения между двумя странами носили характер конфликтов в области экспорта отдельных видов японских товаров на американский рынок (текстиль, сталь, автомобили, цветные телевизоры и т. д.), то с начала 80-х годов трения приобрели комплексный характер, что осложняет пути их разрешения. Начиная с 1985 г., Японией и США были предприняты энергичные шаги в области финансов, направленные на снижение курса доллара по отношению к иене с целью выправления крупного дефицита США в двусторонней торговле. Были предприняты также согласованные меры в рамках семи ведущих капиталистических стран, однако они не дали результата и несбалансированность японо-американской торговли продолжала расти.

Со своей стороны Т. Оби, анализируя японо-американские торгово-экономические противоречия, критически оценивает деятельность Я. Накасонэ по их урегулированию. Он отмечает, что администрация Накасонэ, которая завоевала себе авторитет за счет усиления связей в США, вынуждена была

безоговорочно принять все требования со стороны американцев и в качестве платы за поддержание личных дружественных отношений «Рон-Ясу» неоднократно делала уступки Соединенным Штатам в политической сфере, однако выправление торгового дисбаланса, которое было самым важным требованием администрации Рейгана, и особенно расширение импорта американских товаров не состоялось, а дефицит в торговле США с Японией достиг самого высокого за всю историю уровня.

Так же, как и Х. Ханай, Т. Оби считает, что технологическая война в будущем станет главной сферой японо-американских противоречий, и оценивает запрет Соединенных Штатов на продажу американской компании «Фэячайлд» японской фирме «Фудзицу» как превентивную меру в предвидении того, что в скором времени между двумя странами начнется война в сфере высоких технологий.

Вместе с тем, в отличие от Х. Ханай, при рассмотрении японо-американских торгово-экономических противоречий Т. Оби делает акцент на глубинных процессах усиления экономической взаимозависимости между двумя странами. Так, он подчеркивает сильный крен Японии в ее внешнеэкономических связях с сторону США, на долю которых сейчас приходится около 40 % внешнеторгового оборота Японии и 50 % всей суммы японских зарубежных капиталовложений.

Анализируя положение в связи с активным проникновением японского капитала на рынок США, Т. Оби указывает на двойственность подхода к этому явлению со стороны американцев. С одной стороны, не утихает критика Японии в конгрессе, отражая позиции американских крупных компаний и профсоюзов. Японцев обвиняют в том, что они в основном создают сборочные предприятия; ключевые посты в компаниях, созданных с участием японского капитала, монополизированы самими японцами; японские предприниматели неохотно принимают на работу членов профсоюзов; как правило, в США вторгаются группы родственных японских предприятий.

В то же время выстраиваются очереди желающих работать на японских предприятиях, создаваемых в США. Власти штатов во главе с губернаторами пытаются заинтересовать японских предпринимателей. Каждый год свыше 20 американских губернаторов посещают Японию, а в дополнение к 3000 офисов американских компаний в Токио открыты представительства 35 штатов из 50, первейшая задача которых — содействие экспорту японского капитала в США. В свою очередь это облегчает получение информации об экономической конъюнктуре в США перед осуществлением капиталовложений там японскими компаниями. Тесные связи Японии и США в области торговли и капиталовложений дают японскому исследовате-

лю основания говорить о тенденции к интеграции экономик двух стран.

Говоря об истоках нынешних японо-американских экономических трений, и Х. Ханай, и Т. Оби сходятся во мнении, что фундаментальной причиной является снижающаяся роль в мире США как ведущей экономической державы, ослабление позиций ее промышленности, превращение страны в должника с отрицательным сальдо торгового баланса и, наоборот, усиление роли Японии, превратившейся в крупнейшего в мире кредитора и имеющей огромное положительное сальдо во внешней торговле, то есть, другими словами, неравномерность развития двух ведущих капиталистических государств, выражавшаяся в изменении соотношения их экономической мощи.

Оба автора в своих работах уделяют большое внимание различным явлениям интраполитического, культурного, психологического, пропагандистского характера, связанным с японо-американскими противоречиями или испытывающим их влияние. Так, они подчеркивают, что центром нападков на Японию с американской стороны является конгресс. Например, Ханай указывает на то, что ликом единодушное принятие 92 голосами в сенате США в марте 1985 г. резолюции, призывающей к санкциям возмездия против Японии. В то же время, пишет японский ученый, американская серьезная пресса продемонстрировала более взвешенный подход, утверждая, что дело не в Японии, а в недостатках экономики самих США, в том числе в слабости усилий американских компаний по продвижению своих товаров на японский рынок, более низком качестве их товаров и т. п.

Однако, в отличие от ведущих американских газет, ряд изданий и телекомпаний раздувают тезис о «желтой опасности», выдвигают лозунги типа «не забудем Перл-Харбор» и др. Японские же средства массовой информации, передавая эти антияпонские высказывания, разжигают антиамериканские настроения в Японии. Проблема эта носит серьезный характер, тем более что важную причину психологических трений автор усматривает в существовании расовых предрассудков американцев в отношении японцев. Все это не может не сказаться и на положении проживающих в США американцев японского происхождения, среди которых есть даже конгрессмены и губернаторы, а многие добились успехов на поприще бизнеса. Однако они редко занимаются лоббистской деятельностью в пользу Японии, так как опасаются осложнения своего положения в американском обществе. Ухудшение японо-американских отношений, как об этом свидетельствуют сами американцы японского происхождения, насчитывающие около 700 тыс. человек, вызывает усиление расовых предрассудков.

В монографии Х. Ханай говорится, что если японо-американские психологические трения достигнут уровня уже имеющихся в области

обороны и экономики, то ликвидировать их будет уже невозможно. Поэтому, дескать, необходимо расширять культурные связи между двумя странами. В противном случае, если даже не произойдет расторжения японо-американского договора безопасности, неизбежно выхолащивание отношений между Японией и США.

Со своей стороны Т. Оби высказывает точку зрения о том, что роль «дипломатики конгресса» в японо-американских отношениях и впредь будет возрастать. В связи с этим он отмечает, что сколько бы японские бюрократы ни старались, посещая США, уладить конфликты между двумя странами, их возможности ограничены, так как в сущности проблемы торговли держат в своих руках конгрессмены. В условиях, когда прямые контакты членов японского правительства с конгрессом затруднены, автор рекомендует действовать через членов японского парламента, развивать связи ЛДП с конгрессом, а также отношения ЛДП с демократической и республиканской партиями США.

Политика Я. Накасонэ фокусировалась на всемерном сотрудничестве с Белым домом. Однако сейчас политическая атмосфера японо-американских отношений изменилась, и важнейшей задачей японского премьер-министра, по мнению Оби, является налаживание эффективных контактов с тремя политическими институтами США: президентом, конгрессом и кандидатами на пост президента от обеих партий. Что касается последних, то автор анализирует предвыборные программы кандидатов на пост президента в США начиная с 60-х годов и приходит к выводу, что в 1988 г. отношение к Японии стало одним из ключевых моментов в борьбе претендентов на президентское кресло.

Тем не менее, судя по всему, сложившаяся практика личных контактов между японским премьер-министром и президентом США и впредь останется важным каналом урегулирования двусторонних отношений. В этом плане небезынтересен анализ японо-американских отношений через призму встреч в верхах, который дается в работе Х. Ханаи. Первая такая встреча состоялась в 1945 г. (Ёсида — Эйзенхауэр). В 50-е годы состоялось всего две встречи руководителей обеих стран, а затем они проводились по нарастающей: в 60-е годы — 6 встреч, в 70-е — 11, а после 1972 г. стали ежегодными. Сложилась своеобразная традиция, когда вновь назначенный премьер-министр Японии совершает свою первую зарубежную поездку непременно в США. Автор видит в таких встречах высшее проявление дипломатии, которая, как он считает, должна базироваться на принципе «дай и возьми».

Оба автора рассматриваемых работ единомышленны в своих критических оценках роли японской бюрократии в японо-американских отношениях. Бюрократия, по мнению Х. Ханаи, является мощным препятствием на пути либерализации японского рынка. Много-

численные так называемые невидимые барьеры (сложные таможенные формальности, чрезмерные стандарты безопасности и т. д.) — все это, считает автор, действия японских бюрократов, которые пресекают все попытки США проникнуть на японский рынок. Подвергается критике и японский МИД, который, как пишет Х. Ханаи, не понимает сущности японо-американских трений и не предпринимает достаточно усилий к их разрешению в силу бюрократического характера этого учреждения.

В свою очередь Т. Оби многие трудности японо-американских отношений видит на счет межведомственной борьбы между МВТП, МИД и другими учреждениями, причастными к внешнеполитическим и внешнеэкономическим отношениям. Он также критикует японскую бюрократию, которая, как он считает, не знает достаточно хорошо обстановку в США и не может предсказать их поведение в отношении Японии.

Размышляя о путях решения проблем японо-американских отношений, давая оценку перспективам их развития, оба японских ученых приходят к выводу о том, что возможности урегулирования торгово-экономических трений на двусторонней основе близки к пределу и теперь требуется более широкий международный подход. Так, Т. Оби утверждает, что внутренние проблемы, с которыми в настоящее время сталкиваются Япония и США, необходимо решать в рамках мировой экономики.

Примечательным является единство взглядов двух ученых на идею создания японо-американской зоны свободной торговли как средство разрешения экономических противоречий, существующих между Японией и США, и вывода их отношений на новый качественный уровень. Более развернуто эта идея изложена в работе Х. Ханаи, который отмечает, что ее активно продвигают американцы, в том числе бывший посол в Японии М. Мэнсфилд, ученый-экономист В. Леонтьев и др.

Х. Ханаи считает наиболее реалистичным среди других проект такой зоны, выдвинутый ученым Н. Намики из Японского центра по изучению экономики. По мысли Намики, японо-американская зона свободной торговли должна быть создана по типу Европейской ассоциации свободной торговли. Вместе с тем, по его мнению, в отличие от Западной Европы, в японо-американской зоне свободной торговли не следует допускать принцип свободы передвижения капитала и рабочей силы, а также осуществлять макроэкономическое регулирование, поскольку здесь интересы Японии и США сильно расходятся. На первом этапе создания зоны японский ученый рекомендует ограничиться взаимным упразднением въездных виз, а также таможенных квот и пошлин.

На втором этапе, по его замыслу, было бы желательно сделать шаг в направлении валютного союза «иена-доллар» и восстано-

вить между ними фиксированный паритет. Затем, полагает Намики, можно было бы объединиться с Европейской валютной системой и восстановить систему фиксированных паритетов между валютами Японии, США и Западной Европы, что обеспечит нормальные условия для предпринимательской деятельности в этих странах.

Х. Ханай считает, однако, что создание зоны свободной торговли представляет серьезную угрозу для азиатских НИС и стран АСЕАН и может резко осложнить отношения с ними Японии и США. Выход автор видит в том, чтобы постепенно трансформировать двусторонний японо-американский экономический союз в Азиатско-тихоокеанское сообщество. В этой связи большое внимание в Японии и за рубежом привлекла выдвинутая Я. Накасоне идея о том, что для развития азиатско-тихоокеанского региона неизбежно еще более тесное сотрудничество Японии и США и поэтому эти две страны должны-де взять на себя «тихоокеанскую инициативу». Более конкретное воплощение эта идея нашла в предложенной Накасоне концепции «Тихоокеанского форума экономического и культурного сотрудничества», объединяющего развитие страны, НИС и развивающиеся страны региона — своего рода тихоокеанская ОЭСР.

Отмечая тенденцию перемещения центра мировой торговли из района Атлантического океана в Тихий океан, Х. Ханай считает, что будь то японо-американское или тихоокеанское сообщество, примером для них может послужить Европейское экономическое сообщество. Тихоокеанское сообщество должно, по его мнению, пройти в своем развитии четыре стадии. Сначала оно будет сформировано из Японии, США, Канады, Австралии, Новой Зеландии, на второй стадии расширится до Южной Кореи, Тайваня, Гонконга, Сингапура и других НИС, на третьей стадии включит АСЕАН. На четвертой стадии участниками этой организации могут стать КНР и СССР. Остановившись на трудностях подключения последних к этому процессу, Х. Ханай все же не исключает такой возможности в отдаленном будущем, принимая во внимание «процесс их модернизации» с включением элементов «системы свободной торговли».

Необходимость рассматривать будущее японо-американских отношений через призму сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе, в котором наблюдается быстрый экономический рост и идут интеграционные процессы, подчеркивает и Оби. Им обращается внимание на определяющее влияние на развитие этого региона отношений между Японией и США, на которые в совокупности приходится 75 % ВНП АТР. Важной представляется оценка перспектив эпохи АТР с точки зрения изменения соотношения экономической мощи между двумя странами в пользу Японии.

Оба автора едины в том, что в настоящее время, когда на Японию и США приходится 40 % мирового ВНП, трения между ними неизбежны, однако они расходятся в оценке их влияния на дальнейшее развитие отношений между двумя крупнейшими капиталистическими странами. Х. Ханай склонен более драматически оценивать их сложность и серьезность. Он даже утверждает, что сейчас в японо-американских отношениях сложилась опасная обстановка, которая напоминает ему ситуацию накануне выхода Японии из Лиги Наций и начала Тихоокеанской войны. Т. Оби настроен более оптимистично и делает вывод о том, что в мире закончилась эпоха «Пакс Американа» с ее единоличным господством США и наступает новая эпоха — «G-2», в которой, сотрудничая между собой, главенствующую роль будут играть два гиганта — Япония и США. Он поясняет, что эпоха «G-2» не означает, что Япония превзойдет США. И в XXI веке США по своей совокупной мощи будут оставаться самым сильным государством. Однако неизбежным является относительное снижение их положения в мировом сообществе, в связи с чем изменится и распределение ролей между Японией и США. Ему вторит Х. Ханай, который, подчеркивая мысль о возросшей международной ответственности Японии, утверждает, что наступило время, когда в международных делах Япония не может больше оставаться простым «наблюдателем», а превращается «из зрителя в игрока».

В. КИСТАНОВ

А. ЖЕЛОХОВЦЕВ

В условиях реформ китайская литература впервые столкнулась с немскаженным [политическими предрассудками] волеизъявлением читательской массы. Прежде успех литературного произведения определялся его соответствием очередным злободневным политическим установкам; эти установки бывали часто совершенно правильными, случалось им бывать и совершенно неправильными, во всяком случае, таковыми их признавали спустя, как правило, незначительный срок. Достаточно вспомнить, что настал день, когда все сделанное в литературе КНР за первые семнадцать лет существования народной республики было отнесено к «черной линии» и объявлено неверным. А ведь в историческом масштабе семнадцать лет — не такой уж и долгий срок. От писателей требовалось обязательное соответствие произведений политическим лозунгам, к чему привыкли и писатели, и читатели; появление книги в свет определялось ее идеологическими, а не литературными качествами; популярность книги обеспечивалась средствами массовой информации или даже обязательной программой политучебы.

Нынешние реформы в Китае принесли с собой значительную самостоятельность издательств в выборе рукописей для издания. Политический фактор перестал быть решающим в художественной литературе, зато издатели попали под новый, прежде неведомый им финансовый пресс. Реформа потребовала от издательства рентабельности и лишила надежд на дотации. От книг потребовалась прибыль — как условие самого существования предприятия. Прибыль в книгоиздательском деле обеспечивает прежде всего тираж, но по-настоящему массовый, доходный тираж — это книжный рынок, это массовый спрос. Итак, не политзаказ, а массовый спрос превратился в новых условиях в определяющий издательскую политику фактор.

Сказанное выше не следует понимать как полное исчезновение политического критерия, определяющего успех литературного произведения. Просто требования последнего десятилетия стали настолько широкими, что и классическая и современная литературы получили свободный от рогаток выход на книжный рынок КНР. Если говорить о литературе китайской, то исчезли преграды для издания многих произведений республиканского периода Миньго (1911—1949), которые ранее не переиздавались в силу тех или иных связей авторов с Гоминьданом или Японией. Получили права гражданства и произведения, написанные в эмиграции, и литература писателей-эмигрантов, живущих в странах Азии, Америки и Европы. Наибольшее воздействие в связи с «открытыми дверями» в культуре оказала внутри КНР литература Гонконга (Сянган) и Тайваня.

Мировая литература, как по мановению волшебного жезла, сделалась доступной китайскому читателю, и для китайской интеллигенции в невообразимо короткий исторический срок — буквально два-три года! — герметическая замкнутость и голодный паек сменились настоящим духовным пиршеством. Переводить и печатать стало можно все: и Ницше, и Джойса, и Толстого, и Горького. Парадоксально, что собрание сочинений Горького в китайском переводе оказалось более полным, чем Горький, изданный на русском языке в СССР.

Свобода творчества в КНР декларировалась официально. И все же впервые в китайской истории большая половина книжного рынка была захвачена литературой переводной либо зарубежной китаеязычной. Это обусловлено спросом читательской массы, которая все с большим интересом, откровеннее стремилась заглянуть за Китайскую стену.

Однако полностью оторвать литературный процесс от политической жизни страны никогда никому и нигде не удавалось. И в КНР периодически и сегодня возникают случаи не литературной, а политической критики деятельности того или иного писателя за отдельные произведения. Любой случай такого рода неизбежно влияет отрицательно на литературную общественность, вызывая в лучшем случае бурную реакцию, а в худшем — порождая пассивность или творческое молчание автора, что случилось и с публицистом Лю Биньянем в январе 1986 г., после чего он на два года замолчал. Новый его очерк появился только в декабрьском номере «Жэньминь вэньсюэ» в 1988 г., причем, к чести писателя, надо сказать, что по своей социальной заостренности этот очерк значительно сильнее прежних.

Желоховцев Алексей Николаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник ИДВ АН СССР, автор нескольких книг и многих статей по литературе и искусству Китая.

Своеобразно отношение в Китае к сексу. Китайская литература отнюдь не лишена эротических описаний и не чурается половой жизни; а вот общественная атмосфера такова, что классический роман «Цветы сливы в золотой вазе, или Цзинь, Пин, Мэй» опубликовать массовым тиражом на родине пока не удается, хотя эта книга по своей культурной значимости может сравниться с европейским «Декамероном». На Тайване, в Гонконге и у нас (с сокращениями) она уже издана.

Итак, новый открытый книжный рынок по сравнению с прошлым вызывает опасения авторов и издателей лишь с двух сторон: чрезмерной остротой социальной критики или боязнью обвинения в издании порнографии. Все остальное — в печать и на продажу! И тут оказалось, что читательский вкус, диктующий спрос, далеко не столь воспитан и не так литературен, как бы хотелось самим китайцам.

Тревоги критики небезосновательны. Многие годы она твердила о доступности новой, народной современной литературы; призывала писателей обращаться к массам по заранее выработанным рецептам; брала на себя функцию непререкаемого наставника в качестве всевидящего. Действительность обернулась иной стороной. Массовый читатель, получив право на выбор книжки покупки, проявил те же вкусы и потребности, что и рядовой китаец Гонконга или Тайваня, как бы демонстрируя свой абсолютный иммунитет к назойливой критической общественной проповеди, десятилетиями воспитывавшей его вкус, но, увы, так и не воспитавшей его.

Новая общественная ситуация в КНР помогла выявить существование двойной шкалы литературных оценок писателей: мнимой, признанной восхваленной литературной критикой; и подлинной, признанной широким читателем. Для литературной критики началась пора отрезвления от собственного дурмана. Так, вдруг обнаружилось, что современный читатель предпочитает творчество Лао Шэ, которое ему просто-напросто понятнее в сравнении с великим и прославленным Лу Синем, слишком тесно привязанным к давно отошедшим двадцатым-тридцатым годам. Для китайской литературной критики это было тяжелым, отрезвляющим потрясением.

Как горячие пирожки, стали расхватывать с книжных лотков и тележек частных торговцев переизданные романы авторов Гонконга и Тайваня, имена которых в печати КНР или вообще никогда не упоминались, или отзывались о них пренебрежительно, сквозь зубы, характеризуя обидными словами: «ремесленничество», «литературная поденщина», «серийная продукция» — или последним модным критическим словечком «поп-литература» (хорошо еще, что не «поп-макулатура»).

Сначала с большим аппетитом, как после голодухи, китайцы накинулись на приключенческую литературу, поглощая ее в несметном количестве: романы о подвигах силачей, рыцарей, борцов за справедливость, повстанцев и... разбойников. Увлечение искреннее, наивное, по-детски прямодушное, но понятное после царившей в литературе скуки. Затем взяло верх так называемое «женское чтение», знакомое многим странам мира: простенькие по сюжету романы с обязательным счастливым браком в конце и картинками мещански-идеальной обеспеченности. Молодежь по таким романам училась ухаживать друг за другом, потому что главное в них — подробный ритуал свиданий, прогулок, телефонных звонков, писем, объяснений, встреч.

Что же касается китайской интеллигенции, особенно новой, молодой, складывающейся и формирующейся, то в условиях реформ она набросилась на переводную иностранную литературу, которая раньше была для нее плодом запретным. Восемьдесятые годы в НРК оказались периодом активного освоения культурного наследия, накопленного человечеством. Можно надеяться, что это увлечение приведет современную китайскую литературу к желанному качественному обновлению. Сейчас китайская литературно-критическая мысль занята нащупыванием пути, подбором методов и критериев для будущего литературного творчества.

Вот о чем пишут сегодня в еженедельной литературной газете «Веньи бао» критики Дун Лэшань и Ту Байюй.

ПОХОТЬ И ПАТРИОТИЗМ

Дун Лэшань

На книжном рынке одна горячка сменяет другую: после повального увлечения рыцарскими приключениями и романтическими историями на уличных лотках теперь бойко пошла иностранная беллетристика эротического содержания; хотя еще о настоящей эротической горячке говорить рановато, но об этом явлении уже заговорили люди самого разного общественного положения. У меня на этот счет есть свои мысли, и я не найду покоя, пока не выскажусь.

Во-первых, я полагаю, что причина того, что одна горячка сменяет другую — отрывка запретов на культуру за несколько последних десятилетий. Поскольку общество состоит из людей разных социальных слоев, то их образование и вкусы не могут не быть различными, причем они еще варьируются в зависимости от возраста, начитанности и просвещенности. Это — общая закономерность, которая применима везде и всюду — и в Китае, и за границей, и в древности, и в современности. Среди читателей всегда находятся такие, кто любит увлекательное чтение, причем иногда таких оказывается подавляющее большинство, чем и могут объясняться тиражи увлекательного

читава. Ни в какой другой как в нашей стране, за последние несколько десятилетий широкий читатель был лишен права выбора книг для чтения (одна-две приключенческие книжки типа «Снежных просторов таиги» не способны удовлетворить спрос на приключенческую литературу), потому что, как только была провозглашена открытая политика со свободным доступом и появилась возможность читать произведения Цзинь Юна и Лян Юйшэна, тут же вспыхнула горячка вокруг приключенческой литературы. Сбыт литературы любовно-сентиментальной и о героях-подростках типа Сань Мао тоже хотя бы частично обусловлен тем, что часть читателей изголодалась по любовной беллетристике с непрерывным счастливым браком в финале и семейным счастьем. Как только минует этот отскок назад, одна горячка за другой отмирает естественным образом, и на книжном рынке снова идет разнообразная литература, отвечающая нормальным запросам читателей из разных слоев. Надо только, чтобы в этих книжках не господствовало нездоровое содержание, поскольку никакое разовое административное вмешательство не оказывается эффективным в долгосрочном плане.

Что же касается эротической беллетристики и литературы с эротическим содержанием, то дело здесь обстоит еще сложнее, и потому особенно необходим тонкий анализ и научный подход. Прежде всего надо различать грань между чисто эротической беллетристикой и непременными для литературного произведения описаниями половой жизни — а это дело не такое уж и легкое. Если подойти к нему неверно, то получится по поговорке: у городских ворот начался пожар, а пострадала даже рыба в пруду.

Сегодня, наверно, уже нет таких, кто называл бы «Декамерон» пошлой эротикой. Однако «Любовник леди Четтерлей» и сегодня кое-где остается запретной книгой, хотя в Англии и Америке запрет на нее давно снят. Могут сказать, что это связано с «освобождением» сексуальных представлений в западных странах, тогда как в нашей стране ситуация иная, и нельзя брать с них пример.

Раз уж заговорили о ситуации в стране, отметим, что это очень абстрактное понятие, и какое в него вкладывается содержание, я до сих пор, сколько ни жую, разжевать не могу. Может, хотят подчеркнуть, что китайцы не такие бесстыдно-развратные и нагло-распущенные, как люди с Запада? Тем не менее, мы имеем такое национальное достояние, как «Цветы сливы в золотой вазе» или «Утехи плоти», в которых содержится все: ничего не пропущено, а кое-что подано даже с перебором. А может, хотят сказать, что у китайцев имеется традиция ритуальных церемоний и морально-этической добродетели? В этой традиции, боюсь, еще предстоит разобраться специалистам по истории китайской культуры, чтобы понять, сколько в ней возвышенного благородства, а сколько подавляющих и калечащих человеческую натуру феодальных суеверий, привнесенных догматикой при династиях Мин и Цин. Эта традиция все больше напоминает мне двух старых господ — Гао и Фэна — из романа «Семья», которые, стоя одной ногой в гробу, брали себе юных наложниц, а своим молодым внукам не позволяли грамотно любить. Уж если рассуждать о ситуации в стране, то прежде всего надо бороться с подобного рода лженравственностью.

В других странах издателям запрещается публиковать, скажем, порнографические издания. В нашей же стране некоторые подобные издания выпускаются государственными издательствами и печатаются даже в таких государственных типографиях, которые действуют под руководством партии. Вот о чем всем нам следует задуматься. Что за причины побуждают эти издательства в огромных количествах печатать порнографическую литературу, которая вредна для душевного и телесного здоровья молодежи? Одной из причин могут быть просчеты в административном руководстве, точно так же, как возникают административные прорехи и в других сферах хозяйствования. Все это означает идеологическую и организационную неподготовленность к побочным явлениям проведения в жизнь политики открытости. Уж если не сумели предвидеть заранее и предотвратить беду, то надо сразу же латать прорехи, не затягивая дела. Говорят, соответствующие органы обратили наконец внимание на регулирование книжного рынка и начали пресекать публикацию порнографии.

Но есть и более значимые, более глубокие причины, чем просто административные упущения.

Кризис перенасыщения в издательском деле начался не сегодня. Многие люди старшего поколения и самые дальновидные давно предупреждали, что определение книг к изданию независимыми книгоиздателями — главная причина того, что сегодня книгоиздательское дело зашло в тупик. Долгое время этот вопрос не находил решения. Когда книгоиздательство зависит от предпринимателя, делается многое на потребу публики — у автобиографического шедевра «Записки» Екатерины II, например, меняют название на «Развратная императрица» (из опасения, что в противном случае число подписчиков не превысит тысячи).

Вопрос вот в чем: неужели книгоиздательское дело ведется только ради прибыли? Если социальная и экономическая эффективность не совпадают, что из двух важнее и значимее? Надо тем, кто планирует, глубоко и серьезно задуматься. Иначе получается, что, с одной стороны, с издательство требуют прибыли, а с другой — запрещают им издавать самые доходные издания. Так что возникает прямой зажим дохода, который и пытаются обойти любым обходным путем. В общем, нужна хорошая лошадка, а кормить ее — неохота.

Уже много лет работаю я литературным редактором и сам сочинил немало литературных произведений, а все-таки до сего дня и не понимаю, что же такое литература. Стыдно, просто стыдно. В литературных кругах ежегодно кипит полемика; о чем только они не спорят, но я не слишком близко к сердцу принимаю все, что меня лично не затрагивает, и прислушиваюсь только тогда, когда заходит речь о литературе, потому что не могу не задумываться. Иначе ничего как следует не отредактируешь и ничего хорошего сам не напишешь.

Журналы, которые мы редактируем, называют частенько «чистой литературой». Другие журналы получили иное название: «поп-литература». Я редактор журнала чистой литературы! Вот чему можно искренне порадоваться, но радость проходит, и становится смешно. Я же сам не знаю, в чем заключается чистота нашего журнала. Даже золото никогда не бывает чисто червонным, человек также не бывает абсолютно совершенным, а вот литература — не чудо ли? — бывает чистой! В прошлом году в нашей редакции произошло ЧП: один автор сунул одну и ту же рукопись одновременно в две редакции, так что опубликовался дважды почти одновременно. Мы разобиделись, однако в прошлом году еще не было закона об авторском праве, и обида так и осталась только обидой. Особенно досадно, что один экземпляр рукописи оказался в нашем журнале таковой чистой литературы, а другой экземпляр приняли в журнальчик поп-литературы. Мы напечатали для своих читателей это произведение неприглядно малым тиражом, а журнальчик поп-литературы тиснул тираж в несколько сот тысяч экземпляров! Вулгарное имеет больший успех, чем чистая литература, — разве это не удивительно? Но еще удивительнее, что принципы отбора произведений для нашей чистой литературы и для поп-литературы совпали сами собой. Означает ли это поругание чистой литературы? Или, напротив, возвышение поп-литературы?

Где же, в конце концов, проходит разграничительная линия между чистой литературой и поп-литературой? Мне непонятно. Если сказать, что все определяется большим тиражом и что поп-литература способен воспринять самый широкий читатель, подойдет ли такое определение? Литература не является литературой для литераторов, она обращена к народным массам, и это справедливо как для литературы чистой, так и для поп-литературы. Я думаю, что не существует такой редакции, которая, составляя номер журнала, стремилась бы к тому, чтобы читателей было как можно меньше. Если же утверждать, что произведения относятся к поп-литературе и по своему содержанию — женщины и любовь, боевые поединки и убийства, — то придется заново переоценивать литературную значимость «Сна в красном тереме» и «Речных заводей», а такие, как «Женщина — половинка мужчины» и «Красный гаолян», придется изгнать из чистой литературы на скотный двор.

Литература подразделяется на чистую и поп- потому, что читающие ее люди чрезвычайно разнообразны по запросам, устремлениям и требованиям, а литератор — раб читателя, он не может не подлаживаться под требования хозяина. Но считать ли чистоту качеством драгоценным и возвышающим, а доступность — принижющим, я не знаю. Я знаю, что понятие чистоты пришло из «Книги песен», из ее одической поэзии, однокорневой с народными песнями, но во множестве историй китайской литературы ее помещают ниже народных песен, так где же тут особая возвышенность? В чем особая ценность? Если так обстоит дело с корнями понятия, если таков источник его происхождения, то почему же сегодня все вверх дном перевернулось? Этот перевертыш в среде простого народа не произошел, народу нету дела, стоит ли на произведении клеймо чистоты или же оно отнесено к поп-литературе; народ так же не интересуется, какой процент чистоты в том или ином произведении; народ просто покупает и читает то, что ему по вкусу, и не платит своих денег за то, что ему не по вкусу. Знаменитые люди говаривали, что популярное не обязательно хорошо. Но разве для литературы нехорошо, если она нравится народу? Нельзя же все-таки смотреть на миллионы людей как на глупцов Адоу!

Литературу я подразделяю на три типа: сюжетную, характерную и эмоциональную. Если конкретно говорить о художественной прозе, то она делится на романы сюжетные, романы характеров и сентиментальные. В сюжетном романе главным литературным приемом является повествование о перипетиях, главным является нанизывание эпизодов, как в «Путешествии на Запад». Роман характеров ставит себе главной литературной целью создание и толкование человеческих характеров. У него есть сюжет, эпизоды, психологические описания, но и сюжет, и действия, и психологические описания показывают развитие человеческих характеров, служат пунктиром для обозначения фаз этого развития. Развитие характеров или линия развития характеров — вот главное для романа характеров. Своеобразие эмоционального романа в том, что он делает главным в произведении эмоциональные переживания. В этом нет ничего нового, множество лирических стихотворений и лирической прозы насквозь пронизано эмоциями. Поскольку закономерности эмоциональных переживаний сравнительно сложны, даже всеобъемлющи, такие романы (вроде психологических романов или потока сознания и т. п.) не слишком легкое чтение; даже в литературных кругах кое-кто считает их слишком «темными». Эмоциональные романы необязательно бессюжетные,

в них необязательно отсутствуют характеры, однако автор отодвигает сюжет и характеры персонажей на задний план, в основном используя их в качестве фона для эмоций.

Только все три типа романов никогда не были чистыми, они взаимно проникали друг в друга; например, «Путешествие на Запад» чисто сюжетный роман, но и образы героев в нем очень яркие, а «Речные заводы» относятся к роману характеров, но сюжетная линия в нем очень четкая; «Троецарствие» можно читать как историю в образах, однако такие герои, как Чжунгэ Лян и Гуань Юй, написаны так, что оставляют в людях неизгладимое впечатление. Может быть, среди четырех шедевров китайского классического романа «Сон в красном тереме» окажется чистым романом характеров? Но в нем присутствует сильная эмоционально-синтиментальная окраска. Жаль, что в китайском классическом романе, кроме нескольких отдельных отрывков и немногих мест, написанных по законам эмоционального романа, нет ни одного произведения, которое в чистом виде можно было бы отнести к эмоциональному роману. А почему? Я чувствую, что это связано с привычным восприятием прекрасного китайцами.

Китайцы любят сюжет. У сказителя острый язык да ударный барабанчик — к нему сразу же и сбегается толпа народу, а затем собирается много дней подряд и слушает, как зачарованная или опьяненная. Сюжет привлекает сердце людей. Литературные достоинства произведений великого мастера литературы господина Лу Синя очень высоки, но коэффициент посещаемости кинофильмов — экранизаций его произведений гораздо ниже, чем у «Монастыря Шаолинь». Проблема, на мой взгляд, в сюжете: напряженный он или нет.

Если задуматься, то журналы так называемой чистой литературы главным образом посвящены литературе характеров и эмоций, а так называемая поп-литература в преобладающем большинстве является сюжетной литературой. Это различие не такое уж и большое, но в глазах массового читателя именно оно определяет приверженность ей. Поэтому среди литературной общественности находится немало таких, кто возмущен подобной несправедливостью и без конца муссирует вопрос, чистое или не чистое то или иное произведение, изысканное оно или нет. Я полагаю, что здесь не следует раздувать страсти, а гораздо лучше позаботиться о читателе и писать такие произведения, которые нравятся массам. Что плохого в том, чтобы творить в китайском духе и в китайской манере?

Долгое время я не мог сам определиться в литературе: если писать чистую литературу, то читатель такие произведения не покупает; если же писать сюжетную литературу, то меня начнут бранить. Но нельзя же возвращаться домой, взгромоздив себе ишака на плечи! Вот так жизнь частенько загоняет человека в безвыходное положение.

Сюжет захватывает читателя, но, чтобы взволновать его, нужны также и сильные эмоции — пресный пересказ сюжета никакого смысла не имеет; зато имеет смысл помочь народу извлечь из сюжета глубокое, скрытое в нем содержание, соприкасающееся с философией. Вот почему я думаю пойти по третьему пути: приемами чистой литературы писать произведения с острым, напряженным сюжетом.

• • •

Ту Байю выразил здесь не только свое субъективное, но, вероятно, распространенное в редакторско-издательской среде Китая общее мнение. Его тезис «приемами чистой литературы писать произведения с острым напряженным сюжетом» рожден здравым смыслом. Иначе каким же образом китайское литературное произведение сможет выдержать на прилавке конкуренцию соблазнительной переводной продукции или же импортированной с Тайваня и Гонконга художественной литературы? Ведь для массового читателя КНР эта литература сохраняет в какой-то мере привлекательность запретного плода: а вдруг ее в один прекрасный день снова запретят и изымут из продажи? Надо успеть почитать, пока не поздно, — такова логика многих покупателей, у которых не так уж много наличных юаней на покупку книг.

Привлечь общественное внимание к своему творчеству в условиях книжного изобилия очень нелегко. Нужен талант, нужна реклама, нужна, наконец, особая специфика литературного дарования, чтобы успех пришел не когда-нибудь, а именно сегодня. Идея Ту Байю об остром сюжете, между прочим, ничуть не роняет ни достоинства писателя, ни качества произведения. История литературы, и китайской и зарубежной, знавала такие периоды, даже целые эпохи литературного творчества, когда сюжетная напряженность была необходимым условием общественного внимания. Классический пример тому — творчество зрелого Достоевского в русской литературе. Писатель не скрывал, что черпал сюжеты и эпизоды из газетной хроники, его роман «Преступление и наказание» имеет черты и детектива, и уголовного романа, хотя никому, я надеюсь, не придет в голову ограничивать значение классического романа Достоевского уголовной хроникой и детективным расследованием преступления, которые послужили писателю лишь канвой для создания философского романа борьбы идей.

Наконец, разве одно из последних произведений Л. Н. Толстого «Живой труп» не является остросюжетным и к тому же заимствованным из подлинной судебной хроники его времени? Действительность рассуждения Ту Байю подкрепляется тем обстоятельством, что его принцип претворяется в жизнь. Наиболее удобный пример — вхождение в литературу молодых писа-

телей. В январе 1990 г. «Вэньи бао» рассказала о творчестве Шэн Ли в рубрике «Новые люди в литературе». Само название написанной Мао Шианем статьи «Незаурядное начало» говорит о том, что работу молодого писателя оценивают сейчас в КНР положительно.

Молодой писатель начинал как очеркист. Его дебют — очерк «(414) привлечет внимание всего мира» — первое подробное описание шанхайской резиденции Мао Цзэдуна. Открытый рассказ о ней был воспринят тогда китайской литературной общественностью как символ — символ реформы и политики открытости. По мнению критика Мао Шианя, молодому очеркисту удалось в документальном описании выразить характерные личностные черты Мао Цзэдуна, передать читателю «Индивидуальность и характер великого человека» («Вэньи бао», 13 января 1990 г.). Этот очерк имел литературный успех: премия «Мэнья» для молодых авторов, многочисленные перепечатки в периодике целиком или в отрывках, быстрая распродажа журналов с публикацией. Получилось, что общественно-острая тема при явном литературном успехе разделил также и коммерческий успех.

Очеркист с опытом репортерской работы Шэн Ли постепенно переходит к литературе вымысла, начинает писать рассказы, а не остродокументальные очерки. Может быть, это и есть наилучший путь для молодых литературных сил в наше время? Репортерский опыт определил, на наш взгляд, и особенность творческого выбора молодого писателя. Ему больше всего импонируют «маленькие люди больших городов», по меткому выражению критика Мао Шианя.

Герои рассказов Шэн Ли — умирающий от рака больной; сидящий в углу городской чайной хозяинчик частного «ломбарда» (хотя сам термин «ломбард» вряд ли приложим к принимающему в заклад старьевщику, у которого все-то помещение — угол чужой чайной); женщина-сексот из одноименного рассказа; ожидающий работу молодой парень — стрелок (а попросту говоря, безработный). Об этом немного пишут в современной китайской литературе — это «уголки» жизни, но там тоже люди живут, там тоже есть и гуманность, и человечность, и движения души. Трагические ситуации присутствуют в творчестве Шэн Ли с самого первого его рассказа «Решение — гибель» («Сыван цзе»), когда в борьбе за получение должности сопернику устраивают ложный диагноз ракового заболевания. Автор добивается резкого контраста между интригами здоровых, рвущихся к доходам людей и человечностью раковых больных, казалось бы обреченных на гибель, среди которых благодаря ложному диагнозу оказывается герой рассказа. Больные и умирающие, оказывается, вовсе не ожесточились и не озлобились до той степени, которая связана с борьбой за должность и место под солнцем. Критик Мао Шиань восхищается оптимизмом, взаимной поддержкой и справедливостью во взаимоотношениях этих людей, обреченных на гибель, но способных на подлинную человечность, даже на романтическую любовь. По мнению критика, в творчестве молодого писателя присутствует пастораль — чистая и возвышенная песнь о романтической любви, которая по закону контрастности сочетается с резкими, графически четкими, безжалостно реалистическими картинками жестоких бытовых ситуаций.

Наиболее характерное произведение писателя, представляющее его вкус и манеру, — повесть «Женщина-сексот» («Нюй ми цзин»). Это история молодой женщины Ян Юйин, которая, выйдя замуж за человека, замешанного в преступной деятельности, главаря банды, стала бороться с собственным мужем. Ян Юйин не способна любить своего мужа-противника, у нее появляется любовник Ван Юшэн — повесть сочетает в себе черты сентиментализма романтической истории с детективно-приключенческим жанром. «Я часто вспоминал классические городские повести хуабэнь», — высказывает свое впечатление от прочитанного Мао Шиань.

Это действительно полузабытая литераторами — но не читателями! — китайская литературная традиция, восходящая по крайней мере еще к сунской династии, то есть тысячелетняя. Разве не лежит в обращении ко всему жизненному в национальной традиции ключ к симпатиям массового китайского читателя? И разве китайские народные сказители, исполнявшие на ярмарках и рынках народные повести для увеселения толпы не знали, чем привлечь внимание китайцев к себе?

Трагичные судьбы героев Шэн Ли тоже характерны для нынешнего переломного времени, переживаемого китайской литературой, ищущей себе опору и дорогу в новых, постоянно меняющихся общественных условиях. Писатели обращаются сейчас к любому литературному опыту — и древности и современности, и Запада и Востока, и отечественному и зарубежному, — как бы примеряясь на новый читательский вкус, спрашивая свою аудиторию: пойдет или не пойдет? Довольны ли вы, читатели?.. И такой путь для литературы 90-х годов, безусловно, будет найден, хотя и нельзя еще категорически утверждать, что это будет манера Шэн Ли, уж очень она индивидуальна и своеобразна.

Успех Шэн Ли скорее свидетельствует о том, что яркая творческая личность, индивидуальность манеры, отсутствие общих описаний — вот что привлекательно сейчас для читающей общественности КНР. Описывая современность с гуманистическим взглядом на окружающий мир и населяющих его людей, какими бы малыми они не казались, можно всегда найти верную дорогу к сердцам и чувствам китайцев, обрести массового читателя, используя собственные, лучшие традиции китайской литературы.

Японская диаспора в Америке

И. САВЕЛЬЕВ

10 июня 1990 г. на президентских выборах в Перу победил Альберто Фухимори, сын японских иммигрантов. Выпускник сельскохозяйственного университета Лимы, он учился затем во Франции и США, пять лет возглавлял родной университет. Как всякий перуанец владеет испанским, так у любого переселенца из Японии родной язык — японский, но Альберто Фухимори в совершенстве знает также английский и французский языки. Он был выдвинут кандидатом в президенты независимой политической группировкой технической интеллигенции и мелкой буржуазии «Перемены-90». Фухимори выступает за радикальные изменения во многих сферах жизни страны. Президентом Перу избран японец, хотя они составляют менее 0,3 % населения страны. Это стало событием в многолетней истории существования японских общин за рубежом.

Начало переселения японцев за границу хронологически совпадает с буржуазной революцией, известной в японской истории как «реставрация Мейдзи», свершившейся в 1868 г. После 250 лет самоизоляции в Японии бурно начали развиваться капиталистические отношения, внешние связи. Практически сразу началась эмиграция. В том же 1868 г. английское судно доставило 148 японцев из Иокогамы на Гавайи. Агенты гавайской компании по найму рабочей силы нашли этих людей прямо на улицах Иокогамы и практически навязали им подписание контрактов. Половина условий договоров была скрыта от японцев, в том числе и положение о том, что за разрыв контракта «работника можно арестовать и посадить в тюрьму»¹. Однако японские газеты, узнав об этом, подняли кампанию в защиту оказавшихся в бесправном положении сограждан. В результате эмиграция была запрещена.

Однако в ходе буржуазных преобразований и аграрной реформы в деревне многие тысячи японских крестьян остались без земли и средств к существованию. Несмотря на бурный рост промышленности, не все из них могли получить рабочие места. Европейские страны еще в XVIII в. решали эту проблему за счет эмиграции рабочей силы в Америку, Австралию, в свои колонии. По этому же пути была вынуждена пойти и Япония, поскольку процесс обезземеливания крестьян развивался как лавина. С другой стороны, были и желающие заполучить японские рабочие руки. Американский континент хронически нуждался в трудовой силе. В США осваивались западные территории — предприниматели в тихоокеанских штатах и на Гавайях расширяли сахарные плантации. Ставшие в 20-е годы XIX в. независимыми южноамериканские республики стремились заселить огромные свободные земли и превратить их в промышленно развитые районы. Правительствам стран Америки было очень выгодно набирать рабочих именно в Азии, так как оттуда их было ближе доставлять на тихоокеанское побережье. Кроме того, жившие в условиях страшной нищеты выходцы из азиатских стран были согласны на перевозку через океан в трюмах судов, совершенно не приспособленных для размещения людей.

К 1880 г. из Китая в Америку выехало более 110 тыс. человек. Готовые выполнять любую работу и жить в бесчеловечных, по европейским меркам, условиях, они очень скоро стали опасными конкурентами для эмигрантов из Европы. В 1882 г. в США был издан закон, запретивший въезд китайцам. В результате внимание привлекла возможность «ввоза» японцев. После ряда переговоров по этому вопросу правительство Страны восходящего солнца в 1884 г. разрешило выезд жителей из страны. С этого момента оно взяло в свои руки эмиграцию и стало направлять ее в нужное для Японии русло — планировались перспективы развития эмиграции, изучались и проводились в жизнь меры по облегчению адаптации японских эмигрантов за рубежом. Уже в том же 1884 г. появилась первая государственная компания по эмиграции «Канрицу имин сосики», к 1903 г. их было уже 28². В 1886 г. была подписана японо-гавайская конвенция по иммиграции, определившая статус японцев на Гавайях,

а уже через 10 лет они стали самой многочисленной национальной группой на островах.

Захват в 1898 г. Соединенными Штатами Гавайев и Филиппин неоднозначно сказался на переселении японцев. С одной стороны, был как бы перерезан налаженный путь выезда из Японии за рубеж, а следовательно, правительство страны было вынуждено искать новые территории для поселения своих граждан. С другой — *иссэи* (так по-японски называют тех, кто родился в Японии, но живет за границей, буквально — первое поколение) самостоятельно по одиночке потянулись с этих островов на континент — в США и Канаду, где условия труда были лучше, а его оплата выше. Когда этот процесс стал массовым, японские власти поспешили взять его под свой контроль, помогли объединять переехавших в религиозные общества и землячества, тесно связанные с посольствами и консульствами Японии.

Поиск новых путей переселения завершился решением разрешить отъезд японцев в Перу и Мексику — эти страны предлагали принять эмигрантов из Страны восходящего солнца еще в 70-х годах XIX в. 28 февраля 1899 г. первые 800 *иссэев* прибыли из города Кобэ в Кальяо (Перу). Их ждал тяжелый труд на плантациях, незнакомый язык и чуждый им быт.

Большая часть японцев в эти годы стремилась выехать в более богатые североамериканские страны. В США и Канаде *иссэи* работали садовниками, домашней прислугой, создавали сельскохозяйственные кооперативы, те, кто мог, открывали мелкие лавки, заведения сферы услуг. Японец, решивший открыть собственное дело, мог получить ссуду от землячества, от действовавших при них финансовых обществ *таномосико*, которые помогали и в случае затруднений. Сложилась отлаженная система приема и трудоустройства переселенцев в стране иммиграции. «По тихоокеанскому побережью быстро распространилась сеть частных гостиниц, хозяевами которых были *иссэи*, являвшиеся в то же время и подрядчиками рабочей силы»³. Они были посредниками между вновь прибывшими эмигрантами, нуждающимися в работе, и владельцами ферм, ищущими наемных рабочих. При заключении контрактов подрядчики подыскивали японцам наиболее высокооплачиваемые места и следили за соблюдением их прав нанимателями. Высокая конкурентоспособность японцев и как трудолюбивых работников, и как удачливых бизнесменов вызвала страх и неприязнь и, как следствие, открытые нападки «старой» европейской иммиграции. Кульминацией выражения этого недовольства, в нагнетании которого участвовали и профсоюзные объединения («Американская федерация труда», «Канадский конгресс труда»), и представители власти (например, калифорнийский губернатор Г. Гейдж), стали погромы японцев в Сан-Франциско и Ванкувере. Правительство Японии пыталось защитить своих граждан, но в конце концов было вынуждено заключить с Канадой (1907) и США (1908) так называемые «джентльменские соглашения» и дало обязательство не выдавать визы на выезд в эти страны. Поэтому все больше пароходов с японскими эмигрантами стало приходиться в южноамериканские порты. В апреле 1908 г. 766 *иссэев* высадилось в Сан-Паулу (Бразилия)⁴.

Расселение японцев по всему тихоокеанскому побережью обеих Америк — а оседали они преимущественно в наиболее индустриально развитых районах — сталкивалось с недовольством местного населения. Укрепление позиций японских общин, поддерживаемых Токио, и усиление мощи быстро развивающейся азиатской державы пугали американские государства. США издали закон, установивший для японских эмигрантов мизерную квоту на въезд. В Коста-Рике, Колумбии, Перу и ряде других латиноамериканских республик въезд рабочих из стран Азии был формально разрешен, но со многими оговорками и ограничениями. Из-за них переселенцы из Азии лишались возможности заработать средства даже на нищенское существование. Японское правительство, заинтересованное в продолжении эмиграции, провело тщательное исследование и в 1924 г. приняло решение: основной поток переселенцев направить в Бразилию. Учтя полувековой опыт эмиграции, Токио поставил этот процесс на качественно новую основу. Был создан Банк колонизации, финансировавший подготовку и перевозку *иссэев*. Появившаяся в результате слияния пяти агентств по эмиграции компания «Кайгай когэ кабусики кайся» с 1920 г. стала единственной фирмой, занимавшейся переселением японцев. Ежегодно она получала по 100—250 тыс. иен в качестве дотаций государства, что в те годы представляло значительные суммы. 40 представителей фирмы ездили по стране, пропагандируя жизнь в Бразилии. Только в 1930 г. они прочитали 267 лекций на эту тему с демонстрацией рекламных фильмов⁵. В специальных подготовительных центрах будущих эмигрантов обучали иностранным языкам, знакомили с обы-

чаями, историей и географией страны иммиграции, давали навыки по предполагаемой будущей специальности. В результате к 1930 г. только в Бразилию этой фирмой было отправлено 73 тыс. человек, которые основали ряд поселений в штатах Сан-Паулу и Минас-Жерайс. Помимо этого, две финансовые группы, Миоцука и Канэгафуги, взяли в концессию 2,5 млн. акров земли для выращивания каучука, хлопка и других культур руками переселенцев из Японии⁶. И содействие правительства эмиграции, и концессии имели целью обеспечить поставки сырья, которого не хватало в Стране восходящего солнца.

Тяжелым испытанием для японской эмиграции стала вторая мировая война. Уже с 1908 г. права японцев, живших в США и Канаде, начали всячески ограничиваться. В 1913 г. в США был принят Земельный закон для иностранцев, лишивший *иссэев* права обладать землей, а закон 1917 г. лишил этого права и их детей, родившихся в США и имевших американское гражданство. Но это было ничто в сравнении с решением президента США от 19 февраля 1942 г. заключить всех американских японцев в концлагеря. В общей сложности в таких лагерях побывало более 110 тыс. японцев⁷. В Перу, Мексике, Бразилии и многих других странах региона анти-японская кампания, поднятая прессой, вызвала националистические выступления и создание специальных правительственных комиссий для проверки лояльности иммигрантов.

Несмотря на это, японцы продолжали жить в государствах Американского континента, не выказывая никаких признаков неповиновения. Многие японские семьи уже имели детей, которые, с одной стороны, воспитывались в традициях своей далекой родины (некоторые даже на несколько лет ездили учиться в Японию), а с другой — ходили со своими местными сверстниками в школы и с детства привыкали к трудноусваиваемому для их родителей западному миру. Часто *иссэи* за много лет жизни в Америке так и не могли выучить английский или испанский язык. Поэтому дети — *нисэи* (второе поколение) — были теми мостиками, которые связывали *иссэев* с местным обществом. На плечи *нисэев* прежде всех японцев и легли тяготы второй мировой войны. Именно их арестовывали в США и Канаде сразу после нападения на Пёрл-Харбор, поскольку они составляли наиболее дееспособную часть населения японских общин. Но среди *нисэев* были и люди, преданные стране, где они жили. 442 подразделения ВС США, сражавшихся на втором фронте в Италии, были сформированы из гавайских японцев⁸.

После окончания войны эмиграция возобновилась. За 1952—1960 гг. из Страны восходящего солнца уехало на постоянное жительство за рубеж 44 тыс. человек, из них 36 тыс. поселилось в Бразилии. Если в начале века японцы за границей работали преимущественно в сельском хозяйстве или выполняли неквалифицированную работу в других отраслях, то послевоенные эмигранты — в основном техническая интеллигенция — рассчитывали найти в чужой стране более высокую зарплату и лучшие условия жизни, чем на родине.

В настоящее время отток японцев за рубеж практически прекратился. Исключение составляют родственники третьего и четвертого поколения эмигрантов. С начала 60-х годов стремительные темпы промышленного роста в самой Японии потребовали больших людских ресурсов. Сейчас, когда Япония стала одной из богатейших стран мира, наметилась тенденция возвращения потомков японских эмигрантов на родину. Однако в ряде стран сложились большие общины переселенцев из Японии. Эти образования на территории Бразилии (800 тыс.), США (600 тыс.), Перу (60 тыс.), Канады (35 тыс.), Аргентины (25 тыс.) и ряда других стран превратились в частички Японии за рубежом, сохранившие ее традиции, быт, язык. Японцы трудно поддаются ассимиляции. Например, в 1931 г., то есть, через 40 лет после появления первых *иссэев* в Канаде, они были единственной этнической группой, в которой абсолютно все дети говорили на родном языке. Во многом это связано и с другой особенностью жизни японцев в Америке: почти все браки заключаются внутри общины — в том же году в Канаде 99,3 % японцев было женато на японках⁹.

Сохранение родного языка, сбережение японской семьи как среды воспитания молодого поколения в традициях родины отцов спасло японских эмигрантов от утери национального облика в отличие от того, как это случилось со многими европейскими эмигрантами в Америке. Японцы на чужбине сохранили свою традиционную культуру и быт, справляют синтоистские и буддийские праздники. Это помогает им чувствовать себя частью единой японской нации.

Однако японские общины не просто замкнутые этнические образования на территории других стран, они активно участвуют в их жизни.

С начала 20-х годов, когда японские семьи прочно обосновались в странах Американского континента, и по сегодняшний день они вносят свой вклад в экономический расцвет этих стран. Исторически сложилось так, что японские эмигранты оказались тесно связаны с сельским хозяйством. Перед второй мировой войной *нисэй*, обрабатывая лишь 3,9 % земельной площади Калифорнии, поставляли на рынки этого штата 50—90 % томатов, огурцов, капусты, артишоков, шпината и перца. А в конце 70-х годов бразильские японцы владели 5,8 млн. га сельскохозяйственных угодий (в Японии площадь обрабатываемой земли 5 млн. га) и поставляли на рынок страны всю капусту, салат, помидоры, 90 % арбузов, 60 % бананов, мандаринов, яблок и других фруктов¹⁰. Но и в других сферах жизни японцы активны, в том числе и в политической. В 1972 г. они занимали три места в Федеральной ассамблее Бразилии и семь мест в законодательных собраниях штатов. И наконец, в результате трехмесячной избирательной кампании президентом Перу стал *нисэй*.

Все это принимают в расчет внешнеполитические и экономические ведомства Японии, строя свои отношения с теми странами, где живут эмигранты. Видный японский политический деятель М. Охира, будучи министром внешней торговли и промышленности, отмечал, что «японская торговля с такими американскими штатами, как Калифорния, Вашингтон или Гавайские острова, превышает объем торговли с любой европейской страной»¹¹. Именно в этих трех штатах живет 75 % японских эмигрантов в США, и они оказывают существенное влияние на развитие экономических связей между двумя странами. Во-первых, в настоящее время некоторые потомки переселенцев из Японии стали видными бизнесменами и политическими деятелями. В США они объединены в общество «Нисэй лобби», которое возглавляет сын японских иммигрантов Майк Масаока. Его цель — расположить американских сенаторов и бизнесменов к развитию экономических связей с Японией. Клиентами корпорации являются такие промышленные гиганты, как «Тоёта», «Сумитомо» и др.¹² Во-вторых, представители японского этнического меньшинства в США владеют 17 837 фирмами с годовым доходом в 1 млрд. долл.¹³ и налаживают прямые связи с компаниями Японии. В-третьих, последние привлекают на работу в свои филиалы в США и других странах в первую очередь иммигрантов, владеющих японским и государственным языком страны, где находится дочерняя фирма. На телевизионном заводе «Сони» в Сан-Диего (Калифорния) 30 % рабочих — японцы.

В результате широкомасштабной экономической экспансии Японии шок для простых американцев, как пишет газета «Сякай симпо», стала покупка корпорацией «Мицубиси» достопримечательности Манхэттена — Центра Рокфеллера, так же как и приобретение компанией «Сони» кинофирмы «Каламбия пикчерс»¹⁴. Привольно себя чувствуют японцы на Гавайях: здесь им принадлежат доходные земельные участки, пляжи, гостиницы, рестораны и многое другое. Их соотечественники стали и основными туристами.

Более миллиона японцев живет в Латинской Америке. Их присутствие помогает решить многие задачи Японии в этом регионе. После двух «нефтяных шоков», 1973—1974 гг. и 1980 г., внимание экономистов в Японии было сосредоточено на создании долгосрочной государственной стратегии в области обеспечения страны сырьем и топливом, которая строилась бы с учетом международно-политических проблем. Суть ее в том, чтобы ослабить привязанность Японии к нескольким отдельным странам, в первую очередь к США, и максимально расширить круг своих торговых партнеров. Одним из примеров осуществления так называемой многополюсной дипломатии «*такеку гайко*» явился «бразильский бум» 1973 г. Колония японских переселенцев стала проводником экономической стратегии Японии в Бразилии — ведь руководители землячеств непосредственно связаны с посольствами и консульствами Страны восходящего солнца. В результате, если в 1972 г. Япония по объему инвестиций в экономику Бразилии занимала шестое место, то в 1974 г. — второе (после США). Не обходят вниманием своих соотечественников в Бразилии и высокопоставленные лица Японии. Осенью 1974 г. тогдашний премьер-министр Японии К. Танака, встретившись с 3 тыс. бразильцев японского происхождения, сказал: «Бразилия станет великой страной в ближайшем будущем, и я хочу, чтобы вы стали истинными бразильцами, но с японской душой»¹⁵. И действительно, иммигранты из Японии и их потомки по-прежнему в душе считают себя подданными японского императора и выполняют все наставления Эмиграционного совета, который специально разрабатывает возможности максимального привлечения японцев, живущих

в Латинской Америке, к работе в филиалах японских фирм, к сопровождению и обслуживанию туристов из Японии, к поставкам сельскохозяйственных продуктов на бывшую родину.

Японское правительство, поддерживая тесные связи с общинами японцев в Северной и Южной Америке, активно использует их для развития связей Японии со странами этого региона. Потомки эмигрантов из Японии выдвинулись на различные государственные посты и являются руководителями крупных предприятий. Вершиной этого выдвижения стал «феномен Фухимори», первого японца, избранного президентом другой страны.

Ни одна страна мира не уделяет такого внимания соотечественникам, живущим за рубежом, как Япония. Может быть, в этом отношении Япония станет примером и для Советского Союза, который после 70 лет непризнания эмигрантов сейчас впервые обратился к ним лицом.

¹ Daniels R. The politics of prejudice: the anti-Japanese movement in California and the struggle for Japanese exclusion.— Berkley and Los Angeles, 1962.— P. 4.

² Treat P. J. Diplomatic relations between the United States and Japan. 1985—1905.— London, 1985.— P. 170.

³ Daniel R. Op. cit.— P. 7.

⁴ Сококу-наки нихондзин-но айкокусин=Патриотизм японцев без родины.— Осака, 1981.— С. 217.

⁵ Normano J. F., Jerby A. The Japanese in South America.— N. Y., 1943.— P. 27.

⁶ Ibid.— P. 26.

⁷ Broom L., Kitsuse J. I. The managed casualty. The Japanese — American Family in World War II.— Berkley and Los Angeles, 1956.— P. 10, 14.

⁸ Сококу-наки нихондзин-но айкокусин.— С. 135.

⁹ Берзина М. Я. Формирование этнического состава населения Канады.— М., 1971.— С. 39.

¹⁰ Сококу-наки нихондзин-но айкокусин.— С. 218.

¹¹ Цит. по: Петров Д. В. Япония в мировой политике.— М., 1973.— С. 127.

¹² Севастьянов Е. П., Корсакова Н. Е. Позолоченное гетто=Очерки о жизни в США эмигрантов из Китая, Кореи и Японии.— М., 1983.— С. 158.

¹³ Commerce Today.— 1975.— 31 Mar.— P. 19.

¹⁴ Сякай симпо.— 1989.— 15 декабря.

¹⁵ Цит. по: Кистанов В. О. Проникновение японских монополий в Бразилию // Ежегодник Япония. 1976.— М., 1977.— С. 158.

Сдано в набор 2.04.91

Печать офсетная. Гарнитура таймс: усл. печ. л. 19,5. Бумага офсетная. Уч. издат. л. 24,87.

Тираж 14585 экз. Заказ 565. Цена 1 р. 40 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Прогресс» Государственного комитета Совета Министров СССР по делам печати 119817. ГСП, Москва, Г-21, Зубовский бульвар, 17.

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский полиграфический комбинат

Государственного комитета СССР по печати
142300, г. Чехов Московской области

80-летие В. И. ГОРЕЛОВА

4 апреля 1991 г. исполнилось 80 лет видному советскому китаеведу, заслуженному деятелю науки РСФСР, доктору филологических наук, профессору Владимиру Ивановичу Горелову.

60 лет жизни отдал В. И. Горелов научной, педагогической и практической деятельности в области китаеведения. Неутомимый исследователь, внимательный педагог и воспитатель, большой труженик — таков облик этого крупного ученого, посвятившего себя делу изучения языка и культуры великого китайского народа.

Получив уникальную возможность изучать китайский язык в Харбине, в средней школе для детей граждан СССР, В. И. Горелов затем экстерном окончил в 1941 г. Московский институт востоковедения и навсегда связал свою жизнь с китайской филологией.

32 года отдал В. И. Горелов преподавательской деятельности в Московском государственном институте международных отношений, из которых 23 заведовал кафедрой китайского языка и языков стран Юго-Восточной Азии. Под его руководством воспитывалось не одно поколение специалистов-филологов. Высокая требовательность к себе и товарищам по работе, огромное трудолюбие и целеустремленность, научная добросовестность и фундаментальность знаний снискали В. И. Горелову заслуженное уважение среди ученых и преподавателей.

Много сил отдал В. И. Горелов научно-практической деятельности. Свыше 15 лет он являлся членом Президиума Ученого методического совета, председателем Комиссии по вопросам преподавания китайского языка в средней школе при Министерстве просвещения СССР. Десять лет В. И. Горелов был членом специализированных советов по языкознанию Института стран Азии и Африки при МГУ им. М. В. Ломоносова и Института востоковедения АН СССР. Со дня основания В. И. Горелов является членом Правления Всесоюзной ассоциации китаеведов.

В. И. Горелов принимал активное участие в работе ряда международных конгрессов востоковедов и лингвистов.

Советское государство высоко оценило научную и педагогическую деятельность В. И. Горелова. Он награжден орденами Дружбы народов, Красной Звезды, «Знак Почета», десятью правительственными медалями; ему присвоено звание Заслуженного деятеля науки РСФСР.

Коллеги и ученики В. И. Горелова, его друзья и соратники, редколлегия журнала «Проблемы Дальнего Востока» сердечно поздравляют Владимира Ивановича со славным юбилеем и желают ему крепкого здоровья, новых творческих свершений на ниве советской науки.